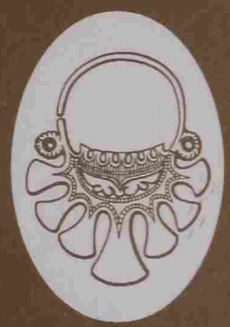
ISSN 0869-6063

Номер 4

Октябрь - Ноябрь - Декабрь
2004

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



http://www.maik.ru

"НАУКА"

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2004

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
В.В. Седов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство "Наука"

© Российская академия наук, 2004 г.
© Редколлегия журнала "Российская археология" (составитель), 2004 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2004

Валентин Васильевич Седов

Чернецов А. В. 5

Локальные особенности периодизации культуры
с ямочно-гребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье (проблемы методики)
Цетлин Ю. Б. 8

Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы:
результаты и проблемы исследований
Черных Е. Н., Орловская Л. Б. 24

Святилище Шилда, культовый памятник из Кахетии (Грузия)
Майсурадзе В. Г., Инанишвили Г. В. 38

Алакульская и федоровская культуры в лесостепном Зауралье:
проблемы взаимодействия
Стефанов В. И., Корочкова О. Н. 52

Керамика Аркаима: опыт типологии
Малютина Т. С., Зданович Г. Б. 67

Археологические памятники эпох Юань и Минь в Забайкалье и Приамурье (XIII–XV вв.)
Артемьев А. Р. 83

Дискуссии

Модели трансформации культуры: от оседлых земледельцев
к скотоводам (Триполье и курганные культуры)
Кол Ф. Л. 95

Феномен зольников белогрудовского типа
Гершкович Я. П. 104

Публикации

Забытая находка из Черноозерского могильника
Стефанов В. И. 114

Бронзовые антропоморфные фигурки с памятника Вёкса в Вологодской области
Недомолкина Н. Г., Суворов А. В. 119

Биметаллический нож из собрания Краснодарского музея
Вальчак С. Б., Пьянков А. В., Хачатурова Е. А., Эрлих В. Р. 124

Средневековые ременные украшения из коллекции ГИМ
(проблемы атрибуции, датировки, интерпретации)
Король Г. Г., Конькова Л. В. 126

Средневековые ключи и замки из Московского Кремля
(по данным археологических исследований)
Колызин А. М. 135

История науки

Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла
Кузьминых С. В. 142

Из истории переписки О.Н. Бадера с учеными Москвы и Ленинграда (1946–1954 гг.)
Мельникова О. М. 151

Критика и библиография

А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.Н. Зенин, С.В. Лещинский, Е.Н. Мащенко. "Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково". Новосибирск, 2003
Васильев С. А. 159

Eero Autio. Kotkat, Hirvet, Karhut: Permiläistä pronssitaidetta. Jyväskylä, 2000
Кузьминых С. В. 160

Ш.А. Рахмонов. Тавка (к истории древних таможенных сооружений Узбекистана). Ташкент, 2001
Соловьев В. С. 161

Н.Н. Крадин, С.В. Данилов, П.Б. Коновалов "Социальная структура хунну Забайкалья". Владивосток, 2004
Васютин С. А. 163

Ken Dark. Byzantine Pottery. Stround, 2001
Коваль В. Ю. 166

Хроника

Всероссийская научная конференция "Человек в пространстве древних культур" (музей-заповедник "Аркаим", 2003)
Зданович Д. Г. 171

I Конгресс международной ассоциации исследователей древнего освещения (Женева–Нион, 2003)
Журавлев Д. В. 175

Вторая всероссийская научная конференция "Экология древних и современных обществ"
Матвеева Н. П., Лбова Л. В. 177

Круглый стол "Археология и геоинформатика" (Москва, 2004)
Коробов Д. С. 180

Памяти Маи Павловны Абрамовой
Козенкова В. И., Багаев М. Х. 182

Анна Ивановна Мелюкова
Коллектив авторов 186

Дмитрий Сергеевич Раевский
Коллектив авторов 187

Ad memoriam
Коробов Д. С. 188

Перечень изданий с участием сотрудников ИА РАН в 2003 г.
Дэвлет Е. Г. 189

Авторский указатель тома за 2004 г. 190

Сдано в набор 12.07.2004 г. Подписано к печати 13.09.2004 г. Формат бумаги 60 × 88 1/8
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 23.5 тыс. Уч.-изд. л. 25.7 Бум. л. 12.0
Тираж 963 экз. Зак. 8717

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 4, 2004

Valentin Vasilyevich Sedov

Chernetsov A. V. 5

Local features in periodization of the culture of pit-and-comb pottery on the upper Volga (problems of method)
Tsetlin Yu. B. 8

Radiocarbon chronology of the Copper Age cultures of Southeastern Europe: The results and problems of investigations
Chernykh E. N., Orlovskaya L. B. 24

The sanctuary Shilda – a cultic site in Kakheti, Georgia
Maisuradze V. G., Inanishvili G. V. 38

Alakul and Fedorovka cultures in the forest-steppe zone east from the Urals: The problems of interaction
Stefanov V. I., Korochkova O. N. 52

Pottery from Arkaim: an attempt of typology
Malyutina T. S., Zdanovich G. B. 67

Archaeological sites of Yuan and Ming epochs in Transbaikalia and the Amur basin
Artem'ev A. R. 83

Discussions

Modelling cultural transformations: From settled agriculture to mobile herding (Tripol'ye and Early Kurgan communities)
Kohl Ph. L. 95

The phenomenon of Belogrudovka-type cinder-heaps
Gershkovich Ya. P. 104

Publications

A forgotten find from the cemetery Chernoozer'e
Stefanov V. I. 114

Bronze anthropomorphic figurines from the site Vyoksa, Vologda region
Nedomolkina N. G., Suvorov A. V. 119

A bimetallic knife from the collection of the Krasnodar museum
Valchak S. B., P'yankov A. V., Khachaturova E. A., Erlikh V. R. 124

Medievae strap decorations from collection of the State Historic Museum (the problems of attribution, chronology and interpretation)
Korol G. G., Kon'kova L. V. 126

Medieval keys and locks from the Moscow Kremlin
Kolyzin A. M. 135

History of science

Otto Nikolaevich Bader and the national archaeology of the Early Metal period
Kuzminykh S. V. 142

The history of N.O. Bader's correspondence with the scientists from Moscow and Leningrad (1946–1954)
Mel'nikova O. M. 151

Critics and bibliography

Derevyanko A.P., Molodin V.I., Zenin V.N., Leshchinsky S.V., Mashchenko E.N. The Late Palaeolithic findspot Shestakovo. Novosibirsk, 2003
Vasil'ev S. A. 159

Eero Autio. Kotkat, Hirvet, Karhut: Permilaista pronssitaidetta. Jyvaskyla, 2000
Kuzminykh S. V. 160

Rakhmonov Sh.A. Tavka (concerning the history of early custom-houses in Uzbekistan). Tashkent, 2001
Solov'ev V. S. 161

Kradin N.N., Danilov S.V., Konovalov P.B. Social structure of the Hsyunnu in Transbaikalia. Vladivostok, 2004
Vasyutin S. A. 163

Ken Dark. Byzantine Pottery. Stround, 2001
Koval V. Yu. 166

Chronicle

Man in the space of ancient cultures. All-Russian scientific conference, state-protected museum Arkaim, 2003
Zdanovich D. G. 171

I Congress of International Association of ancient lighting. Switzerland, 2003
Zhuravlev D. V. 175

Second All-Russian scientific conference "Ecology of ancient and modern societies"
Matveeva N. P., Lbova L. V. 177

Round table "Archaeology and geo-informatics", Moscow, 2004
Korobov D. S. 180

In memory of Maya Pavlovna Abramova
Kozenkova V. I., Bagaev M. Kh. 182

Anna Ivanovna Melyukova
Group of authors 186

Dmitrij Sergeevich Raevsky
Group of authors 187

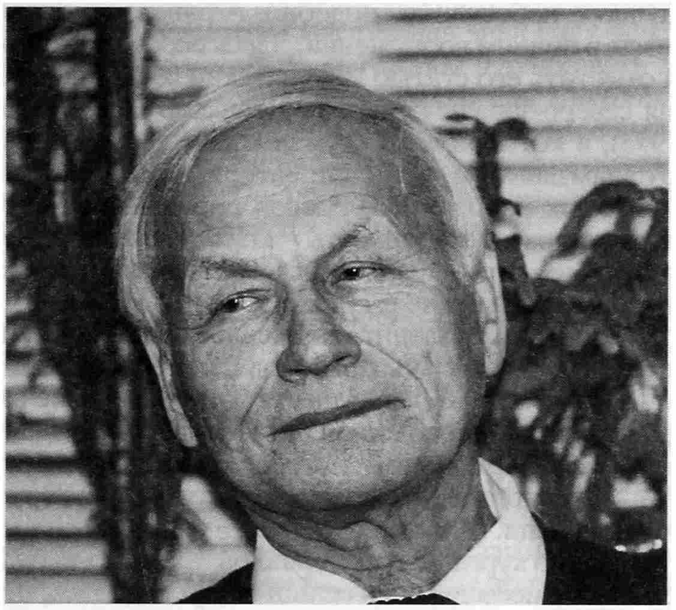
Ad memoriam
Korobov D. S. 188

Books published in the Institute of Archaeology, RAS, in 2003
Devlet E. G. 189

Index of authors of 2004 190

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 5–7

ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ СЕДОВ



В ночь с 4 на 5 октября 2004 г., после тяжелой болезни, скончался выдающийся русский ученый-славист, член Редакционного совета журнала "Российская археология", академик Валентин Васильевич Седов.

Валентин Васильевич – создатель современной концепции этнической истории славянства, ученый мирового класса, признанный лидер археологов-славистов России. Исключительная эрудиция и трудолюбие, выдающиеся организаторские и педагогические способности позволяли В.В. Седову в течение десятилетий играть чрезвычайно важную роль в археологическом изучении огромной территории, включающей Восточную и Центральную Европу, а также Балканы, в отечественной славистике, наконец, в научной жизни Института археологии РАН и всего сообщества российских археологов в целом.

Валентин Васильевич пришел в науку после Великой Отечественной войны. За плечами исследователя годы, проведенные на фронтах; его боевые заслуги отмечены правительственными наградами, в том числе орденом Красной звезды.

После окончания обучения на кафедре археологии исторического факультета Московского университета (1951 г.) и в аспирантуре Института истории материальной культуры Академии наук СССР (ныне Институт археологии РАН) В.В. Седов в 1954 г. защищает кандидатскую диссертацию "Кривичи и словене". В 1967 г. ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук за диссертацию "Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья" (опубликованную в виде монографии в 1970 г.). В 1994 г. Валентин Васильевич был избран почетным академиком Латвийской академии наук, в 1997 – членом-корреспондентом РАН, а в 2003 г. – действительным членом Российской академии наук. В 1984 г. В.В. Седов был удостоен Государственной премии СССР, а в 1998 г. Государственной премии РФ. Кроме того он является лауреатом Забелинской (1994) и Демидовской (1998) премий.

Мне не довелось близко общаться с Валентином Васильевичем в период его становления как крупного исследователя, и я могу опираться на свои личные впечатления от встреч с ним лишь за последние 20 с небольшим лет. Но атмосфера исключительной популярности В.В. Седова среди студентов и начинающих археологов мне хорошо знакома начиная с 1960-х годов, когда я учился на кафедре археологии МГУ и начинал работать в институте. Уже в те времена о Валентине Васильевиче слагались легенды. Главной чертой, привлекавшей молодежь к В.В. Седову, была, конечно, его открытость новым перспективным веяниям мировой науки, способность к оригинальным построениям и крупным обобщениям, наконец, очевидная увлеченность археологией. Вспоминается стенгазета, в которой молодежь института поздравляла Валентина Васильевича с очередным юбилеем, где имелось, в частности, изображение земного шара, закрашенное желтой краской, с крупной надписью "БАЛТЫ". В.В. Седов всегда был окружен многочисленными учениками и почитателями, большинство из которых сохранили тесный контакт с учителем на всю жизнь. Но и для тех, кто по каким-то причинам впоследствии отдалился от Валентина Васильевича, годы ученичества и сотрудничества остались важной и памятной частью биографии.

С какого момента В.В. Седов оказался самым авторитетным российским археологом-славистом для зарубежных ученых? Точную дату указать, конечно, трудно. Авторитет ученого созидается и утверждается не сразу. Можно только сказать, что право на громкое научное имя завоевано Валентином Васильевичем давно, что его присутствие на высотах академического Олимпа отмечено исключительной длительностью. Представляется, что В.В. Седов оказался в глазах зарубежных ученых главой русских археологов-славистов в 1970 г., когда он возглавил советскую делегацию на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине. В том же году вышли две важнейшие книги Валентина Васильевича: монография "Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья" (МИА 163), представляющая собой публикацию его докторской диссертации, и книга "Новгородские сопки" (в серии "Свод археологических источников"). Обе монографии представляют собой фундаментальный вклад в науку и вызвали живейший интерес как у отечественных, так и у зарубежных археологов.

Обращаясь к списку научных трудов В.В. Седова, не удается выделить среди них те, которые можно было бы назвать ученическими. В своих ранних публикациях Валентин Васильевич появляется на научном небосклоне, подобно Афине из головы Зевса, в полном вооружении. Здесь особенно хочется отметить его статью "Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода" (1953), в которой автор сумел справиться с весьма трудным для интерпретации материалом. Уже в своих первых работах В.В. Седов проявляет редкую широту и разносторонность – здесь и исследования, связанные с темой язычества, и самостоятельные антропометрические штудии.

Первая книга Валентина Васильевича "Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.)" (1960) по существу открыла новое направление в отечественной археологической славистике. И до выхода этой книги имели место попытки дать археологическую характеристику древнерусской деревни. Но все это фактически сводилось к изучению курганных материалов. Сколько-нибудь серьезные исследования селищ не проводились, что же касается вопроса о расселении, поселенческих структурах, то именно В.В. Седов открыл эту новую страницу в изучении средневековых русских древностей. В этом отношении Валентин Васильевич остался не только первым, но на долгое время и единственным – его исследовательские подходы, значительно опережавшие свое время, были подхвачены в нашей стране другими исследователями лишь спустя 25–30 лет.

Совершенно особая судьба у книги В.В. Седова "Восточные славяне в VI–XIII вв.", опубликованной в 1982 г. в основанной Б.А. Рыбаковым серии "Археология СССР". Концептуальные положения этого исследования во многом расходились со взглядами редактора серии, поэтому рукопись не сразу была опубликована. Когда это произошло, выяснилось, что именно этот том явился подлинным украшением всей серии. Дело в том, что большая часть томов серии написана значительными авторскими коллективами, причем в них (во всяком случае в обоих томах, посвященных древнерусскому городу), как правило, отсутствует ясная авторская концепция, взвешенный подход к дозированию существенной и несущественной информации. И лишь один том во всей многотомной серии полностью написан одним исследователем и, в силу этого, подчинен единой концепции, единой системе оценок. В результате, несмотря на непростую предысторию книги, ее публикацию можно назвать и важнейшей удачей и важнейшим достижением Валентина Васильевича. Представляется вполне закономерным, что именно этот том был удостоен Государственной премии СССР 1984 г.

Опубликованная в 1979 г. монография В.В. Седова "Происхождение и ранняя история славян" по своему объему значительно уступает большей части его книг. Это на первый взгляд странное обстоятельство (учитывая значение темы и объем материала) объясняется имевшим место в те годы стремлением предельно сокращать объемы научных публикаций. В результате из многих книг исключалось самое важное – конкретная аргументация, археологическое источниковедение. Пожалуй, книга Валентина Васильевича пострадала меньше других – в конце концов, в одной книге вообще нельзя дать исчерпывающую информацию по столь широкой проблеме, а если писать ее в виде очерка, то он может быть и пространным, и более сжатым. При этом необходимо иметь в виду, что В.В. Седов, будучи в этом отношении учеником и последователем А.В. Арциховского, склонен к лаконизму, немногословию. Так или иначе, книга вышла скорее в слегка усеченном виде, но основные достоинства концепции и построений автора были сохранены. Масштабность задач и сила аргументов обратили на книгу самое серьезное внимание специалистов. Об этом свидетельствуют, в частности, рецензии, опубликованные в России, Польше, Чехословакии, Болгарии, Венгрии. По счастью, проблемы публикации научных монографий изменились по сравнению с 1979 г., и сейчас мы можем ознакомиться с обновленной и расширенной версией построений Валентина Васильевича в серии его монографий 1994–2002 гг.

В.В. Седов известен не только как автор печатных трудов, представляющих собой по существу целую библиотеку по проблемам славянской, балтской и финно-угорской археологии, но и как археолог-полевик. Специалистам хорошо известны его многолетние работы в Новгороде и его округе, на Владимирщине, Псковщине. Здесь, начиная с 1971 г. проводились более чем 20-летние исследования Изборска, одного из древнейших русских городов, впервые упомянутого в летописи в связи с преданием о призвании варягов. Это один из немногих древнерусских городов, раскопанных практически полностью. Основные итоги раскопок памятника, прежде всего касающиеся его ранней истории, отражены в монографии "Изборск – протогород" (2002). В 1983–1992 гг. Валентин Васильевич – начальник Псковской экспедиции Института археологии и Псковского историко-архитектурного музея-заповедника. Результаты многолетних образцовых раскопочных и разведочных работ В.В. Седова – весомый вклад в источниковую базу археологии средневековой Руси.

Начиная с 1974 г. В.В. Седов руководил различными подразделениями Института археологии. Первоначально он возглавлял сектор археологических сводов, где заложил основу гигантской картотеки и собрания паспортов на археологические памятники России. В 1983 г. он возглавил Отдел археологической службы, в котором были в то время объединены сектор сводов и отдел новостроечных работ. С 1988 г. Валентин Васильевич возглавил Отдел полевых исследований, контролирующий все археологические работы на территории нашей стра-

ны. Среди других обязанностей В.В. Седова отметим его работу в 1980–1993 гг. в Международном совете по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), в 1992–1993 гг. он являлся президентом Российского национального комитета совета. С 1980 г. Валентин Васильевич член Исполнительного совета и Постоянного совета Международной Унии славянской археологии (МУСА), а с 1985 г. также член Бюро Унии. В.В. Седов активно участвовал в работе экспертных советов Российского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда с момента создания этих фондов, а с 1997 г. возглавлял экспертный совет РГНФ по историческим наукам. В порой непростых коллизиях академической жизни, в отстаивании своих взглядов в научной полемике Валентин Васильевич всегда являлся примером исключительной прямоты и принципиальности.

В.В. Седов – организатор и активный участник многочисленных конференций и симпозиумов в нашей стране и за рубежом. С 1980 г. работает возглавляемый им семинар "Археология и история Пскова и Псковской земли", проводящийся несколько раз в год и сплотивший вокруг себя большое число постоянных участников из разных городов нашей страны и государств Прибалтики. В 1996 г. в Новгороде был проведен VI Международный конгресс славянской археологии, одним из основных организаторов которого был Валентин Васильевич. Этот крупнейший научный форум удалось созвать в исключительно трудных условиях. Это было время тяжелого экономического кризиса в нашей стране, и, кроме того, время крайне неблагоприятной политической конъюнктуры в восточноевропейских странах. Конгресс наглядно продемонстрировал, что славянская археология – не искусственный фантом официозной прокоммунистической археологии, а реально существующее крупное научное направление. К работе конгресса удалось привлечь значительное число участников из разных стран, в том числе ряд крупных исследователей; труды конгресса были опубликованы в пяти объемистых томах. Проведение конгресса представляется очень важным событием, поддержавшим в трудный момент международный авторитет российской археологической славистики и Института археологии РАН. Именно проведение конгресса во многом способствовало тому, что Валентин Васильевич в 1997 г. был избран членом-корреспондентом РАН. Дальнейшая судьба МУСА впоследствии оказалась, к сожалению, печальной. Тем более очевидна заслуга организаторов конгресса, которые сумели не только "вскочить в последний вагон уходящего поезда", но и достойно провести этот форум на высоком научном уровне.

В.В. Седов известен и своей многогранной издательской деятельностью. Трудно сосчитать количество книг, в которых он фигурировал в роли ответственного редактора: с 1989 г. Валентин Васильевич – член редколлегии журнала "Советская археология" (ныне "Российская археология"), а с 1996 г. – член редсовета журнала. В.В. Седов выступил инициатором возобновления публикации таких важных изданий, как "Археологические открытия" (1993) и "Краткие сообщения Института археологии" (2001). Валентин Васильевич знал силу печатного слова, поэтому он мог порой публиковать заметки в "Археологическом бюллетене"; публикуемые под его редакцией небольшие по объему брошюры "Естественно-научные методы в полевой археологии" (с 1997 г.) также показывают, что в своей издательской деятельности В.В. Седов не пренебрегал "малыми формами".

К сожалению, Валентину Васильевичу не пришлось заниматься долгосрочной систематической преподавательской работой в вузах. Между тем в его лице были соединены уникальные качества, необходимые для этого. Не так часто можно встретить крупного ученого, который обладает очевидным талантом увлекать молодежь своими научными идеями. Кроме того, В.В. Седов-учитель отличался столь важными для педагога требовательностью и внимательностью. Не получив своего полноценного развития на вузовской кафедре, эти качества Валентина Васильевича позволили ему воспитать целую армию учеников-аспирантов; пять из них уже защитили докторские диссертации.

Говоря о многообразной деятельности В.В. Седова, необходимо отметить, что во всех случаях он выступал как активный и чрезвычайно ответственный работник. Валентин Васильевич самым внимательным образом знакомился с каждым поступающим в ОПИ отчетом (а их туда приходит более 1000 каждый год), тщательнейшим образом редактировал многочисленные рукописи, которые проходили через его руки как ответственного редактора. Скромный и молчаливый, В.В. Седов совершенно преображался, когда речь заходила о волнующих его научных проблемах. Таким же, полным интереса к окружающему, Валентин Васильевич представал в родной для него обстановке полевого лагеря, знакомясь с раскопками и коллекциями, в зарубежных поездках, когда ему предоставлялась возможность осматривать достопримечательности незнакомых городов.

А.В. Чернецов
Институт археологии РАН, Москва

Этим текстом мы собирались поздравить глубоко уважаемого и любимого всеми нами Валентина Васильевича с его 80-летием. Судьба решила иначе. Он ушел из жизни вслед за любимой женой Марией Владимировной, лишь нескольких недель не дожив до юбилея. Мы скорбим о нем вместе со всеми археологами нашей страны и зарубежными коллегами.

Но с нами остались его труды, его замыслы, воспитанные им ученики и та наука, которой он был беззаветно предан всю жизнь.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 8–23

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРИОДИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ С ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ
(проблемы методики)

© 2004 г. Ю. Б. Цетлин
Институт археологии РАН, Москва

"Ни одна из серьезных проблем не имеет решения"

(Из законов Мерфи)

Постановка проблемы. При изучении неолита лесной зоны Восточной Европы широкое распространение получила тенденция к построению "универсальных" схем развития керамики той или иной культуры на основе изучения материалов какого-либо одного ("эталонного") памятника с мощным и насыщенным культурным слоем (см., например: Крайнов, 1984; Древние охотники и рыболовы Подмосковья, 1997. С. 56–62).

Сегодня представляется возможным предложить несколько иной подход к построению периодизации развития неолитической керамики. Особенности данного подхода рассматриваются мною на примере материалов культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Для керамики этой культуры характерно, во-первых, массовое присутствие на неолитических памятниках Верхнего Поволжья, во-вторых, значительное разнообразие внешних особенностей, в-третьих, надо отметить противоречивость нынешних взглядов исследователей на ее историю.

Источники для исследования локальных периодизаций керамики. Для описания данной методики мною использованы материалы культуры с ямочно-гребенчатой керамикой трех групп памятников Верхнего Поволжья: Сахтышских стоянок в Ивановской обл. (Восточный район), Ивановских стоянок в Ярославской обл. (Центральный район) и Языковских стоянок в Тверской обл. (Западный район) (Цетлин, 1991).

Выбор их обусловлен следующими причинами: 1) эти стоянки раскапывались непосредственно мною и с них брался весь керамический материал; 2) по всем этим стоянкам путем использования специальной методики были выделены ранние и поздние устойчивые максимумы залегания керамики разных культур и проведена реконструкция культурной стратиграфии на раскапывавшихся участках; здесь приводится несколько обобщенный вариант этой реконструкции (табл. 1); 3) вся керамика была описана по особенностям орнамента в соответствии с разработанной методикой (Цетлин, в печати). В общей сложности здесь использовано около 3000 фрагментов ямочно-гребенчатой керамики от разных сосудов.

Подходы к изучению локальных периодизаций керамики. Обращение к любой новой исследовательской задаче начинается с формулирования неких гипотез, которые потом проверяются на непротиворечивость.

Первая гипотеза касалась самой возможности использования этих памятников для изучения периодизации.

Прежде всего, было высказано предположение, что стоянки, относившиеся к одной группе и расположенные очень близко друг к другу (в пределах 300–500 м), не могли быть обитаемы одновременно. Это же скорее всего имело место и по отношению к разным частям крупных памятников. Поэтому обобщение материалов разных стоянок одной группы могло дать более полное представление о разных периодах бытования населения одной культуры. В дальнейшем сопоставление выделенных периодов бытования одной и той же культуры по разным группам памятников могло бы позволить выделить конкретные *локальные особенности* периодизации истории древнего населения.

Вторая гипотеза затрагивала вопрос о том, какая черта керамики с наибольшей эффективностью могла быть использована для изучения периодизации.

Традиционно исследователями для построения хронологических схем используется орнамент на посуде (см., например, Неолит Северной Евразии, 1996), поэтому периодизация ямочно-гребенчатой керамики также изучалась мною по особенностям орнамента.

Несмотря на внешнее единство, орнамент на этой керамике характеризуется множеством мелких особенностей. Поэтому первая задача состояла в выборе "уровня" изучения орнамента, который позволил бы получить наиболее надежные выводы. Это пока пришлось делать интуитивно.

Таблица 1. Устойчивые максимумы распределения горизонтов с ямочно-гребенчатой керамикой на памятниках Верхнего Поволжья

Пласт	Восточный район					Центральный район			Западный район	
	Сахтыш I, 1	Сахтыш I, 2	Сахтыш II, 1	Сахтыш II, 2	Сахтыш VIII, 1	Ивановское II, 1	Ивановское III, 1	Ивановское VII, 2	Языково I, 1	Языково I, 2
1										
2		+								
3					+			+		
4	+						+			+
5			+		+	+		+		
6		+					+		+	
7	+		+			+				+
8										
9									+	
19				+						

Выбранный уровень должен был быть единым, т.е. строго выдерживаться на всех этапах исследования, и он не мог быть ни слишком общим, ни слишком детальным, так как в первом случае мы не получили бы достаточного разнообразия хронологических особенностей, а во втором – за обилием деревьев не увидели бы леса.

Не будучи уверенным, на чем правильнее остановить свой выбор, я использовал два разных уровня изучения орнамента, чтобы потом можно было сравнить полученные результаты.

Первый уровень (более общий) предполагал учет и использование наиболее массовых *элементов* орнамента на ямочно-гребенчатой керамике (ямочного, ямчатого, гребенчатого, лунчатого элементов), а также наличие на сосуде неорнаментированных участков – случай "без орнамента".

Второй уровень (более детальный) включал изучение доли массовых *сочетаний* двух разных элементов орнамента (ямочного и ямчатого, ямочного и гребенчатого, ямочного и гладкого, ямочного и лунчатого, ямчатого и гребенчатого, ямочного и "без орнамента", гребенчатого и "без орнамента"). Итого: 7 вариантов сочетаний.

Методы и этапы изучения локальных периодизаций керамики. 1. Весь керамический материал культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, относящийся к одному устойчивому максимуму (т.е. к одному культурному горизонту), рассматривался хронологически как одно целое. По нему определялись в процентах отдельно доля каждого массового *элемента* и каждого *парного сочетания элементов* орнамента.

2. В рамках каждой группы стоянок определялась степень сходства (КС) между всеми горизонтами залегания ямочно-гребенчатой керамики по элементам орнамента и их парным сочетаниям.

3. После этого с помощью специальной методики определялось "место" каждого культурного горизонта на условной оси времени.

На этом завершалось построение *локальной периодизации* ямочно-гребенчатой керамики для каждой группы памятников отдельно.

4. Следующий этап состоял в *синхронизации* этих локальных периодизаций.

Результаты построения локальных периодизаций керамики. *Этап 1.* На табл. 2 представлены итоги изучения особенностей распределения *элементов* и *сочетаний элементов* орнамента на ямочно-гребенчатой керамике.

Этап 2. Результаты изучения *степени сходства* разных культурных горизонтов по элементам и сочетаниям элементов орнамента. Коэффициент сходства рассчитывался по формуле

$$KC = \Sigma N_{min} + M_{min} + \ldots + K_{min}.$$

При этом минимальное значение КС равно 0, а максимальное – 1 (Телегин, 1977). Однако в данном случае удобнее пользоваться величиной, обратной степени сходства, которая показывает расстояние или "удаленность" сравниваемых культурных горизонтов друг от друга, т.е. величиной "1-КС". Эта величина так же, как и степень сходства, изменяется в интервале от 0 до 1.

Этап 3. Построение локальной периодизации состоит в последовательном решении трех вопросов:

3а) определение условной оси времени и ее ориентация во времени,

3б) проецирование положения всех культурных горизонтов на эту ось,

Таблица 2. Распределение массовых *элементов* и *сочетаний элементов* орнамента на ямочно-гребенчатой керамике разных памятников Верхнего Поволжья

Элементы орнамента и их парные сочетания	Районы, памятники и культурные горизонты																		
	Восточный район									Центральный район						Западный район			
	Сахтыш I, 1		Сахтыш I, 2		Сахтыш II, 1		Сахтыш II, 2	Сахтыш VIII, 1		Иваново-ское II, 1		Иваново-ское III, 1		Иваново-ское VII, 2		Языково I, 1		Языково I, 2	
	Пл. 4	Пл. 7	Пл. 2	Пл. 6	Пл. 5	Пл. 7	Пл. 19	Пл. 3	Пл. 5	Пл. 5	Пл. 7	Пл. 4	Пл. 6	Пл. 3	Пл. 5	Пл. 6	Пл. 9	Пл. 4	Пл. 7
	Элементы																		
Ямочный	66	70	61	60	58	57	60	59	57	46	54	52	56	60	46	54	50	46	47
Ямчатый																		7	8
Гребенчатый	19	29	27	26	23	27	36	25	36	37	32	12	7	29	32	37	31	35	29
Лунчатый	13	1	12	7	14	6	2	9	6	1	3	5	6	2	2	1		1	3
Без орнамента				7	4	8	1	3		13	8	27	30	8	20	8	13	9	8
Сумма, %	98	100	100	100	99	98	99	96	99	97	97	96	99	99	100	100	94	98	95
Сумма, S	1223	981	900	765	2779	3627	4739	7363	5528	3755	8664	2090	1670	2031	4409	482	800	3145	11636
	Сочетания элементов																		
Ямочный + ямчатый																		9	10
Ямочный + гребенчатый	56	95	70	63	56	61	91	60	81	64	65	22	15	72	49	74	53	57	55
Ямочный + гладкий	4					2		8	3		1	5	2	2			11		5
Ямочный + лунчатый	40	5	30	19	34	14	5	22	13	2	7	6	12	4	5	3		3	4
Ямчатый + гребенчатый																	1	2	2
Ямочный + без орнамента				12	6	15	2	6	1	15	10	53	68	15	25	16	23	10	12
Гребенчатый + без орнамента				6	2	6				14	11	7	1	4	21	7	10	13	5
Сумма, %	100	100	100	100	98	98	98	96	98	95	94	93	98	97	100	100	98	94	93
Сумма, S	409	297	349	291	1113	1452	1851	2888	2364	1663	3349	901	712	704	1909	164	333	1122	5091

3в) группировка культурных горизонтов на этой оси времени и выделение разных периодов развития орнамента.

Начнем с определения всех **условных осей времени** (*этап 3а*). Условную ось времени можно рассматривать как некую абстрактную линию, на одном конце которой располагается наиболее ранний, а на другом – наиболее поздний культурный горизонт для данной группы памятников. Такие максимально удаленные друг от друга культурные горизонты характеризуются наименьшей степенью сходства между собой.

По этому признаку были выделены условные оси времени по элементам и сочетаниям элементов орнамента для каждого из трех районов Верхнего Поволжья (табл. 3).

Элементы орнамента.

Восточный район. Судя по этим данным, наибольшее расстояние по сходству фиксируется между пластом 4 Сахтыша I, 1 и пластом 19 Сахтыша II, 2, которое равно 19. Это и будет величина условной оси времени. Пласт 4 Сахтыша I, 1 – это поздний устойчивый максимум на данном памятнике. Следовательно, он характеризует конец условной оси времени. Иначе возникнет противоречие, при котором пласт 7 Сахтыша I, 1 , который раньше пласта 4, окажется за пределами этой условной оси. Соответственно, пласт 19 Сахтыша II, 2 является ранним и фиксирует начало условной оси времени. Таким путем почти во всех случаях можно четко выделить условную ось времени и определить ее направление (в некоторых спорных случаях потребуется дополнительная информация).

Центральный район. В данном случае условная ось времени составляет 35 единиц и соединяет пласт 6 Ивановского III, 1 (наиболее ранний культурный горизонт) и пласт 4 Ивановского II, 1 (наиболее поздний горизонт).

Западный район. Здесь условная ось времени равна 15 единицам, причем начало ее маркирует пласт 7 Языково I, 2, а конец – пласт 6 Языково I, 1.

Сочетания элементов орнамента.

Восточный район. Здесь ситуация с условной осью времени не столь однозначна: наибольшее расстояние по сходству фиксируется между тремя парами связей (пластом 4 и пластом 7 Сахтыша I, 1; пластом 4 Сахтыша I, 1 и пластом 19 Сахтыша II, 2; пластом 7 Сахтыша I, 1 и пластом 5 Сахтыш II, 1). Все три пары связей не имеют каких-либо внутренних противоречий и в принципе все они могут играть роль условной оси времени. Для того чтобы выбрать одну из них нужно ввести дополнительный параметр, которым служит максимальная величина Σ(1-КС), находящаяся в крайней нижней строке таблицы 3. Она составляет 222 единицы и характерна для третьей пары: пласт 7 Сахтыша I, 1 и пласт 5 Сахтыш II, 1, которую и следует использовать в качестве условной оси времени. Начало оси фиксирует пласт 7 Сахтыша I, 1, а конец – пласт 5 Сахтыша II, 1; длина оси составляет 39 единиц.

Обоснованием правильности использования именно этого параметра служит тот факт, что пока не зафиксировано ни одного случая, когда бы максимальное значение Σ(1-КС) не сочеталось с максимальным же значением величины 1-КС. Это указывает на то, что обе они характеризуют одно и то же явление и, следовательно, могут дополнять друг друга.

Центральный район. Здесь условная ось времени равняется 71 единице и образована пластом 6 Ивановского III, 1 (начало оси) и пластом 4 Ивановского II, 1 (конец оси).

Западный район. В данном случае ситуация также не является строго однозначной. Максимальная величина Σ(1-КС) характерна для двух пар горизонтов, но в сочетании с максимальной величиной 1-КС (26 единиц) она характеризует только одну пару горизонтов, которую и следует использовать в качестве условной оси времени – пласт 9 Языково I, 1 (начало оси) и пласт 4 Языково I, 2 (конец оси).

Таким образом, мы определили условные оси времени для каждого района Верхнего Поволжья и для каждого уровня, на котором будут строиться периодизации орнамента.

Теперь перед нами стоит задача спроецировать положение всех культурных горизонтов на соответствующие условные оси времени (*этап 3б*). Для прояснения ситуации полезно представить себе мысленную картинку. Полый цилиндр, который ограничивает пространство расположения всех культурных горизонтов на памятниках одного района. На дне его располагается наиболее ранний горизонт (начало оси времени), а наверху – наиболее поздний горизонт (конец оси времени). Во внутреннем пространстве цилиндра случайным образом располагаются все остальные культурные горизонты этого района. Они отстоят на какое-то расстояние от условной оси времени и занимают какое-то положение между нижним и верхним краями цилиндра. Поэтому, зная расстояние каждого из них до начала и конца условной оси времени, можно выяснить их относительное положение на оси времени, т.е. определить какие из них более ранние, а какие более поздние.

Расчет проекции каждого культурного горизонта на ось времени осуществляется по формуле

$$X = (a^2 - b^2 + c^2)/2c^2,$$

где a – расстояние от исследуемого культурного горизонта до **начала** оси времени, b – расстояние от исследуемого горизонта до **конца** оси времени, c – длина самой оси времени. Итоговый результат (X), т.е. расстояние от начала оси до точки проекции на ней данного культурного горизонта, выражается в процентах от длины условной оси времени.

Исходные данные и результаты расчета положения всех культурных горизонтов на условной

Таблица 3. Расстояние по степени сходства между культурными горизонтами ямочно-гребенчатой керамики на памятниках Верхнего Поволжья по массовым *элементам* и *сочетаниям элементов* орнамента (1-КС)

Восточный район

Памятники и культурные горизонты		Сахтыш I, 1		Сахтыш I, 2		Сахтыш II, 1		Сахтыш II, 2	Сахтыш VIII, 1		Сумма 1-КС
		Пл. 4	Пл. 7	Пл. 2	Пл. 6	Пл. 5	Пл. 7	Пл. 19	Пл. 3	Пл. 5	
		По массовым *элементам* орнамента									
Сахтыш I, 1	Пл. 4		14	8	14	10	16	**19**	11	17	**109**
	Пл. 7	**39**		11	13	18	15	10	15	13	**109**
Сахтыш I, 2	Пл. 2	14	25		7	7	10	11	7	10	71
	Пл. 6	25	32	18		8	4	11	6	11	74
Сахтыш II, 1	Пл. 5	10	**39**	14	17		10	16	7	14	90
	Пл. 7	28	34	25	7	22		13	7	9	58
Сахтыш II, 2	Пл. 19	**39**	4	25	30	37	32		13	5	98
Сахтыш VIII, 1	Пл. 3	18	35	18	15	16	18	33		11	77
	Пл. 5	28	14	17	23	30	23	13	21		90
Сумма 1-КС		201	**222**	156	167	185	189	213	174	169	
		По массовым *сочетаниям элементов* орнамента									

Центральный район

Памятники и культурные горизонты		Ивановское II, 1		Ивановское III, 1		Ивановское VII, 2		Сумма 1-КС
		Пл. 5	Пл. 7	Пл. 4	Пл. 6	Пл. 3	Пл. 5	
		По массовым *элементам* орнамента						
Ивановское II, 1	Пл. 5		11	29	**35**	16	8	99
	Пл. 7	10		26	30	7	12	86
Ивановское III, 1	Пл. 4	56	56		9	26	21	111
	Пл. 6	**71**	70	23		28	27	**129**
Ивановское VII, 2	Пл. 3	15	16	52	65		15	92
	Пл. 5	20	25	43	58	28		83
Сумма 1-КС		172	177	230	**287**	176	174	
		По массовым *сочетаниям элементов* орнамента						

Западный район

Памятники и культурные горизонты		Языково I, 1		Языково I, 2		Сумма 1-КС
		Пл. 6	Пл. 9	Пл. 4	Пл. 7	
		По массовым *элементам* орнамента				
Языково I, 1	Пл. 6		11	10	**15**	**36**
	Пл. 9	24		13	11	35
Языково I, 2	Пл. 4	23	**26**		8	31
	Пл. 7	25	22	14		34
Сумма 1-КС		72	**72**	63	61	
		По массовым *сочетаниям элементов* орнамента				

оси времени по *элементам* орнамента приведены в табл. 4.

При определении положения во времени горизонтов культуры с ямочно-гребенчатой керамикой только в одном из 19 случаев выявлено противоречие между результатами расчетов и реконструированной культурной стратиграфией. Это относится к стоянке Ивановское VII, 2, где устойчивый максимум в пласте 5 оказался позднее на условной оси времени (77%), чем устойчивый максимум, расположенный в пласте 3 этой же стоянки (71%). Однако столь незначительную погрешность вряд ли можно признать существенной.

Здесь же в табл. 4 приведены данные и об относительной хронологии этих же культурных горизонтов, полученные по *сочетаниям элементов* орнамента.

В данном случае ни по одному из районов не зафиксировано противоречий между стратиграфическими и расчетными данными об относительном расположении горизонтов с ямочно-гребенчатой керамикой во времени.

Таким образом, можно отметить, что два независимых подхода к хронологизации керамики (по данным о ее стратиграфии и орнаментике) дали непротиворечивые результаты.

Выделение разных периодов развития орнамента на ямочно-гребенчатой керамике составляет содержание *этапа 3в*.

Легко заметить, что культурные горизонты располагаются на осях времени не равномерно, а группами (рис. 1). Вероятно, культурные горизонты, занимающие близкое положение на оси времени могут быть отнесены к одному периоду. Исходя из этого, по *элементам* орнамента для Западного и Центрального районов выделено 4 периода, а для Восточного – 6 периодов. По *сочетаниям элементов* орнамента для Западного района выделилось также 4 периода, а для Центрального и Восточного районов – 5 периодов развития орнамента на керамике.

Следует подчеркнуть, что отмеченная выше для Центрального района противоречивая ситуация, целиком находится в пределах одного периода. Это еще раз указывает на ее несущественность.

О локальных особенностях периодизаций орнаментов на ямочно-гребенчатой керамике. Прежде всего, следует обратить внимание на то, какие периоды развития орнамента представлены на каждом из исследованных памятников по *элементам* и *сочетаниям элементов* орнамента (табл. 5). Легко заметить, что на большинстве памятников в разное время отмечено присутствие материалов разных периодов.

Таким образом, полученные данные подтверждают предположения, во-первых, о "прерывистом" заселении этих памятников носителями культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, во-вторых, о том, что, как правило, на соседних памятниках представлены разные периоды бытования культуры, т.е. близко расположенные поселения функционировали не одновременно.

Теперь для выявления локальных особенностей периодизации обобщим (путем усреднения) в рамках отдельных периодов данные о доле каждого *элемента* и каждого *сочетания элементов* орнамента для разных районов Верхнего Поволжья (табл. 6).

Это позволяет, в частности, установить, что, что ямочный орнамент, будучи во всех районах преобладающим, в Восточном районе практически не меняется во времени, в Центральном районе – несколько убывает, а в Западном, напротив, слегка возрастает. Ямчатый орнамент массово использовался только в Западном районе. Гребенчатый орнамент по степени распространенности занимает, как правило, второе место после ямочного, причем в Восточном районе его доля убывает во времени, в Центральном – возрастает, а в Западном – сохраняется примерно одинаковой. Лунчатый орнамент наиболее широко использовался в Восточном районе, где его доля с течением времени резко возрастала. В Центральном и Западном районах он был распространен значительно скромнее, и доля его там постепенно сокращалась. Неорнаментированные участки на ямочно-гребенчатой керамике меньше характерны для Восточного и Западного районов и наиболее широко были распространены на керамике Центрального района, причем их доля также сокращалась во времени.

Что касается локальных особенностей распространения *сочетаний элементов* орнамента (см. табл. 7), то самым массовым во всех районах было сочетание "ямочный + гребенчатый", которое и дало в свое время название и керамике и культуре в целом. Однако, в Восточном районе доля этого сочетания во времени сокращается, а в Центральном и Западном – возрастает. Любопытно, что сочетание "ямочный + ямчатый" характерно как массовое только для Западного района в ранние периоды. Сочетание "ямочный + + гладкий" представлено незначительно во всех районах и не обнаруживает каких-то явных тенденций к изменению во времени. Вероятно, "гладкий" элемент орнамента не имел самостоятельного значения, а выступал только как дублирующий по отношению к гребенчатым отпечаткам. Сочетание "ямочный + лунчатый" наиболее широко использовалось на керамике Восточного района, где доля его во времени увеличивалась. В Центральном и Западном районах это сочетание применялось реже и доля его сокращалось во времени. Совершенно другую картину распределения показывает сочетание "ямочный + без орнамента". Оно очень редко представлено на керамике Восточного района, но значительно шире в Западном и особенно Центральном районах. Причем в Центральном районе его доля сокращалась

Таблица 4. Последовательность горизонтов культуры с ямочно-гребенчатой керамикой на условной оси времени в разных районах Верхнего Поволжья

Памятники и культурные горизонты	Степень удаленности культурного горизонта по сходству (исходные данные)		Положение культурного горизонта на условной оси времени (%)
	От начала оси времени	От конца оси времени	
По массовым *элементам* орнамента			
Восточный район			
Сахтыш I, 1. Пл. 4	19	0	100.0
Сахтыш II, 1. Пл. 5	16	10	74.0
Сахтыш I, 2. Пл. 2	11	8	58.0
Сахтыш VIII, 1. Пл. 3	13	11	57.0
Сахтыш I, 2. Пл. 6	11	14	39.0
Сахтыш II, 1. Пл. 7	13	16	38.0
Сахтыш I, 1. Пл. 7	10	14	37.0
Сахтыш VIII, 1. Пл. 5	5	17	14.0
Сахтыш II, 2. Пл. 19	0	19	0.0
Центральный район			
Ивановское II, 1. Пл. 5	35	0	100.0
Ивановское II, 1. Пл. 7	30	11	83.0
Ивановское VII, 2. Пл. 5	27	8	77.0
Ивановское VII, 2. Пл. 3	28	16	71.0
Ивановское III, 1. Пл. 4	9	29	20.0
Ивановское III, 1. Пл. 6	0	35	0.0
Западный район			
Языково I, 1. Пл. 6	15	0	100.0
Языково I, 1. Пл. 9	11	11	50.0
Языково I, 2. Пл. 4	8	10	42.0
Языково I, 2. Пл. 7	0	15	0.0
По массовым *сочетаниям элементов* орнамента			
Восточный район			
Сахтыш I, 1. Пл. 4	39	0	100.0
Сахтыш II, 1. Пл. 5	39	10	97.0
Сахтыш VIII, 1. Пл. 3	35	18	79.0
Сахтыш I, 2. Пл. 2	25	14	64.0
Сахтыш I, 2. Пл. 6	32	25	63.0
Сахтыш II, 1. Пл. 7	34	28	62.0
Сахтыш VIII, 1. Пл. 5	14	28	31.0
Сахтыш II, 2. Пл. 19	4	39	1.0
Сахтыш I, 1. Пл. 7	0	39	0.0
Центральный район			
Ивановское II, 1. Пл. 5	71	0	100.0
Ивановское II, 1. Пл. 7	70	10	98.0
Ивановское VII, 2. Пл. 3	65	15	90.0
Ивановское VII, 2. Пл. 5	58	20	79.0
Ивановское III, 1. Пл. 4	23	56	24.0
Ивановское III, 1. Пл. 6	0	71	0.0
Западный район			
Языково I, 1. Пл. 6	25	0	100.0
Языково I, 1. Пл. 9	22	24	43.0
Языково I, 2. Пл. 4	14	23	23.0
Языково I, 2. Пл. 7	0	25	0.0

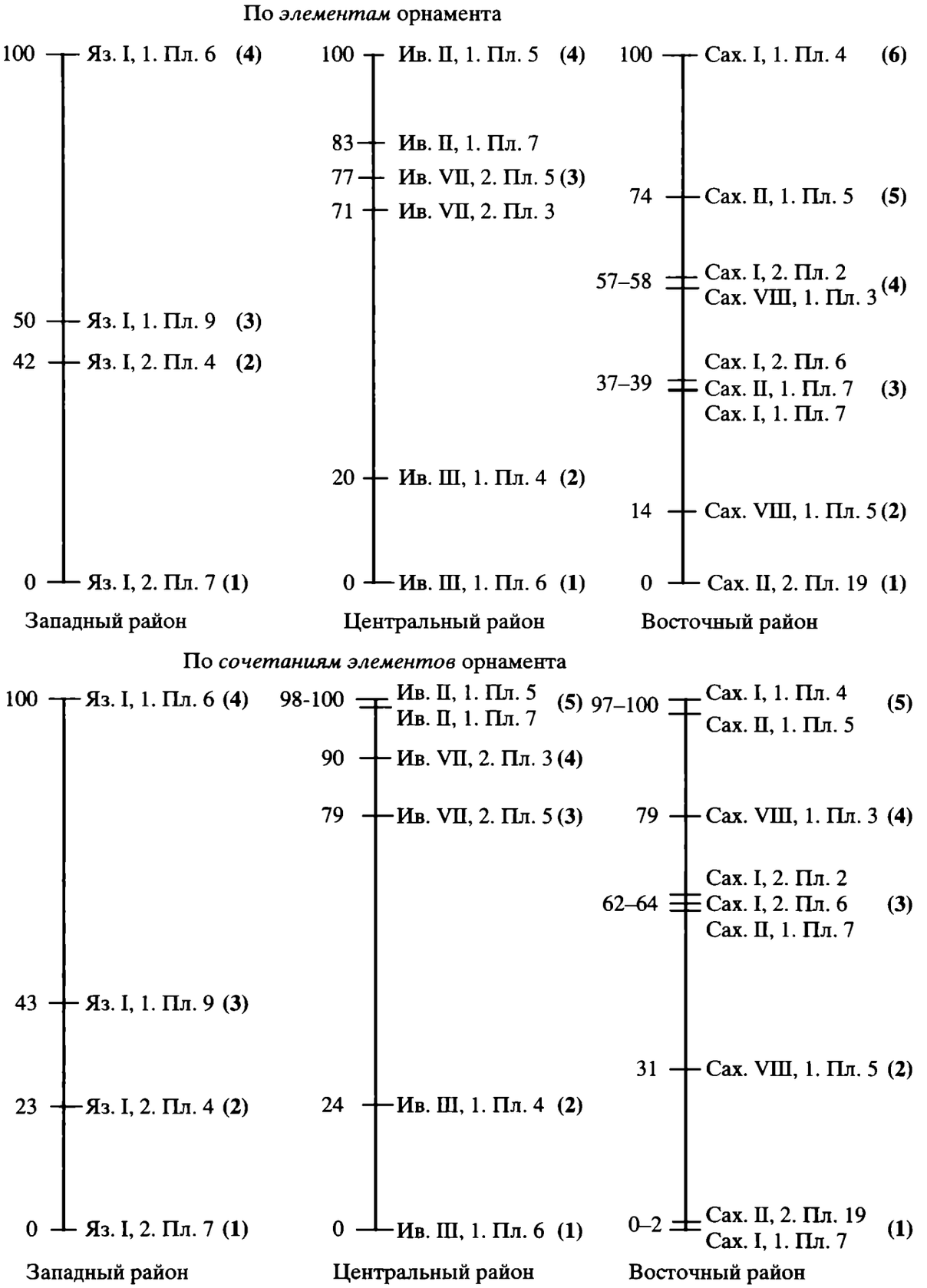


Рис. 1. Устойчивые максимумы залегания горизонтов с ямочно-гребенчатой керамикой на памятниках разных районов Верхнего Поволжья.

во времени, а в Западом, наоборот, возрастала. Сочетание "гребенчатый + без орнамента" крайне редко применялось на керамике Восточного района, а двух других районах было массовым в отдельные периоды развития ямочно-гребенчатой керамики.

Таким образом, имеющиеся данные совершенно определенно указывают на наличие значи-

Таблица 5. Относительная хронология культурных горизонтов с ямочно-гребенчатой керамикой на памятниках разных районов Верхнего Поволжья

Пласт	Восточный район					Центральный район			Западный район	
	Сахтыш I, 1	Сахтыш I, 2	Сахтыш II, 1	Сахтыш II, 2	Сахтыш VIII, 1	Ивановское II, 1	Ивановское III, 1	Ивановское VII, 2	Языково I, 1	Языково I, 2
По массовым *элементам* орнамента										
1										
2		В-4								
3					В-4			Ц-3		
4	В-6						Ц-2			З-2
5			В-5		В-2	Ц-4		Ц-3		
6		В-3					Ц-1		З-4	
7	В-3		В-3			Ц-3				З-1
8										
9									З-3	
19				В-1						
По массовым *сочетаниям элементов* орнамента										
1										
2		В-3								
3					В-4			Ц-4		
4	В-5						Ц-2			З-2
5			В-5		В-2	Ц-5		Ц-3		
6		В-3					Ц-1		З-4	
7	В-1		В-3			Ц-5				З-1
8										
9									З-3	
19				В-1						

Примечание: В – Восточный район, Ц – Центральный район, З – Западный район; цифра указывает номер периода.

тельных особенностей в развитии орнаментации ямочно-гребенчатой керамики в разных районах Верхнего Поволжья. Эти особенности могут отражать либо локальные, либо хронологические различия, либо те и другие вместе.

Методы и результаты синхронизации локальных периодизаций (*этап 4*). Процедура синхронизации локальных периодизаций включает решение трех задач:

4а) выделение синхронных периодов развития орнамента в разных районах,

4б) приведение условных осей времени разных районов к одному масштабу,

4в) обобщение локальных периодизаций и построение общей периодизации развития орнамента на керамике для всех трех районов.

Синхронизация локальных периодизаций по *элементам* орнамента.

4а. Синхронизация локальных периодизаций базируется на данных о степени удаленности по сходству орнаментов на ямочно-гребенчатой керамике разных периодов в разных районах Верхнего Поволжья. Для этого, как и раньше, используется величина 1-КС. Полученные результаты приведены в левой части табл. 8.

В ней полужирным шрифтом выделены связи между наиболее близкими по сходству периодами. Для Восточного и Центрального районов такими оказались связи между периодами В-1 – В-3 и Ц-3, для Центрального и Западного районов – связи между периодами Ц-3 и З-3 – З-4, а для Восточного и Западного районов – связи между периодами В-1 – В-2 и З-4. Соответственно, именно эти периоды и будут играть роль связующих "цепочек" между периодизациями разных районов.

4б. Для приведения условных осей времени разных районов к одному масштабу (чтобы сделать их сопоставимыми) нужно вернуться к значениям их реальной величины (см. табл. 3). Для Восточного района ось времени составляла 19 единиц, для Центрального – 35, для Западного – 15 единиц. Если принять за 100% ось времени Центрального района, которая является максимальной, то длина оси времени Восточного района составит 54%, а Западного района – 43%. Исходя из этой новой длины осей, можно пересчитать относительное положение во времени каждого периода для Восточного и Западного районов.

Для наглядности представим полученные результаты на рис. 2. Здесь показано относительное положение во времени локальных периодизаций Восточного, Центрального и Западного районов. Наиболее ранние периоды истории культуры с ямочно-гребенчатой керамикой оказались связанными с Центральным районом, несколько позднее носители этой культуры проявили себя на поселениях Западного района и в еще более позднее время – на поселениях Восточного района, где бытование культуры, кстати, и продолжалось дольше, чем в других районах исследуемой территории.

4в. В правой части рис. 2 показана проекция локальных периодизаций на единую ось времени, общую для Верхнего Поволжья (для удобства ее длина вновь приведена к значению 100%). На этой общей оси времени выделяются 9 периодов развития орнаментации ямочно-гребенчатой керамики, которые в данном случае отделены друг от друга промежутком в 5% и более.

Конкретное содержание этих общих периодов показано на табл. 9, в частности, какие из них ха-

Таблица 6. Особенности изменения во времени доли массовых *элементов* орнамента на ямочно-гребенчатой керамике в разных районах Верхнего Поволжья

Периоды	Памятники и культурные горизонты	Относительное время (%)	Ямочный	Ямчатый	Гребенчатый	Лунчатый	Без орнамента
			Восточный район				
В-6	Сахтыш I, 1. Пл. 4	100.0	66		19	13	
В-5	Сахтыш II, 1. Пл. 5	74.0	58		23	14	4
В-4	Сахтыш I, 2 Пл. 2	58.0	60		26	11	2
	Сахтыш VIII, 1. Пл. 3						
В-3	Сахтыш I, 2. Пл. 6	38.0	62		27	5	5
	Сахтыш II, 1. Пл. 7						
	Сахтыш I, 1. Пл. 7						
В-2	Сахтыш VIII, 1. Пл. 5	14.0	57		36	6	
В-1	Сахтыш II, 2. Пл. 19	0.0	60		36	2	1
			Центральный район				
Ц-4	Ивановское II, 1. Пл. 5	100.0	46		37	1	13
Ц-3	Ивановское II, 1. Пл. 7	77.0	53		31	2	12
	Ивановское VII, 2. Пл. 5						
	Ивановское VII, 2. Пл. 3						
Ц-2	Ивановское III, 1. Пл. 4	20.0	52		12	5	27
Ц-1	Ивановское III, 1. Пл. 6	0.0	56		7	6	30
			Западный район				
З-4	Языково I, 1. Пл. 6	100.0	54		37	1	8
З-3	Языково I, 1. Пл. 9	50.0	50		31		13
З-2	Языково I, 2. Пл. 4	42.0	46	7	35	1	9
З-1	Языково I, 2. Пл. 7	0.0	47	8	29	3	8

рактерны для разных районов Верхнего Поволжья и как эти общие периоды развития орнаментации ямочно-гребенчатой керамики соотносятся с локальными, выделенными для каждого района отдельно. Например, выяснилось, что в Западном районе развитие орнаментации ямочно-гребенчатой керамики охватывает с III по VI периоды, в Центральном районе ее начало относится к I, а завершение – к VII периоду, т.е. несколько позднее, чем в Западном районе, а в Восточном районе она бытует еще позднее, с конца IV по IX периоды.

Судя по этим данным, в Западном районе 3 и 4 периоды локальной периодизации отделены друг от друга значительным промежутком времени, в Центральном районе еще больший промежуток времени отделяет 2 и 3 периоды и несколько меньший 3 и 4 периоды. Пока нельзя сказать с полной определенностью, как развивалась история местного населения в эти промежутки времени. Возможны два варианта: либо 1) эти промежутки характеризуются постепенным переходом в Западном районе от 3 периода к 4, а в Центральном – от 2 к 3 и далее к 4 периодам, либо 2) носители ямочно-гребенчатой керамики вообще отсутствовали в Западном районе в течение V периода, а в Центральном районе в течение IV и VI периодов (по общей периодизации). Более определенно ответить на этот вопрос можно будет, вероятно, в ходе дальнейших исследований.

Синхронизация локальных периодизаций по *сочетаниям элементов* орнамента. Поскольку методически она аналогична рассмотренной выше, это будет сделано более кратко.

4а. В табл. 8, где приведены данные о степени сходства локальных периодов развития орнамента в разных районах друг с другом, полужирным шрифтом выделены связи между наиболее близкими периодами (правая часть таблицы). Так, для Восточного и Центрального районов наибольшей близостью характеризуются периоды В-3 и Ц-4 – Ц-5, для Центрального и Западного – периоды Ц-4 и З-4, а для Восточного и Западного – периоды В-3 и З-4.

4б. Протяженность условных осей времени в данном случае составляет для Восточного райо-

Таблица 7. Особенности изменения во времени доли массовых *сочетаний элементов* орнамента на ямочно-гребенчатой керамике в разных районах Верхнего Поволжья

Периоды	Памятники и культурные горизонты	Относительное время (%)	Ямочный + + ямчатый	Ямочный + + гребенчатый	Ямочный + + гладкий	Ямочный + + лунчатый	Ямчатый + + гребенчатый	Ямочный + + без орнамента	Гребенчатый + + без орнамента
			Восточный район						
В-5	Сахтыш I, 1. Пл. 4	98		56	2	37		3	1
	Сахтыш II, 1. Пл. 5								
В-4	Сахтыш VIII, 1. Пл. 3	79		60	8	22		6	
В-3	Сахтыш I, 2. Пл. 2	63		65	<1	21		9	4
	Сахтыш I, 1. Пл. 6								
	Сахтыш II, 1. Пл. 7								
В-2	Сахтыш VIII, 1. Пл. 5	31		81	3	13		1	
В-1	Сахтыш II, 2. Пл. 19	0		93		5		1	
	Сахтыш I, 1. Пл. 7								
			Центральный район						
Ц-5	Ивановское II, 1. Пл. 5	99		65	<1	5		13	13
	Ивановское II, 1. Пл. 7								
Ц-4	Ивановское VII, 2. Пл. 3	90		72	2	4		15	4
Ц-3	Ивановское VII, 2. Пл. 5	79		49		5		25	21
Ц-2	Ивановское III, 1. Пл. 4	24		22	5	6		53	7
Ц-1	Ивановское III, 1. Пл. 6	0		15	2	12		68	1
			Западный район						
З-4	Языково I, 1. Пл. 6	100		74		3		16	7
З-3	Языково I, 1. Пл. 9	43		53	11		1	23	10
З-2	Языково I, 2. Пл. 4	23	9	57		3	2	10	13
З-1	Языково I, 2. Пл. 7	0	10	55	5	4	2	12	5

на 39, для Центрального – 71 и для Западного – 26 единиц. Если принять за 100% ось времени Центрального района (наиболее длинную), то для Западного района ось времени составит 37%, а Восточного – 55%. В соответствии с этим изменится и положение на локальных осях времени каждого из периодов в Восточном и Западном районах (рис. 2). Как и в предыдущем случае, наиболее ранние периоды развития орнамента ямочно-гребенчатой керамики представлены в Центральном, более поздние – в Западном и наиболее поздние – в Восточном районе Верхнего Поволжья.

4в. После проецирования всех локальных периодизаций на общую условную ось времени и приведения ее длины к 100% на ней также выделились девять периодов развития, отделенные друг от друга промежутком не менее 5%.

Синхронизация локальных периодизаций по *сочетаниям элементов* орнамента позволила выяснить, что в Западном районе развитие орнаментов ямочно-гребенчатой керамики начинается с III и заканчивается VII периодом по общей периодизации, в Центральном районе оно идет с I по VIII период, а в Восточном районе охватывает IV-IX периоды (табл. 10).

Как и при анализе периодизации по *элементам* орнамента, в каждом из районов развитие *сочетаний элементов* орнамента не представляет собой непрерывный процесс, а характеризуется отсутствием некоторых периодов, которые, однако, представлены в других районах. Так, по общей периодизации *сочетаний элементов* орнамента в Западном районе не представлен VI период развития, в Центральном районе III – V периоды, а в Восточном районе – V и VII периоды.

Таблица 8. Степень близости выделенных периодов развития орнаментации ямочно-гребенчатой керамики в разных районах Верхнего Поволжья (по 1-КС)

По *элементам* орнамента					По *сочетаниям элементов* орнамента				
Восточный и Центральный районы									
Периоды	Ц-4	Ц-3	Ц-2	Ц-1	Ц-5	Ц-4	Ц-3	Ц-2	Ц-1
В-6	34	26	31	31					
В-5	26	18	27	27	34	34	42	66	67
В-4	28	17	29	27	28	28	40	61	65
В-3	21	**13**	26	27	**16**	**17**	33	58	62
В-2	17	14	31	31	28	21	45	68	70
В-1	16	**13**	33	34	29	23	45	72	79
Центральный и Западный районы									
Периоды	З-4	З-3	З-2	З-1	З-4	З-3	З-2	З-1	
Ц-5					12	23	17	23	
Ц-4	8	10	9	16	**6**	26	26	23	
Ц-3	**7**	**7**	13	14	25	18	25	30	
Ц-2	27	25	32	30	52	43	58	52	
Ц-1	30	30	37	35	65	59	71	66	
Восточный и Западный районы									
Периоды	З-4	З-3	З-2	З-1	З-4	З-3	З-2	З-1	
В-6	26	31	34	31					
В-5	18	23	26	23	37	41	37	35	
В-4	17	22	25	22	31	33	34	30	
В-3	13	18	31	18	**19**	33	27	27	
В-2	**9**	19	18	21	22	43	39	37	
В-1	**8**	18	17	21	22	46	39	40	

В целом следует отметить, что картина развития орнаментов на ямочно-гребенчатой керамике, полученная по массовым *элементам* орнамента и по массовым парным *сочетаниям элементов* орнамента, несмотря на различия в деталях, оказалась очень сходной. Вероятно, это можно рассматривать как одно из свидетельств ее достоверности.

Сопоставление полученных результатов с данными естественных наук. В современную эпоху продолжающегося интенсивного внедрения в археологию естественно-научных методов исследования стало почти нормой приличия сравнивать результаты, полученные собственно археологическими методами с результатами решения этих же проблем средствами естественных наук. Это считается не только модным, но и рассматривается как объективный критерий достоверности археологических методов исследования, Поэтому вероятно, и здесь целесообразно провести сравнение полученных результатов с данными радиоуглеродного датирования слоев с ямочно-гребенчатой керамикой на Сахтышских, Ивановских и Языковских стоянках, т.е. именно на тех стоянках, которые были использованы в данной работе. Для этого мною были взяты только те даты, которые авторы соответствующих исследований признают наиболее достоверными (рис. 3).

Легко заметить, что данные радиоуглеродного датирования слоев с ямочно-гребенчатой керамикой на Языковских, Ивановских и Сахтышских стоянках полностью подтверждают то их взаимное расположение во времени, которое было получено при изучении особенностей орнаментации этой керамики.

Выводы. Прежде всего следует теперь, вероятно, считать доказанной гипотезу о прерывистом характере бытования на исследуемых посе-

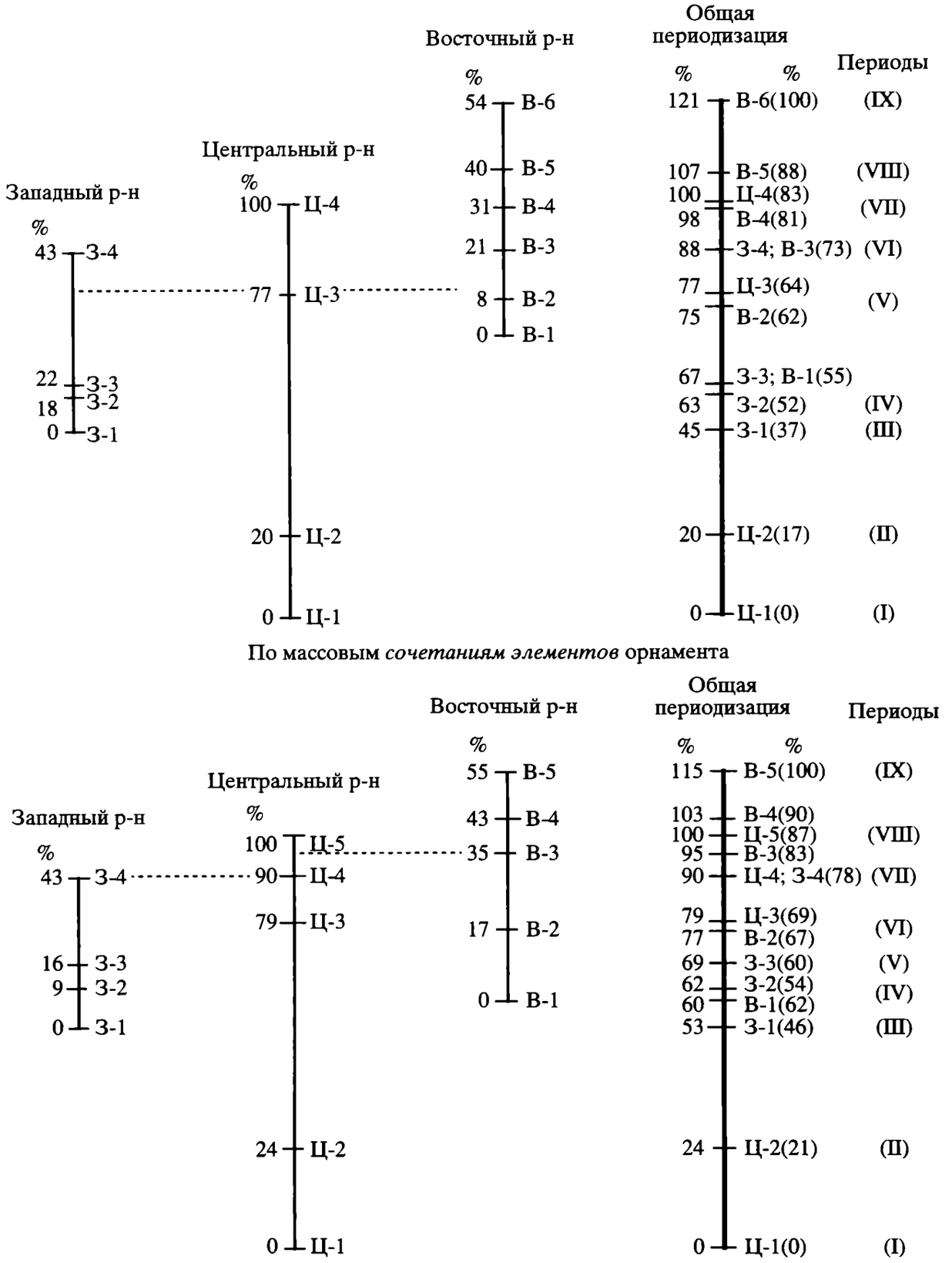


Рис. 2. Синхронизация периодов развития орнамента на ямочно-гребенчатой керамике разных районов Верхнего Поволжья.

Таблица 9. Периодизация орнамента на ямочно-гребенчатой керамике Верхнего Поволжья по массовым *элементам* (итоги синхронизации)

Периоды (общие)	Относительное время (%)	Западный район: Периоды (частные)	Ямочный	Ямчатый	Гребенчатый	Лунчатый	Без орнамента	Центральный район: Периоды (частные)	Ямочный	Гребенчатый	Лунчатый	Без орнамента	Восточный район: Периоды (частные)	Ямочный	Гребенчатый	Лунчатый	Без орнамента
IX	100												В-6	66	19	13	–
VIII	88												В-5	58	23	14	4
VII	82							Ц-4	46	37	1	13	В-4	60	26	11	2
VI	73	З-4	54	–	37	1	8						В-3	62	27	5	5
V	63							Ц-3	53	31	2	12	В-2	57	36	6	–
IV	54	З-2/3	48	4	33	<1	11						В-1	60	36	2	1
III	37	З-1	47	8	29	3	8										
II	17							Ц-2	52	12	5	27					
I	0							Ц-1	56	7	6	30					

лениях носителей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

Кроме того, подтвердилось, что обобщение материалов компактной группы памятников позволяет построить **узколокальную** периодизацию культуры для конкретного района (или конкретной группы стоянок), а синхронизация материалов нескольких компактных групп памятников делает возможным разработку периодизации культуры на более широкой территории.

И, наконец, общий вывод состоит в том, что изучение истории древнего населения по археологическим (в частности, керамическим) остаткам должно быть всегда предельно конкретным с точки зрения пространства и времени. Даже очень мощный и насыщенный слой той или иной культуры на одном памятнике не отражает всех этапов ее истории, и поэтому периодизация культуры по одному ("эталонному") памятнику не может рассматриваться как общая для культуры в целом. Это ведет не к изучению конкретной истории древнего населения, а к ее упрощению и схематизации.

То, что полученные данные, вероятно, достаточно верно отражают реальную историческую ситуацию, подтверждается следующими фактами:

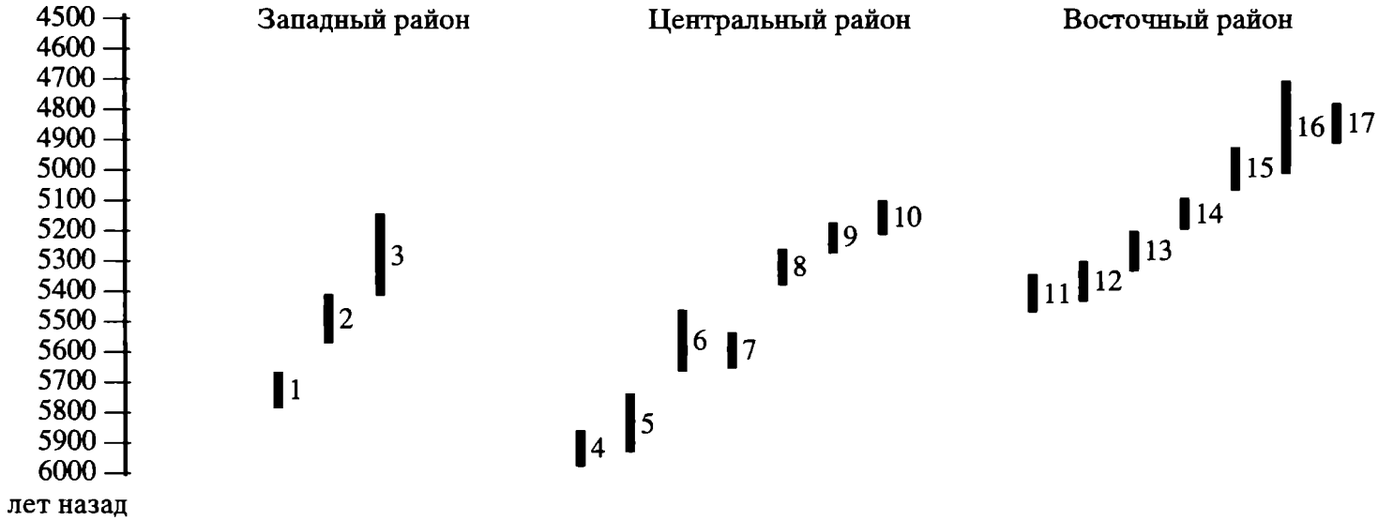
1) стратиграфически более поздние горизонты культуры во всех случаях (кроме одного) располагаются позднее и на условных осях времени, а стратиграфически более ранние горизонты, напротив, занимают на них более раннее положение;

2) как по массовым *элементам* орнамента, так и по массовым парным *сочетаниям элементов* орнамента получена весьма близкая картина расположения разных горизонтов культуры с ямочно-гребенчатой керамикой во времени;

3) имеющимися сегодня данные по радиоуглеродному датированию слоев с ямочно-гребенчатой керамикой на трех изученных группах поселений показывают, что наиболее древние слои отмечены на памятниках Центрального района, несколько более поздние – на памятниках Западного района и еще более поздние на памятниках

Таблица 10. Периодизация орнамента на ямочно-гребенчатой керамике Верхнего Поволжья по массовым парным *сочетаниям элементов* (итоги синхронизации)

Периоды (общие)	Относительное время (%)	Периоды (частные)	Западный район						Периоды (частные)	Центральный район					Периоды (частные)	Восточный район				
			Ямочный + + ямчатый	Ямочный + + гребенчатый	Ямочный + + гладкий	Ямочный + + лунчатый	Ямчатый + + гребенчатый	Ямочный + + без орнамента	Гребенчатый + + без орнамента		Ямочный + + гребенчатый	Ямочный + + гладкий	Ямочный + + лунчатый	Ямочный + + без орнамента	Гребенчатый + + без орнамента		Ямочный + + гребенчатый	Ямочный + + гладкий	Ямочный + + лунчатый	Ямочный + + без орнамента	Гребенчатый + + без орнамента
IX	100															В-5	56	2	37	3	1
VIII	87									Ц-5	65	<1	5	13	13	В-3/4	63	4	22	8	2
VII	78	З-4	–	74	–	3	–	16	7	Ц-4	72	2	4	15	4						
VI	68									Ц-3	49	–	5	25	21	В-2	81	3	13	1	–
V	60	З-3	–	53	11	–	1	23	10												
IV	53	З-2	9	57	–	3	2	10	23							В-1	93	–	5	1	–
III	46	З-1	10	55	5	4	2	12	5												
II	21									Ц-2	22	5	6	53	7						
I	0									Ц-1	15	2	12	68	1						



1 – 5730 ± 50 (Ле-1081)
2 – 5490 ± 70 (Ле-1188)
3 – 5280 ± 130 (Ле-1079)

4 – 5920 ± 60 (ГИН-7476)
5 – 5830 ± 90 (ГИН-9358/II)
6 – 5600 ± 50 (ГИН-9358/I)
7 – 5560 ± 100 (Ле-1109)
8 – 5320 ± 50 (ГИН-9357/II)
9 – 5230 ± 40 (Ле-1110)
10 – 5140 ± 50 (ГИН-9357/I)

11 – 5410 ± 60 (Ле-1588)
12 – 5380 ± 60 (Ле-1889)
13 – 5280 ± 60 (Ле-1583)
14 – 5150 ± 40 (Ле-1024)
15 – 5000 ± 70 (Ле-1020)
16 – 4870 ± 150 (Ле-1198)
17 – 4850 ± 70 (Ле-1019)

Рис. 3. Данные радиоуглеродного датирования слоев культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье (Даты по Языковским стоянкам – Западный район – см. Цетлин, 1991, С. 180; Неолит Северной Евразии. 1996. С.341. Даты по Ивановским стоянкам – Центральный район – см. Зарецкая, Сулержицкий, Жилин. 2000. С. 139, 140; Энговатова, 1998. С. 243; Неолит Северной Евразии. 1996. С. 341, 342. Даты по Сахтышским стоянкам – Восточный район – см. Крайнов и др. 1991. С. 40.).

Восточного района Верхнего Поволжья. Это целиком совпадает с периодизацией культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, полученной по данным изучения орнамента с помощью предложенной методики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Древние охотники и рыболовы Подмосковья (по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное I). М., 1977.

Зарецкая Н.Е., Сулержицкий Л.Д., Жилин М.Г. Радиоуглеродные исследования хронологии поселения Ивановское VII // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.

Крайнов Д.А. Неолитическое жилище на стоянке Сахтыш 1 // КСИА. 1984. Вып. 177.

Крайнов Д.А., Зайцева Г.И., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Абсолютная хронология Сахтышских стоянок // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 5. Иваново, 1991.

Неолит Северной Евразии. Сер. Археология. М., 1996.

Телегин Д.Я. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.

Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.

Цетлин Ю.Б. К разработке системы описания графического орнамента на керамике. В печати.

Энговатова А.В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998.

Local features in periodization of the culture of pit-and-comb pottery on the upper Volga (problems of method)

Yu. B. Tsetlin

Summary

Recently in the investigations of East European Neolithic a trend has formed to suggest chronological sequences of archaeological cultures proceeding from material obtained from a single representative site with thick cultural deposit rich in finds. In this article the author presents his new method of constructing local chronological sequences based on pottery decoration. The corresponding data from the upper Volga culture of pit-and-comb pottery are used to demonstrate the method. The author revealed essential peculiarities in pottery decoration within local groups of sites and came to the conclusion that the only way to suggest a reliable chronology of the discussed culture within a wider region is synchronisation of local chronological sequences. Comparison of the local sequences of the culture of pit-and-comb pottery on the upper Volga and the radiocarbon datings of the same sites' layers has shown their full identity.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 24–37

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2004 г. Е. Н. Черных, Л. Б. Орловская

Институт археологии РАН, Москва

1. Балкано-карпатская медь и радиоуглеродные даты

Радиоуглеродная хронология культур и общностей медного века Юго-Восточной Европы уже более трех десятков лет привлекает к себе постоянное и пристальное внимание многих исследователей. В свое время появление первых серий определений возраста по ^{14}C привело к необходимости воистину революционной передатировки и резкого удревнения развитых сообществ Северных Балкан и Нижнего Подунавья (Neustupny, 1968. P. 19–60; Renfrew, 1969). Обнаружение и обследование громадных медных рудников типа Аи-бунара в Южной Болгарии заставило решительно изменить оценку древнейшего горно-металлургического дела на Балканах и осознать его поразительные мощь и древность (Черных, 1975; 1978а. С. 56–78, 262–265, 273–280; Chernykh, 1978). Наконец, раскопки Варненского могильника выявили для археологов и историков совершенно новые аспекты блистательной культуры медного века в этом регионе (Иванов, 1978; Ivanov, 1989; Черных, 1976).

На фоне упомянутых открытий и постижений одной из важнейших проблем в сопряженных с периодом медного века изысканиях явились детализация и установление характера связей блока балкано-карпатских (подунайских) земледельческих культур с группой более восточных – степных восточноевропейских скотоводческих общностей, контрастных западным по многим кардинальным аспектам своих проявлений. Решительным толчком к развитию данного направления послужило выявление основного источника получения меди скотоводческими сообществами. Исходным районом поставок указанного металла оказалось богатое меднорудными залежами Балкано-Карпатье. Сформулированное почти четыре десятилетия назад данное заключение подкреплялось также тем, что едва ли не все восточноевропейские степные и лесостепные пастушеские народы обитали в практически безрудных областях.

Первоначально, благодаря массовым спектральным анализам металлических материалов, весьма отчетливо выраженная по своему химическому составу западная и юго-западная импортная медь была обнаружена в культуре Кукутень-Триполье, являвшейся по сути восточным маргиналом (хотя и очень выразительным) в мощном блоке подунайских культур (Черных, 1966а. С. 53–58, 67, 68; 1978а. С. 263–265). Ярче всего привозной характер меди проявился тогда в инвентаре Карбунского клада. Почти одновременно с этим балканскую по своему происхождению медь удалось установить также в "чисто степных" могильных памятниках скотоводов днепро-донецкой культуры (Черных, 1966б). Близкий по своим химическим чертам металл обнаружили, наконец, и в Хвалынских могильниках уже на Нижней Волге, т.е. в наиболее северо-восточных памятниках протяженной цепи степных скотоводческих восточноевропейских культур (Chernykh, 1980; 1992. P. 42–48; Chernych, 1983. S. 21, 22; 1991. S. 581–592). На базе этого удалось наметить контуры громадного ареала в распространении балкано-карпатской импортной меди по пространствам южной половины Восточной Европы.

Именно тогда в этом обширном степном и лесостепном регионе наметилась особая зона Балкано-Карпатской металлургической провинции медного века (БКМП), – вообще древнейшей в Евразии системы подобного рода (Черных, 1978б; Chernykh, 1992. P. 48–53. Fig. 15). Своеобразие металлообработки у степняков прежде всего и недвусмысленно отразилось на морфологии металлических изделий. Позднее это заключение подтвердилось и нашло свое дополнительное развитие также при тщательном изучении технологии местной степной металлообработки в генеральных рамках упомянутой провинции (Рындина, 1998. С. 151–179).

Стремительное накопление радиоуглеродных датировок и детализация характерных черт основных металлургических провинций Евразии эпохи раннего металла послужили импульсом к первичной попытке прорисовки широкой картины рассматриваемых здесь органически взаимосвязанных исследовательских направлений. Данная акция включала в себя целостный и системный разбор огромной совокупности дат по ^{14}C в рамках связей по металлу Балкано-Карпатской провинции, а также более поздней – Циркумпонтийской металлургической провинции, охватывавшей на колоссальных пространствах производящие горно-металлургический центры и очаги метал-

лообработки раннего и среднего бронзовых веков. Попытка эта была представлена в недавно вышедшей книге "Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология". Базой исследования явилась обработка 1338 радиоуглеродных дат (Черных и др., 2000). Перечень основных задач данного труда включал в себя, во-первых, полную публикацию калиброванных и статистически в единой манере обработанных определений по ^{14}C. Во-вторых, в цепочку этих задач входило установление общих хронологических контуров обеих упомянутых провинций. И наконец, в-третьих, авторы рассчитывали наметить календарные границы наиболее крупных блоков культур и их общностей в ареалах названных провинций.

Решение более детальных и частных вопросов, например граней абсолютной хронологии множества отдельных культур или памятников, авторы в разряд своих главных задач не включали. Одна из причин подобного ограничения – недостаточное, а порой и вовсе ничтожное количество радиоуглеродных датировок для большинства затронутых в книге археологических объединений – культур или общностей: с позиции математической статистики такого рода конструкции критику не смогли бы выдержать.

Хотя в целом за последние годы количество датировок по ^{14}C энергично нарастало, недостаточность подобных анализов для целого ряда важных и даже ключевых по своей значимости археологических культур продолжала сохраняться. Однако можно полагать, что ныне уже возникла возможность для определенных усилий по выработке взаимосвязанной хронологической системы различных по своему характеру культур и общностей, заключенных в единые структурные рамки. Речь в данном случае пойдет о производящих центрах Балкано-Карпатской металлургической провинции. Повторим, что на материалах ранее исследованного металла удалось весьма надежно установить определенную связь степных скотоводческих сообществ с горно-металлургическими центрами Балкано-Карпатья, откуда эту медь экспортировали на восток. Именно по данной причине вполне логично возникает необходимость в акции по привлечению максимума радиокарбоновых дат для очерченного круга культур. Подобного рода акция может привести к важным результатам и, в частности, пролить свет на временное соотношение степных и нижнедунайских сообществ.

2. Блоки культур и базы их радиоуглеродных дат

Всего для целей настоящей работы авторам удалось привлечь и обработать 455 радиокарбоновых датировок различных материалов со 153 памятников – поселенческих и могильных – из обоих блоков общностей, как балкано-карпатских так и степных. Все упомянутые материалы составили генеральную базу радиоуглеродных дат по БКМП. Ниже в табл. 1–3 мы приводим суммарные сведения о распределении всех учтенных радиокарбоновых определений по важнейшим культурным комплексам.

Кроме перечисленных выше основному блоку балкано-дунайских культур, вне всякого сомнения, принадлежали также комплексы Кукутень–Триполье. Однако занимали они в данном блоке положение особое, и уже по этой причине мы рассматриваем их в настоящей работе обособленно от ядра балкано-карпатских общностей (табл. 2).

И наконец, блок культур и общностей так называемого степного энеолита. Культурная верификация здесь, к глубокому сожалению, отличается наибольшей неопределенностью и вызывает множество вопросов. Однако данный аспект более подробно мы затронем ниже.

При анализе распределения датированных материалов балкано-карпатских культур (табл. 1) бросается в глаза весьма неравномерное распределение проанализированных материалов. Среди них своей представительностью достаточно четко выделяется группа Караново VI–Гумельница. Авторы сочли возможным присоединить к этой коллекции крайне немногочисленные даты (всего пять) смежной и сходной по множеству признаков с гумельницкой культуры типа Варна. В целом же, за исключением коллекций из памятников Винча C-D и Тисаполгар–Бодрогкерестур, количество дат для большинства культурных объединений весьма невелико: всего от 14 до 20. В разряд "прочих" (табл. 1) мы поместили те культуры и памятники, количество датировок для которых не превышало десятка (Балатон, Какань, Лендьел и другие). В подобных случаях статистическая обработка такого рода малых совокупностей в известной мере теряет смысл. К последним здесь примыкают также памятники, датированные материалы которых не имели четкой культурной верификации.

Обеднены радиоуглеродными определениями возраста также позднетрипольские памятники этапа ***C1***. Здесь удалось зафиксировать лишь 16 датировок. Аналогичное наблюдение можно сделать и на материалах степного блока культур (Ракушечный Яр, Хвалынские некрополи и др.). Кроме того, мы должны заметить, что в памятниках днепродонецкой, среднестоговской общностей и хвалынской культуры нам известно достаточное число медных предметов, металл которых восходит к балкано-карпатским источникам. Однако в двух последних группах, – в так называемых памятниках типа "Ракушечный Яр" и "степной энеолит" – металл фактически неизвестен. По этой причине их отнесение авторами раскопок и публикаций к медному веку мы рассматриваем здесь как весьма условное.

Таблица 1. Основные культуры Балкано-Карпатья: распределение датировок

Культуры и общности	Количество		Основная публикация учтенных в базе дат*
	датировок	памятников	
Караново V–Марица–Боян	20	5 (0)**	Черных и др., 2000. Табл. 1-А, 1-В
Караново VI–Гумельница–Варна***	73	18 (0)	Там же; Görsdorf, Bojadžiev, 1996. S. 147
Тисаполгар–Бодрогкерестур	27	5 (3?)	Черных и др., 2000. Табл. 1-А, 1-В
Бутмир	17	2 (0)	Там же
Винча С-D	31	8 (0)	Там же; Tasic Nenad, 1988. P. 046–047
Ситагри Ш****	14	3 (0)	Черных и др., 2000. Табл. 1-А, 1-В
Криводол–Сэлкуца	17	7 (0)	Там же
Прочие	54	22 (0)	Там же
Всего	253	70 (3?)	

* Здесь, а также в табл. 2 и 3, мы отсылаем читателя к тем работам, где опубликована основная масса конкретных радиоуглеродных датировок. Объем данной статьи не позволяет привести все сведения по обработанным анализам; поэтому мы ограничиваемся ссылкой на указанную литературу.

** Здесь, а также в табл. 2 и 3, в скобках приведено количество некрополей из общего числа памятников.

*** К культуре Варна относятся пять датировок из двух памятников.

**** Культура типа Ситагри Ш, как правило, в систему БКМП не включалась: ее ареал располагался вне зоны массового распространения металла провинции. Однако ныне не может подлежать сомнению, что ее памятники должны быть включены в целостный блок балкано-карпатских сообществ.

Таблица 2. Культура Кукутень–Триполье: распределение датировок по периодам

Культуры и общности	Количество		Основная публикация дат
	датировок	памятников	
Прекукутень II–III – Триполье А	29	16 (0)	Черных и др., 2000. Табл. 2-А, 2-В
Кукутень А – Триполье В	41	23 (0)	Черных и др., 2000. Табл. 2-А, 2-В; Бурдо, Ковалюх, 1999. С. 75, 76; Мовша, 2000. С. 46, 49; Телегин и др., 2001. С. 126–129
Кукутень В – Триполье CI	16	10 (0)	Черных и др., 2000. Табл. 2-А, 2-В; Klochko, Kruts, 1999. P. 79
Всего	86	49 (0)	

Таблица 3. Основные общности и культуры степного блока: распределение датировок

Культуры и общности	Количество		Основная публикация дат
	датировок	памятников	
Днепродонецкая	55	17 (4)	Черных и др., 2000. Табл. 3-А, 3-В; Котова, Ковалюх, 2001. С. 85–123; Манько, 2002. С. 139–141; Манько, Телиженко, 2003. С. 32, 33; Телегин и др., 2001. С. 126–129; Telegin et al., 2000. P. 62–64
Среднестоговская	28	9 (3)	Черных и др., 2000. Табл. 3-А, 3-В; Манько, Телиженко, 2003. С. 33; Telegin et al., 2000. P. 66
Хвалынская	11	2 (2)	Черных и др., 2000. Табл. 3-А, 3-В
типа Ракушечного Яра	12	2 (0)	Черных и др., 2000. Табл. 3-А, 3-В; Белановская, 2000. С. 7
"Степной энеолит" (без уточнений)	10	7 (5)	Черных и др., 2000. Табл. 3-А, 3-В; Мовша, 2000. С. 49; Шишлина, 2003. С. 64–67; Яровой, 2000. С. 17
Всего	116	37 (14)	

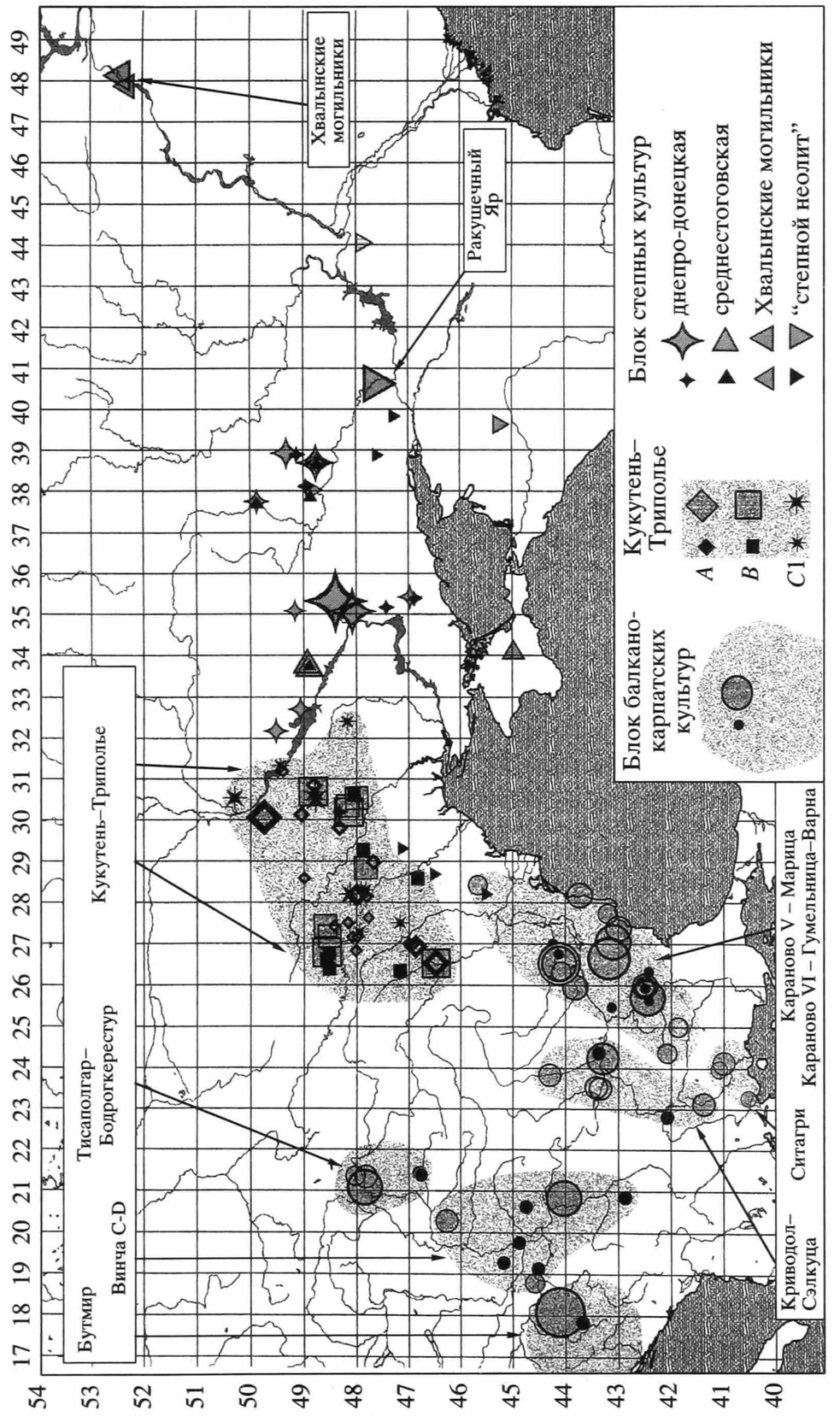


Рис. 1. Карта распространения памятников, служивших источниками датированных по ^{14}C материалов. Размеры значка отражают примерную пропорцию между минимумом и максимумом анализов с каждого из пунктов.

Все учтенные здесь – и поселенческие, и могильные – памятники обоих основных культурных блоков покрывали, правда крайне неравномерно громадные пространства: от Нижней Волги почти до Адриатики (рис. 1), охватывая совокупную площадь, близкую 1.8 млн. км^2. По сути они поглощают практически весь ареал Балкано-Карпатской металлургической провинции. Географические координаты памятников в большинстве случаев определяли авторы статьи, используя для этого детальные электронные карты. Это в конечном итоге и было использовано для картографирования тех памятников, которые послужили источниками материала для датировок (рис. 1).

3. Хронология культур балкано-карпатского ядра

Радиоуглеродную хронологию культур балкано-карпатского ядра можно было бы обсуждать здесь на материалах 253 датировок (табл. 1). Однако мы предпочли воспользоваться в настоящей работе данными лишь 199 определений, поскольку 54 из них, занесенных в разряд "прочие" (см. табл. 1), в статистической обработке совокупностей последних не участвовали.

Все датированные материалы обоих блоков культур в данной работе подвергались обработке сходными методами. Основу последних составлял пакет компьютерных программ Оксфордской лаборатории OxCal version 3.8 (Ramsey et al., 2002). Первой и обязательной операцией всегда являлась калибровка индивидуальных определений возраста пробы. За ней следовала столь же обязательная вторая операция по определению *суммы вероятностей* калиброванных значений для каждой из намеченных совокупностей датировок. Сумма вероятностей служила, таким образом, основной формой выражения для заключений о хронологических рамках той или иной группы памятников и сопряженных с этими памятниками археологических культур и общностей.

По наблюдениям авторов, достаточно корректные и надежные выводы о возрасте группы проанализированных образцов и связанных с ними памятников следовали лишь на базе анализа тех совокупностей датировок, общее число которых не опускалось ниже 25[1]. При количестве датировок в отдельной совокупности между 24 и 10 мы склонны предлагать лишь предварительные заключения о суммарном возрасте группы (на графиках частотных полигонов такие случаи выделялись особо). Совокупности, представленные менее чем десятью датами, статистическому анализу в настоящей работе не подвергались: в подобных случаях относительный вес каждой возможной ошибки был избыточно велик.

Из семи статистически обработанных совокупностей блока балкано-карпатских культур (рис. 2, 3) лишь три удовлетворяли требованиям больших чисел: Гумельница–Караново VI–Варна (73 даты), Винча C-D (31 дата), а также Тисаполгар–Бодрогкерестур (27 дат), что мы уже отмечали выше. Сумма вероятностей группы Караново VI–Гумельница наряду с количественной представительностью вообще привлекает наше внимание особой четкостью характера распределения (рис. 2). Ее хронологические рамки (для одной сигмы, равной 68.2%) укладываются в период **4690–4250 гг. до н.э.** Не менее четким и отражающим нормальный характер распределения выглядит также частотный полигон для предшествующей по возрасту культуры типа Караново V–Марица: вероятные рамки ее возрастного периода заключены в пределах **4790–4360 гг. до н.э.** (рис. 2). Вместе с тем при сравнении возраста этой пары бросается в глаза весьма незначительное различие в абсолютном возрасте древностей типа Караново V и Караново VI – лишь одно столетие. Заметим, однако, что подобная хронологическая близость присуща подавляющему большинству генетически тесно связанных между собой, но относительно разновременных культурных общностей (см., например, Черных и др., 2000. С. 18, 19). По всей видимости, бывает крайне сложно провести корректную грань между следующими друг за другом фазами единой культуры типа Караново V и VI или же Бутмир I, II, III и т.п.

Фигуры частотных полигонов еще двух малочисленных групп отличались сравнительной близостью к нормальному распределению сумм вероятностей: Бутмир и Винча C-D (рис. 3). При вероятности в одну сигму их возраст можно поместить в рамки **4960–4540 и 4950–4460 гг. до н.э.** Гораздо хуже отвечают этой форме распределения группы Тисаполгар–Бодрогкерестур и Ситагри III. Первая из них (рис. 2) двухвершинна (бимодальна), что и выразилось в двух возможных диапазонах возраста группы при учете вероятности в одну сигму, или 68.2%: **4800–4600 и 4400–3500 гг. до н.э.** Именно поэтому уточнение общей картины возраста этой культурной группы требует дальнейшего накопления аналитических данных. Для культуры типа Ситагри III (рис. 3) мы обязаны отметить весьма существенное отличие двух ранних в этой серии датировок

[1] Установление нижней границы числа необходимых наблюдений, при котором вероятность общего события (в данном случае – хронологического диапазона) приобретает достаточно стабильный характер, т.е. распределение частных событий начинает отвечать закону больших чисел, в каждом конкретном случае необходимо определять особо (см., например: Митропольский, 1961. С. 142–171; Налимов, 1960. С. 325–338). При оценке необходимого – не менее 25 – числа датировок мы опирались на собственный опыт предшествующих исследований с аналогичным материалом дат по ^{14}C.

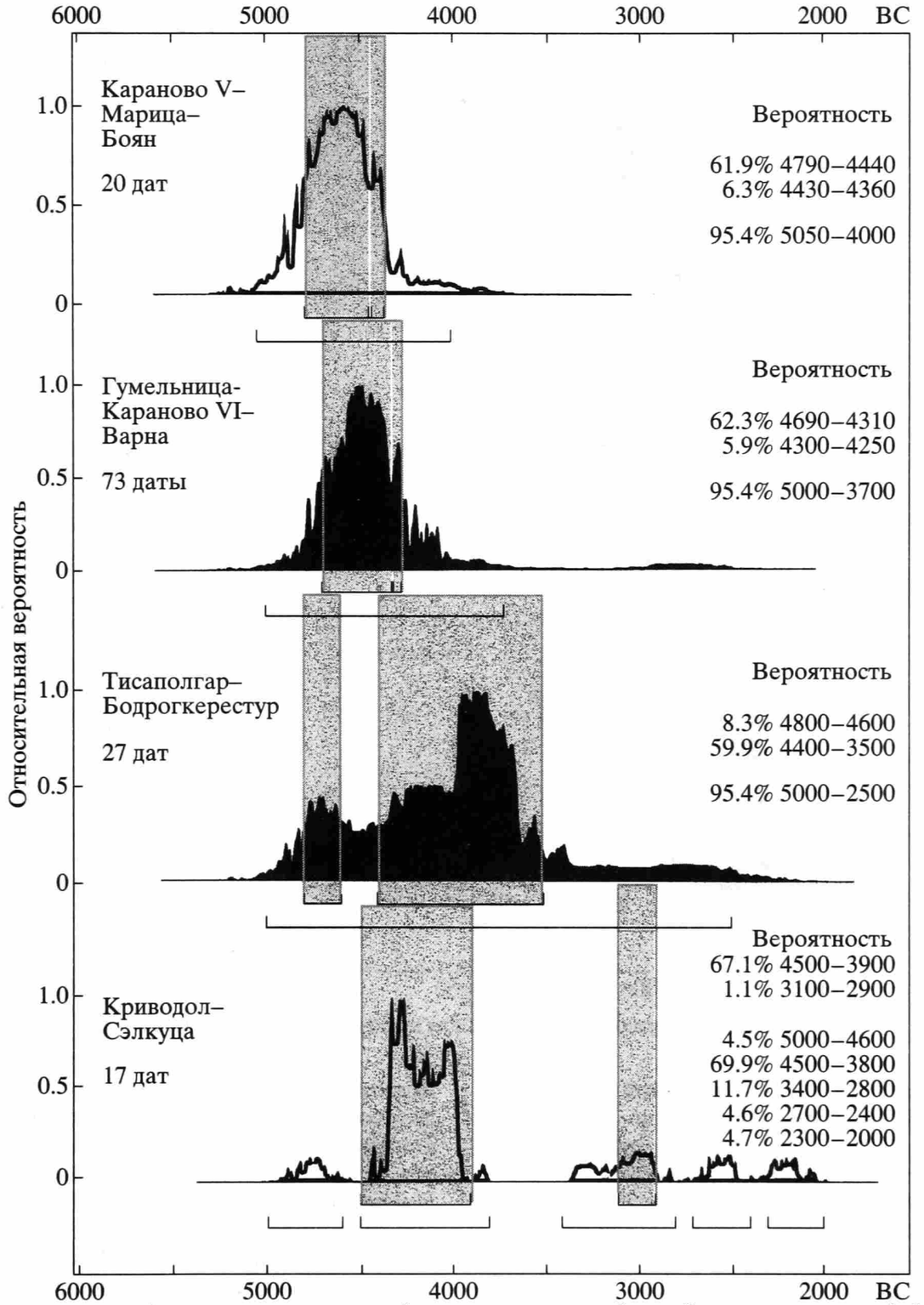


Рис. 2. Суммы вероятностей датировок для культур балкано-карпатского блока. Здесь и на рисунках 3–5 черным залиты фигуры полигонов, где количество радиоуглеродных дат превышает 25; при числе определений менее 25 фигуры полигонов обозначены контуром.

(5700–5400 гг. до н.э.)[2] от основной группы в 12 аналитических определений, которая укладывается в рамки **4900–4200 гг. до н.э.** И в данном случае также несомненна явная потребность в увеличении базы данных.

На фоне всех перечисленных групп менее всего нас может удовлетворять совокупность датировок культурного объединения Криводол–Сэлкуца (рис. 2). Фигура распределения суммы вероятностей разбита на несколько плохо отвечающих

[2] Вполне вероятно, что древность упомянутых двух проб обусловлена их локализацией: образцы были сопряжены с комплексами из Василики в Северной Греции, датированными временем Ситагри II–III (см.: Stellos et al., 1996. P. 577); в то же время все иные включенные в нашу базу материалы поселений Ситагри и Дикили-таш связаны с фазой III этой культуры.

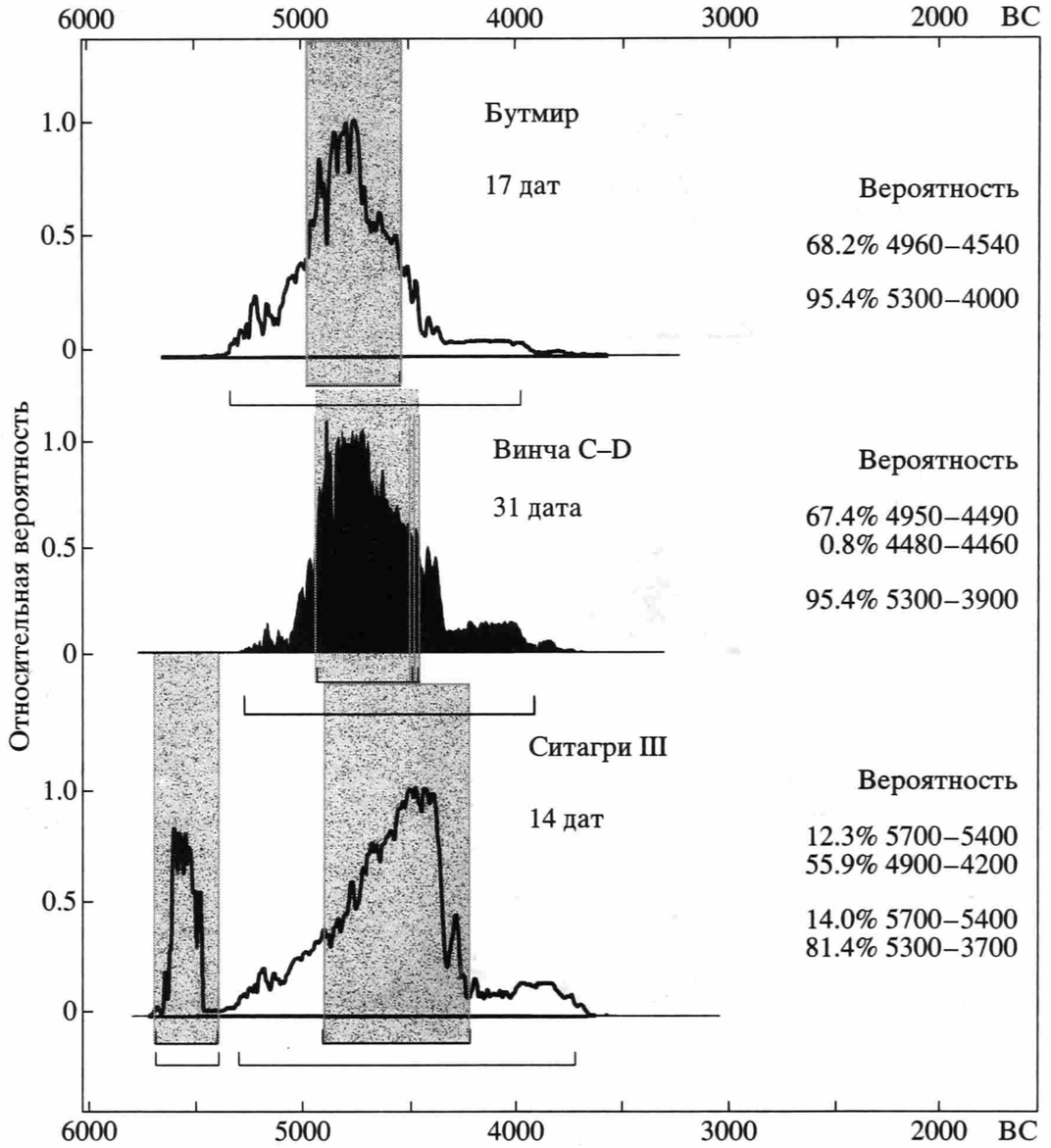


Рис. 3. Суммы вероятностей дат по ^{14}C для культур балкано-карпатского блока.

друг другу частей. Только основной массив дат, прогнозирующий рамки культуры в пределах **4500–3900 гг. до н.э.,** может предварительно ориентировать нас на установление вероятного возраста этих комплексов. Прочие датировки, особенно поздние, требуют своей переоценки.

Невзирая на все оговорки, обусловленные количественно недостаточными базами данных, мы должны отметить вполне удовлетворительное совпадение хронологических диапазонов по меньшей мере у пяти групп балкано-карпатского блока культур. В целом их возраст укладывается в рамки от первой до третьей четвертей V тыс. до н.э. При всей их календарной близости тем не менее возможно наметить здесь весьма плавный и последовательный порядок их расположения на возрастной шкале – от древнейших к более молодым: 1) Бутмир, 2) Винча C-D, 3) Ситагри III, 4) Караново V–Марица–Боян, 5) Гумельница–Караново VI–Варна. И если базироваться на анализе имеющихся датировок, вслед за намеченным рядом должны расположиться более поздние, по существу финально-энеолитические культуры Тисаполгар–Бодрогкерестур и Криводол–Сэлкуца. Представленный хронологический порядок культур необходимо расценивать преимущественно как предварительный, требующий более емких баз данных. Однако в основных чертах полученная последовательность, пожалуй, в принципе отвечает более ранним наблюдениям за релятивной хронологией этих культур и комплексов (см., например: Benac et al., 1979. S. 634; Tasić et al., 1979. S. 436; Тодорова, 1986. С. 230, 231; Durankulak, 2002. S. 35, 52).

4. Хронология общности Кукутень–Триполье

Календарный возраст общности Кукутень–Триполье зиждется на сумме вероятностей 86 калиброванных датировок (рис. 4). Характер общей

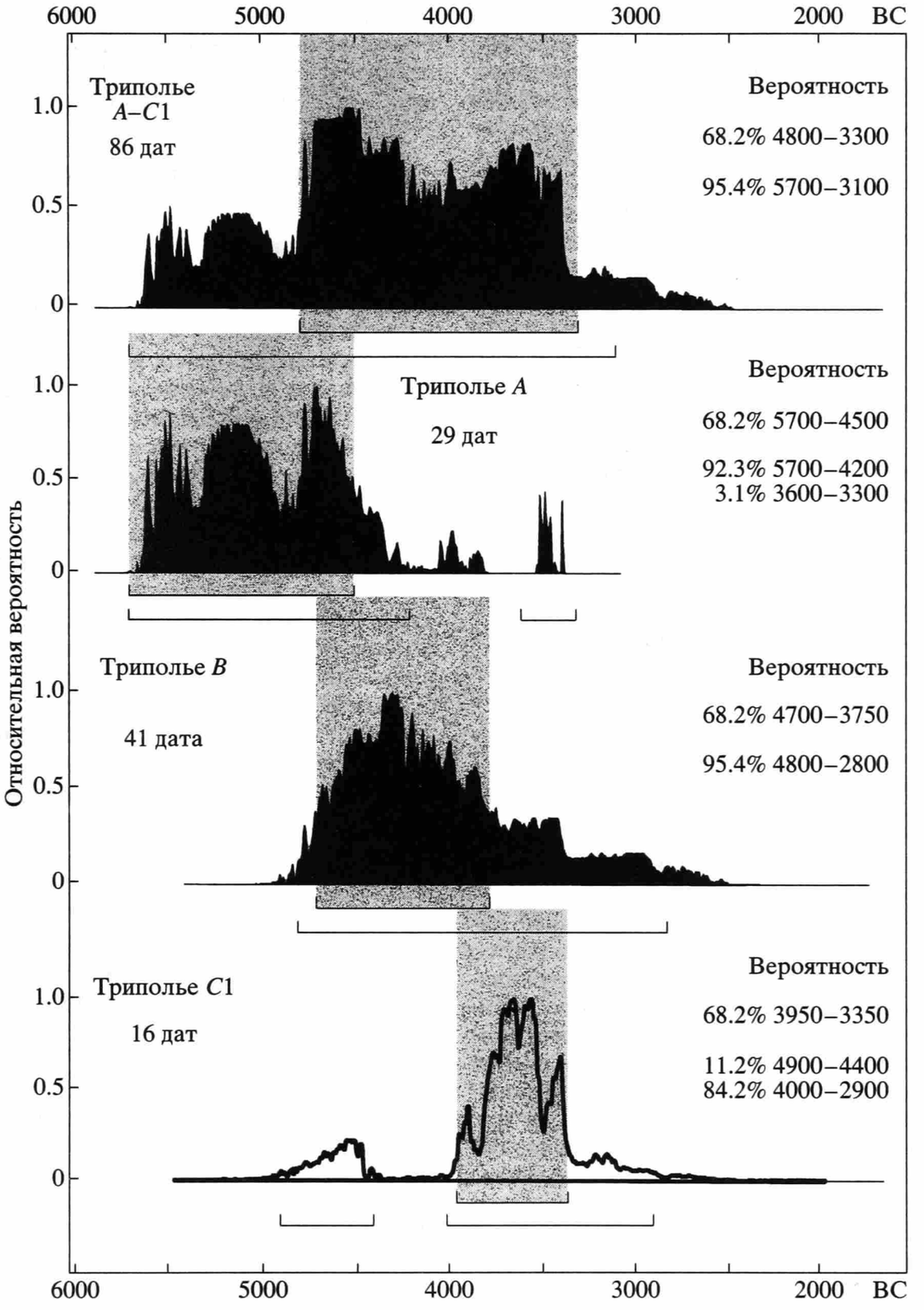


Рис. 4. Суммы вероятностей датировок по ^{14}C для культур общности Кукутень–Триполье.

фигуры ее распределения далек от нормального. Частотный полигон отличают многовершинность (полимодальность) и чрезвычайно широкий общий диапазон: при вероятности в две сигмы (95.4%) ее даты охватывают период от **5700 до 3100 гг. до н.э.** При разнесении датировок по основным периодам следует, кроме того, отметить количественную неравноценность групп: к Триполью В относится почти половина всех анализов, а на долю позднейших комплексов (С1) – лишь 16 дат (около 19%). Столь же неоднозначными выглядят и полигоны сумм вероятностей для каждой из релятивно-хронологических групп.

У Триполья А фигура суммы вероятностей по крайней мере трехвершинна (рис. 4) при том, что общее количество определений относительно не-

велико – всего 29. Хронологический период этих комплексов (даже в рамках одной сигмы) чрезвычайно широк: **5700–4500 гг. до н.э.** Следовательно, большая часть комплексов этой группы должна быть синхронна *"дометаллическому" периоду* функционирования балкано-карпатских культур. И лишь только третий – крайний правый – пик фигуры распределения раннетрипольских материалов отвечает возрасту расцвета горно-металлургических очагов сформировавшейся тогда Балкано-Карпатской провинции: контуры пика соответствуют промежутку от первой до третьей четверти V тыс. до н.э. Именно на этот период указывало большинство дат ядра балкано-карпатских культур, о чем подробно говорилось в предшествующем разделе.

Группа анализов Триполья В более однородна (рис. 4). Правда, возрастной диапазон при вероятности в одну сигму также достаточно широк: он равен почти тысячелетию или же **4700–3750 гг. до н.э.** Такой промежуток в достаточной мере соответствует тем культурам и группам балкано-карпатского блока, которые являлись центральными среди горно-металлургических очагов системы БКМП. По существу датировки Триполья В синхронны также и позднейшим группам Балкано-Карпатья, которые ассоциируются с культурами Тисаполгар–Бодрогкерестур и Криводол–Сэлкуца (ср. рис. 2 и 4). В этом отношении комплексы этапа В, в целом отличные по возрасту от Триполья А, могут с полным правом также быть включенными в структуру БКМП.

Наконец, позднейшие и немногочисленные датировки трипольской общности, связанные со слоями памятников фазы С1, также обнаруживают заметную неравномерность частотного полигона: его фигура двухвершинна. Кроме того, хронологический диапазон датированных образцов (при вероятности в 68.2%) говорит об их относительно позднем возрасте: **3950–3350 гг. до н.э.** Иначе говоря, этот диапазон в лучшем случае будет соответствовать наиболее поздним, финальным производящим очагам БКМП времени распада провинции (ср. рис. 2 и 4), например – культуре Бодрогкерестур и комплексу Бубань–Сэлкуца–Криводол (Tasić Nikola, 1979a; 1979b).

И еще одно обстоятельство существенно отличает общую трипольскую коллекцию датировок от балкано-карпатского ядра. Выстроенный нами в предшествующем разделе хронологически плавный ряд энеолитических культур отличается завидной компактностью в смысле календарной близости на фоне вызывающего удивление трипольского хронологического "размаха". В этой связи обратимся лишь к одному примеру выявленного контраста. Сколь незначительной выглядит возрастная разница между генетически связанными комплексами Караново V–Марица и сменившими их Караново VI–Гумельница, столь несопоставимо более резкими предстают различия в хронологических границах между тремя последовательными этапами развития общности Кукутень–Триполье.

5. Хронология степных общностей и культур

Из 116 датировок по ^{14}C, связанных с энеолитическими или же, как часто именуют их украинские археологи, "неоэнеолитическими" культурами, статистической обработке подверглись 106 определений, объединенных в четыре количественно неравноценные группы (рис. 1 и 5). Оставшиеся 10 дат соотносятся с культурно мало определенными и крайне немногочисленными комплексами, упоминаемыми в соответствующей литературе как *новоданиловские, константиновские* либо обозначаемые просто "*степным энеолитом*"[3]. Из статистически обработанных большая половина анализов (55) сопряжена с днепро-донецкой культурой или же общностью. Этой группе двукратно уступает по числу дат среднестоговская культура. Две прочие группы по сути являются производными единичных памятников: поселения Ракушечный Яр (11 дат из 12), а также Хвалынских 1 и 2 могильников (4 и 7 определений соответственно).

Характер сумм вероятностей радиоуглеродных дат в степных общностях существенно отличен от распределения датировок в культурах балкано-карпатского блока (ср. рис. 2, 3 и 5). По существу ни один из частотных полигонов здесь не демонстрирует нормального распределения (рис. 5). Некоторое исключение являет полигон определений возраста на материалах Хвалынских могильников. Однако и на этом графике очевидна весьма заметная аномалия: отрыв от основной группы одной резко омоложенной датировки (эту аномалию подробнее мы прокомментируем ниже).

Наиболее вероятными (при допуске в одну сигму) хронологическими рамками днепро-донецкой общности являются **5400–4200 гг. до н.э.** Тем самым ближе всего абсолютный возраст этой общности соответствует периоду бытования Триполья А. Столь же определенно можно говорить, что металлсодержащие комплексы этой группы (например, Мариупольский, Никольский могильники) могут соотноситься лишь с поздней фазой существования данной культуры (V тыс. до н.э.). Раннюю же фазу последней (финал VI тыс. до н.э.) следует связывать еще с так называемым дометаллическим периодом ее бытования. Указанные фазы данной общности (правда, в довольно стер-

[3] На карте (рис. 1) в группу "степного энеолита" включены также два памятника, относимые иногда к особой культуре типа Ракушечного Яра; из эпонимного поселения нами учтены датировки материалов, извлеченных из его так называемых энеолитических слоев – от пятого до второго.

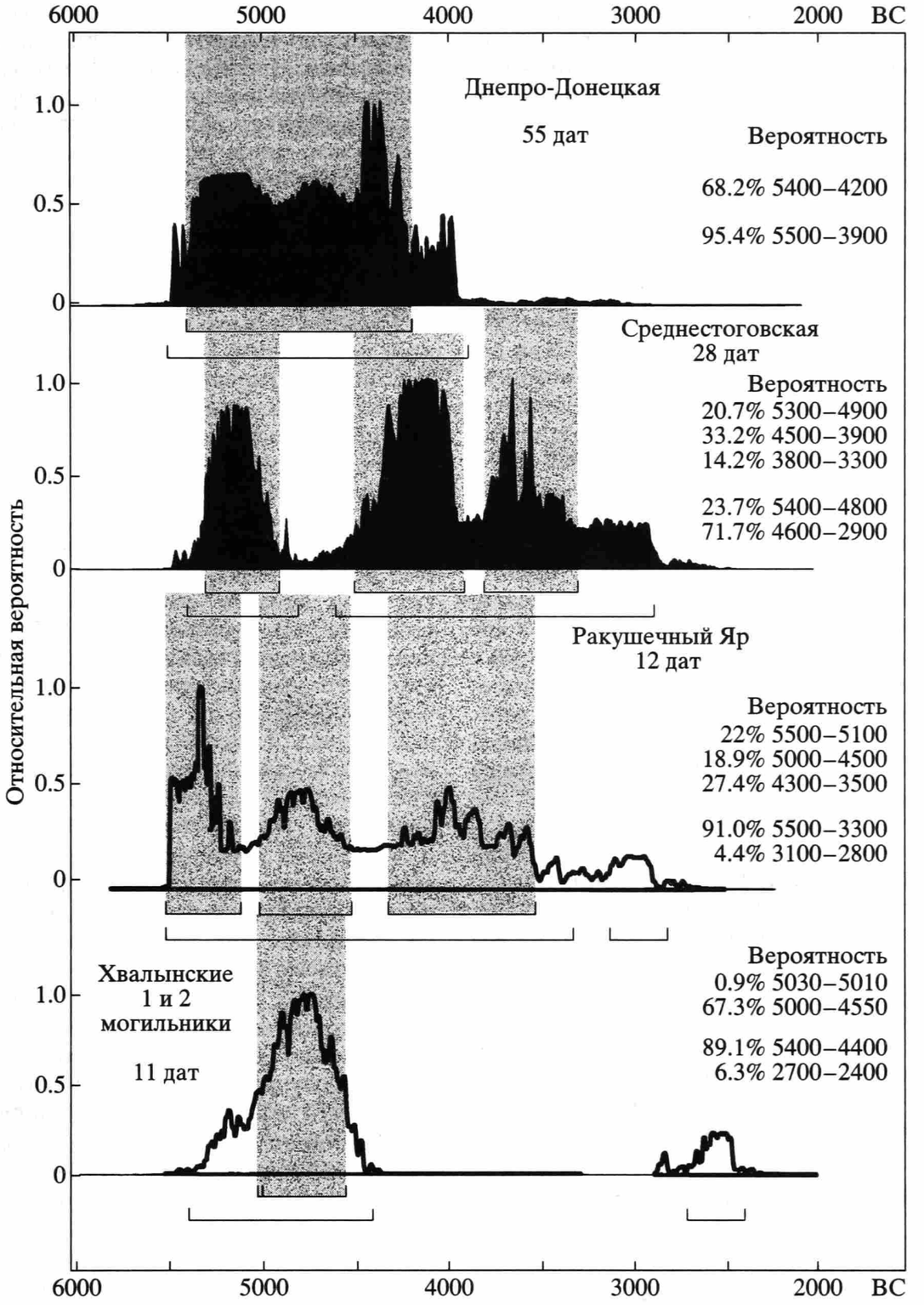


Рис. 5. Суммы вероятностей радиоуглеродных дат для блока степных культур Восточной Европы.

той форме) отражаются также и на пиках частотного полигона всей совокупности ее анализов.

Неоднородность распределения датировок в рамках среднестоговской культуры выражена предельно контрастно (рис. 5). Радиокарбоновых определений здесь сравнительно немного, но диапазон вероятного бытования культуры – даже при исчислении его в рамках одной сигмы (68.2%) – чрезвычайно широк: **5300–3300 гг. до н.э.** Однако и этот двухтысячелетний отрезок времени расчленяется на три фактически изолированных друг от друга периода, пики которых хорошо заметны на ее частотном полигоне: **5300–4900, 4500–3900 и 3800–3300 гг. до н.э.** Древнейший период определенно синхронизируется с ранней ("дометаллической") фазой днепро-донецкой культуры. Второй

период одновременен классической фазе производящих очагов Балкано-Карпатской провинции, откуда и попадал металл среднестоговскому населению. Наконец, третий "пик" или период по абсолютному возрасту весьма близок Триполью С1.

На фоне среднестоговской группы датировок весьма примечательной выглядит сумма вероятностей следующей совокупности, материалы которых связаны по существу с одним памятником – поселением Ракушечный Яр (рис. 5). Поразительно, но данный полигон во многом повторяет среднестоговский, и проявляется это даже при существенно меньшем числе датировок. Сами даты распределены по протяженному и по возрасту близкому к среднестоговскому двухтысячелетнему диапазону; причем последний также расчленяется на три пика-периода: **5500–5100, 5000–4500, 4300–3500 гг. до н.э.** По имеющимся у авторов предварительным сведениям, медь в памятниках данного типа пока не обнаружена. К медному веку эти слои многие исследователи относят прежде всего на основании весьма зыбких свидетельств о связях с соседними культурами, в комплексах которых металл в той или иной мере уже известен.

Иначе выглядит полигон суммы вероятностей датировок Хвалынских могильников. Аномалия в виде резко омоложенной и относящейся к III тыс. до н.э. дата (рис. 5) сопряжена с одним из погребений первого кладбища[4]. Любопытнее, однако, другое. В Хвалынских некрополях обнаружено довольно много балкано-карпатской меди (Černych, 1991. S. 590, 591. Tab. 1), но предполагаемые хронологические рамки заполнения этих кладбищ кажутся весьма ранними: **5030–4550 гг. до н.э.** Иначе говоря, обнаруженная в этих могильниках медь может быть соотнесена либо с импортами металла из древнейшей группы очагов БКМП, либо погребения с металлом маркируют позднейший пласт хвалынских могил, синхронный, скажем, гумельницкому очагу. Последний вариант представляется авторам более приемлемым.

6. Итоги исследования и его проблемы

Итоги нашего исследования мы подводим генеральной синхронистической таблицей (рис. 6). На ней отчетливо прослеживаются соотношения хронологических периодов различных совокупностей радиокарбоновых дат как внутри отдельных блоков, так и между ними. Таблица достаточно выпукло отражает те различия в гранях хронологических периодов между центральной группой балкано-карпатских очагов, с одной стороны, а с другой – с трипольской культурой, являвшейся для Балкано-Карпатья, по сути, маргинальным сообществом. Вполне вероятно, что Кукутень–Триполье следует именовать не культурой, но общностью, поскольку ранние комплексы Триполья А погружены еще в "дометаллический" период, а огромный хронологический "размах" трипольской общности не может не удивлять. Во всяком случае широкое обсуждение возникшей проблемы трипольской календарной хронологии должно быть продолжено.

Гораздо больше проблемных сюжетов возникает при анализе данных, связанных с радиокарбоновыми датировками степных сообществ. Первое, что следовало бы постараться объяснить, – это практическое отсутствие "монолитно" выраженных сумм вероятностей едва ли не у всех представленных здесь групп. Своеобразным лидером в этом отношении явилась среднестоговская культура, где разнобой в датировках превзошел все ожидания. Можно было думать, что это хотя бы отчасти обусловлено исключительно большим территориальным разбросом памятников. Однако специально и для сравнения публикуемый авторами материал из многослойного селища Ракушечный Яр, где материалы для анализа извлекались из последовательно залегавших друг над другом "энеолитических" слоев, показал сходную картину. Следовательно, суть выявленного феномена заключается в чем-то ином.

Аномалии в распределении датировок или же сумм их вероятностей, что обнаруживается, как правило, при статистической обработке массового материала, могут объясняться рядом причин. В качестве основных назовем три из них.

Во-первых, лабораторная ошибка анализа. На массовом материале такие случаи выявляются довольно быстро, без особых затруднений. В нашем случае это скорее всего относилось к Хвалынскому 1 могильнику, о чем говорилось выше.

Во-вторых, ошибка пробоотбора. Исследователь неверно определяет отношение взятой пробы к культурно верифицированному памятнику. Конкретная дата или группа дат в таком случае будет неправильно сопоставлена с культурой, что в той или иной мере отразится на финальном заключении о возрасте культуры или же общности родственных культур.

Наконец, третьей и, быть может, наиболее существенной причиной является ошибочная культурная верификация и трактовка группы (групп) памятников, служивших источником материалов для их радиоуглеродного анализа.

Последняя причина с особенной силой отражается на культурах со слабо выраженными материальными признаками так называемых вертикальных и/или горизонтальных, т.е. хронологических и пространственных, различий. Именно таковые

[4] Анализ человеческой кости скелета № 13 в Хвалынском 1 некрополе. Захоронение это безынвентарное, но по обряду для этих могильников вполне стандартное (Агапов и др., 1990. С. 14, 86, 101. Рис. 5, *1*). Скорее всего данную аномалию следует объяснять ошибкой лабораторного определения.

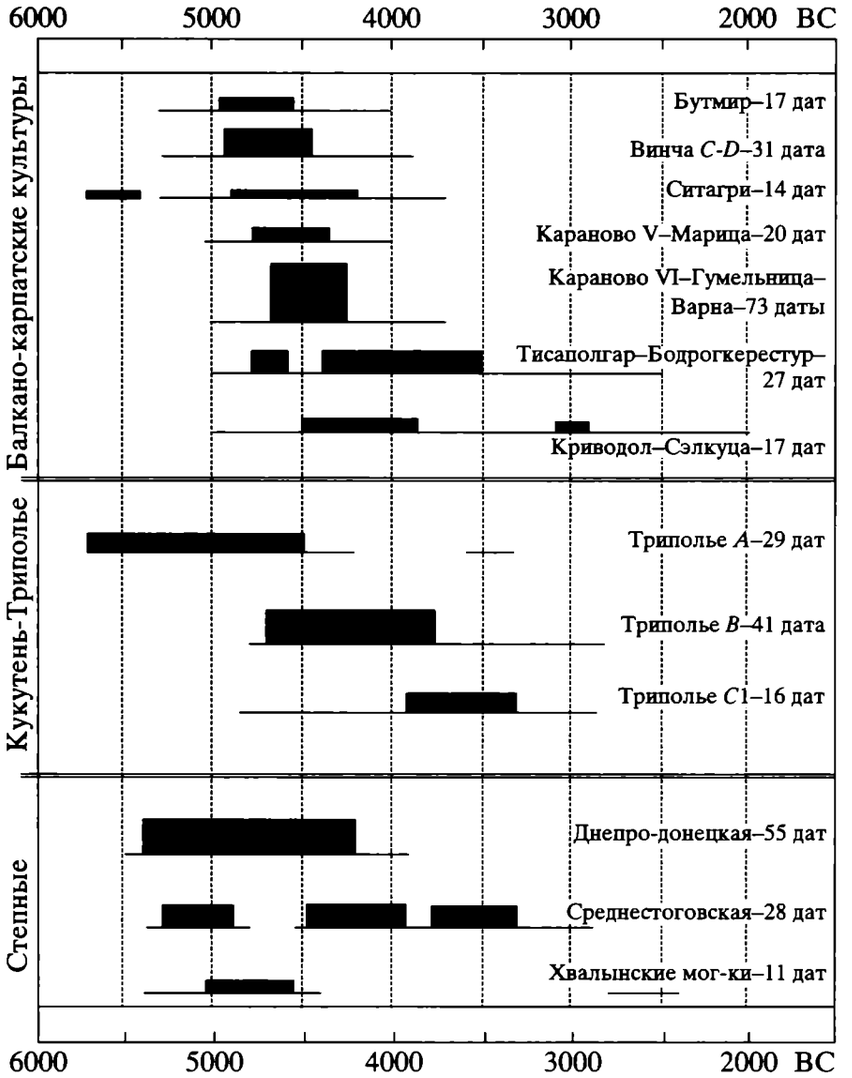


Рис. 6. Хронологическая схема культур и общностей в пределах границ Балкано-Карпатской металлургической провинции. Черным залиты прямоугольники, определяющие временные рамки для конкретной совокупности дат, соответствующие 68.2% вероятности (одна сигма); вероятность хронологического периода в две сигмы (95.4%) обозначена линией.

и составляют огромное большинство степных сообществ. Почти всегда при работе с этими материалами исследователи лишь с большим трудом могут выявить те бесспорные черты, которые позволили бы отличить одну культуру от другой или же наметить ее корректную периодизацию. На степных пространствах лишь весьма редко мы можем опираться на материалы строго стратифицированных, многослойных поселений, которые в великом множестве рассеяны по Северным Балканам и Подунавью.

Крайне сложно протекает процесс убедительного определения истоков подобных культур и общностей. Причем касается это не только "неоэнеолитических" общностей Великой Евразийской степи, но и более поздних, относящихся к раннему, среднему и позднему бронзовым векам (IV–II тыс. до н.э.). Показательно, что косвенным, но весьма выразительным признаком сложности культурной верификации в степях служат бесконечные дискуссии[5] по определению самих культур, их кардинальных признаков, а также деталей, позволяющих аргументированно конструировать пространственные и релятивно-хронологические группы памятников. Ведь совершенно не представляет труда привести примеры, когда одни и те же степные памятники трактуются совершенно по-разному с точки зрения их культурной принадлежности.

[5] Дискуссиями по сходным проблемам заполнены страницы многочисленных работ по степным культурам. Для нас, пожалуй, будет достаточно сослаться здесь лишь на одну работу, имеющую прямое отношение к затронутой нами теме: речь идет об историографическом разделе в недавно вышедшей книге Н.С. Котовой "Неолитизация Украины". В этой книге автором весьма выпукло представлены поразительные разногласия в культурной оценке одних и тех же материалов (Котова, 2002. С. 5–11).

Для степных древностей все это представляет малоутешительный контраст с сообществами Балкано-Карпатья. Пространственное подразделение культур этого ареала, как правило, несравненно более обоснованное, нежели у их восточных соседей, благодаря богатому комплексу четко выраженных и ярких признаков на формах и орнаментации керамики, в домостроительстве, а также на прочем материале. Именно поэтому в балкано-карпатском регионе несопоставимо легче выявлять группы сходных комплексов, устанавливать их отличие от соседних.

Однако существенно сложнее удаются здесь линии "вертикальных" разделов при попытках относительной периодизации того или иного сообщества. Трудности установления подобного рода разграничений возрастают в случаях, когда эти акции проводят в рамках генетически связанных между собой культур. Ведь в общностях такого рода конкретные археологические материалы порой очень трудно различать между собой. Кажется, что именно это обстоятельство и обусловило ту установленную нами минимальную разницу между хронологическими рамками отдельных культурных фаз или же этапов. Об этом говорилось выше при разборе балкано-карпатского материала (вспомним сопоставление комплексов Караново V и VI).

Интересно, что в определенном смысле воздействие "степного вируса" в чем-то сказалось даже на восточной, специфично-маргинальной в балкано-карпатском блоке общности Кукутень–Триполье. Во всяком случае, проблема хронологии (как относительной, так и абсолютной) для этой общности решается и труднее, и несколько иначе в сравнении с культурами балкано-карпатского ядра. Радиоуглеродные даты здесь продемонстрировали размытость и неустойчивость вертикальных границ внутри этой обширной культурной группы, что наиболее заметно отразилось на раннетрипольских материалах.

В любом случае не вызывает сомнения, что увеличивающийся фонд радиоуглеродных дат и их обработка привели к заметному прогрессу в наших представлениях о календарном возрасте культур медного века в рамках Балкано-Карпатской металлургической провинции. Наряду с этим на поверхности довольно неожиданно обозначились такие проблемы, которые мы до последних исследований не имели возможности даже сформулировать. Дискуссии по этим острым вопросам ждут своего безусловного продолжения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990.

Белановская Т.Д. Хронологические характеристики многослойного поселения времени неолита–энеолита Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) // Хронология неолита Восточной Европы. Тез. докл. Междунар. конф. СПб., 2000.

Бурдо Н.Б., Ковалюх М.М. Нові дані про абсолютне датування Трипілля В1 // Археологічні дослідження в Україні 1998–1999 рр. Київ, 1999.

Иванов И. Съкровищата на Варненския халколитен некропол. София, 1978.

Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск, 2002.

Котова Н.С., Ковалюх Н.Н. Каталог радиуглеродных дат неолитических памятников Украины // Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск, 2001.

Манько В.А. Абсолютное датирование неолитических памятников Среднего Подонечья // Сучасні проблеми археології. Київ, 2002.

Манько В.А., Телиженко С.А. Проблемы абсолютной хронологии мезолита–энеолита Подонечья // Матеріали і дослідження з археології України. Луганськ, 2003. № 1.

Митропольский А. К. Техника статистических вычислений. М., 1961.

Мовша Т.Г. К проблеме взаимодействия древних земледельцев Трипольско-Кукутенской общности с носителями культур Понтийских степей // Проблеми археології Подніпров'я. Спец. вип. до 70-річчя І.Ф. Ковальової. Дніпропетровськ, 2000.

Налимов В.В. Применение математической статистики при анализе вещества. М., 1960.

Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите – энеолите). М., 1998.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднестоговская и новоданиловская культура энеолита Азово-Черноморского региона. Луганск, 2001.

Тодорова Х. Каменно-медната епоха в България (пето хилядолетие преди новата ера). София, 1986.

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы // МИА. 1966а. № 132.

Черных Е.Н. Первые спектральные исследования меди днепро-донецкой культуры // КСИА. 1966б. Вып. 106.

Черных Е.Н. Аибунарский медный рудник IV тыс. до н.э. на Балканах (исследования 1971, 1972 и 1974 гг.) // СА. 1975. № 4.

Черных Е.Н. На пороге несостоявшейся цивилизации // Природа. 1976. № 2.

Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978а.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978б. № 4.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.

Шишлина Н.И. Степной энеолит Северо-Западного Прикаспия // Чтения, посвященные 100-летию творческой деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. Ч. I. М., 2003.

Яровой Е.В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2000.

Benac A., Garašanin M., Srejović D. Zaklučna razmatrania // Praistorija Jugoslavenskih zemalja. II. Neolitsko doba. Sarajevo, 1979.

Černych E.N. Frühmetallurgische Kontakte in Eurasien // Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Bd 5. München, 1983.

Černych E.N. Frühestes Kupfer in der Steppen- und Waldsteppenkulturen Osteuropas // Die Kupferzeit als historische Epoche. T. 2. Bonn, 1991.

Chernykh E.N. Aibunar – a Balkan copper mine of the fourth millenium BC // Proceedings of the Prehistoric Societies. Oxford, 1978. № 44.

Chernykh E.N. Metallurgical Provinces of the 5th–2nd millenia in Eastern Europe in Relation to the Process of the Indo-Europeanization // J. Indo-European Studies. 1980. V. 8. № 3–4.

Chernykh E.N. Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge University Press, 1992.

Durankulak. Bd. II / Hrsg. H. Todorova. Sofia, 2002.

Görsdorf J., Bojadžiev J. Zur absolüten Chronologie der bulgarischen Urgeschichte // Eurasia Antiqua. 1996. Bd. 2.

Ivanov I.S. La nécropole chalcolitique de Varna et les cités lacustres voisines // Le premier or de l'humanite en Bulgarie. 5e millenaire. Paris, 1989.

Klochko, V. I., Kruts V.A. Radiocarbon Dates from the Yamnaya Culture Barrow at the Tripolye Culture "Giant Settlement" near Talyanky // Baltic-Pontic Studies. V. 7. The foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan, 1999.

Neustupny E. Absolute Chronology of the Neolithic and Aeneolithic Periods in Central and South-Eastern Europe // Slovenská archeológia. 1968. XVI-1.

Ramsey B. C. et al. Radiocarbon dates from the Oxford AMS System: Archaeometry Datelist 31 // Archaeometry. 2002. № 44, 3 (1).

Renfrew A.C. The Autonomy of the South East European Copper Age // Proceedings of the Prehistoric Societies. Oxford, 1969. № 35.

Stellos A., Fotiadis M., Kotsakis K. Review of Aegean Prehistory, V: the Neolithic and Bronze Age of Northern Greece // American J. of Archaeology. 1996. V. 100.

Tasić Nenad. Comparative C-14 Dates for the Neolithic Sites Serbia // The Neolithic of Serbia. Archaeological Research 1948–1988. Belgrade, 1988.

Tasić Nikola. Tiszapolgar–Bodrogkeresztur kultura // Praistorija Jugoslavenskih zemalja. III. Eneolitsko doba. Sarajevo, 1979a.

Tasić Nikola. Bubanj–Salcuţa–Krivodol kompleks // Praistorija Jugoslavenskih zemalja. III. Eneolitsko doba. Sarajevo, 1979b.

Tasić Nikola, Dimitrijević S., Jovanović B. Zaklucna razmatrania // Praistorija Jugoslavenskih zemalja. III. Eneolitsko doba. Sarajevo, 1979.

Telegin D. J., Kovaliukh N.N., Potekhina I.D., Lillie M. Chronology of Mariupol Type Cemeteries and Subdivision of the Neolithic–Copper Age Cultures into Periods for Ukraine // Radiocarbon and Archaeology. SPb., 2000. V. 1. № 1.

Radiocarbon chronology of the Copper Age cultures of Southeastern Europe: The results and problems of investigations

E. N. Chernykh, L. B. Orlovskaya

Summary

The radiocarbon chronology of the Copper Age cultures of southeastern Europe was investigated within the borders of the Carpatho-Balkan metallurgical province (stretching from the Adriatic to the Volga basin; see fig. 1). This study was based on 455 calibrated ^{14}C dates collected from 153 sites (both settlements and cemeteries). Three groups of cultures and communities were analyzed: 1) the block of the main Aeneolithic Carpatho-Balkan cultures: Karanovo V–Maritsa–Bojan, Karanovo VI–Gumelnitsa–(Varna), Tiszapolgar–Bodrogkeresztur, Butmir, Vinča C-D, Sitagroi III, Krivodol–Sălkutsa and others (comprising 253 dates from 70 sites; see tabl. 1); 2) the eastern periphery of the central Carpatho-Balkan cultures – Cucuteni–Tripolye community (86 dates from 49 sites; see tabl. 2); and 3) the block of the East European pastoral communities: Dnepr-Donets, Sredni Stog, Khvalynsk, Rakushechny Yar and others (116 dates from 37 sites; see tabl. 3). The results of the analyses are shown in figures 2–6. Special attention should be devoted to the differences between the character and form of the sum probabilities distribution of ^{14}C dates in the abovementioned complexes of every group that is clear on the basis of the comparison of the frequency polygons (see figures 2–5 and also 6). The picture that is obtained establishes new chronological estimates for these cultures and communities. This last aspect is particularly important for the steppe cultures and for the Tripolye A complex (see fig. 4 and 5) where the spatial-temporal parameters have been unclear.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 38–51

СВЯТИЛИЩЕ ШИЛДА, КУЛЬТОВЫЙ ПАМЯТНИК ИЗ КАХЕТИИ (ГРУЗИЯ)

© 2004 г. **В. Г. Майсурадзе, Г. В. Инанишвили**

Центр археологических исследований им. акад. О. Д. Лордкипанидзе Академии наук Грузии, Тбилиси

На территории Центрального Закавказья открыто и изучено множество культовых памятников. К их числу относятся раскопанные в Восточной Грузии (регион Кахетии) святилища – Мели-геле I, II, святилища сс. Мелаани и Арашенда (Пицхелаури, 1973. С. 112–121; 1979. С. 50–53), культовые памятники Шида (внутренней) и Квемо (нижней) Картли: Нацаргора, Ховлегора, Катналихеви (Гобеджишвили, 1951. С. 239, 240; Хахутайшвили, 1964. С. 92). Среди памятников культового назначения обилием и разнообразием инвентаря отличается святилище Шилда[1].

Святилище Шилда (Пицхелаури и др., 1980. С. 35; Майсурадзе, Панцхава, 1984. Табл. 1; Майсурадзе, 1993. С. 12–14) расположено в Кварельском р-не, на территории с. Шилда, в Алазанской долине, вблизи городища Нелкари (рис. 1).

Поскольку территория святилища использовалась под сельскохозяйственные угодья, часть памятника была повреждена. В 1976 г. при обработке земли был собран подъемный материал: имитации бронзовых кинжалов, украшения, керамическая посуда.

В том же году, на территории святилища были проведены разведывательные работы, в ходе которых обнаружен дополнительный материал: бронзовые топоры центральнозакавказского типа, наконечники копий, серпы, браслеты, сердоликовые бусы различной формы, зооморфные и антропоморфные скульптурки.

В 1978 г. на территории святилища начались широкомасштабные археологические работы, раскопана площадь 35 × 32 м, на глубине 0.50–0.70 м зафиксирована круглая каменная насыпь, определено местоположение святилища. Основная часть археологического материала найдена внутри кругообразной каменной насыпи (рис. 2).

Молельня возведена сухой каменной кладкой, в северо-восточной части строения выявлены две параллельные каменные кладки, пересекающие круговую насыпь (длина – 3, 4 м). Расстояние между ними 4 м, и созданный коридор является частью входа в молельню. В глубине входа найдены два больших глиняных сосуда, наполненных тонким слоем пепла, видимо, ритуального назначения, украшенных двумя рельефными линиями. Внешняя и внутренняя периферийные части стены молельни возведены камнями большого размера, пространство между ними заполнено массой мелких камней. Длина сохранившейся части стен достигает 2 м, ширина – 1.5 м.

Внутри круглого строения, в его юго-западной части, выявлены три ритуальные ямы.

Яма № 1 (рис. 2, *1*) заполнена глиняной посудой, ведущей формой которой являются сосуды для питья типа "мелигелури" (горшок, банка и др.). Керамика обожжена в черный и пепельный цвет. Вместе с ней в яме оказались наконечники копий и их имитации.

Яма № 2 (рис. 2, *2*). Найдены фрагменты больших глиняных сосудов и сосуды для питья. Здесь же находились имитации мечей, изготовленные из листовидной бронзы.

Яма № 3 (рис. 2, *3*) содержит сравнительно малочисленный инвентарь, представленный различной керамикой.

Внутри круглого строения (квадрат E_5), в его центральной части, найден глиняный сосуд большого размера (рис. 2, *4*) коричневого обжига, изготовленный из глины с примесью песка, украшенный двумя рельефными линиями. В сосуде оказались бронзовые предметы: наконечники копий (72), кинжалы с трехгранным лезвием и разветвленными стержнями (2), топоры центральнозакавказского типа (2), умбоны (2), наконечники копий трех типов: с закрытой втулкой и двумя рельефными поясками на ней; с гладкой втулкой с двумя заклепками для древка, с раскрытой, гладкой втулкой. Для умбонов (сердцевина щита) характерны поверхностные рельефные полосы и спиральный орнамент.

Внутри святилища, в юго-восточной части, вблизи ритуальных ям найден глиняный сосуд черного обжига (рис. 2, *5*), в котором помещался бронзовый инвентарь различного назначения: составной пояс; центральнозакавказские топоры; подвески с изображением животного и птицы; пуговицы, украшенные линиями и точечным орнаментом; сердоликовые, стеклянные, пастовые и металлические бусы.

Внутри центральной части святилища прослежены два круга, огражденные булыжными камнями. Диаметр кругов по линии восток-запад 14 м, юг-север – 12 м, ширина каменной кладки дости-

[1] Материал добытый на святилище Шилда хранится в отделе археологии Государственного музея Грузии им. акад. С.Н. Джанашиа, в "Фонде малых экспедиций Г" (коллекция № 19-982).

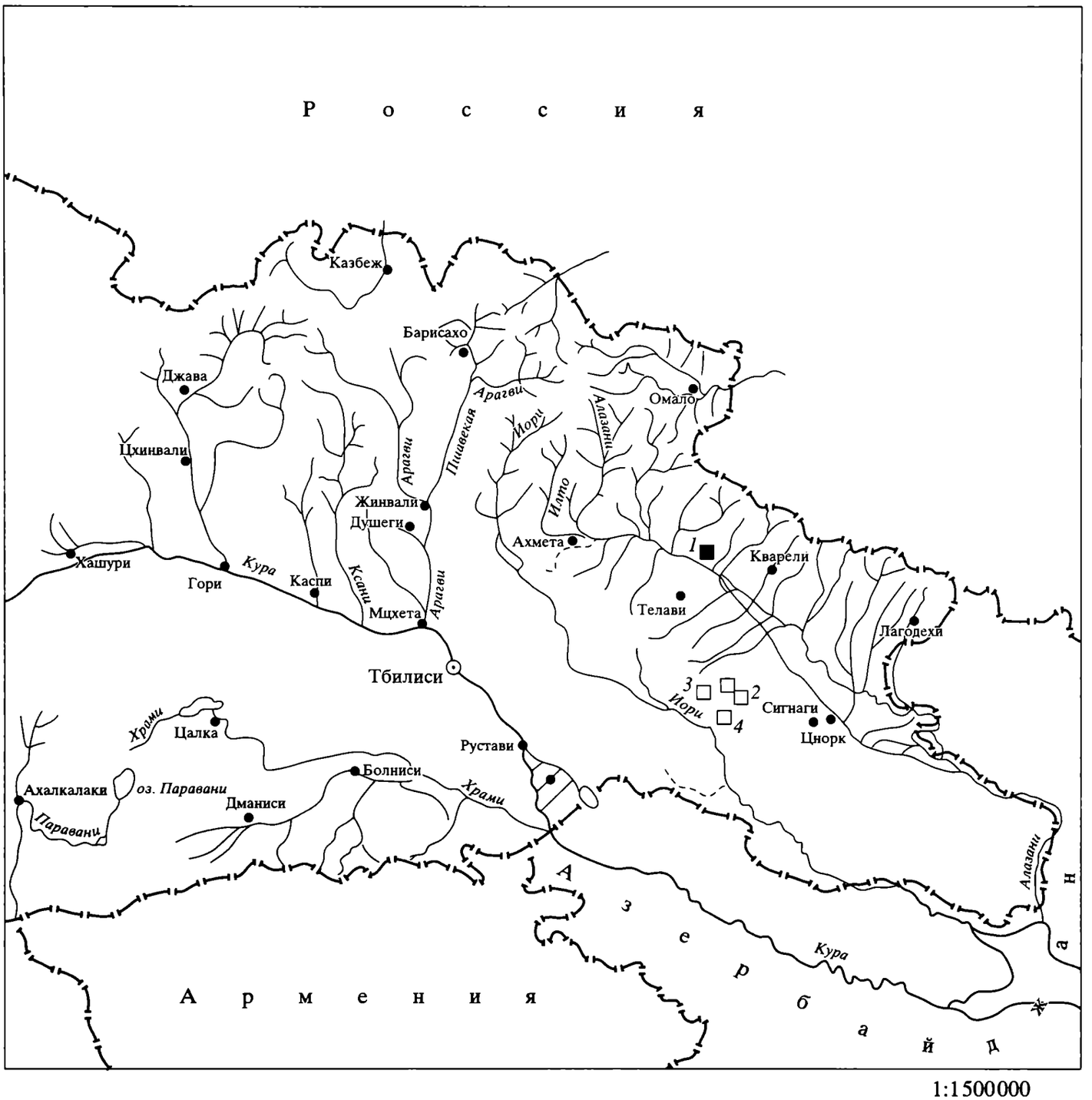


Рис. 1. Карта расположения культовых памятников на территории Кахетии: *1* – Шилда; *2* – Мели-Геле I, II; *3* – Мелаани; *4* – Арашенда.

гает 0.6 м. Утраченная южная часть круга проходила у северного края ямы № 1. Круг также разобран и в восточной части. На глубине сохранившейся части фундамента найден различный инвентарь: топоры, копья и небольшого размера сосуд.

Весь облик памятника и добытый материал позволяют предположить, что в святилище Шилда, как и на других памятниках этого типа – Мелли-геле I и Катланисхеви – обрядовые ритуалы в основном были связаны с божеством плодородия (Пицхелаури, 1973. С. 114), о чем свидетельствует большая часть обнаруженного здесь инвентаря и его расположение на памятнике.

Главное божество святилища Шилда, должно быть, одновременно являлось и божеством охоты (Куфтин, 1941. С. 89–92). Подтверждением этому служат находки на памятнике изображений диких животных, особенно бронзовые скульптурки оленей. Обилие металлического материала, бронзовые слитки, существование полуфабрикатов боевого оружия и украшений позволяют предположить участие мастеров-металлургов в ритуалах, совершавшихся в святилище.

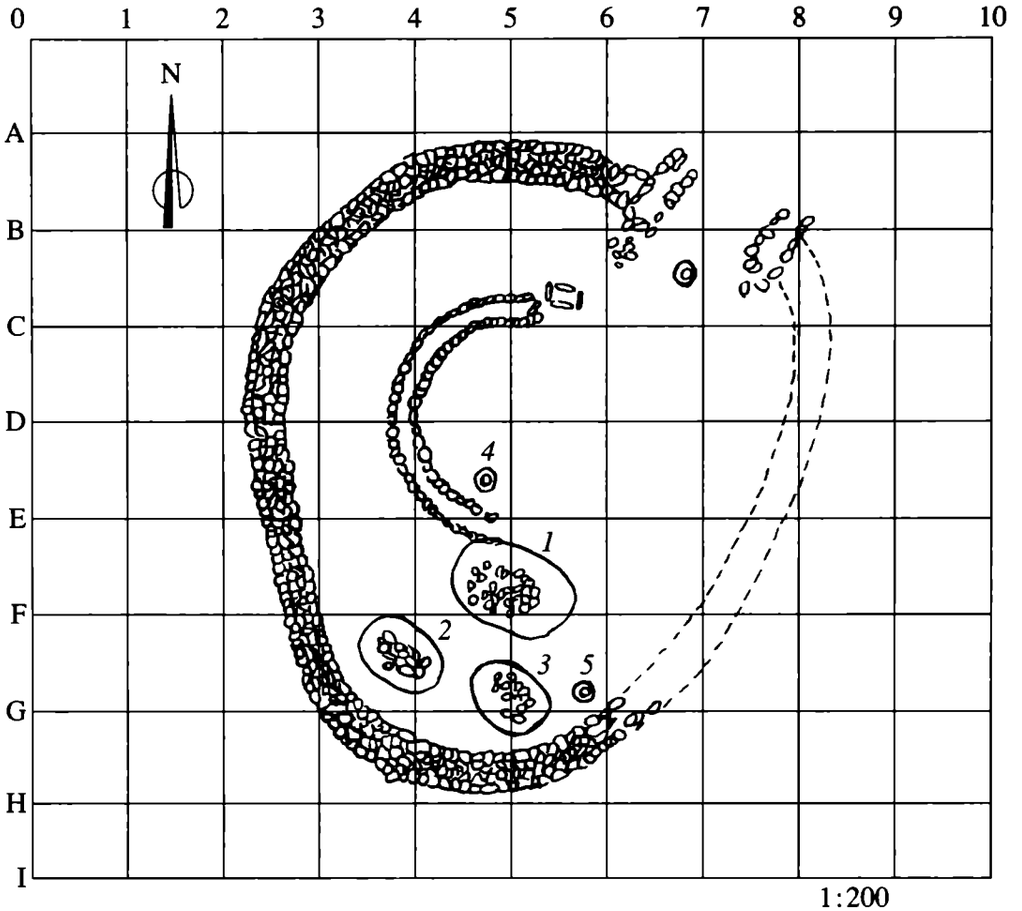


Рис. 2. План святилища Шилда. *1–3* – ритуальные ямы; *4*, *5* – сосуды.

По поводу молельни Шилда высказано и иное соображение (Чилашвили, 2000. С. 17–21). Предметом основного культа в святилище являются небесные тела, и соответственно форма памятника отображает солнечный диск. Архитектура же (посаженные друг в друга два круглых строения) претендует на инкарнационное изображение солнца и луны: оно связано с небесными телами – главное божество – солнце. В целом же представлена как бы триада небесных светил – солнце, луна и венера (Чилашвили, 2000. С. 19).

Примечательно, что керамическая посуда с бронзовым инвентарем, выявленная внутри круговой стены, имеет много общего с материалами, найденными на других культовых памятниках Закавказья. Интересно, что в чуть более поздний период часть кладов, найденных на территории Колхиды, также помещалась в глиняной посуде (Лордкипанидзе, 2001. С. 183, 184; Мамуладзе, 2002. С. 15) и являлась частью религиозно-культовой жизни оставившего их общества. Вместе с этим известные культовые строения Закавказья эпохи поздней бронзы – широкого освоения железа всегда связаны с поселением (отделенные от жилого помещения или в нем же): Нацаргора (Гобеджишвили, 1951. С. 254–257), Катналихеви (Хахутайшвили, 1964. С. 20–43), Кармир-Блур (Мартиросян, 1961. С. 72–74), Казах (Нариманов, 1960). В регионе Кахетии, на территории бассейна Иори-Алазани со второй половины II тыс. до н.э. помимо локальных жертвенников при всех святилищах дополнительно функционируют отдельные от поселения общие культовые памятники: Мели-Геле, Мелаани, Шилда и т.д.

На святилище Шилда найдено 3457 предметов различного назначения. Среди них преобладают: металлические формы и их имитации, бронзовые антропоморфные и зооморфные фигурки; керамика и т.д. (Майсурадзе, Панцхава, 1984). Особого внимания заслуживает бронзовое оружие (наконечник копья, топор, наконечник стрелы, кинжалы) и украшения, которые вместе с миниатюрными фигурками, являясь основными пожертвованиями, отличаются сложной технологической схемой изготовления, своеобразными формами и стилем.

Наконечники копий характеризуются различными признаками и формами: цельной втулкой с двумя рельефными поясками (рис. 3, *7*, *8*; 4, *1*), цельной втулкой с двумя заклепками для древка (рис. 3, *5*, *6*; 4, *3–5*), с раскрытой гладкой втулкой (рис. 4, *2*, *6–8*). Тип наконечника с двумя рельефными поясками характерен для Кахетского региона. Они найдены на могильниках Олиебистке (Нуцубидзе, 1981. Табл. XII 6, XII, *13*, XIV, *31*, XVI, *47*, XIX, *62*), Сатвались цкали и Гру-тке (Пицхелаури, 1959. Табл. XLI, *6*, LI, *17*). На территории Кахетии

аналогичные наконечники копий известны из могильника Кистаури – погребения № 13 и 14 (Пицхелаури, 1969. С. 98. Табл. IV) и Кедели – погребение № 1 (Пицхелаури и др., 1980. Табл. XXIX), которые датируются концом II–началом I тыс. до н.э. (Пицхелаури, 1969. С. 100). Наконечники, украшенные двумя рельефными поясками, найдены также вне Кахетского региона – в погребениях № 80, 228, 243 Самтаврского могильника, датируемых XIII в. до н.э. (Каландаде, 1980. С. 38, 95). Оружие этого типа обнаружено на Каспском могильнике. Период его функционирования определяется XIII–XII вв. до н.э. (Барамидзе, 1965. С. 50, 60). Этим же временем датируются наконечники копий, найденные на могильнике Трелигореби (Абрамишвили, 1979. С. 86). Находки подобных наконечников известны на территории Армении. В могильнике Ноем Бериян, соответствующий комплекс датируется XII–X вв. до н.э. (Есаян, 1976. С. 107, 108).

Таким образом, наконечники копий с сомкнутой втулкой и двумя рельефными поясками широко распространены в Центральном Закавказье в XIII–XII вв. до н.э. Оружие подобной формы в более позднее время встречается редко. Можно сказать, что копья этого типа характерны для культурного круга Иори-Алазанского бассейна и бытование их можно ограничить XIII–XII вв. до н.э. (Пицхелаури, 1973. С. 115, 116).

Вторая разновидность наконечников копий, найденных на святилище – гладковтульчатые. Судя по самтаврским материалам, они появляются уже в период бытования копий с рельефным поясом на втулке (XII–XI вв. до н.э.) и широко распространяются в дальнейшем в IX–VIII вв. до н.э. Аналоги копьям с гладкой втулкой известны из Армении. Это погребальные комплексы II группы Артикского могильника, датируемые XII–XI вв. до н.э. (Хачатрян, 1975. С. 204). Соответственно наконечники с рельефными поясками более ранние, чем гладковтулчатые. Период функционирования последних – XII–XI вв. до н.э.

Следующая разновидность найденного на святилище Шилда копья – с разомкнутой втулкой – встречается в этом крайнем восточном регионе распространения центральнокавказской культуры. (рис. 4, *2*, *6–8*). У некоторых экземпляров копий разомкнутые втулки изготовлены из тонкого бронзового листа, что исключает факт их функционального употребления. Большая же часть этого оружия как по своей форме, так и по химическому составу материала и его механическими качествами вполне удовлетворяет требованиям, предъявляемым к оружию этого типа. В Закавказье оно известно с ранней ступени поздней бронзы. В сформировавшейся форме крылья режущего копья пропорционально широки в средней части и, заметно сужаясь к кончику, создают острый конец. В точности повторяя формы наконечников копий переходного периода, они распространены на территории Восточной Грузии, встречаются и на синхронных памятниках северо-западной территории Армении (Хачатрян, 1979. С. 204).

Из серии наконечников копий святилища Шилда совершено уникальны два, найденные в глиняном сосуде (квадрат Е-5). Окончание втулки одного из них украшено рельефными полосами, сама втулка полностью покрыта бронзовыми мелкими отростками, вдоль лезвия – резко выраженное ребро (рис. 3, *4*). Второе копье – с разомкнутой втулкой, которая по сравнению с лезвием непропорционально коротка, вдоль лезвия – крутое ребро (рис. 4, *2*).

Наконечники стрел. С III тыс. до н.э. еще с эпохи энеолита в Закавказье встречаются наконечники стрел, изготовленные из кремня и обсидиана, с выемчатой втулкой, просуществовавшие до второй половины II тыс. до н.э. Обсидиановый наконечник найден и на святилище Шилда. Аналогичный материал характерен для памятников Иоро-Алазанского бассейна: Земо (верхнее) Бодбе, Удабно, погребальные комплексы Гадрекили.

Со второй ступени поздней бронзы в Восточном Закавказье известны бронзовые наконечники стрел. На территории Восточной Грузии (Шида Картли), в этот период известны наконечники стрел, изготовленные из тонкого листа металла, которые повторяют формы обсидиановых, с выемчатым окончанием; функционируют они и в первой половине I тыс. до н.э. Что касается массивных бронзовых наконечников, в центральном Закавказье они появляются в первой половине II тыс. до н.э. и продолжают существовать до середины I в. до н.э. – до появления скифских наконечников. Бронзовые, массивные, двукрылые, черешковые наконечники, найдены на территории Кахетии, в святилищах Мелаани и Мели-Геле II (Пицхелаури, 1973. Табл. IX, XI). Они характерны для памятников Восточной Грузии и датируются начальными веками I тыс. до н.э. (Абрамишвили, 1957. Табл. 105–109, 144).

Бронзовые топоры. На святилище Шилда обнаружены центральнозакавказские топоры (11) и их имитации (47), которые по форме в точности повторяют друг друга (рис. 5, *4*, *5*; 6, *8*). Как известно, топоры этого типа характерны для Куро-Аракского бассейна (Куфтин, 1944. С. 333) и основным центром их распространения являлась Шида Картли. В то же время существует мнение о распространении подобного оружия из района Ташир-Дзорагета (северо-западная Армения) (Деведжян, 1968. С. 8). По мнению многих исследователей, топоры подобного типа одинаково характерны для всего Закавказья. Формы для отливки топоров подобного типа известны из следующих пунктов: Итхвиси (Сачхерский р-н), Опрети (Шулавери), Гантиади (Болниси), Нацаргора (Цхинвальский р-н), Цагвли (Хашури), Кармир-Блур (Ереван) и др.

Центральнозакавказские бронзовые топоры во множестве найдены на территории Грузии: Авча-

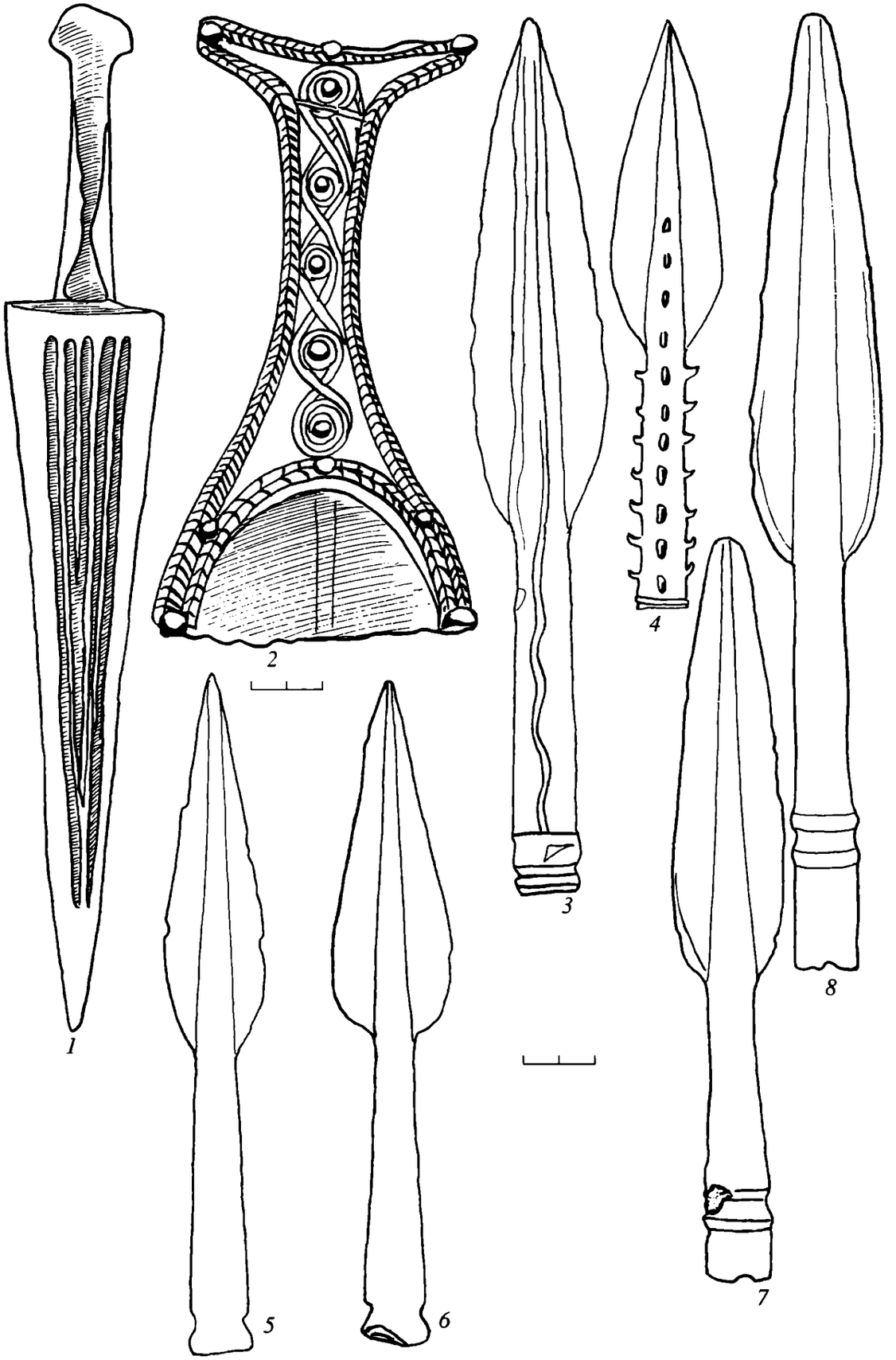


Рис. 3. Вещи из сосуда № 4. Бронза.

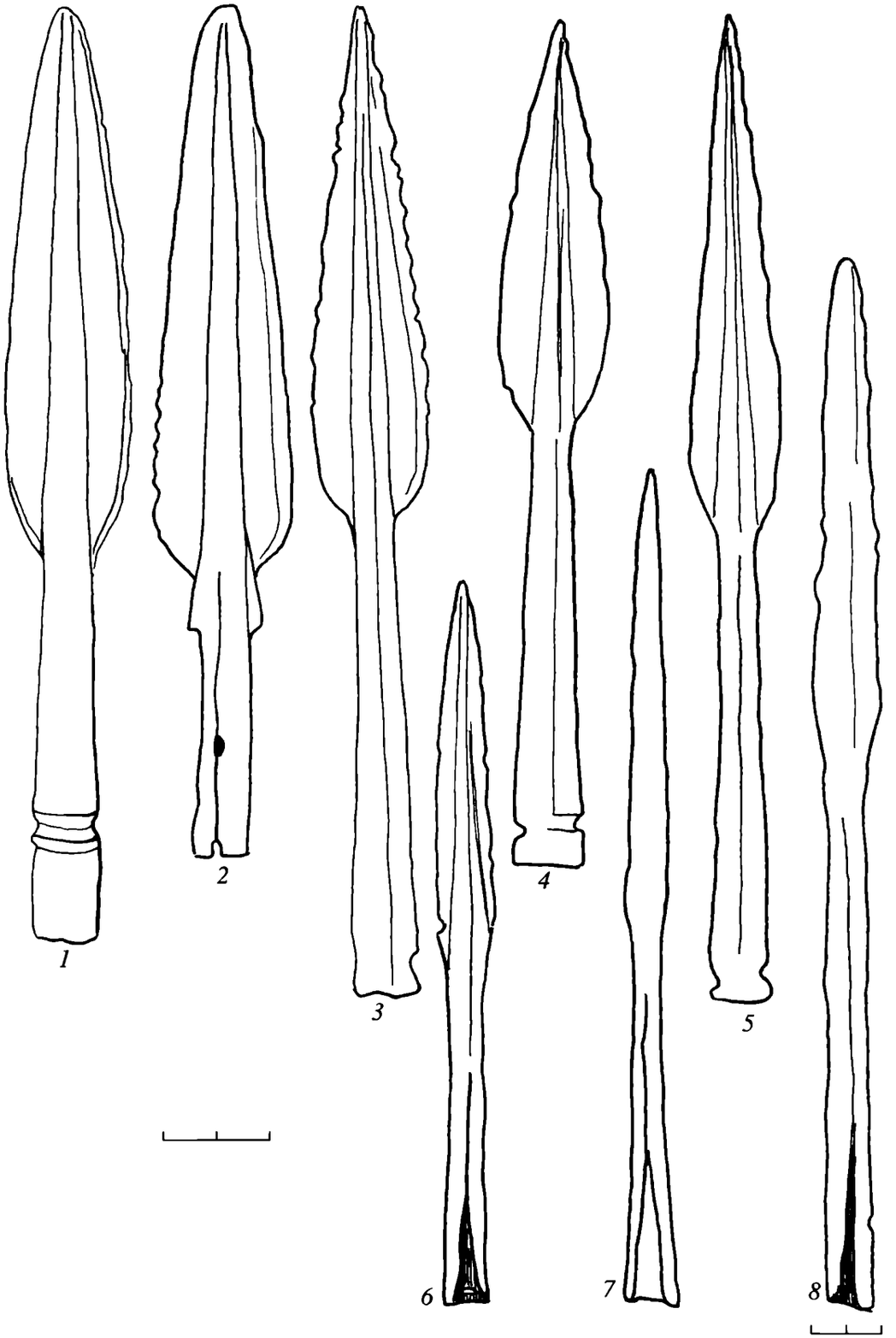


Рис. 4. Вещи из сосуда № 4. Бронза.

ла, Атени, Ахалкалаки, Ачабети, Сасирети, Бакуриани, Переви, Мцхета, Тбилиси, Тквиави, Метехи, Кавтисхеви, Одзиси. Факты их находок зафиксированы и в Армении: Ворнак, Мерси, Кировакан, Степанаван, Лорет, Ахтала, Ноембериан, Артик, Ленинакан, Иджеван, Дилижан, Лчашен и др. (Деведжян, 1968. С. 82–84). На территории Азербайджана, это оружие известно из его западных районов: Арчадзор, Кедабек, Варташен, Мингечаур, Ханлар, Зангезур и др.

На основании приведенных данных можно утверждать, что это оружие характерно для территории Центрального Закавказья. Оно являлось одним из значительных компонентов централь-

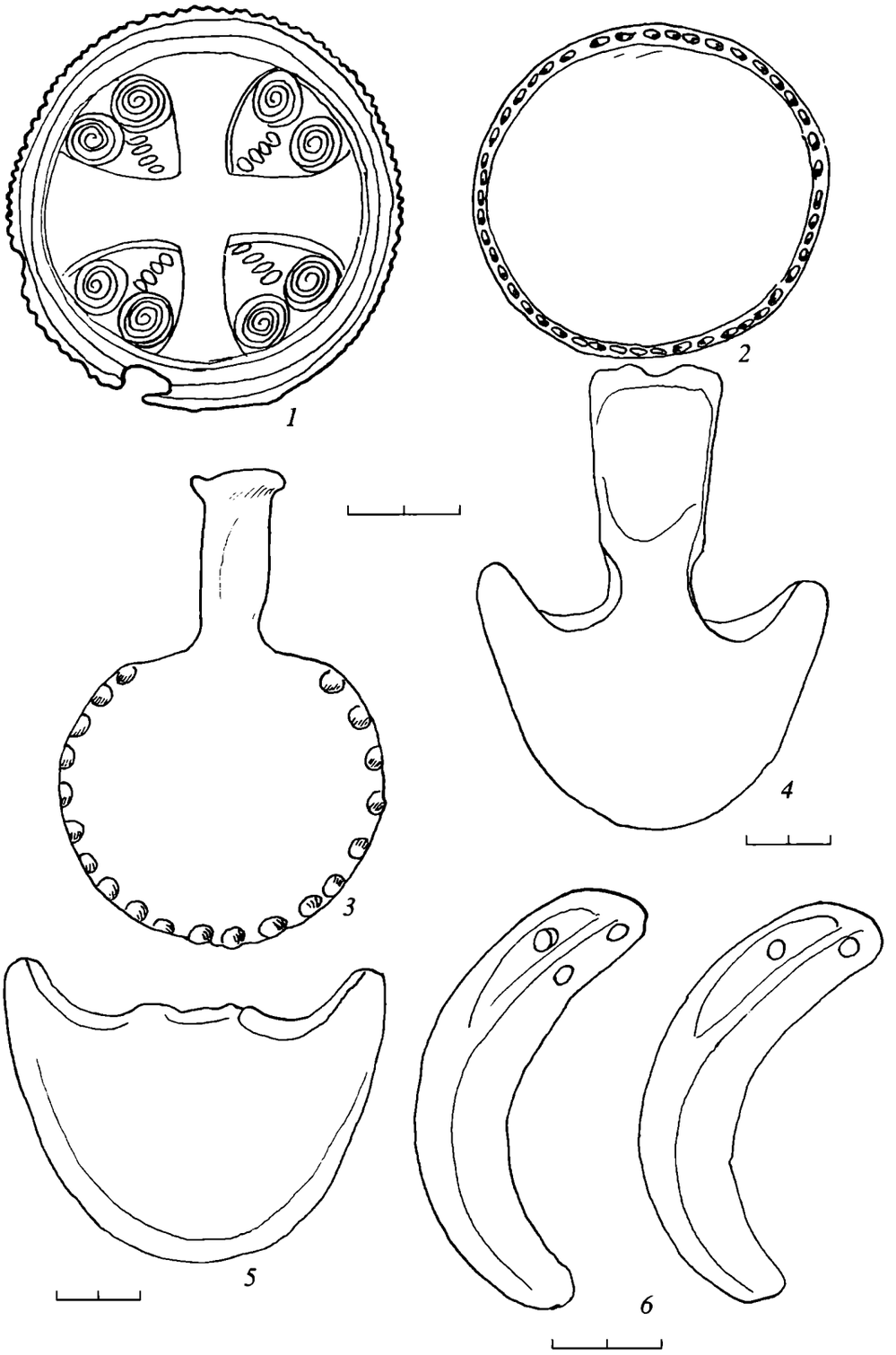


Рис. 5. Вещи из сосуда № 4. Бронза.

нокавказской культуры, границей которой можно считать: на севере – южные склоны Центрального Кавказа, на юге – р. Аракс, на востоке – Нуху, Мингечаур, на западе – Сурамский хребет (Пицхелаури, 1973. С. 168).

Кинжалы. На святилище Шилда найдены бронзовые кинжалы: с составной рукояткой, кахетского типа, с разветвленным стержнем и их имитации (рис. 3, *2*). Бронзовые кинжалы в Закавказье известны уже с III тыс. до н.э., бронзовые мечи появляются в эпоху средней бронзы. Это оружие характерно для районов Центрального и Восточного Закавказья. Его ранние экземпляры известны из курганных погребений Дилича, Садуга, Мцхета и Лило. Генетическая их связь с позднебронзовыми кинжалами и мечами не прослеживается.

С XV в. до н.э. в Центральном Закавказье местное оружие сменяется переднеазиатским – брон-

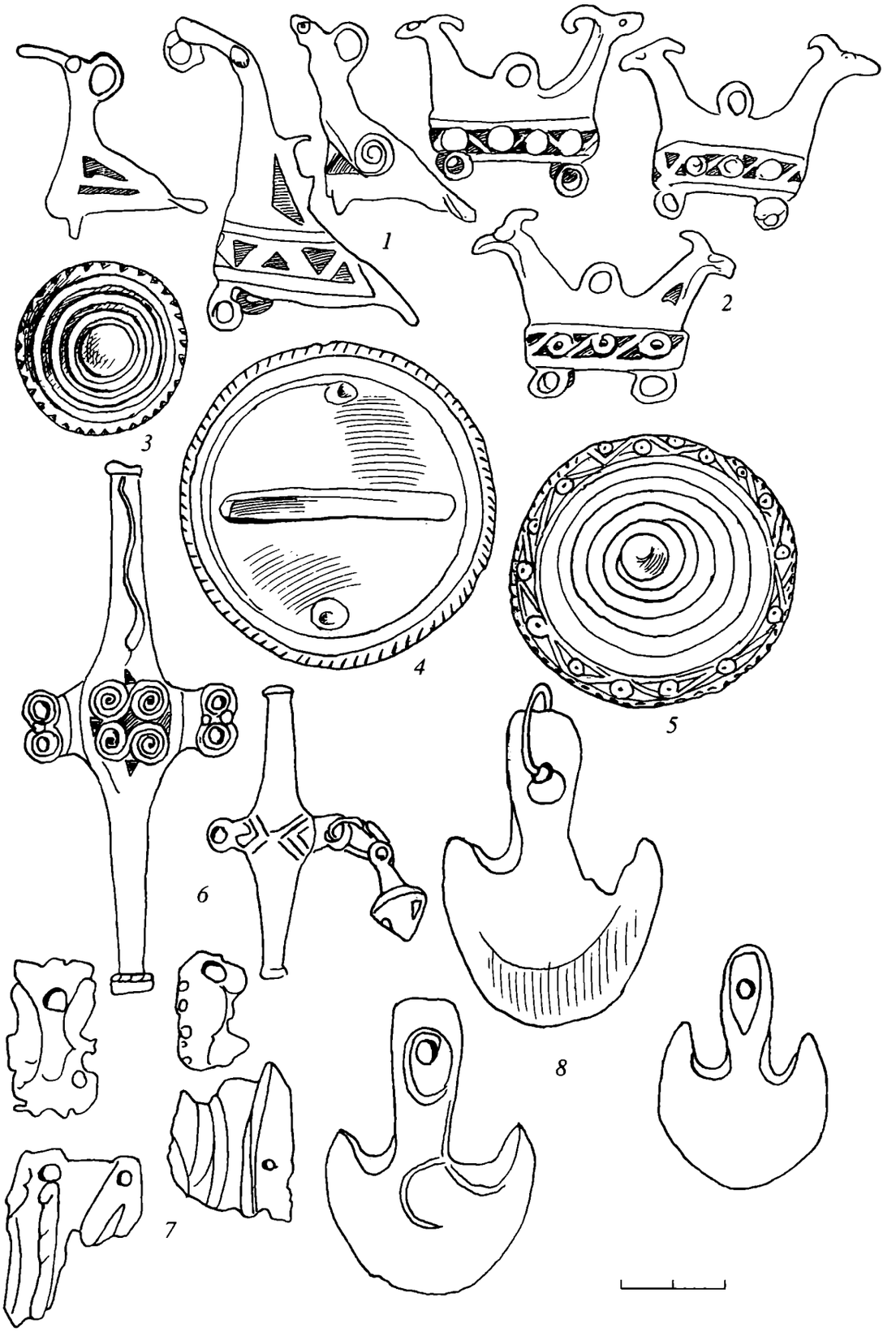


Рис. 6. Вещи из сосуда № 5.

зовым копьем и кинжалом с рамочной рукояткой. На раннем этапе поздней бронзы в подражание им здесь создается кинжал с бронзовой рукояткой (Пицхелаури, 1979. С. 25, 80). Оружием этого типа можно считать найденный в Шилда кинжал с треугольным клинком (рис. 3, *1*). Технологические и морфологические изменения формы в центральнозакавказском регионе происходят одновременно. Оружие подобного назначения во втором периоде поздней бронзы (Кедабек, Ганджа-Карабах,

Кахетия) создается на почве предшествующих образцов.

В середине второй половины II тыс. до н.э. на территории Восточной Грузии формируются два локальных варианта культуры. В Шилда (внутренней) Картли развивается так называемый листовидный кинжал. Оружие подобного типа найдено на святилище Шилда (рис. 3, *2*), формой и технологической схемой изготовления оно отличается от местного среднебронзового оружия.

Для второго локального варианта на территории Кахетии характерны бронзовые мечи и кинжалы с составной рукояткой, также найденные на святилище Шилда (рис. 3, *1*). Подобные кинжалы известны из комплекса Артикского могильника. Их относят к первому этапу поздней бронзы и датируют XV–XIII вв. до н.э. (Хачатрян, 1975. С. 176. Табл. 81, 86). Аналогичный кинжал известен и из Церованского могильника, дата его – XIV вв. до н.э. (Садрадзе, 1989. С. 154). Таким образом, указанный выше кинжал из Шилда является предшественником распространенного в Восточном Закавказье кинжала "кахетского типа" с составной рукояткой и датируется XIV–XIII вв. до н.э.

Пластинки бронзовых доспехов. В квадрате G6 святилища Шилда найден глиняный сосуд, в котором оказались различного размера пластинки от доспехов (рис. 6, *7*). Параллели им находятся в подобных пластинках из ямных погребений могильников Гадрекили и Магаро. Такие пластинки во множестве имеются на переднеазиатских позднебронзовых, стратифицированных и хорошо датированных памятниках (Пицхелаури, 1979. С. 100. Табл. XXXII, *1*, *2*, *11*, *12*).

Украшения. Среди инвентаря, найденного на памятнике, есть и разнообразные украшения: поясные пряжки, пуговицы, браслеты, подвески, бусы и др.

Поясные пряжки с рельефным орнаментом (рис. 5, *1–3*, *6*, *4*), на территории Центрального Закавказья появляются на ранней ступени поздней бронзы и на следующем этапе развития являются редкостью.

Пуговицы (рис. 6, *3*, *5*) из находок в Восточной Грузии имеют различные формы. На переходном этапе от средней к поздней бронзе и далее в эпоху поздней бронзы–раннего железа они распространены по всей территории Центрального Закавказья (Кобаидзе, 1978. Табл. IX, XIV, XIX; Есаян, 1976. Табл. 93, 128; Нуцубидзе, 1981. Табл. 38, 39; Техов, 1980. С. 40).

Браслеты (рис. 7, *6*) в Центральном Закавказье распространяются во второй половине II тыс. до н.э. Изготавливались они из бронзового прута круглого в сечении, с усеченными концами. Попадаются образцы с утонченными концами и штампованным орнаментом. Известна также разновидность браслетов, изготавливаемых из пластин с рельефным орнаментом (Мартиросян, 1964. С. 168, 232).

Подвески (рис. 7, *7*). Следует отметить подвеску в виде изображения лягушки, которая находит параллели с соответствующими материалами. Иори-Алазанского бассейна (Пицхелаури, 1979. Табл. XXIII, 21, XXVII, 25), Северной Армении – Лчашен (Мартиросян, 1964. Табл. XX, 11), Артик (Хачатрян, 1979. С. 309). На святилище Шилда найдены также подвески в форме черепашек (рис. 7, *1–3*), птиц (рис. 6, *1*) и колокольчика (рис. 7, *4*). Аналоги им распространены в Центральном Закавказье; появляются они на раннем этапе поздней бронзы и существуют во второй половине II тыс. до н.э. (Асланов и др., 1959. Табл. VIII, *5*, XIII, *5*; Деведжян, 1981. Табл. V, *5–7*, XIII, *2*; Джафар-заде, 1956. С. 43. Табл. 37; Есаян, 1976. Табл. 104, 110, 129; 1980. Табл. 31–36, 63; Ивановский, 1911. Табл. IX, *14–18*; Касаманлы, 1976. Табл. 12, *9*, *10*; Пицхелаури, 1979. Табл. XXIII, *18–20*, *22*, *23*, XXV, *21–23*; Садых-заде, 1968. Табл. VI, *2*; Хачатрян, 1975. Табл. 92, 122).

Бусы. Ромбовидные соединители для бус (рис. 6, *6*) в основном происходят из погребальных комплексов раннего этапа поздней бронзы, они характерны для Центрального Закавказья (Девиджян, 1981. Табл. 121; Джафар-заде, 1956. Табл. 37; Есаян, 1976. Табл. 129; Кушнарева, 1977. Табл. 50). Бусы, найденные на святилище Шилда, – сердоликовые, стеклянные, пастовые (рис. 8, *1–3*). Сердоликовые бусины – сферические, кругло-плоские, цилиндрические, колотые. Бусы этого типа известны со второй половины II тыс. до н.э., они распространены в Центрально-Закавказском регионе. Стеклянные и пастовые бусы большей частью зеленевато-голубые, сферической формы, в эпоху поздней бронзы–раннего железа характеризуются однородной техникой изготовления.

Керамика. На святилище в большом количестве найдена керамика. Помимо горшков и банок, ведущей формой посуды являются сосуды для питья. Особенно многочисленны отличающиеся признаками серийного производства высокогорлые сосуды для питья, которые изготовлены из мелкозернистой, с примесью песка, глины, черного, коричневатого и серого обжига. Параллели этой керамической посуде хорошо известны на синхронных памятниках Иори-Алазанского бассейна: могильники Гадрекили (Пицхелаури, Менабде, 1982. Табл. VII, X–XVII, XXIII–XXV; Пицхелаури, 1979. Табл. XXI–XXV), Певреби (Абдушелишвили, 1980. Табл. XI–XIII), Олиебистке и Сатвалисцкали (Нуцубидзе, 1981. Табл. IV–XV, XXX–L). Материал датируется XIV–XI вв. до н.э.

Малая пластика. В инвентаре памятника отдельную группу составляют антропоморфные и зооморфные фигурки (рис. 9). Особый интерес представляют бронзовые антропоморфные фигурки (Панцхава, Майсурадзе, 2001. С. 147–153). Найденные на внутренней площади святилища, все фигурки плоскостные, хотя удалось выделить несколько различающихся групп. Изображения

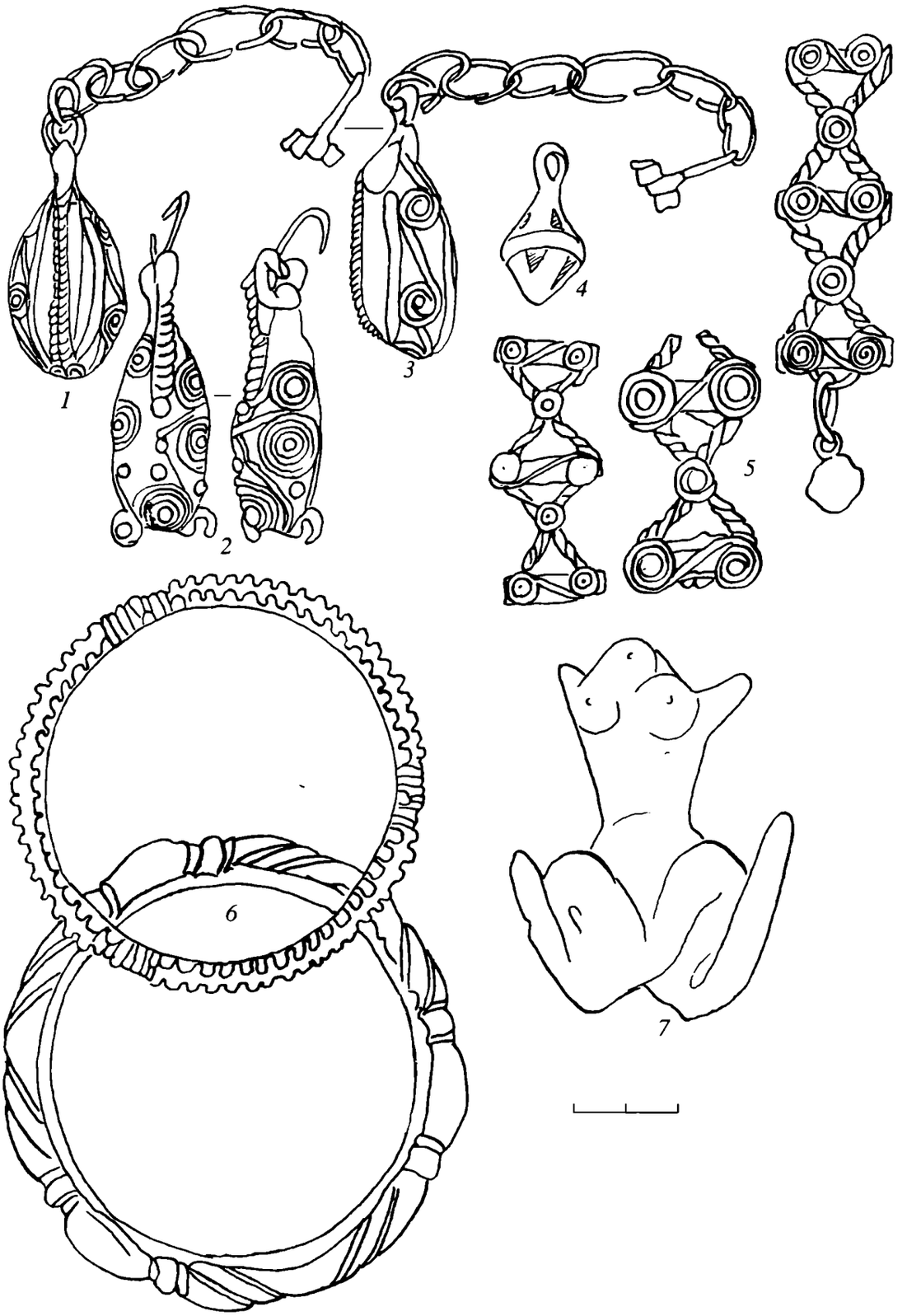


Рис. 7. Вещи из сосуда № 5.

натуралистичны и стилизованы (с головным убором, в одежде в виде набедренной повязки с кинжалом), имеют пояс, шейную гривну, браслеты, экипированы шлемом, щитом, передником, кинжалом. Изготовлены они способом отливки с восковой модели и являют собой образцы художественного литья местного металлургического центра (Инанишвили, 2001. С. 23). Эти фигурки известны под названием воина-божества. Небезынтересно, что подобные образцы почти всегда находят на таких культовых памятниках, как Мелаани, Мели-Геле I, II, Кидилшен (Дагестан), Олимпия

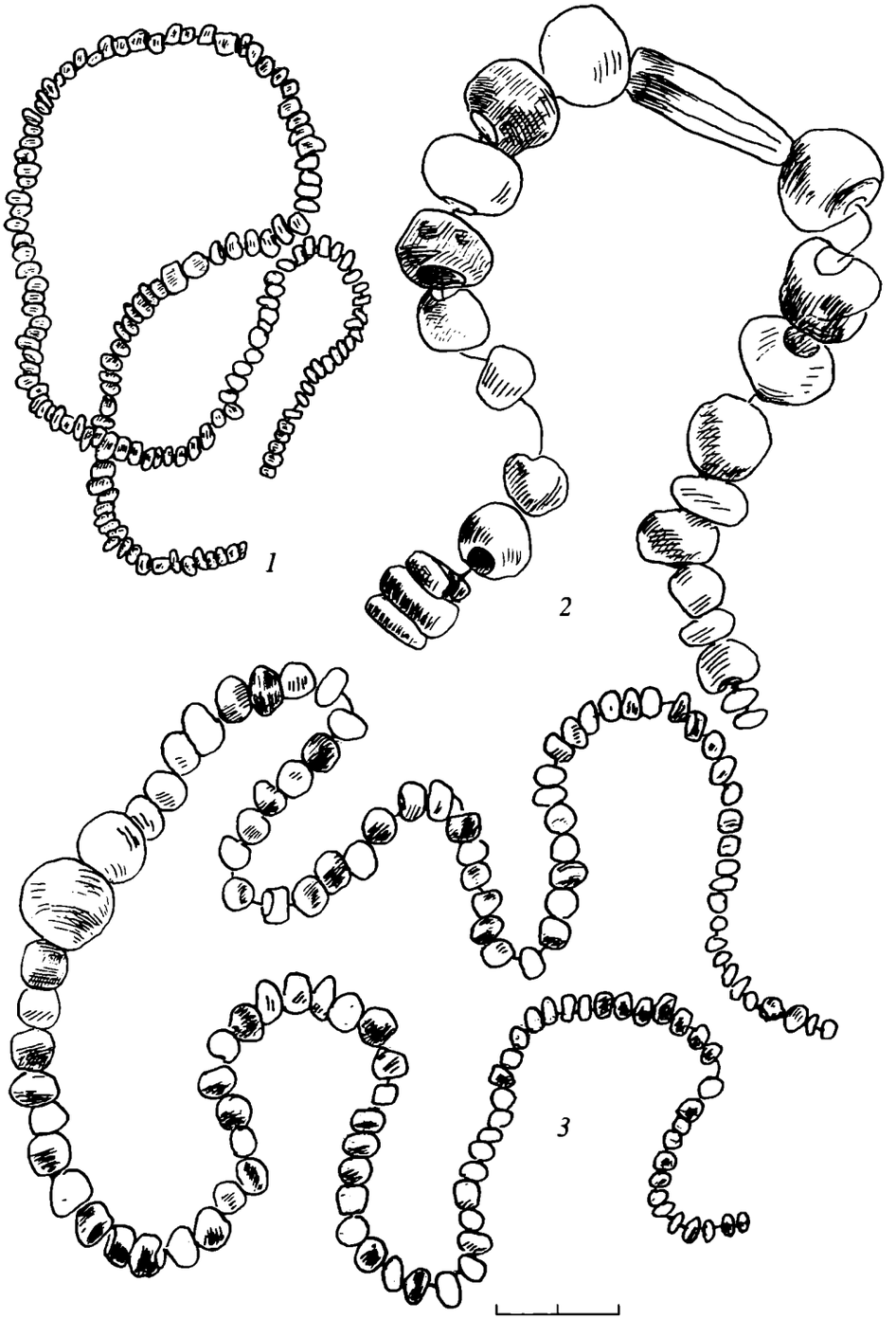


Рис. 8. Бусы из сосуда № 5.

(Греция) и др. Изредка они попадаются в кладах и могильниках.

Антропоморфные фигурки, найденные на святилище, схожи с образцами малой пластики, греческого позднегеометрического стиля. В литературе отмечена приверженность кавказской малой пластики к образцам культур Восточного Средиземноморья и Юго-Восточной Европы, но одновременно прослеживается характерность и независимость стиля, что отражается на выборе сюжета: по сравнению с жанровыми предпочтение отдается героическим мотивам (Куфтин, 1949. С. 246).

Малая пластика, в древности возникшая в доэллинском Эгейском мире, как в стиллистическом плане, так и по содержанию имеет много общего с искусством Кавказа (Джавахишвили, 1984. С. 75). Вырисовываются определенные связи малой пластики Дагестана с Эгейским миром и Ближним Востоком (Марковин, 1986. С. 79, 104).

Учитывая весь рассмотренный материал из святилища Шилда, памятник может быть отнесен ко второй половине II тыс. до н.э. Период его

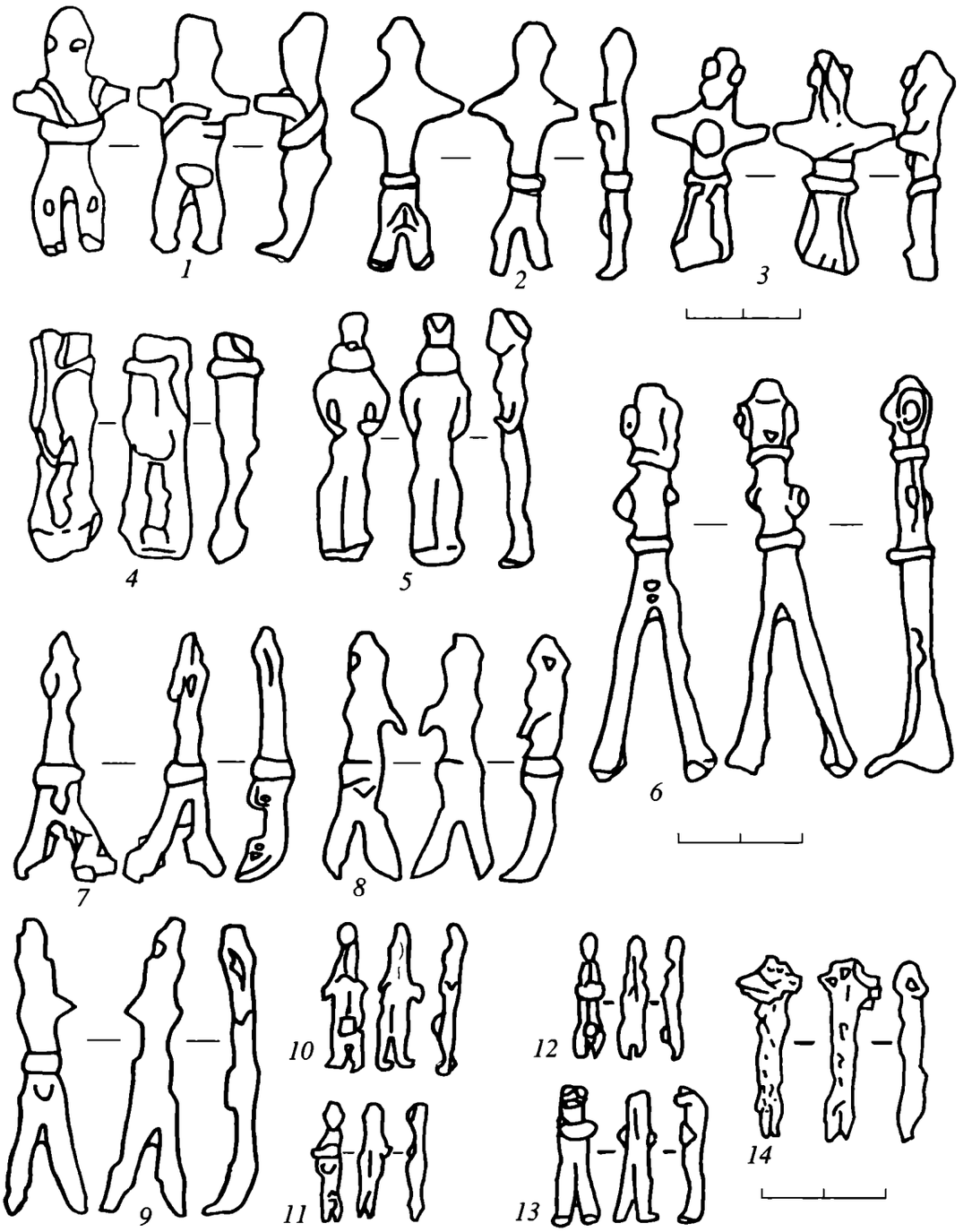


Рис. 9. Бронзовые фигурки с территории святилища Шилда.

функционирования совпадает с процессом роста межплеменных связей. Все это выразилось в росте социально-экономического и культурного подъема (Инанишвили, Майсурадзе, 1999. С. 37, 38). Высокий уровень развития позднебронзовой металлургии и металлообработки, объем выпущенной продукции, серийное производство боевого оружия и орудий труда, украшений – существенные признаки для характеристики обработки цветных металлов в Закавказье этого периода (Inanishvili, 2001. P. 145–147). Все описанные выше обстоятельства хорошо отражены на материале святилища Шилда – обилие и разнообразие металлургического инвентаря, большая часть которого выполняла культовую функцию.

В сферу комплексного исследования святилища Шилда – входят итоги статистического и химико-технологического изучения бронзовых предметов. Металлический инвентарь своей сохранностью и типологической классификацией позволяет провести и статистический анализ. Количественные данные морфологического и функционального назначения приведены в табл. 1. Химический состав металлических изделий определен спектральным анализом, для которого было отобрано 355 предметов: оружие всех категорий, украшения. Вы-

Таблица 1. Распределение, количество металлических находок и анализов на территории памятника Шилда

Место находок	Всего находок	Категории изделии					Количество анализов
		наконечник + + имитация	секира + + имитация	кинжал + + имитация	украшения	фигурки	
Ритуальная яма № 1	11	4/2			7/3		5
Ритуальная яма № 2	10			8/4	2/1		5
Кувшин № 4	84	75/31	2/1	2/1	5/1		34
Кувшин № 5	277				220/45	57/15	60
Центральная часть	849	41/35	56/33	169/50	437/90	146/43	251
Всего	1231	120/68	58/34	179/55	671/140	203/58	355

Примечание: числитель дроби – количество находок, знаменатель – количество анализов.

Таблица 2. Химический состав металлических изделий памятника Шилда

Категория изделий	Количество анализов	Распределение состава металла					
		Cu	Cu + Sn	Cu + Sb	Cu + Sn + Sb	Cu + Sn + Pb	Cu + Sn + As
Наконечник копья	68	5	23	27	4		9
Секира	34	17	9	8			
Кинжал	55	11	23	7	6	8	
Украшения	140	35	32	10	37	19	7
Фигурки	58		28	23	3		4
Всего	355	68	115	75	50	27	20

деленные металлургические группы по отдельным категориям предметов создают определенное представление о технике и технологии изготовления найденных на святилище предметов (табл. 2). Использовалась многообразная и различающаяся по составу лигатура. Количество изготовленных из меди предметов составляет 19% анализированного материала. Для оловянной бронзы – 32%, количество предметов, изготовленных из сурьмяной бронзы, достигает 21%. Использованы тройные сплавы с оловом, добавлением сурьмы (14%), свинца (8%) и мышьяка (6%).

Большое количество находок, связанных с религиозным культом (антропоморфные и зооморфные фигурки, объясняет характер и значение памятника Шилда. Святилище функционировало на специально отведенной площади с соответствующей постройкой и хранилищем ценных изделий.

Комплексное изучение добытого на памятнике материала позволяет заключить, что первый этап функционирования святилища можно датировать второй половиной II тыс, началом I тыс. до н.э.

Как устанавливается, в крайней восточной части Закавказья социальное и духовное развитие населения зависело от функционировавших там культово-религиозных центров. Последние безусловно консолидировали обитавшие в данном регионе южного Кавказа племена. Одним из таких центров являлось, по нашему мнению, святилище Шилда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдушелишвили М.А. К датировке нескольких погребений могильника Певреби // Тр. Кахетской археологической экспедиции. Вып. IV. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).

Абрамишвили Р.М. К вопросу о датировке памятников эпох поздней бронзы – широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике // Вестник Гос. музея Грузии им. С.Н. Джанашиа. Т. XIX-B, XXI-B. Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).

Абрамишвили Р.М. Трельский могильник, погребения XIII–XII вв. до н.э. // Тбилиси. Археологические памятники. Т. I. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).

Асланов Т.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку, 1959.

Барамидзе М.В. Каспский могильник // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Т. IV, Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

Гобеджишвили Г.Ф. Холм Нацаргора близ Сталинири // Мимомхилвели. II. Тбилиси, 1951 (на груз. яз.).

Деведжян С.Г. Некоторые вопросы металлообработки позднебронзового века в Ташир-Дзорагете // Вестник обществ. наук АН АрмССР. 1968. № 8 (на арм. яз.).

Деведжян С.Г. Лори берд. I. Ереван, 1981.

Джавахишвили Г.А. Антропоморфная пластика в языческой Грузии (неолит-позднеантичная эпоха). Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).

Джафар-заде О.М. Древний период истории Азербайджана // Очерки по древней истории Азербайджана. Баку, 1956.

Есаян С.А. Древняя культура племен северо-восточной Армении (III–I тыс. до н.э.). Ереван, 1976.

Есаян С.А. Скульптура древней Армении. Ереван, 1980.

Ивановский А.А. По Закавказью // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VI. М., 1911.

Инанишвили Г.В., Майсурадзе В.Г. К истории производства бронзы Центрального Закавказья // Дзиебани. 1999. № 3 (на груз. яз.).

Инанишвили Г.В. Художественное литье древней Грузии // Литейное производство. 2001. № 7.

Каландадзе А.Н. Самтавро. Археологические памятники доантичной эпохи // Мцхета. Т. IV. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).

Касаманлы Г.П. Хачбулахский курган с массовым захоронением // Материальная культура Азербайджана. Т. VIII. Баку, 1976.

Кобаидзе Л.Н. Могильник Ркинис-кало (каталог) // Археологические памятники Иорского ущелья. Т. II. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).

Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.

Куфтин Б.А. О древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии // Вестник Гос. музея Грузии. Т. XII-B. Тбилиси, 1944.

Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.

Кушнарева К.Х. Древнейшие памятники Двина. Ереван, 1977.

Лордкипанидзе О.Д. Клады бронзовой культуры Колхиды // Дзиебани. VI. Тбилиси, 2001 (на груз. яз.).

Майсурадзе В.Г. Археологические памятники эпохи поздней бронзы-железа верховьев рр. Иори-Алазани. Тбилиси, 1993 (на груз. яз.).

Майсурадзе В.Г., Панцхава Л.Н. Святилище Шилда (каталог) // Тр. Кахетской археологической экспедиции. Т. VII. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).

Мамуладзе Ш.А. Ущелье р. Аджарисцкали с древнейших времен до позднего средневековья. Автореф. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 2002 (на груз., рус. яз.).

Марковин В.И. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.

Мартиросян А.А. Город Тейшебаини. Ереван, 1961.

Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.

Нариманов Т.И. Древнее святилище (пир) в Казахском районе, позднебронзового времени // Докл. АН АзССР. 1960. № 2.

Нуцубидзе А.А. Археологические памятники Алазанской долины XIV–XII вв. до н.э. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).

Панцхава Л.Н., Майсурадзе В.Г. Бронзовые антропоморфные статуэтки из святилища Шилда // Дзиебани. VI. Тбилиси, 2001 (на груз. яз.).

Пицхелаури К.Н. Могильник позднебронзовой эпохи в с. Гулгула // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Т. II. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).

Пицхелаури К.Н. Итоги исследования памятников эпохи поздней бронзы–раннего железа // Тр. Кахетской археологической экспедиции. Т. I. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).

Пицхелаури К.Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (XV–VII вв. до н.э.). Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).

Пицхелаури К.Н. Восточная Грузия в конце бронзового века // Тр. Кахетской археологической экспедиции. Т. II. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).

Пицхелаури К.Н., Дедабришвили Ш.Ш., Майсурадзе В.Г. и др. Отчет о полевых работах Кахетской археологической экспедиции // Полевые археологические исследования ПАИ 1977 г. Тбилиси, 1980.

Пицхелаури К.Н., Менабде Ц.Н. Археологические памятники с. Гадрекили // Тр. Кахетской археологической экспедиции. Т. V. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).

Садрадзе В.Г. Церованский могильник (каталог) // Мцхета. Итоги археологических исследований. Т. IX. Тбилиси, 1989 (на груз. яз.).

Садых-заде Ш.Г. Исследования памятников Ходжалы-Кедабекской культуры в Хачбулаке (1962–1963 гг.) // Материалы по истории Азербайджана. Т. VII. Баку, 1968.

Техов Б.В. Тлийский могильник, Тбилиси, 1980.

Хахутайшвили Д.А. Уплисцихе. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).

Хачатрян Т.С. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975.

Хачатрян Т.С. Артикский некрополь (каталог). Ереван, 1979.

Чилашвили Л.Л. Языческое святилище Некреси. Тбилиси, 2000 (на груз. яз.).

Inanishvili G. Metallurgische Verfahren und Kenntnisse im alten Georgien // Georgien – Schaätze aus dem Land des Goldenen Vlies. Bochum, 2001.

The sanctuary Shilda – a cultic site in Kakheti, Georgia

V. G. Maisuradze, G. V. Inanishvili

Summary

An important site – the sanctuary Shilda has been investigated in eastern Transcaucasus. It is attested to the cultural circle of the sites situated in the basins of the rivers Iori and Alazani. The recovered archaeological material is valuable and varied, it includes weaponry and household utensils, ornaments and pieces of movable plastic art, pottery. The metal objects are interpreted as votive ones; they represent the production of local metallurgy and metalworking. Basically, the artefacts have been manufactured of tin-bronzes with the admixture of antimony. Architectural characteristics of the site together with the morphological and stylistic analysis of the obtained material show that the sanctuary was consecrated to a deity of fertility. The site functioned from the 14th to the 8th cc. BC. During the period of its existence the sanctuary Shilda was integrated into the cultural zone of the Caucasus, Western Asia and the Mediterranean.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 52–66

АЛАКУЛЬСКАЯ И ФЕДОРОВСКАЯ КУЛЬТУРЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАУРАЛЬЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2004 г. **В. И. Стефанов, О. Н. Корочкова**

Екатеринбург, Уральский госуниверситет

В трудах археологов и историков андроновская общность характеризуется как уникальное культурное образование II тыс. до н.э., занимавшее гигантскую территорию азиатских степей и лесостепей. В совокупности древностей, объединяемых терминами "андроновская культура", "андроновская общность" и другими равнозначными или близкими им по содержанию поражают не только их территориальный охват и долговременность. За более чем 70-летний период изучения андроноведение давно выделилось как особое направление в археологической науке. Его достижения очевидны, однако многие важнейшие проблемы андроновской общности до настоящего времени остаются открытыми.

Авторы не ставили целью разработать глобальную концепцию андроновской культурно-исторической общности (АКИО). Используя археологические материалы одного из локальных районов АКИО, мы попытались внести ясность и наметить пути разрешения проблемы соотношения алакульской (А-) и федоровской (Ф-) культур. Эта ключевая в андроноведении проблема остается актуальной на протяжении многих десятилетий.

Район, о котором пойдет речь, расположен на северо-западе АКИО. Когда-то К.В. Сальников (1967. С. 249–258) выделял здесь два микрорайона – челябинский и уйско-увельский; мы же склонны объединять их в рамках одного – *причелябинского* региона. Для него характерно многообразие форм поверхности и ландшафтов, но в своей основе это лесостепной район. Его естественными границами являются горы на западе, степные пространства на юге и лесные массивы на севере. Замечательно, что на территории причелябинского района, в радиусе 120–130 км от областного центра, расположены все опорные памятники алакульской, федоровской, черкаскульской и других позднебронзовых зауральских культур. До сих пор они являются эталонными при выделении и обосновании культурных типов, составляющих специфику андроновского феномена. Среди них могильники: Смолино, Синеглазово, Сухомесово, Федоровский, Алакульский, Черняки I и II, Туктубаево, Кинзерский и др.; селища: Ново-Бурино, Черкаскуль II, Замараевское, Межовское, Березовское, Липовая Курья и др. За последние десятилетия источниковая база АКИО в данном районе существенно пополнилась, к примеру, за счет поселений Камбулат I, II, Сарафаново, Коркино I и др.; могильников Урефты I, Приплодный Лог, Путиловская Заимка II, Миасский I, Троицк-7, Белоключевка-5 и др. К сожалению, не все из них введены в научный оборот: упомянем здесь Коркино I, которое, безусловно, является одним из опорных памятников А-культуры. Необходимо отметить, что качество некоторых (особенно ранних) источников оказывается мало удовлетворительным.

Андроновская общность в причелябинском районе представлена памятниками и комплексами петровского, алакульского, федоровского и синкретического алакульско-федоровского типов. Петровские древности выделяются в качестве самостоятельной культуры (Зданович, 1988; 2002; Кузьмина, 1994; Григорьев, 2000), либо определяются как раннеалакульские (Виноградов, 2003; Ткачев, 1998). Мы склонны рассматривать их как более поздние по отношению к синташтинским и генетически с ними связанные.

Проникновение степных племен в лесостепное Зауралье началось, по-видимому, еще в доандроновский (синташтинский) период и заметно усилилось на раннем (петровском) этапе АКИО. К сожалению, в настоящее время отсутствует возможность охарактеризовать местные петровские комплексы, они практически не исследованы. Однако по первому впечатлению, скажем, керамика поселения Шатрово IX ничем не отличается от петровской посуды с Кулевчей III (Виноградов, 1982). Остается загадкой, с каким населением вступали в контакт синташтинские и петровские коллективы на этой территории? Кто были эти гипотетические потомки энеолитических племен, населявших горно-лесные и лесостепные районы Зауралья в III тыс. до н.э.? Как происходило это взаимодействие, и нашло ли оно отражение в петровских древностях?

В контексте же данной работы для нас наиболее важным представляется вывод, что в челябинском лесостепном районе алакульскому культурному массиву, безусловно, предшествовали памятники петровского типа. Из этого следует, что становление А-культуры в ее классическом

виде происходило на петровской основе в лесостепном Зауралье. Сложение и развитие этой позднебронзовой культуры приходится на фазу стабилизации основных производящих центров Евразийской металлургической провинции (Черных, 1978; Черных и др., 1990). Развивалась она не изолированно. Алакульские общины, несомненно, взаимодействовали с населением сопредельных областей, как близкородственным (степное Зауралье, лесостепное Притоболье) так и инокультурным (горно-лесное Зауралье). О характере и глубине последних судить очень сложно. В то же время не вызывает сомнения взаимодействие и взаимовлияние срубной и алакульской культур, настолько очевидны их следы в археологических источниках. В петровских и алакульских памятниках Северного Казахстана отчетливо просматриваются элементы, связанные с западносибирскими лесостепными культурами типа Кротово и Вишневки. Алакульско-ташковские контакты фиксируются в подтаежном Притоболье. В челябинских комплексах инокультурные проявления есть, но улавливаются с трудом. В отличие от синхронных постпетровских образований степного Зауралья здешняя А-культура испытала минимальное срубное воздействие. В орнаментации алакульской керамики за редким исключением отсутствуют выразительные мотивы, происхождение которых можно определенно связывать с культурами горно-лесных районов. Взаимодействуя с коллективами, обитавшими в предгорьях Урала и южнолесной зоне, алакульское население челябинской лесостепи, похоже, мало что от них восприняло.

Вряд ли мы ошибемся, сказав, что наиболее тесные связи у местных алакульских племен установились с восточными и юго-восточными соседями – андроновцами Притоболья и Северного Казахстана. Сходство природных условий, отсутствие естественных преград, с одной стороны, и общность происхождения и исторических судеб населения с другой, способствовали этим связям (взаимовлиянию, взаимопроникновениям, нивелировке культуры) в такой степени, что зачастую практически невозможно отличить зауральские алакульские комплексы от притобольских. В этой связи показательно, что в составе алакульской посуды из памятников Притоболья имеется немало сосудов, изготовленных из глины с добавкой талька, месторождения которого расположены на Среднем и Южном Урале.

Целесообразность выделения причелябинского района в ареале АКИО мотивируется не экстраординарностью местного алакульского массива, а в первую очередь тем, что в его границах широко представлены памятники алакульско-федоровского и федоровского типов. В Среднем Притоболье они до сих пор либо не выявлены, либо не исследованы. Федоровская и смешанного – алакульско-федоровского (АФ) – облика керамика систематически встречается здесь, как правило, в небольшом количестве на поселениях (Потемкина, 1985), но погребальных объектов, бесспорно относящихся к Ф-культуре, в лесостепном Притоболье нет (по крайней мере, пока). Нет их и в степном Зауралье, хотя и здесь в слоях поселений А-культуры попадаются фрагменты сосудов федоровского и смешанного типов (в степной зоне на Тоболе федоровские курганы присутствуют в Лисаковском могильнике).

В зауральском лесостепном районе ситуация иная: федоровские и синкретические материалы в нем многочисленны, но их культурная самостоятельность и место в системе древностей ПБВ остаются неопределенными. Периодизация андроновской культуры К.В. Сальникова (1951; 1967), в которой федоровские комплексы предшествуют алакульским, ныне утратила свое значение. Широко обсуждаются два альтернативных варианта разрешения алакульско-федоровской "интриги". Во-первых, трансформация А-культуры в федоровскую через переходный кожумбердинский или амангельдинский этапы (Г.Б. Зданович, Н.А. Аванесова, Н.Б. Виноградов и др.). Во-вторых, это разные культуры (Е.Е. Кузьмина, В.Н. Чернецов, М.Ф. Косарев, В.С. Стоколос и др.), взаимодействие которых демонстрируют комплексы смешанных типов. Вторая версия имеет нюансы, связанные с разным решением вопросов генезиса и хронологии Ф-культуры, что например, связано с корректным отношением к источникам. Так, поселение Коркино I в монографии Н.А. Аванесовой фигурирует как однослойный федоровский памятник и – соответственно – уникальные вещи с него привлекаются для датировки федоровской культуры (1991. С. 91). В действительности же на поселении выделяются два слоя: ранний и основной – алакульский, а также поздний – черкаскульский (Чемякин, 1998. С. 277).

Проанализировав материалы, мы пришли к убеждению, что федоровские древности в лесостепном причелябинском районе не могли сформироваться на местной алакульской основе.

Керамике алакульского и федоровского типов посвящено множество работ, в которых подробно рассмотрены общие и частные вопросы технологии, морфологии, орнаментики, функциональности и др. Обстоятельный анализ посуды всего андроновского ареала проделан Е.Е. Кузьминой (1985; 1986; 1994 и др.). Большинство ученых, обращавшихся к этим вопросам, сходятся во мнении, что фиксируемое несходство алакульского и федоровского керамических комплексов носит принципиальный характер, а по некоторым признакам – принципиально несовместимый (Кузьмина, 1994; Рудковский, 2003). Представление о федоровском комплексе причелябинского района сформирова-

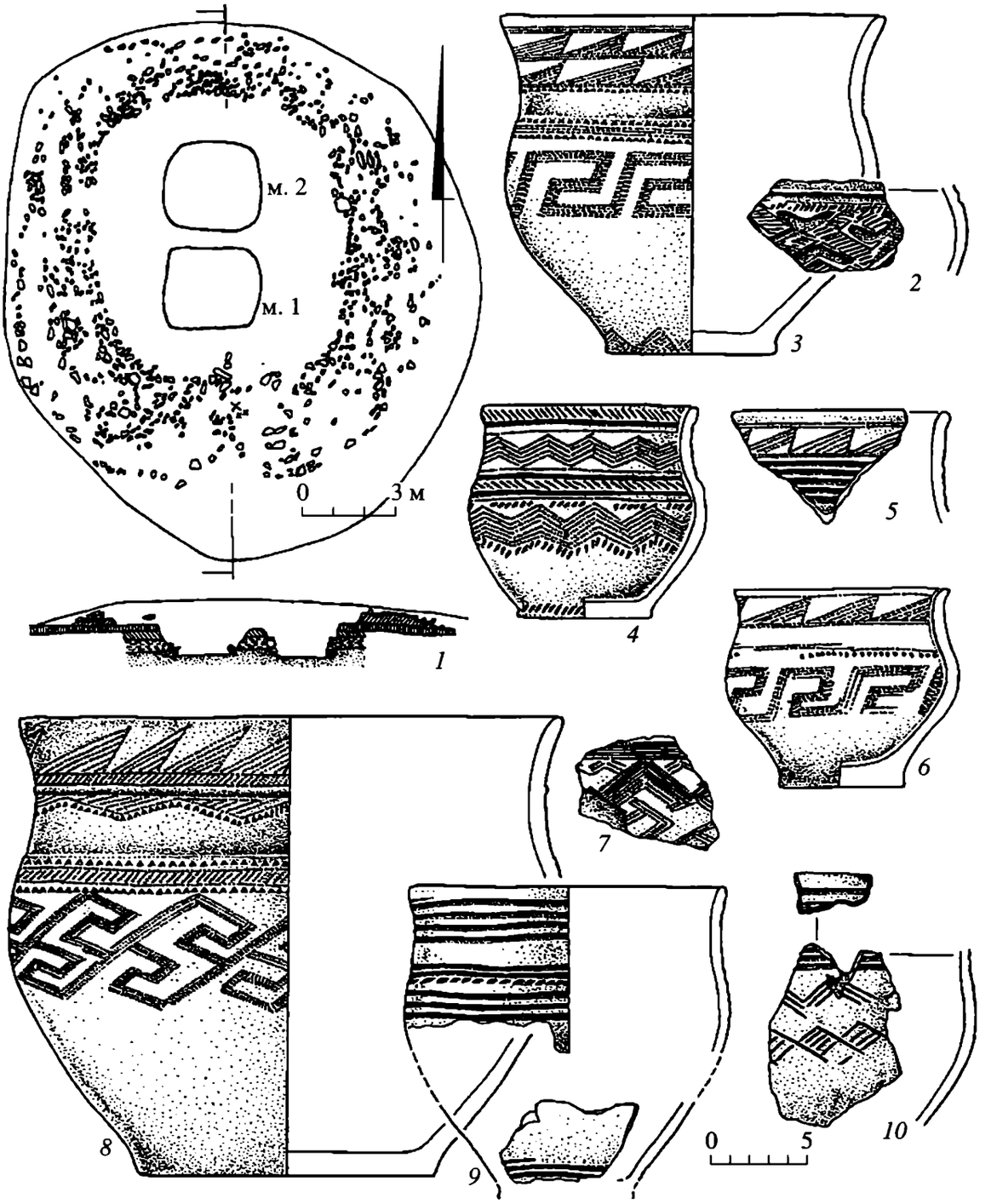


Рис. 1. Могильник Федоровский (федоровская культура). *1* – план и разрез кургана 39; *3*, *8* – курган 39, погребение 2; *2* – курган 13; *4* – курган 39, погребение 1; *5*, *6* – курган 60; *7* – курган 38, заполнение могильной ямы; *9* – курган 38; *10* – курган 42.

лось в основном по сосудам, входящим в состав погребального инвентаря. Уже по этой причине оно не является всесторонним. Тем не менее, поскольку аналогичные образцы регулярно встречаются в культурных слоях поселений А-культуры, можно охарактеризовать некоторые группы, составляющие зауральский федоровский керамический комплекс (ФКК).

В качестве его культурного индикатора выступают плавно-профилированные высоких и средних пропорций горшки с открытым устьем, тщательно обработанные и украшенные сложным геометрическим орнаментом, выполненным исключительно зубчатым штампом, мелким и средним (рис. 1; 2, *6*, *7*). Границы орнаментальных зон обозначены горизонтальными гребенчатыми линиями или каннелюрами. Как правило, это средне- или крупноразмерные емкости. Горшки второй группы отличаются от первой только декором – их верхняя половина сплошь покрыта горизонтальными желобками-каннелюрами (рис. 1, *9*; 3, *11–13*).

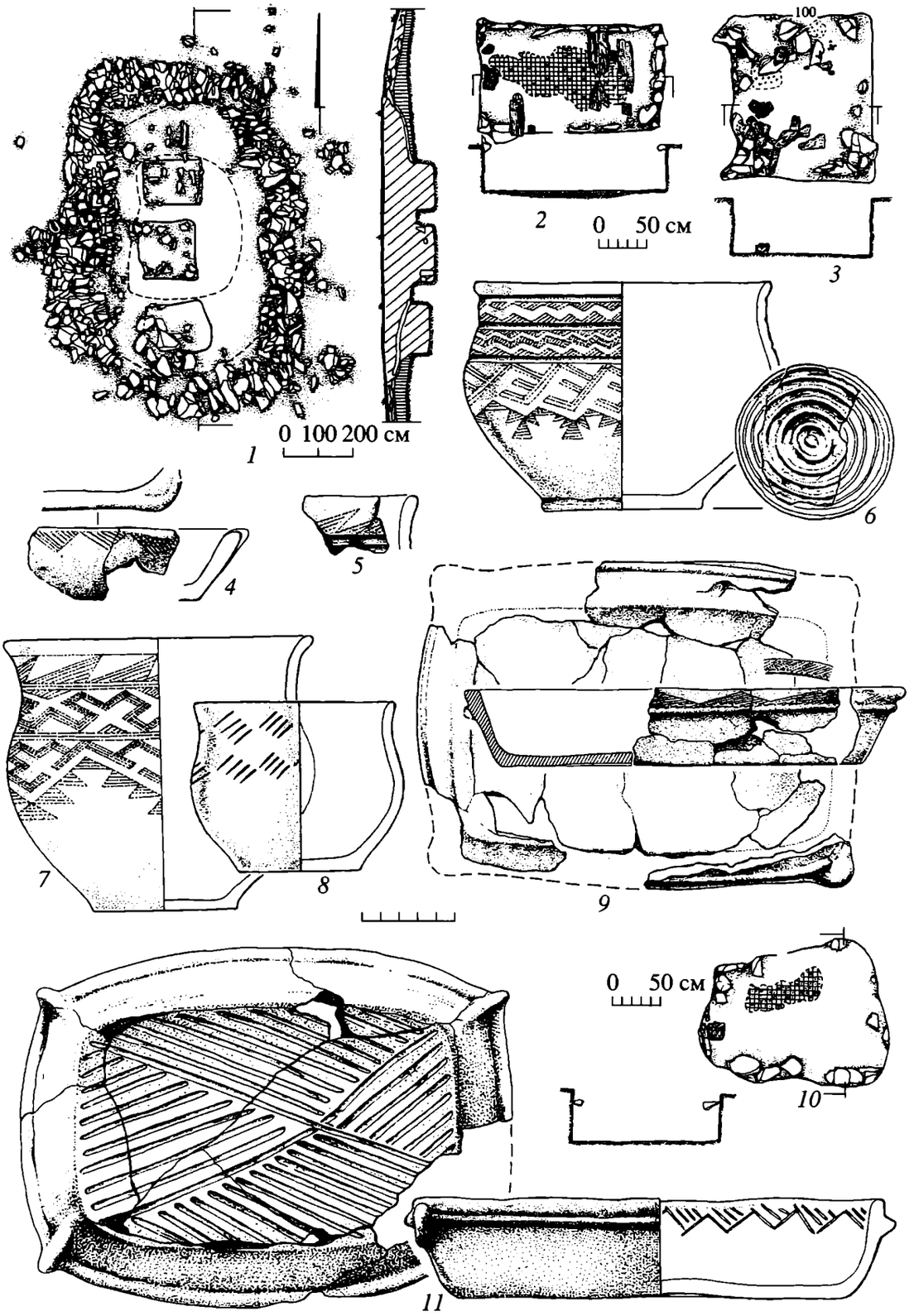


Рис. 2. Могильник Урефты I (федоровская культура), курган 6. *1* – план и разрез раскопа; *2*, *4*, *5*, *9* – погребение 1; *3*, *6*, *7*, *8* – погребение 2; *10*, *11* – погребение 3. Пунктирной линией на плане обозначены границы выкида.

Не слишком представительную (в составе погребальной посуды!) третью группу образуют экземпляры горшечной формы, украшенные – подчас небрежно и без соблюдения принципа зональности – простыми узорами из отпечатков зубчатого штампа (рис. 1, *4*, *10*; 2, *8*). Вопреки устоявшемуся мнению для федоровских горшков лесостепного Зауралья мало характерны поддоны. Специфической особенностью ФКК челябинского района являются глиняные блюда подпрямоугольной или, реже, овальной формы с невысокими бортиками и "ушками" по углам (рис. 2, *4*, *9*, *11*).

Это достаточно редкие находки (около 35 экз.), иногда с налепными валиками по верхнему краю бортиков, орнаментированные, с неплотным рыхлым тестом, плохим обжигом. В отличие от сосудов горшечных форм блюда встречаются почти исключительно в могилах. Единичны находки похожих изделий в срубно-андроновских памятниках (Сальников, 1967. С. 164, 204, 205). Важно отметить, что в федоровских погребениях лесостепного Зауралья совершенно отсутствуют сосуды малых или миниатюрных размеров и баночных форм.

Облик поселенческой (бытовой, хозяйственной) федоровской керамики неизвестен, поскольку в этом районе до сих пор не исследовано ни одного однослойного поселения Ф-культуры. Если бы таковое обнаружилось, то на нем, по аналогии с поселениями других районов АКИО, наверняка присутствовали бы плавнопрофилированные горшки с геометрическим и желобчатым орнаментом, причем, в небольшом количестве, а также сосуды горшечной, горшечно-баночной и, возможно, баночной форм с простыми узорами, похожие на третью группу погребальной посуды. Среди последних должны быть экземпляры с налепными или формованными валиками. Именно в таком ассортименте федоровская керамика представлена на поселениях подтаежного Притоболья Черемуховый Куст и Дуванское XVII (Зах, 1995; Стефанов, Корочкова, 2000. С. 51–68).

Что отличает федоровский керамический комплекс от алакульского? Горшки обоих типов изготовлены ленточным способом (хотя при конструировании федоровских сосудов ленты накладывались со скосом наружу, а алакульских – со скосом внутрь), имеют близкие пропорции (алакульские в целом выглядят более приземистыми), у них совпадают орнаментальные композиции и размещение мотивов по зонам (Кузьмина, 1994. С. 117). Вместе с тем для федоровской посуды не характерны такие черты, как уступчики на плечиках: в алакульских коллекциях число горшков с уступчатым профилем достигает 60% и более (рис. 4, 5), ребристые формы, неорнаментированная полоса (пустая зона) в нижней части шейки (рис. 4, *4*, *5*, *9*; 5, *1* и др.). "Признак пустой зоны" отличает алакульскую керамику Южного Зауралья даже от однокультурных комплексов других районов АКИО (Рудковский, 2003. С. 17). Прямоугольные меандры алакульского декора мало похожи на замысловатые федоровские "ковровые" орнаменты (Зотова, 1965). Для федоровской посуды очень характерна гребенчатая техника орнаментации, но типично алакульская "протащенная гребенка" не использовалась совершенно. Различаются сравниваемые материалы по удельному весу каннелюр, степени характерности орнаментальных "сбоев" и другим признакам. Е.Е. Кузьмина полагает, что на инородность федоровской посуды в Зауралье прямо указывает отсутствие в тесте этих горшков примеси талька (1994. С. 114). Действительно, если для алакульского гончарства добавка дробленого талька в глину – норма, то для федоровского скорее исключение.

Различия керамических материалов А- и Ф-культур столь значительны, что вывод об отсутствии генетической связи между ними кажется очевидным. Этому заключению не противоречат даже комплексы смешанного облика. Ранее подобная посуда из памятника лесостепного Зауралья воспринималась нами как в целом алакульская с инокультурными (в данном случае федоровскими) признаками. Однако специальное изучение этих материалов показало, что в их составе есть смешанные комплексы с преобладанием федоровского компонента. Встречено множество горшков, выполненных по алакульской технологии (формовочные массы, конструирование полого тела), но украшенных в федоровском декоративном стиле. И наоборот: отмечены горшки федоровские с неорнаментированной зоной в нижней части шейки, со сложными "ковровыми" узорами, в которых отдельные элементы нанесены протащенной гребенкой. Заимствуются или сохраняются культурно-диагностирующие признаки: уступчик, неорнаментированная полоса, тальк – в алакульской традиции; косые треугольники и меандры, фестоны, мелкая гребенка, изящные пропорции, плавная профилировка – из федоровской.

Алакульско-федоровский комплекс (рис. 6; 7) включает разных размеров горшки (иные формы неизвестны) с открытым устьем, прогибом стенок при переходе к дну, нередко с поддонами, с пышным или моносюжетным (каннелюры) орнаментом, размещенным по конструктивным зонам, с тальком в тесте или без него (последние преобладают). Среди посуды этого комплекса есть экземпляры, украшенные по внутренней стороне шейки зигзаговой гребенчатой линией (рис. 7, *12*). Другая специфическая деталь – узкие рельефные утолщения в виде жилки (нервюры) в средней части шейки (рис. 6, *6*, *8*; 7, *3*, *10*). С точки зрения морфологических и декоративно-стилевых особенностей, посуда синкретических типов выглядит в целом более изящной и нарядной, нежели алакульская и даже федоровская.

Зная, что эволюция алакульской посуды в Зауралье происходила в направлении сокращения удельного веса и состава геометрических мотивов в орнаменте, снижения роли желобчатой техники (Матвеев, 1998. С. 320, 321, 328, 329), трудно представить, что яркий алакульско-федоровский керамический комплекс мог сложиться в результате трансформации местных алакульских древностей. Без мощного внешнего импульса это было невозможно. Интерпретация алакульско-федоровской керамики как смешанной, отражающей процессы взаимодействия А- и Ф-культур, кажет-

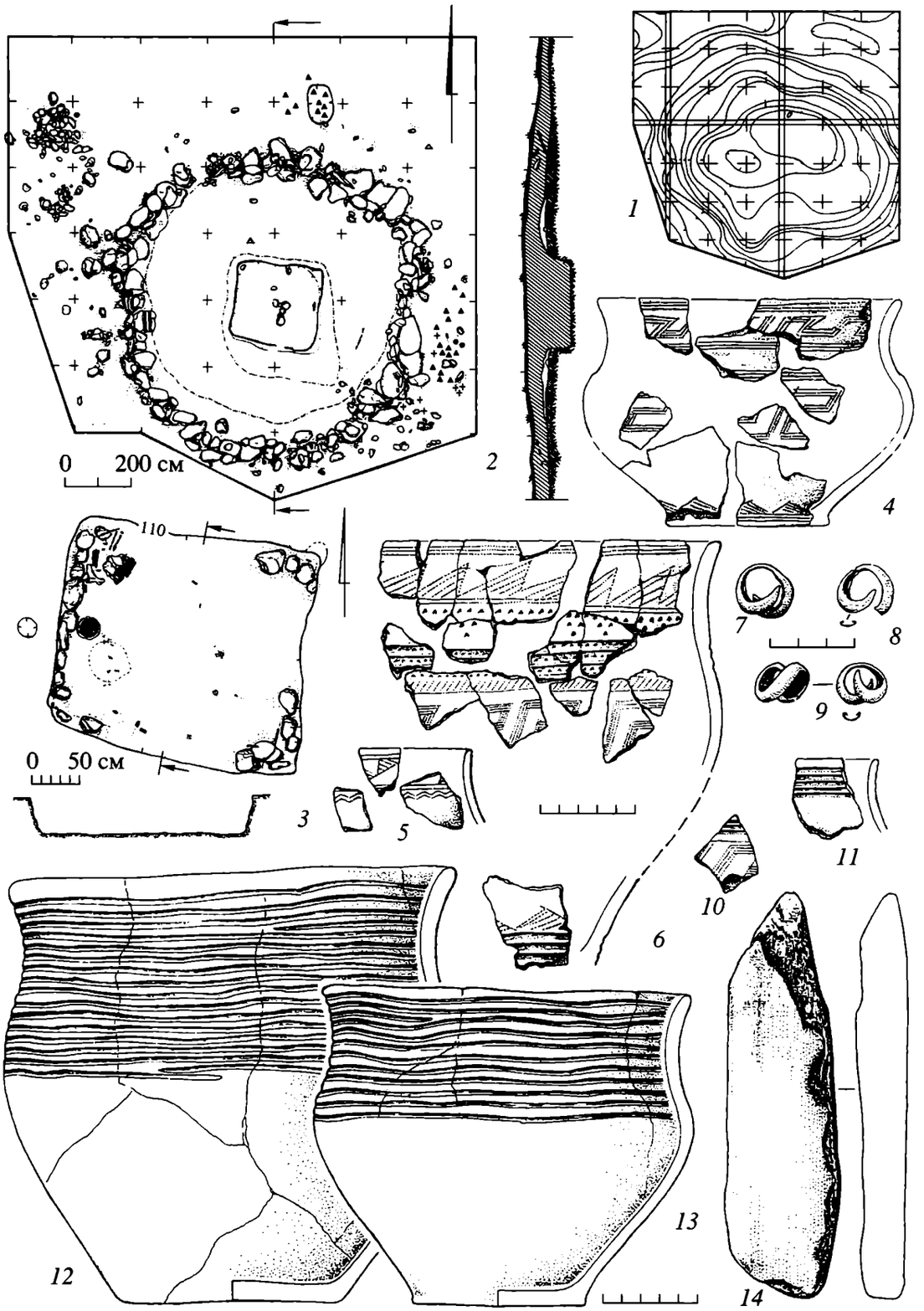


Рис. 3. Могильник Урефты I (федоровская культура), курган 16. *1* – топографический план; *2* – план и разрез раскопа; *3* – план и разрез погребения; *4*, *6*, *7–9*, *14* – инвентарь, обнаруженный за оградой (*4*, *6*, *10* – керамика, *7–9* – бронза, золото, *14* – камень); *5*, *11* – керамика из верхнего заполнения могилы; *12*, *13* – сосуды из погребения. Пунктирной линией на плане обозначены границы выкида.

ся нам более правильной, если не единственно возможной.

Погребальные комплексы. В причелябинском районе известно около трех десятков андроновских могильников, в том или ином объеме исследованных раскопками. Среди них нет ни одного достоверного федоровского или алакульско-федоровского. Как правило, Ф- и АФ-курганы или погребения соседствуют с алакульскими (Черняки II, Урефты I, Троицк-7 и многие др.). Иногда

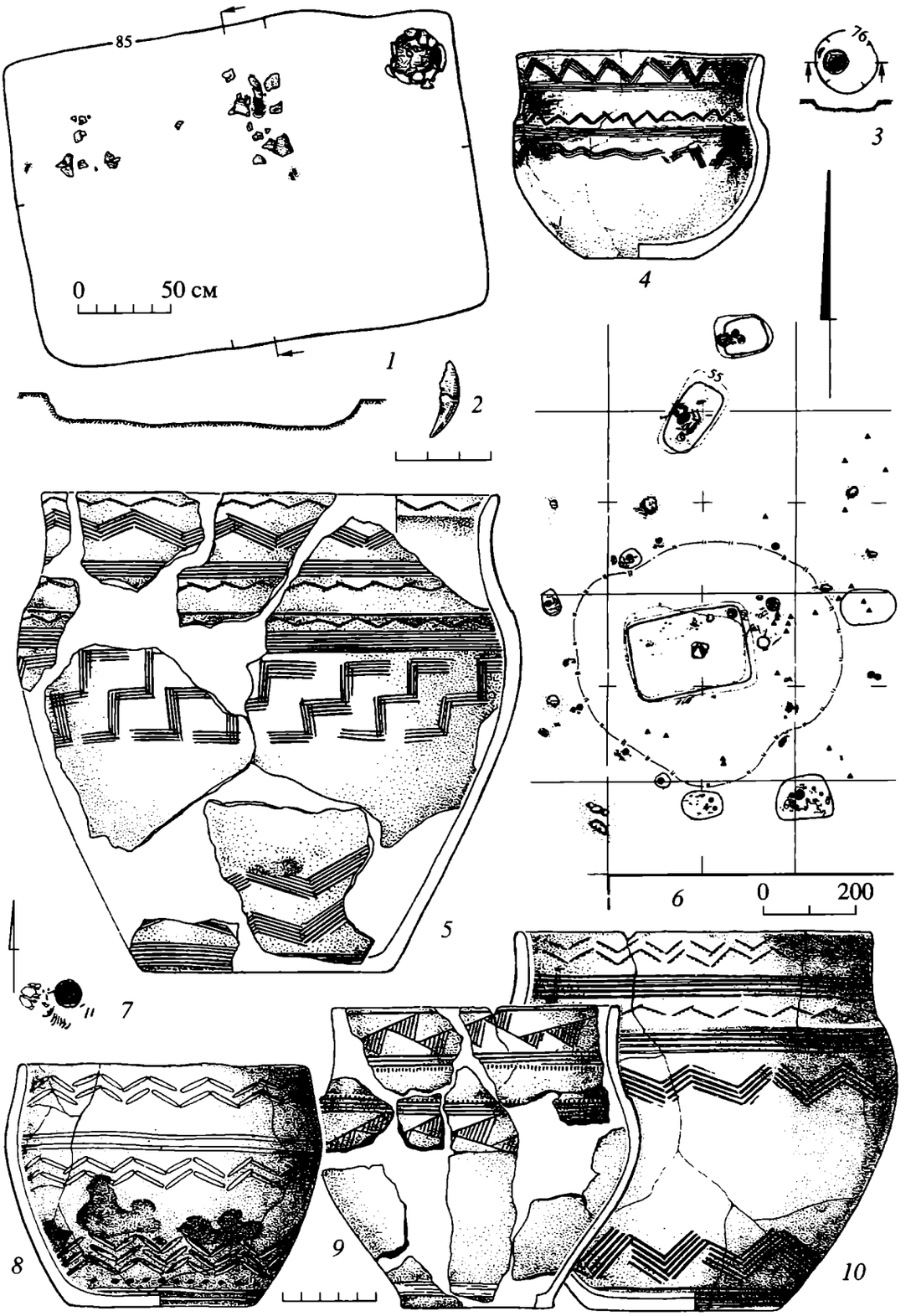


Рис. 4. Могильник Урефты I (алакульская культура), курган 21. *1* – план и разрез центрального погребения 13; *6* – план центральной части кургана; 3, 4 – погребение 12; *5*, *9*, *10* – сосуды из центрального погребения 13; *7*, *8* – погребение 10. Пунктирной линией на плане обозначены предполагаемые границы надмогильного земляного сооружения.

к ним "добавляются" черкаскульские погребальные объекты (Туктубаево, Приплодный Лог, Большеказакбаево-2 и др.). В насыпи алакульского кургана 21 могильника Урефты I погребена женщина (рис. 5, *14–16*) с двумя "неалакульскими" горшками.

Алакульские и федоровские погребения отмечены на поверхности курганами. Мы убеждены,

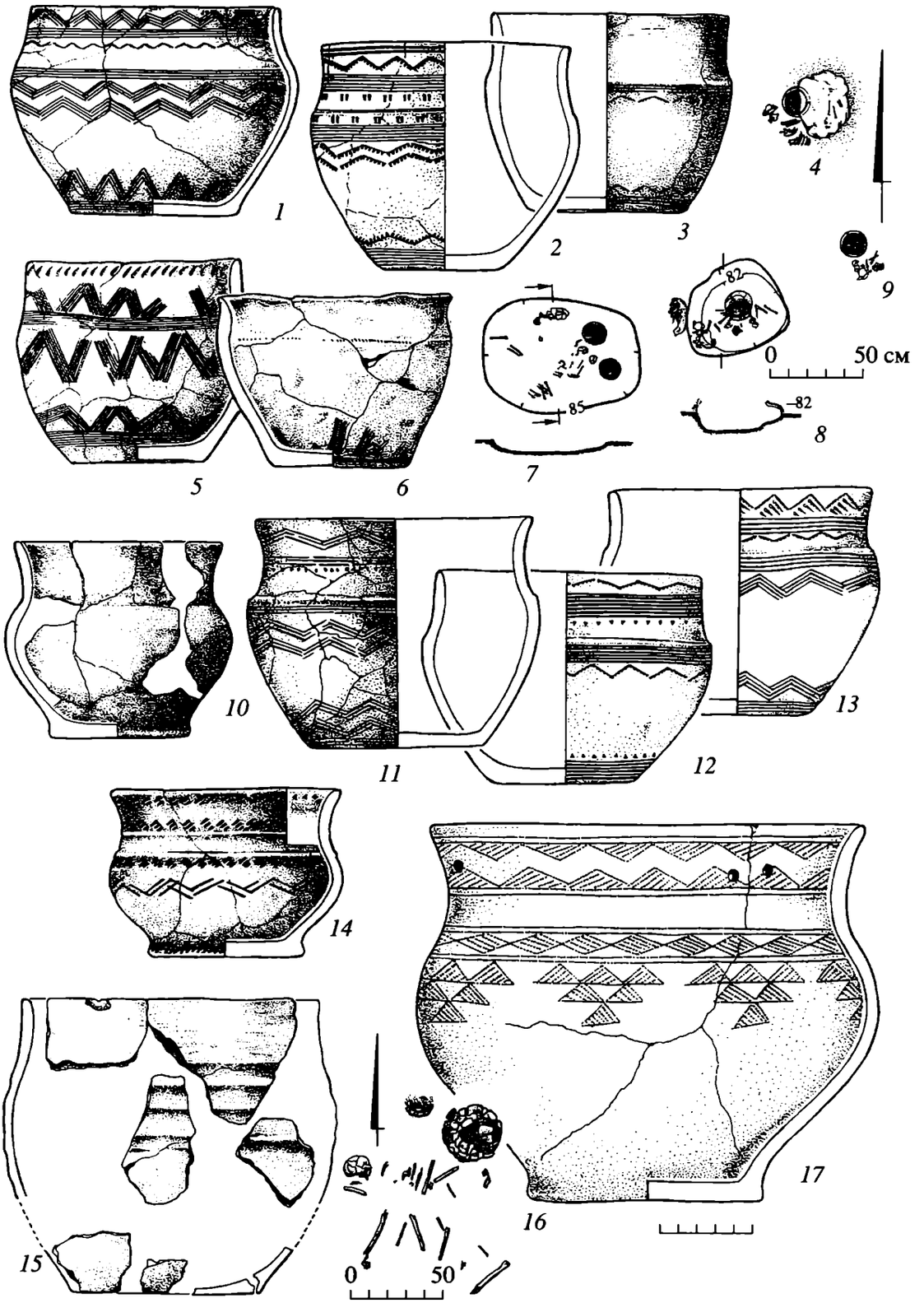


Рис. 5. Могильник Урефты I (алакульская культура), курган 21. *1, 4* – погребение 1; *2, 3, 8* – погребение 3; *5, 6, 7* – погребение 11; *10, 14* – погребение 4; *9, 11* – погребение 5; *12* – погребение 6; *13* – погребение 7; *15, 16, 17* – впускное погребение 8.

что земляные конструкции над могилами сооружались из дерновых блоков. Рыхлый грунт если и использовался, то лишь во вспомогательных целях. Исключительно с кусками дерна могли быть доставлены к месту сооружения объектов также обломки сосудов и каменные предметы энеолитического облика на Урефтах I и Большеказакбаевском 2-ом могильнике, так как на их территории энеолитические культурные слои отсутствуют. Аналогичным образом мы объясняем наличие в кладке урефтинских федоровских курганов № 3, 5 и 7 единичных фрагментов алакульской ке-

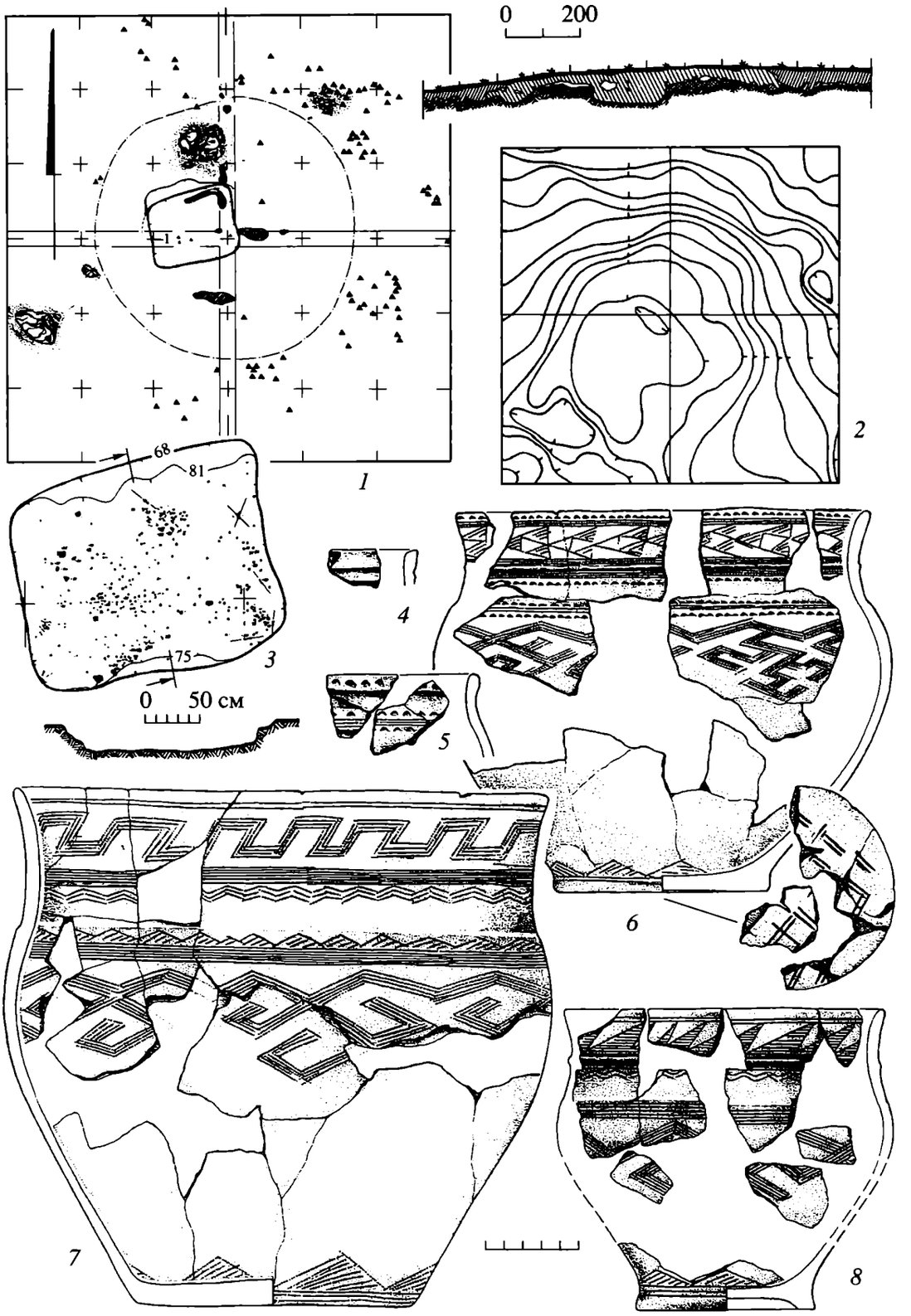


Рис. 6. Могильник Урефты I (алакульско-федоровский комплекс), курган 30. *1* – план и разрез раскопа; *2* – топографический план кургана; *3* – план и разрез погребения; *4, 5, 7, 8* – находки из насыпи; *6* – сосуд из погребения. Пунктирной линией на плане обозначены предполагаемые границы надмогильного земляного сооружения.

рамики и кусов расколотой серой и розоватой яшмовидной породы. Федоровские сооружения по размерам намного превосходят алакульские, их возведение связано с бóльшими трудозатратами. Например, на Урефтах объемы земляных указанных конструкций соотносятся в интервале от 4 : 1 до 50 : 1 (!).

Отметим, что в лесостепном Зауралье для алакульской погребальной практики характерно воз-

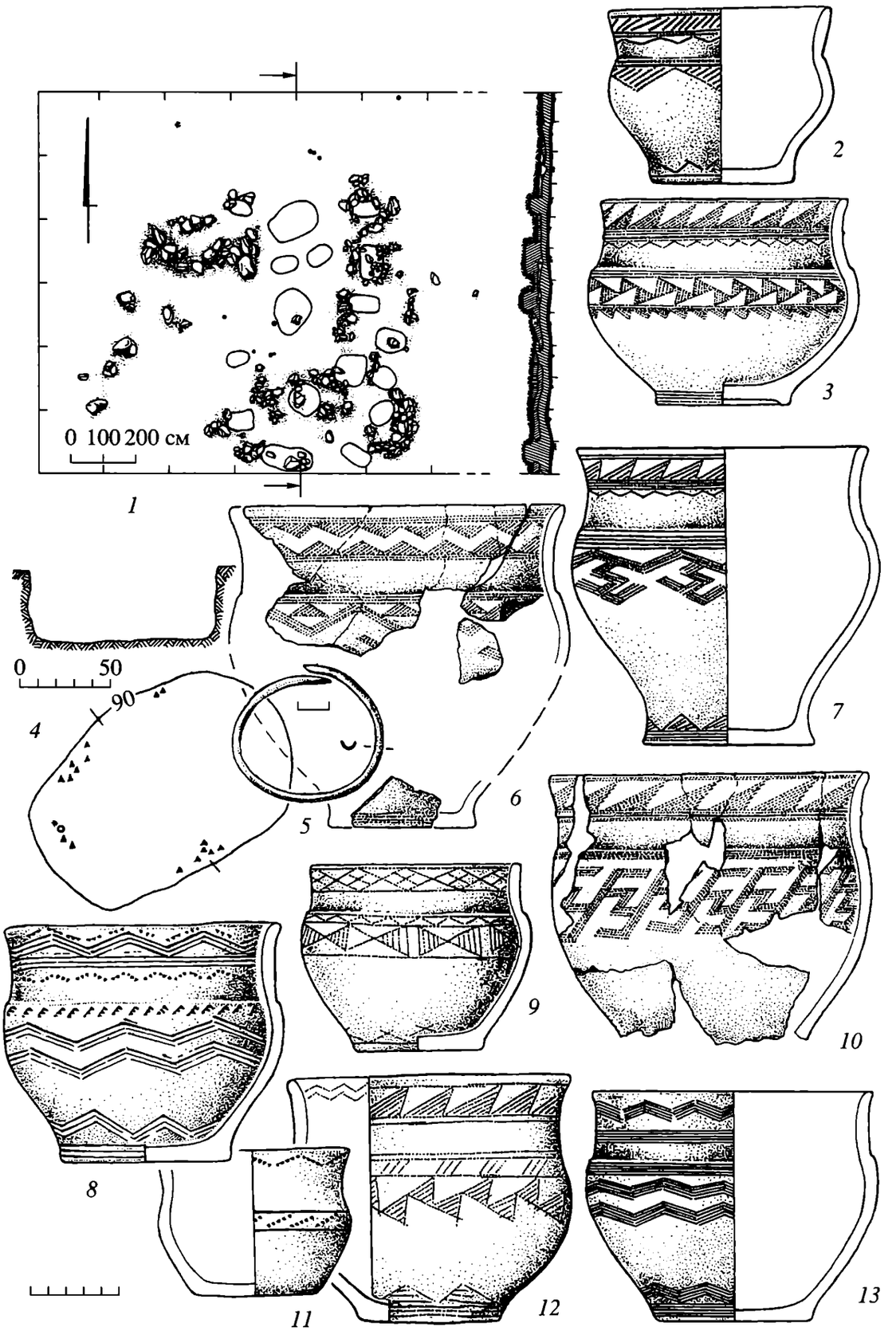


Рис. 7. Могильник Урефты I (алакульско-федоровский комплекс), курган 13. *1* – план и разрез раскопа; *2* – погребение 12; *3* – погребение 15; *4*, *5*, *6* – погребение 1; *7* – погребение 13; *8* – погребение 12; *9* – погребение 5; *10* – погребение 2; *11*, *12* – погребение 14; *13* – погребение 14.

ведение курганов только над крупными могилами. Детские и подростковые погребения размещались у границ/стен земляных конструкций или в стороне от них и отмечались на поверхности небольшими холмиками, а иногда и каменными валунами (рис. 5, *4*). Со временем, после разрушения основных дерновых сооружений, соприкасавшиеся с ними погребения оказывались "под полами курганных насыпей", а располагавшиеся в стороне теряли всякие внешние признаки. Таким образом, А-культуре рассматриваемого района, по-видимому, в одинаковой степени присущи как курганные, так и бескурганные захоронения.

Замечательной особенностью федоровских курганов являются каменные оградки (рис. 1, *1*; 2, *1*; 3, *2*). Из плит, валунов и пр. по периметру дерновой конструкции возводилась цистовой кладкой, из поставленных на ребро плит или комбинированным способом каменная стенка. Внешний вид и форма ограждений обусловлены характером каменного сырья, его объемом и контуром земляного сооружения. Масштабы трудозатрат, связанных с добычей и транспортировкой камня для оградок федоровских курганов, поражают. Например, для строительства оградки вокруг кургана 16 на Урефтах I (с единственной могилой) перемещено на расстояние около 6–7 км не менее 5 т гранитных плит, да еще около тонны кварцевых валунов собрано в ближней округе. К.В. Сальников отмечал, что камень для оградок Федоровского могильника мог доставляться за 3 км (1940. С. 60). Практически везде, где для этого были условия, такие курганы имеют каменные ограды (могильники Кинзерский, Приплодный Лог, Путиловская Заимка II, Туктубаево, Федоровский, Урефты I и др.). По этому признаку федоровский погребальный комплекс не имеет аналогов в культурах энеолита или ПБВ лесостепного Зауралья, кроме черкаскульской, которая, в свою очередь, безусловно связана с федоровской.

Устройство могил и надмогильных сооружений в федоровских курганах подчинено определенным стандартам. В большинстве случаев в центральной части подкурганной площадки располагалась одна, а реже две или три большие квадратные или прямоугольные ямы площадью от 2.5–3 до 6.2 м^2 (рис. 1, *1*; 2, *1*). Несколько могил зачастую образуют ряд, вытянутый обычно по оси С–Ю. Совпадая с алакульскими по форме и линейным размерам, федоровские – заметно глубже – до 1.2 м (против 0.5–0.7 м). Нередко в их оформлении использовался камень. В федоровских курганах периферийные захоронения, как правило, отсутствуют.

Для погребального обряда федоровцев характерно размещение на дне могил кремированных останков умерших (сожжение происходило на стороне). Высказанная М.П. Грязновым идея о захоронении "кукол" (сделанных из органического материала и потому не сохраняющихся) с прахом усопших представляется интересной, но едва ли доказуемой. Погребальную практику алакульского населения челябинского района АКИО характеризуют преимущественно трупоположения в скорченной позе на левом или – редко – правом боку. Именно в такой позе отмечены многие костяки умерших детей (в том числе грудных) и подростков в большинстве алакульских некрополей. С захоронениями взрослых картина кажется более сложной. В могилах, как правило, находят либо разрозненные кости скелетов, либо их остатки там вообще отсутствуют. На это обстоятельство обращали внимание многие исследователи (К.В. Сальников, В.С. Стоколос, Т.М. Потемкина и др.), но только А.В. Матвеев (1998. С. 200–204) попытался найти ему объяснение. По всей вероятности, мы сталкиваемся здесь с какими-то малоизученными специфическими обрядовыми действиями пост-похоронного цикла, характерными для посмертного обращения с покойными (Смирнов, 1997) в алакульской среде. Впрочем, "пустые могилы" известны и в федоровских курганах.

В курганах федоровцев совершенно отсутствуют жертвенники, тогда как в алакульских они – почти неотъемлемый атрибут. Федоровской обрядности свойственны оформление подкурганной площадки выбранным из могильной ямы грунтом, устройство в могилах заплечиков вдоль длинных стен, подчеркнуто ограниченный сопроводительный инвентарь (блюдо, 1–2 горшка, редко другие вещи), помещение в могилу ребер или лопатки лошади, иногда быка или барана. Особенностью Ф-культуры лесостепного Зауралья – на фоне других сообществ АКИО является полное отсутствие в ее могильниках детских погребений. Проблема детских погребений этой культуры может быть разрешена, но при одном обязательном условии: следует отказаться от мысли, что они выглядели как уменьшенные копии могил взрослых людей. Мы допускаем, что умерших детей не кремировали и над их могилами не возводили сколько-нибудь значительных по объему земляных сооружений; а использование камня в оформлении погребальной камеры и наземной конструкции, если и имело место, то наверняка носило ограниченный характер. И наконец, в такие могилы не ставили посуды классического федоровского облика. В итоге мы имеем практически неотличимые могильные комплексы от алакульско-федоровских и даже алакульских. Подобный ансамбль из 17 детских погребений, условно объединенных в рамках кургана 13 (рис. 7), исследован на Урефтах I (Корочкова, 2002).

Теперь об алакульско-федоровских погребальных объектах в челябинском районе. Задавшись целью охарактеризовать их, мы неизбежно столк-

немся с необходимостью перечисления почти всех основных признаков алакульских и федоровских ритуалов. Однако в виде самостоятельного явления алакульско-федоровская погребальная обрядность отсутствует: у нее нет ни одной специфической, только ей присущей приметы. Смешанные комплексы сопоставимы и с алакульскими и федоровскими, при этом алакульские параллели в целом кажутся более отчетливыми. Погребения с горшками синкретического облика могут образовывать изолированные ансамбли (рис. 6) или же пристраиваться к алакульским наземным конструкциями. Сосуды смешанного типа находят вместе с алакульскими в одной могиле; они же встречаются в погребениях, среди камней или около оградок федоровских курганов. Показателен пример с одноименным могильником: в погребении 2 кургана 39 (Сальников, 1940) обнаружены три сосуда, два из которых можно считать синкретическими за счет неорнаментированной полосы, слабовыраженных уступчиков, жилки-нервюры на шейке (рис. 1, *3*, *8*).

Случаи нахождения горшков подобного типа в алакульских, федоровских или смешанных погребальных комплексах имеют важное значение для разработки вопросов относительной хронологии. Впрочем любопытны и другие примеры. Единственная могильная яма алакульского кургана 9 на Урефтах I была перекрыта гранитной плитой, скорее всего "позаимствованной" из ограды ближнего федоровского. В А-кургане 27 зафиксированы гранитные плиты, аналогичные тем, из которых на Урефтах сооружались ограждения федоровских объектов. Отмеченные выше факты обнаружения типично алакульских черепков в кладке федоровских курганов на Урефтах (3, 5, 7) и Большеказакбаево-2 (20) могут говорить лишь, что данные объекты не могут датироваться более ранним временем, нежели алакульские. И наконец, в андроновских могильниках лесостепного Зауралья не зафиксировано ни одного случая совместного нахождения в закрытом комплексе классических алакульских и федоровских сосудов.

Анализ данных, полученных при изучении и сопоставлении погребальных памятников А- и Ф-культур, позволяет сделать ряд выводов. Погребальную практику федоровской группы населения челябинского района можно охарактеризовать как сложную каноническую систему, строго регламентирующую предпохоронные и похоронные обрядовые действия. В сравнении с алакульской она менее вариабельна и существенно более трудозатратна. По некоторым культурно-определяющим признакам федоровская погребальная обрядность не имеет местных корней. Допуская внешний импульс, мы тем самым признаем, что проникновение носителей федоровских культурных традиций могло произойти только в алакульскую культурную среду. Следовательно, к моменту формирования в лесостепном Зауралье Ф-культуры алакульская здесь уже существовала. Таким образом, проблема соотношения древностей этих культур для челябинского района теряет остроту: на смену ей приходит проблема взаимодействия этих обеих групп. При такой постановке особое значение приобретают погребальные комплексы смешанного типа, изучение которых находится пока что в начальной стадии.

Проверить обоснованность изложенных выводов на поселенческих материалах невозможно, поскольку особенностью зауральской Ф-культуры является отсутствие поселений. Среди примерно полутора десятков памятников с объектами жилого и хозяйственного назначения нет ни одного, содержащего исключительно федоровские или же алакульско-федоровские материалы, в частности керамику. Посуда обоих классических типов везде представлена небольшими сериями, и почти на всех поселениях она сопутствует основному алакульскому комплексу. Иногда к ним примешивается черкаскульская керамика. Случаи прямой стратиграфии на большинстве памятников либо не выявлены, либо небезупречны и потому уязвимы для критики. Впрочем, если гипотеза о параллельном существовании А- и Ф-культур верна, следует ожидать разнообразных стратиграфических и планиграфических ситуаций, в том числе преобладания неопределенных.

Возможность открытия классических федоровских селищ в данном регионе исключать, конечно же, нельзя. Многие селищные памятники явно тяготеют к пойме и низким участкам надпойменных террас. Показателен пример с Коркино I, где занятая жилыми, хозяйственными постройками и иными объектами площадка возвышается над подступающим болотцем всего на 0.5–1 м. Такие памятники сложно обнаружить и еще сложнее раскапывать из-за близости грунтовых вод. Трудно представить, что абсолютно все гипотетические поселения Ф-культуры приурочены к низким гипсометрическим отметкам, но их нет и на высоких участках речных или озерных террас. Предполагать, что для Ф-культуры не характерны стационарные поселки, а жилища неуглубленные в землю, тоже нет оснований. Если же однослойные поселения федоровского типа будут здесь когда-нибудь открыты, то проблема алакульско-федоровских взаимодействий значительно прояснится.

Однако вполне вероятно, что в лесостепном Зауралье таких памятников нет. На эту мысль наводит постоянство, с каким федоровская и синкретическая керамика "примешивается" к алакульским материалам. Аналогичная картина наблюдается в степном Зауралье и лесостепном Притоболье. Полагаем, что данный факт можно расценивать как еще один аргумент в пользу идеи о синхронизации А- и Ф-культур. Принципиальный вывод об

отсутствии "чистых" федоровских памятников в Зауралье, о сосуществовании здесь носителей местной алакульской и пришлой андроновской (федоровской) культур впервые прозвучал в работе В.С. Стоколоса (1972. С. 101, 132). Справедливым и обоснованным кажется его вывод о приоритете А-культуры в андроновское время в Зауралье. Другое дело, что в этой ситуации древности федоровского типа в челябинском районе АКИО перестают отвечать традиционному пониманию археологической культуры. Но об этом чуть ниже.

Пришлый характер Ф-культуры в лесостепном Зауралье не вызывает сомнения. Он, безусловно, оригинален в своей основе, а его генетическая связь с местным вариантом алакульской общности мало вероятна. Существует только одно направление, откуда могли проникнуть носители указанных культурных традиций: казахстанские степи. С территории Казахстана специфический культурный комплекс распространился не только в Зауралье, но и в лесостепные области Западной Сибири, в предгорья Алтая, Кузнецкую котловину и на Енисей, т.е. в зону расселения племен кротовской, самусьской, елунинской и окуневской культур. Миграции казахстанских групп в чуждую инокультурную среду и взаимодействие их с аборигенными обществами в местах вселения привели к сложению андроновской культуры. Подчеркнем – не федоровской, а именно андроновской. Алакульское население зауральской лесостепи для пришельцев было этнически родственным и близким по типу и уровню развития хозяйства. Вероятно, прямому переселению предшествовал этап контактов. Не отбрасывая полностью идею о возможности чересполосного проживания алакульских и федоровских групп, мы склоняемся к второму варианту интерпретации федоровского культурного комплекса.

Судя по археологическим материалам, взаимодействие этих культур было несимметричным (равноправным). Есть основания полагать, что наряду с тенденцией к глубокой интеграции в действие вступали обычные в такой ситуации процессы консолидации. В результате этих сложных процессов сформировалась оригинальная Ф-культура, которую мы склонны рассматривать как субкультуру пришлого андроновского населения. "В широком плане под субкультурами в социологии понимают те социальные образования внутри общества, которые отличаются от преобладающей и нормативной культуры по некоторым культурным признакам: обычаями, нормами, ценностными ориентациями, стилем поведения, а иногда и институтами" (Ерасов, 2000. С. 259). Археологическая характеристика федоровской культуры лесостепного Зауралья, как будто, соответствует этому определению. Прежде всего, она не изменила кардинально культурную обстановку в регионе, и приоритет остался за местной А-культурой. Во-вторых, она не оказала существенного влияния на систему жизнеобеспечения А-культуры. Экономика и бытовой уклад местного населения не изменились с появлением мигрантов. Если последние и обладали какими-то достижениями в тех или иных отраслях хозяйства, решающей роли они не сыграли. Наконец, культура мигрантов проявила свою специфику исключительно в социо-нормативной сфере, где содержится наибольшая доля этнически специфичного и сосредоточены ценностные ориентации и ценностное маркирование (Арутюнов, 1989. С. 151). При этом А-культура в основном сохранила собственную систему погребальной обрядности, "разрешив" только некоторые инновации, не нарушавшие ее устоев.

Тема субкультур в археологии разработана недостаточно. Поиск их критериев только начинается, поэтому рассуждения о специфике Ф-субкультуры не могут быть проиллюстрированы соответствующими археологическими параллелями. Относительно разработанными можно считать сюжет о субкультурах металлопроизводства (Е.Н. Черных, В.С. Бочкарев, С.В. Кузьминых), воинов (Е.Е. Кузьмина, Д.Г. Зданович, Н.М. Малов). Обсуждаются вопросы о субкультурах аристократии, жрецов, воинских сословий и т.д. Для каждой из них наиболее существенные признаки фиксируются в погребальных комплексах. Самое приблизительное представление о характере Ф-субкультуры можно получить, воспользовавшись методом исключения. Это определенно не культура детской возрастной группы, это не культура металлургов и кузнецов, так как их профессиональные атрибуты в Ф-погребениях отсутствуют. Вряд ли это культура воинов, поскольку кроме нескольких бронзовых ножей (Путиловская Заимка II, Урефты I, Большеказакбаево-2) здесь не найдено ничего, что могло быть истолковано в пользу этой версии. Маловероятно, что это субкультура жрецов, иначе как объяснить многочисленность федоровских погребений в челябинском районе андроновского ареала. Не похоже, что перед нами женские погребальные комплексы: украшения в них единичны. Вероятнее всего, это этническая субкультура взрослой части населения и даже может быть, мужского населения.

Стремление пришельцев сохранить и подчеркнуть свою этническую и культурную самобытность пусть и в родственном, но все-таки чужом окружении могло быть реализовано только в сакральной сфере. При этом отдельные элементы/черты погребальной обрядности приобрели в новых условиях несвойственную им на исходной территории гипертрофированную значимость (100% – кремация, хотя в казахстанских степях она представлена наравне с ингумацией; обязательность земляного надмогильного сооружения, каменных оградок, исключительная трудозатратность и др.). Ситуация, когда ассимилируемое

меньшинство активно сопротивляется процессу слияния, является типичной при взаимодействии любых культур. В этих условиях маргинальные черты культуры приобретают особенно сильную этническую нагрузку (Арутюнов, 1989. С. 120).

Независимо от того, какой из возможных вариантов интерпретации получит преобладающее развитие, мы должны признать оригинальность федоровского культурного комплекса в рамках всей АКИО. Это исключительно зауральское образование. Поэтому использование термина "федоровские" для обозначения родственных культур в центральных и восточных областях андроновского ареала не кажется правомерным. Настороженность вызывает и расширительное – от Урала до Иртыша – толкование ареала алакульской культуры, поскольку в своем классическом виде она сформировалась в зауральской лесостепи. Наконец, абсолютно неприемлемо употребление названия "амангельдинский" по отношению к зауральским древностям смешанного типа (Матвеев, 1998), тем более, что оба эпонимных памятника находятся на этой же территории. Определение данных комплексов как алакульско-федоровских как нельзя более точно отражает их культурное своеобразие. Что касается североказахстанских памятников амангельдинского типа, то их специфической чертой, на наш взгляд, является не столько синкретизм андроновских материалов, сколько отчетливое проявления элементов аборигенных западносибирских культур (елунинской, вишневской, кротовской, ташковской и др.).

В данной статье федоровская культура лесостепного Зауралья охарактеризована лишь в самых общих чертах. Вне нашего внимания осталось много вопросов, касающихся ее динамики, связей, влияний, исторических судеб. Однако уже есть основания выделить в позднем бронзовом веке этого региона самостоятельный этап, содержание которого определяется сосуществованием и взаимодействием носителей алакульских и федоровских культурных традиций. В культурно-хронологической колонке алакульско-федоровский этап следует за алакульским и сменяется, по-видимому, федоровско-черкаскульским. Но это уже тема другого исследования.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 03-01-00448а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент, 1991.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.

Виноградов Н.Б. Кулевчи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. 1982. Вып. 169.

Виноградов Н.Б., Костюков В.П., Марков С.В. Могильник Солнце-Талика и проблемы генезиса Федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.

Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I. Челябинск, 2000.

Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 2000.

Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск, 1995.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.

Зданович Г.Б. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы // Автореф. ... докт. истор. наук. Челябинск, 2002.

Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // Новое в советской археологии. МИА. 1965. № 130.

Корочкова О.Н. Алакульско-федоровские комплексы Зауралья: к постановке проблемы // Проблемы археологии Евразии. М., 2002.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Информ. бюл. Междунар. ассоц. по изучению культур Центральной Азии ЮНЕСКО. Вып. 9. М., 1985.

Кузьмина Е.Е. Гончарное производство у племен андроновской культурной общности (об одном археологическом аспекте проблемы происхождения индоиранцев) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождения индоиранцев. М., 1994.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.

Рудковский И.В. Системообразующие инварианты андроновской орнаментики. Автореф. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003.

Сальников К.В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области // МИА. 1940. № 1.

Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья (андроновская культура) // МИА. 1951. № 21.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М., 1997.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург, 2000.

Стоколос В.С. Культура бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.

Ткачев В.В. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург, 1998.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья. Л., 1976.

Чемякин Ю.П. Коркино I // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990.

Alakul and Fedorovka cultures in the forest-steppe zone east from the Urals: The problems of interaction

V. I. Stefanov, O. N. Korochkova

Summary

The authors present an attempt to make clearer the contradictory situation concerning Alakul and Fedorovka cultures on the basis of archaeological materials from a local region of Andronovo cultural unit. Interrelation of these two cultures is the key issue in the Andronovo studies. Two alternative solutions are widely discussed: 1 – transformation of Alakul culture into Fedorovka one; 2 – the discussed cultures are different entities, their interaction being mirrored by mixed associations. The authors state that Fedorovka culture was not formed on local Alakul base in the forest-steppe region near Chelyabinsk. The bearers of the cultural traditions demonstrated by the materials of Fedorovka and Alakul-Fedorovka types could have come from the Kazakhstan steppes only. It is from here that this specific cultural complex spread to the areas east from the Urals, and even to the forest-steppe zones in West Siberia, the Altai piedmonts, the Kuznetsk depression, and the Yenisey valley. Migrations of the steppe tribes to alien cultural environment and their interaction with the aboriginal groups had caused emergence of Andronovo culture. As for the forest-steppe east from the Urals, local Alakul population was ethnically related to the newcomers and developed similar economies. Judging from archaeological material, the two cultures were not equal in their interaction; the processes of deep integration and consolidation developed parallel simultaneously. As a result of such complex interaction original Fedorovka culutre had come into being. In the territory east from the Urals it is represented almost only by burials and pottery, the latter is viewed by the authors as the migrants' sub-culture. Cultural situation in the region had not changed cardinally, local Alakul culture held domination, economy and everyday life of local tribes also remained unchanged. The newcomers' crave to preserve and stress their ethnicity and cultural identity in alien though related environment could have been performed in sacral sphere only. Consequently, certain elements of burial rite were exaggerated as they never were in the motherland: 100% cremation, exceptionally labour-consuming earthen burial constructions and stone enclosures. Fedorovka cultural complex should be acknowledged an original phenomenon within Andronovo cultural unit of exclusively trans-Uralian nature; therefore the term seems to be incorrect, when applied to the related cultures in central and eastern territories of Andronovo area. There are sufficient grounds to single out a stage in the Late Bronze Age in the steppe east from the Urals typified by coexistence and interaction of the cultural traditions of Alakul and Fedorovka types.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 67–82

КЕРАМИКА АРКАИМА: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ

© 2004 г. Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович

Челябинский государственный университет

Открытие в Урало-Казахстанских степях памятников прандроновского пласта эпохи средней бронзы внесло принципиально новый аспект в проблематику бронзового века Евразийской степи–лесостепи. Выделение на материалах Северного Казахстана памятников петровского типа (позднее – петровской археологической культуры) (Зданович, 1973; 1983) и появление на рубеже 1980 – 1990-х годов предпосылок для выделения синташтинской культуры в Южном Зауралье заставило пересмотреть "колонку" археологических культур, многие вопросы их соотношения и генезиса. Проблема средней бронзы Урало-Казахстанского региона стала одной из актуальных проблем древней истории евразийских степей. Ключевое значение в рамках этой проблемы имеют материалы укрепленного поселения Аркаим[1].

Укрепленное поселение Аркаим на сегодняшний день – одно из наиболее полно исследованных памятников эпохи бронзы Южного Урала (Зданович, 1997; 2002). Вскрыта западная половина территории (общая площадь поселения 20 000 м^2, археологический раскоп 8055 м^2). Широкие площади раскопа позволили провести надежный и корректный анализ массового инвентаря поселения – керамики – с использованием планиграфического, стратиграфического, технологического и других методов исследования.

Объемно-пространственная композиция укрепленного поселения – "храма" Аркаим представлена кольцевой застройкой и замкнутым пространством центральной площади – зала под открытым небом. Для цели нашего исследования правомерно выделить следующие планиграфические конструкции (рис. 1): центральную площадь; жилища внутреннего круга (раскопано 11 помещений); кольцевую оборонительную стену (стену цитадели), внутренний ров и улицу; жилища второго круга (раскопано 17 помещений); внешнюю оборонительную стену, внешний ров, прилегающие участки входов и предвратные площадки. Жилища второго круга укрепленного центра организованы в четыре квартала, два из них исследованы раскопками – западный и северный. Западный квартал выделяется между радиальными стенами З и С входов и состоит из 8 жилищ. Северный квартал простирается на СВВ от С входа и состоит из 9 жилищ. Жилища внутреннего и внешнего круга нумеруются слева направо и обозначаются: внутренний круг – 1–1, 1–2 ...; внешний круг – 2–1, 2–2 и т.д.

Коллекция керамики Аркаима по отношению к раскопанной площади невелика – не более 9000 ед. Но она уникальна, так как удалось из разрозненных фрагментов выделить, реставрировать и реконструировать целые или почти целые сосуды. В настоящее время составлен каталог, в котором учтено 390 сосудов[2].

Параллельно созданию каталога ведется работа по изучению форм и орнаментов керамического комплекса, предприняты попытки создания типологии. Активно применялись методы формальной математической статистики, обработка данных осуществлялась на компьютере. Однако достигнуть более или менее удовлетворительных результатов удалось, лишь вернувшись к интуитивной раскладке материала и применив статистико-математические методы к уже выделенным типам.

Типология керамики – сложная проблема для большинства культур и культурных общностей степей Евразии. Как найти основу типа, определить границу между типами, как сочетать интуитивный подход с формализованными методами? В настоящее время удачной типологией считается "работающая типология", которая отражает целостность и эволюцию культурного явления во времени и пространстве, коррелирует с планиграфией, стратиграфией, относительной хронологией (Клейн, 1991. С. 29). Очевидно, для различных культур и исторических эпох необходимо разрабатывать и проверять разные варианты типологии, чтобы в конечном итоге создать надежные типологические колонки.

Для определения закономерностей развития керамического комплекса укрепленного поселения Аркаим была предпринята попытка выделить различные типы на основе устойчиво повторяющегося сочетания ряда ведущих признаков. Признаки выделялись по методике, предложенной В.Ф. Генингом. Анализировались форма со-

[1] Настоящая статья посвящена публикации керамического комплекса укрепленного поселения Аркаим. Анализ материалов будет представлен во второй статье.

[2] Судя по мелким фрагментам шеек и придонных частей, сосудов было значительно больше (450 и более?).

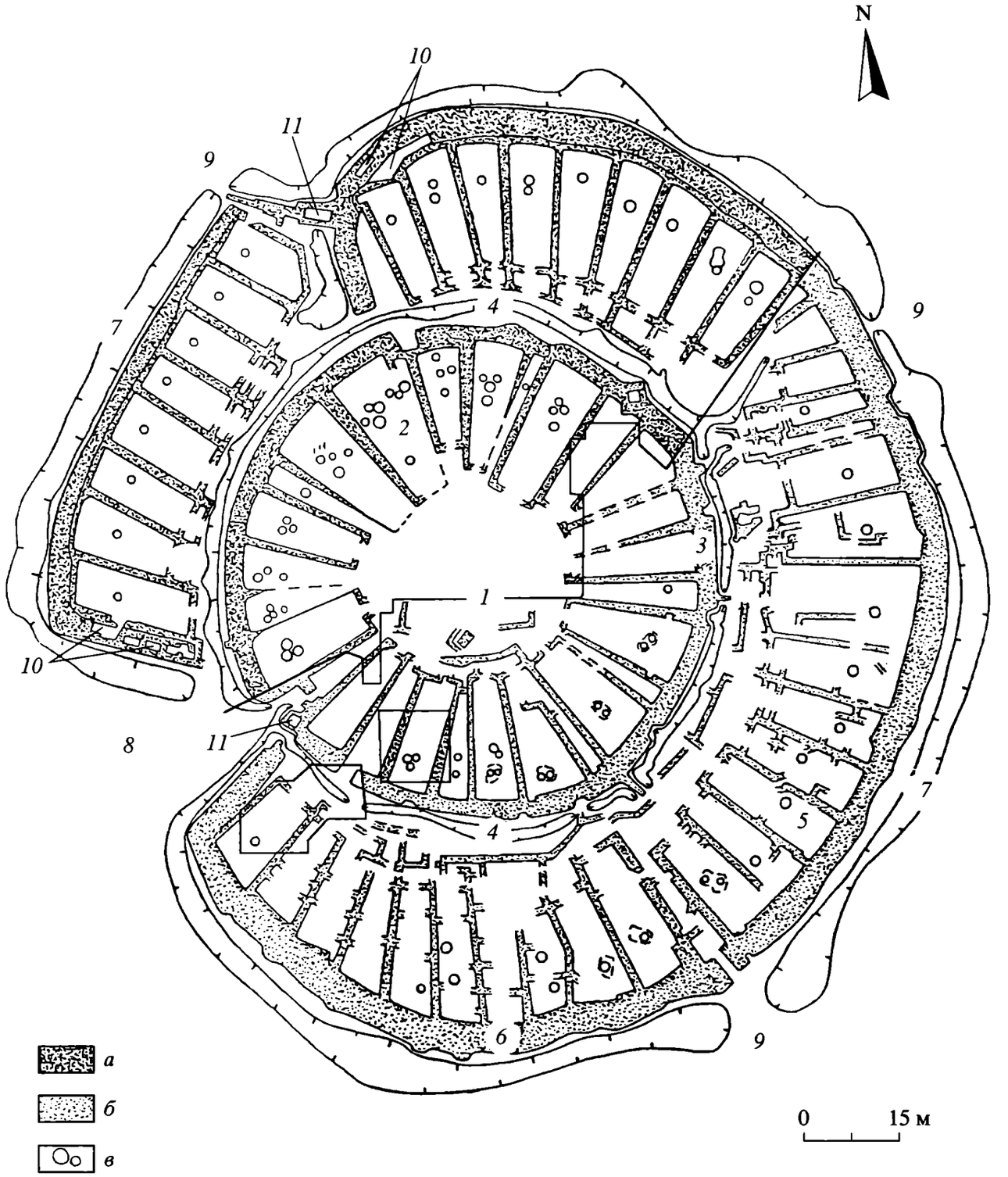


Рис. 1. План-схема укрепленного поселения Аркаим: *1* – центральная площадь; *2* – жилища внутреннего круга; *3* – внутренняя оборонительная стена (стена цитадели); *4* – кольцевая улица и внутренний ров; *5* – жилища внешнего круга; *6* – внешняя оборонительная стена; *7* – обводной ров; *8* – главный (западный) вход; *9* – дополнительные входы; *10* – помещения внутри оборонительных стен; *11* – основания привратных башен; *а* – зона археологических исследований; *б* – зона географических исследований; *в* – колодцы и хозяйственные ямы.

судов, ее функциональные части: венчик, шейка, плечо, придонная часть – и орнамент: техника нанесения, элементы и композиции (Генинг, 1973. С. 114–135; 1992. С. 46).

В настоящее время для исследований применяются две методики анализа форм. Первая методика А.Ф. Генинга, вторая – А.А. Бобринского (Бобринский, 1988. С. 6). На данном этапе для обработки аркаимского керамического комплекса более приемлема методика Генинга, тем более что большинство материалов эпохи бронзы Урало-Казахстанского региона в 1970–2000 гг. прорабо-

тано по этой методике. По системе Бобринского (1978) проведен технологический анализ аркаимского комплекса, однако пока опубликованы лишь суммарные данные, не соотнесенные с выборками сосудов по типологии (Гутков, 1995. С. 135–147).

Кратко остановимся на наиболее общих моментах анализа технологии изготовления сосудов. Исходным сырьем для изготовления керамики служили три вида глин – среднеожелезненная пластичная, сильноожелезненная пластичная и илистое глиноподобное сырье с естественной примесью раковин пресноводных моллюсков. Выделено девять типов формовочных масс. Самый простой рецепт состоит из одного илистого глиноподобного сырья с естественной примесью раковины или смеси этого сырья с неожелезненной глиной. Самый распространенный рецепт – это глина + дресва, представленная в виде талька. Широко использовался рецепт глина + шамот, а также смешанные рецепты.

Начины сосудов изготавливались по двум программам: емкостной (72%) и донно-емкостной (28%). Выделено три способа конструирования полого тела: спирально-зональный, спирально-лоскутный и лоскутно-комковатый в два слоя лоскутков. Для придания формы использовались формы-основы (96%) и формы-емкости (4%). При обработке поверхностей сосудов применялись заглаживание и лощение.

С точки зрения типологии, керамический материал укрепленного поселения Аркаим очень разнообразен. При классификации выделяются различные блоки форм, орнаментов, но создать целостные образы отдельных типов в неразрывной совокупности признаков оказалось достаточно сложно.

В настоящей работе мы выделяем четыре типа горшечных, один тип горшечно-баночных и три типа баночных сосудов. Некоторые типы подразделяются на варианты. Два ведущих типа горшечных сосудов были определены в первичной публикации аркаимских материалов (Зданович, 1997. С. 51–54).

Первый тип сосудов горшечной формы **ГI** представлен двумя вариантами.

В ***первый вариант ГI(1)*** входят изделия с широкой горловиной, относительно узким днищем; высота сосуда почти равна диаметру шейки (рис. 2, 3). Шейка короткая, отогнута и образует внутреннее ребро на месте перехода к плечику. Плечо высокое, в 3–5 раз больше высоты шейки и в основании слегка превышает диаметр горловины сосуда (на 1–3 см). Изгиб перехода от тулова к плечу проходит на высоте 2/3 от днища горшка. Переход достаточно резкий, часто с внешней стороны он подчеркнут ребром. Реже изгиб может иметь несколько сглаженную форму (рис. 2). Плечо сосудов обычно слегка выпуклое, дугообразный изгиб отличает и придонную часть. Все сосуды небольших и средних размеров и составляют самую многочисленную коллекцию (62 сосуда, 18%).

Особенностью формообразования сосудов типа ГI является своеобразие лепки и выделения шейки. У ряда сосудов она едва намечена и фиксируется как своеобразное утолщение (скос) от венчика к линии внутреннего ребра. Венчик обычно скошен наружу (рис. 2, *1–5*)[3]. У трети сосудов шейка относительно высокая, выражена достаточно четко и имеет одинаковую толщину сверху и в основании (рис. 2, *6–9*). В отдельных случаях внутреннее ребро подчеркнуто вогнутым дугообразным абрисом шейки (рис. 2, *7*).

Все сосуды типа ГI орнаментированы. Орнамент покрывает всю поверхность или большую ее часть. Орнаментальные композиции имеют горизонтальное расположение и состоят из желобков, каннелюр, рядов наклонных отрезков, елочек, зигзагов. Присутствуют более сложные геометрические фигуры: заштрихованные треугольники, ромбы, меандры, свастики (рис. 3)[4].

Узор наносили гребенчатым и плоским штампами, иногда использовалась веревочка; присутствуют различные вдавления. Желобки и каннелюры одновременно представляют особую технику и элемент орнамента. Такую же позицию занимают налепные шишечки и валики. Частота использования различных техник орнамента следующая: гребенчатый штамп – 52%, каннелюры – 51%, вдавления – 21%, желобки – 20%, сосцевидные налепы – 6%, веревочный штамп – 4%, налепные валики – 2%.

В строении орнаментальных композиций можно выделить три ярких стилистических приема. Для первого характерно украшение всей боковой поверхности горизонтальными желобками, заполненными рядами наклонных оттисков гребенчатого штампа (однонаправленных или в виде елочки) (рис. 2, *1–5*). Следует отметить постоянное стремление выделить зону шейки за счет ширины желобка, длины штампа, смены шага орнаментира. Этот прием прослеживается у 20% сосудов.

Второй стилистический прием представлен на сосудах, украшенных каннелюрами или сочетанием каннелюр с простыми геометрическими элементами – зигзагом, елочкой, косой насечкой (вдавлением). Если композиция состоит только из каннелюр, то они располагаются обычно на шейке и плече, иногда около дна. Если каннелюры сочетаются с зигзагом, елочкой, насечкой, то они обязательно располагаются в основании шейки и в верхней части плеча. Елочки, зигзаги, ряды

[3] Некоторые исследователи всю эту конструкцию описывают как венчик (Васильев и др., 1994. С. 57). Нам кажется, что вернее ее определять как шейку-венчик.

[4] За единицу берется присутствие элемента орнамента в украшении сосуда.

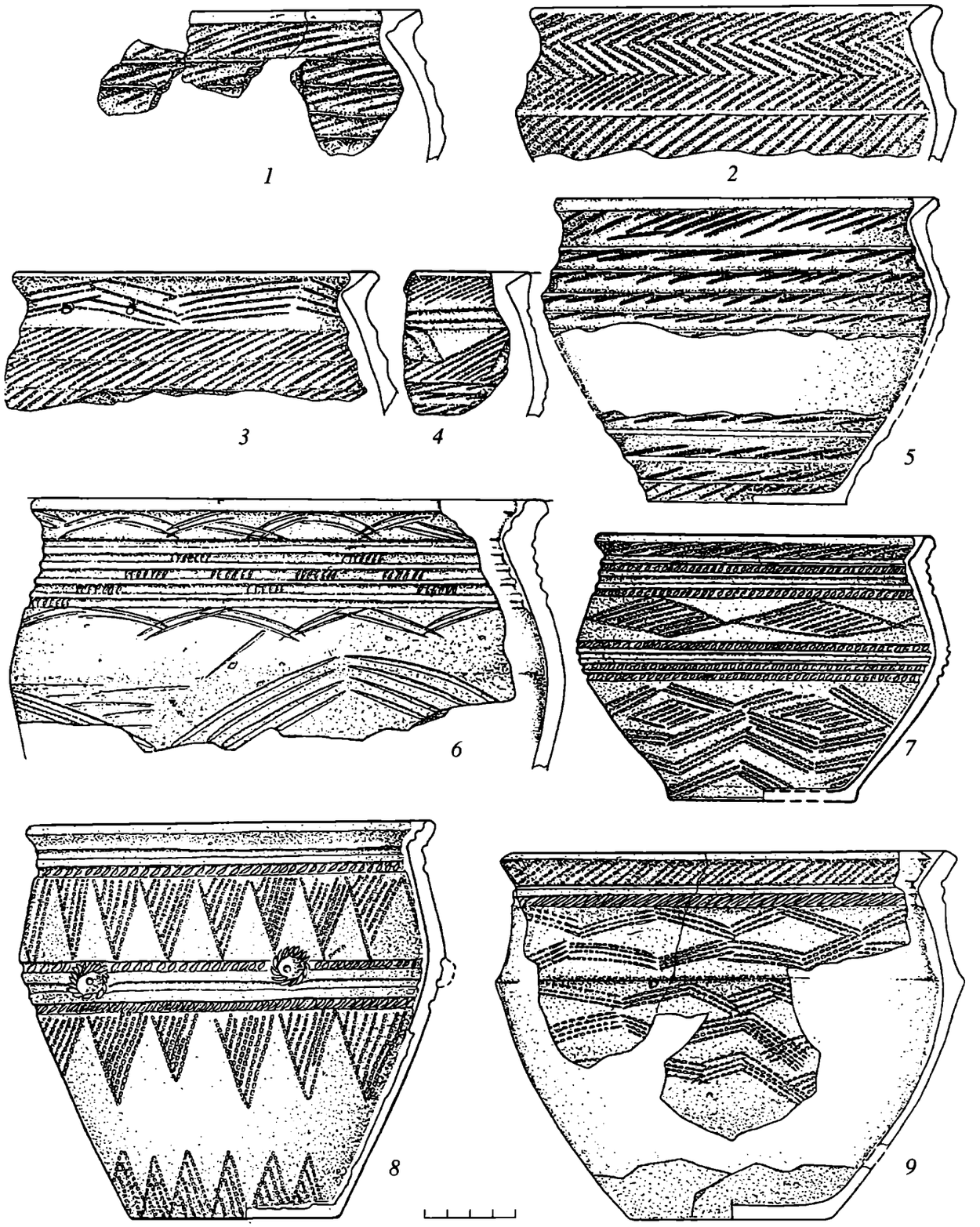


Рис. 2. Укрепленное поселение Аркаим. Керамика.

насечек, вдавлений наносились на шейку и на нижнюю часть плеча. В этих случаях каннелюры можно рассматривать как разделители орнаментальных зон на шейке и плече (рис. 2, *6*). В каннелюры часто вписаны ряды вдавлений, они образуют своеобразную псевдоверевочку. Сохранившиеся придонные части чаще всего свободны от орнамента. Второй стилистический прием (30% сосудов) более четко подчеркивает технологическое и семантическое значение зон сосуда – шейку, плечо, тулово.

Третий стилистический прием характеризуется сочетанием каннелирования со сложными гео-

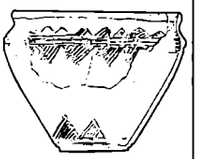
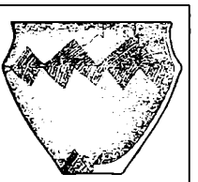
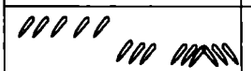
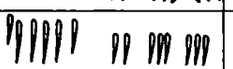
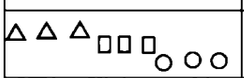
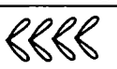
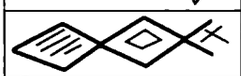
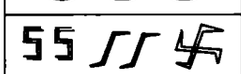
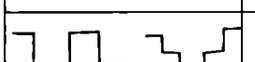
Типы сосудов				
Типы элементов орнамента	ГІ	ГІІ	ГШ	ГVІ
Количество, %	75/100	53/100	15/100	22/100
Горизонтальная линия		6/11	3/20	3/14
Каннелюра	47/63	5/9	5/30	2/9
Желобок	16/21	3/6	6/40	2/9
Валик	4/5			
Шишечки	7/10			
	37/49	4/8		4/18
	7/10	5/9		
	3/4	4/8		3/14
	12/16	3/6		
	21/31	2/4	2/13	11/50
	20/15; 11		6/30; 10	1/5
	7/10		6/40	9/40
	7/10	1/2	6/40	9/40
	7/10			4/18
	4/5			
	2/3			
	6/8		2/13	1/5
	4/5		2/13	
Без орнамента		28/52		6/28

Рис. 3. Соотношение форм и элементов орнамента на горшечных сосудах укрепленного поселения Аркаим.

метрическими знаками. Каннелюры разделяют орнаменты на шейке, плече и тулове. Часто в них помещены мелкие вдавления сплошными или прерывистыми рядами. Иногда вместо каннелюр на стыке тулова и плеча используется налепной валик. Основные орнаментальные бордюры состоят из треугольников, ромбов, меандровых и свастических фигур. Некоторые сосуды имеют орнаментальный фриз около дна, у 26% он состоит из горизонтального или вертикального много-

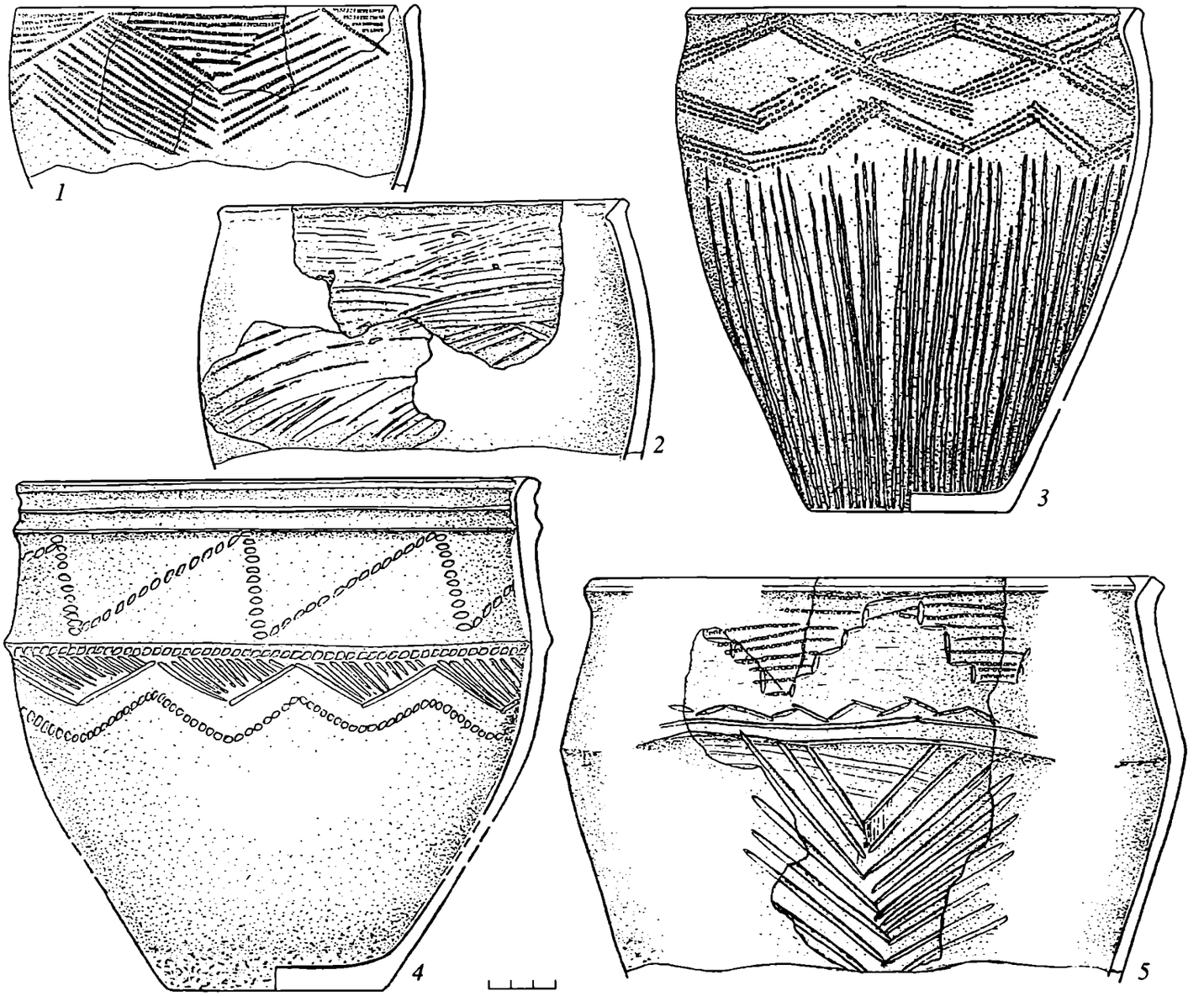


Рис. 4. Укрепленное поселение Аркаим. Керамика.

рядового зигзага (рис. 2, *7–9*). Третий стилистический прием четко обозначает зональность в орнаментации сосудов.

Вариант ГП(2) отличает очень короткая, едва намеченная отогнутая шейка с прямоугольными срезами, высокое выпуклое плечо и раздутое тулово, ребро в основании плеча. У 3–4 сосудов оно сглажено (рис. 4, *4*, *5*). Придонная часть конусообразная или имеет слегка овальный абрис. Пропорции близки сосудам типа ГП(1). Вариант ГП(2) представлен 13 сосудами.

Элементы орнамента состоят из горизонтальных зигзагов, равнобедренных заштрихованных треугольников, ступенчатых пирамидок, ромбов, каннелюр и горизонтальных линий. Композиции разделяются на две зоны. Единой зоной выделяются шейка и плечо. Основание плеча маркируется горизонтальными линиями или каннелюрами (в одном случае – налепным валиком), и на них строится орнаментальный фриз. Вторую зону образует орнамент на тулове, представленный сплошным многорядным горизонтальным или вертикальным зигзагом. Орнаменты нанесены в основном гребенчатым и плоским штампами, зафиксирована веревочка и псевдоверевочка из овальных вдавлений (рис. 4, *4*).

Во второй тип ГП выделены сосуды горшечной формы с прямой или слегка оттянутой шейкой. Высота сосуда большей частью превышает диаметр шейки. Сохранившиеся днища широкие и массивные. Высота плеча в 2 раза превышает высоту шейки. На шейке подчеркнуты дугообразный прогиб изнутри и внутреннее ребро при переходе к плечику. Форма тулова яйцевидно-

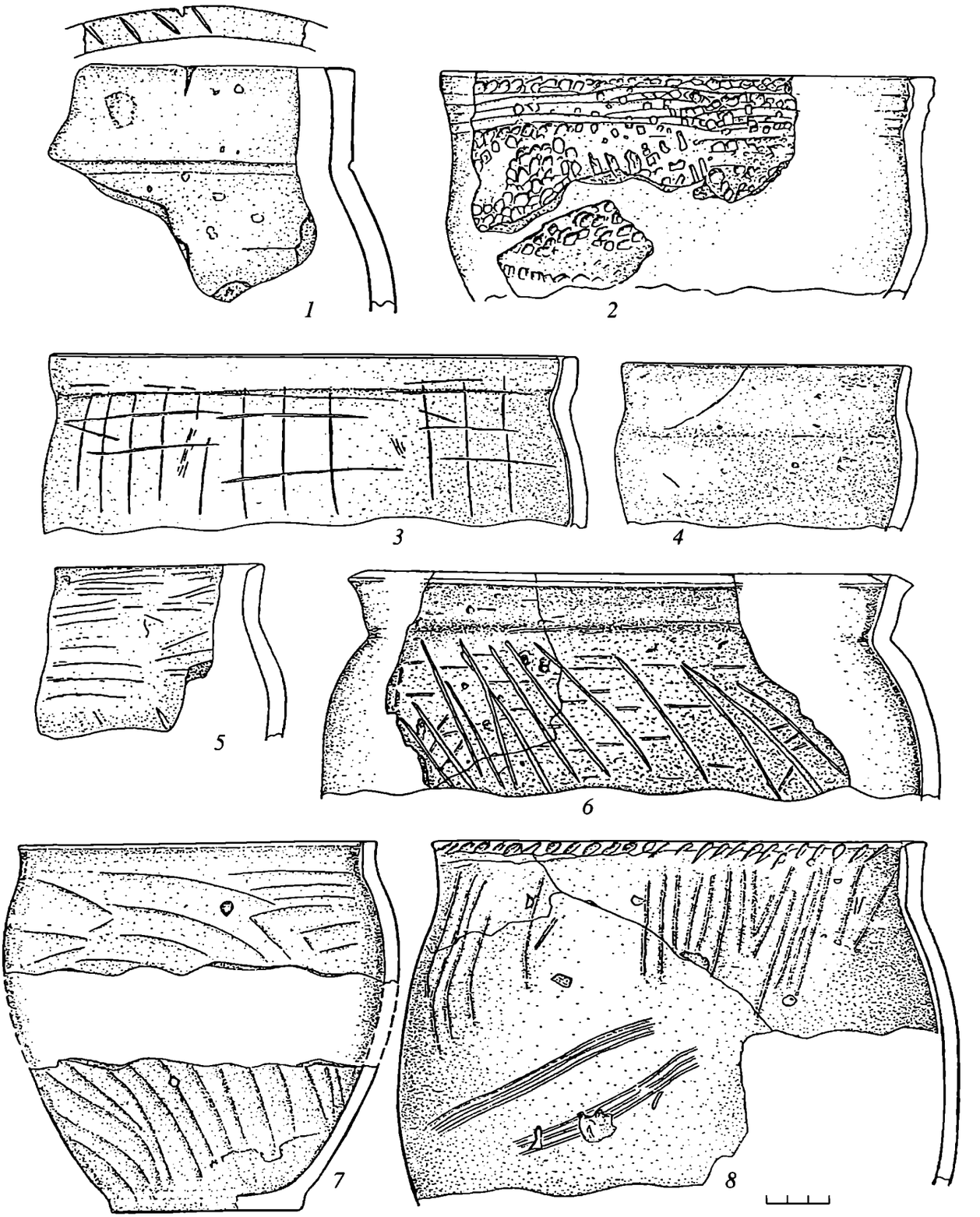


Рис. 5. Укрепленное поселение Аркаим. Керамика.

овальная. Этот тип посуды представлен достаточно многочисленной коллекцией (около 60 экз.; рис. 3; 5)[5].

Сосуды ***варианта ГII(1)*** имеют очень высокую шейку и раздутое овальное тулово. Они тяготеют к крупным размерам, отдельные достигают в диаметре горловины 40–45 см. Выделено около десятка сосудов больших объемов (рис. 5, *6*, *8*).

Вариант ГII(2) образуют сосуды с короткой прямой или слегка отогнутой шейкой. Тулово мо-

[5] Среди керамики типа ГП выделяется группа сильно фрагментированных неорнаментированных изделий, поэтому точно определить количество сосудов сложно.

жет быть удлиненным овальным или округлым. Сосуды этого варианта чаще всего средних или небольших размеров. Их выделено 30–35 экз. (рис. 5, *3*, *5*, *7*).

Около десяти крупных сосудов представлены видоизмененными формами. Прямая шейка едва выделяется на слабо профилированном тулове, горизонтальный венчик оттянут внутрь и сильно утолщен. Это почти баночные формы (Зданович, 1997. С. 55. Рис. 7, *7*).

Из всей коллекции сосудов типа ГП орнаментировано 25. Орнамент большей частью прочерчен, иногда нанесен плоским штампом, вдавлениями. В двух случаях отмечен гребенчатый штамп. Присутствуют каннелюры и желобки, горизонтальные линии, линии наклонных отрезков, защипы по кромке венчика, вдавления подушечками пальцев, жемчужины, рисунок в виде прямоугольной решетки, длинных вертикальных полос. Из геометрических знаков встречены только равнобедренные треугольники вершиной вниз, заштрихованные горизонтальными линиями и заполненные рядами наклонных вдавлений. Почти все орнаментальные знаки встречены в 1–2 случаях.

Композиции орнамента образованы одним, реже двумя элементами, расположенными на шейке или на плече сосуда. Каннелюры, обычно нанесенные небрежно и имеющие небольшую глубину, чаще всего сочетаются с рядами наклонных или иных вдавлений (рис. 5, *2*). Желобок зафиксирован однажды на сосуде с треугольниками, выполненными гребенчатым штампом и вдавлениями. Это единственная четкая композиция для данного типа сосудов.

У сосудов без орнамента следует отметить подгруппу из 18–19 сосудов с грубыми вертикальными, диагональными и дугообразными штрихами и полосами от заглаживания, образующими своеобразный декор на плече, тулове, в придонной части (рис. 5, *7*).

В третий тип ГШ объединено 15 сосудов с отчетливо выделенной прямой шейкой, высоким плечом, по основанию подчеркнутым ребром (рис. 3; 6, *1*, *2*). Сосуды широкогорлые, диаметр по венчику почти равен высоте и в 2 раза превышает диаметр дна. Высота шейки практически равна высоте плеча, вместе они составляют не более одной четвертой от общей высоты сосуда. Плечо сосудов может быть слегка вогнутым или выпуклым. Наибольшее расширение тулова проходит по линии ребра и на 2–4 см превышает диаметр венчика. Нижняя часть сосуда коническая или слегка дугообразная. Сосуды представлены малыми и средними объемами (диаметр горла 12–25 см).

Выделяются два стилистических приема орнаментации. Первый представлен на сосудах, украшенных бордюрами из заштрихованных равнобедренных треугольников (рис. 6, *1*), ступенчатых пирамидок, полусвастических фигур. Присутствуют также пояски зигзага и наклонных линий. Особенность орнаментальной композиции формируется за счет четкого выделения горизонтальных зон на шейке, плече, в верхней части тулова и у дна. Разделителями зон являются каннелюры, горизонтальные линии и свободное поле в нижней части тулова. Равнобедренные треугольники на плече и в верхней части тулова обращены вершинами вверх и вниз, а основанием им служит изгиб ребра. Для нанесения узора использовались гребенчатый и плоский штампы, штамп, обмотанный шнуром.

Второй стилистический прием обозначен широким горизонтальным желобком, выполненным на плече, и многорядовым горизонтальным или вертикальным зигзагом на поверхности тулова. Верхняя грань желобка на шейке образует своеобразный воротничок. Нижняя подчеркивает ребро в основании плеча. Зигзаги в придонной части обычно имеют широкий шаг и представляют собой отрезки каннелюр (рис. 6, *2*).

К четвертому типу ГIV отнесены сосуды, где шейка и плечо составляют единый дугообразный изгиб до линии ребра-уступа (рис. 3; 5; 10, *3*). Ребро-уступ маркирует наибольшее расширение тулова, от него начинается конусообразное сужение тулова ко дну. Соотношение диаметра горла и высоты сосуда неустойчиво. Дно может быть широким и узким (меньше 0.5 диаметра шейки). Пропорции высоты шейки и плеча к высоте придонной части также неустойчивы (1 : 3–1 : 5). Шейка может быть едва намеченной, равной высоте плеча или очень высокой, но с коротким плечом. Во всех случаях шейка плавно сливается с плечом и представляет единое целое (рис. 3; 6).

Сосуды этого типа (30 шт.) по форме дают очень много вариаций[6]. Разнообразны они и по объему – от самых малых до больших, в пределах 20–25 л (диаметр горла от 8 до 35 см).

Орнаментировано около 2/3 сосудов типа ГIV. Из элементов орнамента преобладают двух-трехрядные зигзаги (они встречены на 11 сосудах), затем равнобедренные заштрихованные треугольники вершиной вверх и вниз (9), ряды овальных вдавлений (7), ромбы (4), горизонтальные линии (4 сосуда). На единичных экземплярах присутствуют полусвастические фигуры, каннелюры и желобки. В желобки помещены ряды вдавлений, ромбы. На семи сосудах выделены пиктографические рисунки.

В технике нанесения орнамента преобладает плоский штамп (8 сосудов), овальные вдавления (7), гребенка (6), прочерчивание (3), веревочка (2–1).

[6] Восемь сосудов по форме сочетают признаки двух типов – ГП и ГШ.

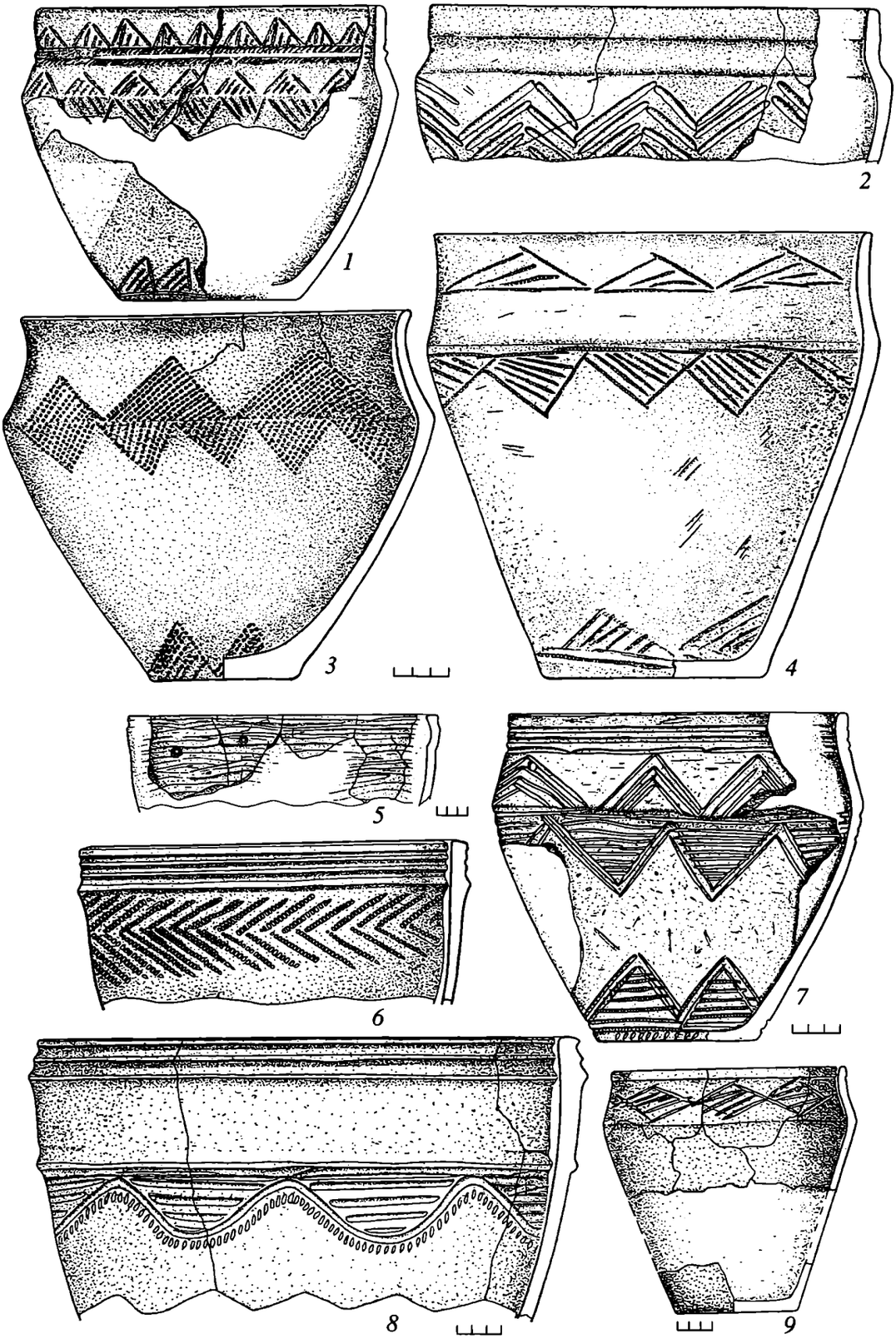


Рис. 6. Укрепленное поселение Аркаим. Керамика.

На трех сосудах зафиксированы треугольные вдавления.

Орнамент на шейку и плечо нанесен единым бордюром, т.е. представляет одну зону (линию из одного элемента). Вторая зона располагалась в верхней части тулова, под линией ребра. В отдельных случаях еще один поясок орнамента примыкает к основанию придонной части. У одного сосуда орнаментировано дно: от центральной точки дна каннелюра разворачивается в кольцевую спираль. На 2–3 сосудах орнамент нанесен на шейку и верхнюю часть тулова, а на плече остав-

лена свободная полоса (рис. 6, *4*). Один сосуд орнаментирован по всей боковой поверхности. Бордюры из треугольников вершинами вверх и вниз обычно имеют единое основание по линии ребра-уступа. Иногда треугольники сочетаются с рядами зигзагов, вдавлений, горизонтальных линий и каннелюр. Сочетаются также ряды зигзагов и вдавлений, каннелюр, горизонтальных линий и желобков. В целом для построения композиции четвертого типа сосудов характерно неизменное подчеркивание двухчастности верха сосуда.

Своеобразный **тип ГБV** выделен среди изделий, близких горшечно-баночным формам. У большинства из них шейка едва намечена, изнутри имеет характерный скос, утолщение и ребро по основанию. В основе формы тулова лежит удлиненный овал, и общая высота всегда превышает диаметр горла. Сохранившиеся донышки имеют очень небольшой диаметр (менее 0.5 диаметра горла). Сосуды ГБV отличает достаточно четкий стандарт в пределах средних объемов (диаметр шейки 20–27 см). Они представлены выборкой из 16 экземпляров (рис. 4, *1–3*).

Орнамент состоит из горизонтальных линий, наклонных отрезков, елочек, зигзагов, желобков, каннелюр, геометрических фигур. Общее описание композиций орнаментов представить сложно из-за небольшой выборки. Можно подчеркнуть следующее: орнаменты из наклонных вдавлений образуют сплошное поле в верхней части и представляют собой своеобразную псевдоверевочку. Геометрические узоры иногда разделяются на две зоны, подчеркивая шейку и плечо. В некоторых случаях шейка и плечо украшены желобками или желобками, заполненными зигзагами. В придонной части могут быть нанесены вертикальные полосы (рис. 4, *3*), каннелюры, многорядный зигзаг в виде "древа".

Среди баночных форм выделены три типа сосудов.

К **первому типу БI** отнесены изделия биконической формы с высоким раздутым плечом и ребром по его основанию. Сосуды средних размеров и средних пропорций (т.е. диаметр горла чуть превышает или равен высоте). Нижняя часть тулова в основном коническая или слегка округлая; дно достаточно узкое и составляет менее 0.5 диаметра горла. В некоторых случаях у дна фиксируется закраина (рис. 6, *7*; 7).

Выборка состоит из одиннадцати изделий, все они орнаментированы. Украшены обычно плечо и тулово (за исключением двух-трех экземпляров). Плечо орнаментировано горизонтальными рядами из зигзагов, треугольников и ромбов. Иногда они вписаны в широкие желобки, иногда дополнены рядами из наклонных овальных вдавлений. Один сосуд имеет налепной валик на плечике. На тулове нанесен узор в виде многорядового вертикального и горизонтального зигзагов. Техника нанесения орнамента – гребенчатый и плоский штампы, вдавления и желобки.

Ко **второму типу** баночных сосудов **БII** отнесены емкости с закрытой горловиной и овальным туловом. По деталям формообразования и орнаментальным композициям они подразделяются на четыре варианта.

Первый вариант БII(1) образует одну из самых многочисленных выборок (35 сосудов). Это своеобразные степные хумы, имеющие удлиненный овальный корпус, на котором достаточно отчетливо выделяются тулово и плечо (рис. 7; 8, *2*). Сосуды отличаются большими объемами: от 10 до 50 л. Высота сосудов чаще всего превышает диаметр венчика и варьирует от 30 до 40 см и более. Сохранившееся у немногих экземпляров дно почти в два раза меньше диаметра горла.

Половина сосудов имеет высокое плечо, составляющее 1/3 от общей высоты. Вторую половину отличает более закрытое устье, короткое плечо и удлиненный корпус (1 : 4; 1 : 5). Венчик и плечо утолщены, в придонной части и у дна стенки сосуда постепенно утончаются, иногда в два раза.

Срез венчика обычно горизонтальный, иногда чуть скошен внутрь или наружу. У некоторых "хумов" изнутри под венчиком наблюдается утолщение, подчеркнутое скосом и ребром. Сохранившиеся днища сосудов широкие и тонкие, как и придонные части. На внутренней поверхности фиксируются отпечатки ткани и рельеф орнамента от сосуда формы-основы.

В орнаментации сосудов типа БII(1) самым ярким дифференцирующим признаком является наличие одного–трех налепных валиков на плече. Половина сосудов имеет два валика, у 6 сосудов – три валика и у 12 – один валик.

Орнаментом покрыта, как правило, вся внешняя боковая поверхность сосуда, иногда он фиксируется и на дне. Наибольшим разнообразием отличаются узоры на плече. В придонной части все сосуды покрыты многорядовым зигзагом, который сверху имеет достаточно широкий шаг, постепенно уменьшающийся ко дну. Зигзаг обычно состоит из отрезков каннелюр, которые при стыковке пересекают друг друга. Иногда они имеют дугообразные очертания и подчеркивают изгиб корпуса. У некоторых сосудов в верхней части под валиками шаг зигзага изменен на противоположный.

Сверху на плече орнамент образует 1–3 зоны между валиками. Налепные валики обычно имеют подтреугольные очертания и являются разделителями орнаментальных зон (1–3 в зависимости от количества валиков). Основные орнаментальные зоны между валиками состоят из горизонтальных рядов ромбов (28%), каннелюр (28%),

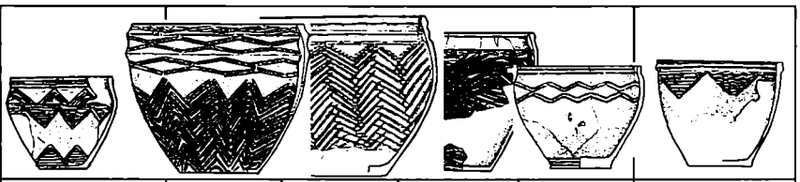
Типы сосудов						
Типы элементов орнамента	БІ	БІІ(1)	БІІ(2)	БІІ(3)	БІІ(4)	БІІІ
Количество, %	11/100	35/100	32/100	24/100	28/100	18/100
Горизонтальная линия	1/10	1/3		3/12	4/14	
Каннелюра	4/36	10/28	3/9	12/50		4/22
Желобок	3/27		32/100	24/100		2/11
Валик	1/9	35/100				
Шишечки	1/9					
	3/27	7/20	9/28	2/8	4/14	4/22
		1/3				2/11
		1/3	9/28	1/4	2/7	
	2/18	4/12	3/9		3/10	2/11
	4/36	8/22	9/28	6/25	1/3	
	5/45	30/84	12/38	4/16		
	4/36	3/8				
	3/27	2/6	3/9	3/12	1/3	2/11
	1/9	10/28			1/3	
		6/16	2/6	4/16		2/11
	1/9	3/8		2/8		2/11
		1/3			1/3	
Без орнамента			2/6	4/16	15/53	4/22

Рис. 7. Соотношение форм и элементов орнамента на баночных сосудах укрепленного поселения Аркаим.

зигзагов (22%), наклонных отрезков (18%), волны (16%), елочки (12%). Бордюры из треугольников, ступенчатых пирамидок, волнистых фестонов представлены на единичных экземплярах. В построении композиции на одном сосуде орнаментальные знаки образуют различные сочетания (ромбы и зигзаги, ромбы и наклонные отрезки, ромбы и волна). Елочные бордюры сочетаются исключительно с каннелюрами. У большинства сосудов, помимо основных орнаментальных зон, валик украшен вдавлениями или насечками по одной или двум граням. В некоторых случаях валик участками оббит и под ним фиксируются каннелюры, иногда заполненные рядами из овальных вдавлений.

Вариант БІІ(2) представляют баночные сосуды с желобками на плече (32 экз.). Среди них присутствуют изделия малых, средних и больших

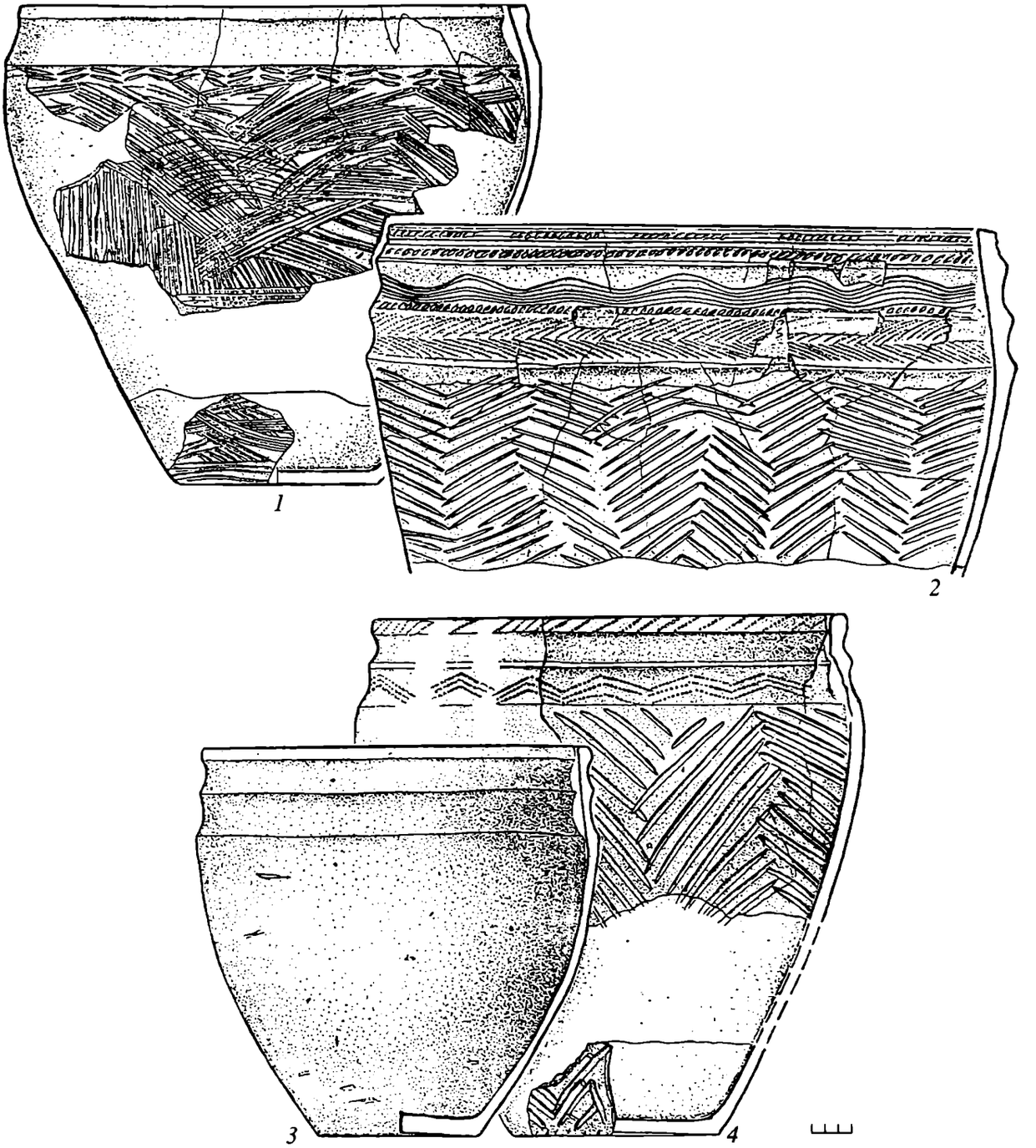


Рис. 8. Укрепленное поселение Аркаим. Керамика.

объемов. Сосуды малых и средних размеров единичны.

По основным параметрам формы сосуды с валиками БП(1) и желобками БП(2) идентичны. Как особенность следует отметить, что сосуды с желобками имеют одинаковую толщину стенок по всей высоте и на дне (рис. 8, *3*, *4*). У некоторых экземпляров изнутри намечена шейка, подчеркнутая ребром.

Орнаментальные композиции на сосудах типа БП(2) отличаются простотой (рис. 7). Здесь практически отсутствуют сложные геометрические фигуры. Горизонтальные желобки на плече чаще всего сочетаются с рядами зигзагов, наклонных вдавлений, насечек. У 1/3 сосудов орнаментальные бордюры вписаны в желобки. На 1–2 сосудах присутствует орнамент в виде волны и равнобедренных треугольников вершиной вниз. Корпус 12 сосудов орнаментирован многорядовым зигзагом, остальные без орнамента. В отличие от сосудов с валиками "древо" изображено не только канелированием, но и более узкими штампами, протаскиванием гребенчатых орнаментиров, штампов, обмотанных шнуром(?). Собственно гребенчатые

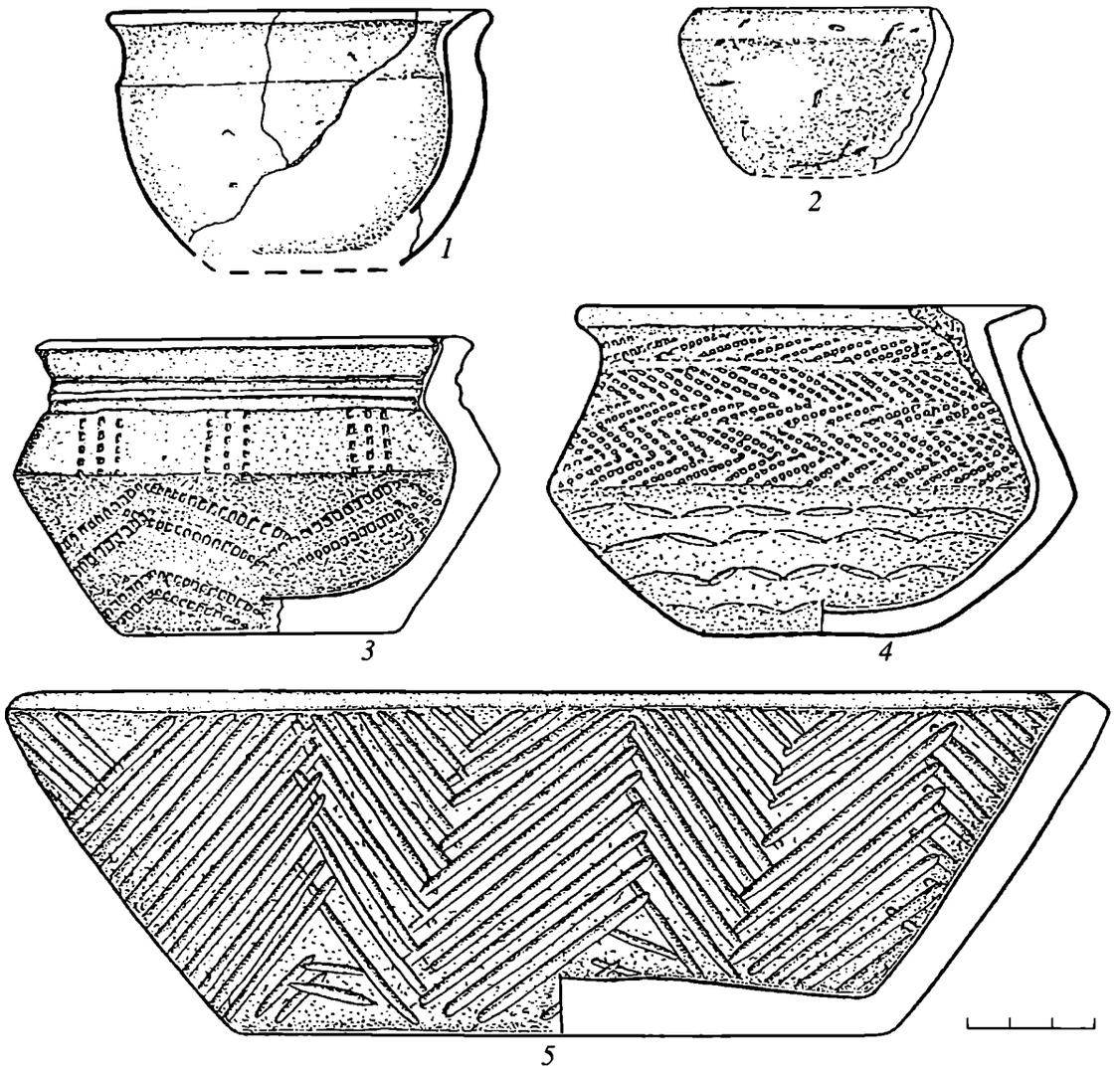


Рис. 9. Укрепленное поселение Аркаим. Керамика.

узоры у этой группы сосудов использовались редко (5 сосудов).

Третий вариант баночных сосудов ***БII(3)*** отличает наличие широкого желобка и уступа в верхней части плеча (24 экз.). В этой выборке преобладают сосуды крупных размеров, присутствуют несколько банок средних и малых объемов. Интересны еще несколько деталей в формообразовании: прежде всего это утолщение венчика и стенок под венчиком и оформление внутреннего ребра (7 сосудов). На внешней поверхности на плече формировался широкий неглубокий желобок, образуя сверху под венчиком своеобразный воротничок, а снизу – уступ (рис. 7; 8, *1*) (Зданович, 1997. С. 55. Рис. 7, *2–4*).

Поверхность желобка никогда не орнаментировалась. Сверху и снизу он обрамлен каннелюрами, поясками наклонных оттисков, зигзагов. Следует отметить относительно частое использование узоров в виде волны, волнистых фестонов. Своеобразны орнаменты из крупных равнобедренных висячих треугольников, заштрихованных волнистыми линиями.

Корпус сосудов до дна покрыт узором в виде "древа жизни" или оригинальными дугообразными расчесами в виде варианта "ковыльной штриховки". В целом в технике нанесения орнаментов преобладает каннелирование, широко распространены овальные вдавления, присутствует плоский штамп и совсем не применялись гребенчатые штампы.

Необычную группу представляют 6–7 сосудов, у которых верхняя часть не орнаментирована, ребро в 2–3 случаях подчеркнуто каннелюрой или зигзагом, а тулово покрыто дугообразными расчесами в виде "ковыльной штриховки". Эти изделия с тальковой дресвой, сильно измельченной: поверхность изнутри и сверху идеально залощена. Они производят впечатление сосудов, вырезанных из камня (рис. 9, *1*).

Четвертый вариант баночных форм второго типа ***БII(4)*** составляют сосуды с овальным закры-

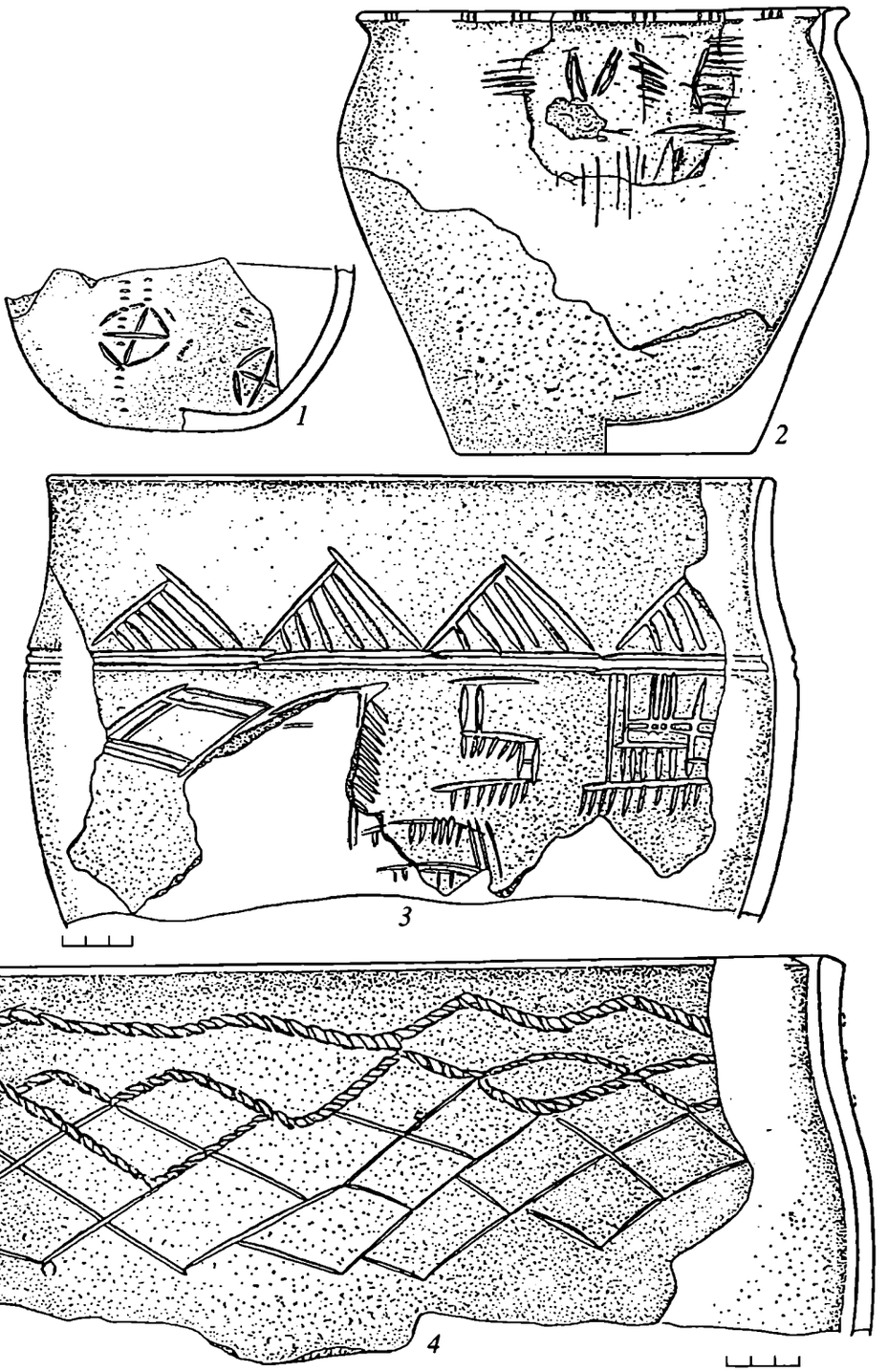


Рис. 10. Укрепленное поселение Аркаим. Керамика.

тым профилем без дополнительных технологических деталей (21 экз.). Они отличаются небольшими и средними размерами. Пропорции соотношения плеча и тулова различны – в среднем 1 : 3.

Встречаются орнаментированные и неорнаментированные изделия. Набор элементов различен. Он состоит из простых мотивов елочки или зигзага, реже представлен геометрическими фигурами (рис. 7). Украшалась верхняя часть сосуда или же вся поверхность корпуса. Различна техника нанесения узоров (прочерчивание, плоский штамп, гребенчатый штамп, вдавления).

Третий тип баночных форм БШ – это сосуды с полуовальным корпусом, вертикальным или слегка отогнутым плечом. Первые составляют ***вариант БШ(1)*** (11 экз.), вторые – ***БШ(2)*** (7 экз.). Они имеют малые и средние размеры, одинаковую толщину стенок от верха до дна. Встречаются орнаментированные и неорнаментированные экземпляры. Из-за небольших выборок закономер-

ности расположения и ведущие элементы орнамента выделить сложно. Среди них встречаются единичные сосуды с валиками, которые сочетаются с узорами в виде елочки, волны или полуфестонов (рис. 6, *1*, *2*, *4*; 7).

Индивидуально следует рассматривать небольшие сосуды (диаметр шейки 8–15 см; около 15 экз.). Некоторые из них в литературе именуют светильниками или курильницами (рис. 9, *5*). Есть совсем маленькие сосудики с диаметром горла и высотой 3–5 см (рис. 9, *2*). В коллекции присутствуют два округлых блюда с овальным днищем. Есть пара небольших сосудиков с округлым дном, очень плохой сохранности (рис. 10, *1*). Как особые емкости использовались придонные части, подшлифованные по разлому.

В аркаимском комплексе выделяется более 60 сосудов с пиктографическими знаками. Пиктографические знаки встречены на сосудах самых разных типов, включая банки и "хумы", но в значительно большем количестве они отмечены на сосудах горшечной формы IV типа. Пиктографические знаки представлены ромбами, полусвастикой, концентрическими кругами, решеткой, косыми крестами, шишечками-сосцами и т.д., располагаются в строчку или локально, занимая определенную часть боковой поверхности или дна сосуда (рис. 10). По стилю и характеру пиктографические знаки аркаимского комплекса отчасти совпадают со знаками катакомбной и срубной культур (Пустовалов, 1998. С. 22–52; Формозов, Отрощенко, 1988. С. 147–175; Захарова, 1998. С. 101–112). Но есть и совершенно своеобразные знаки, например отрезки наклонных вдавлений под налепными валиками сосудов-"хумов".

Выделенные нами типы в количественном отношении охватывают более половины всего керамического комплекса укрепленного поселения Аркаим. Остальная посуда оказалась за пределами четко выраженных типообразующих характеристик. Она представлена так называемыми "переходными" типами, когда многообразие сочетаний форм и орнаментов не позволяет поместить изделие в тот или иной типологический ряд. Типологическая непрерывность особенно наглядно проявляется у сосудов горшечных форм (ок. 45 сосудов). Более стабильные характеристики имеют баночные сосуды больших объемов (от 10 до 50 л), составляющие 20 % от общего количества.

Несмотря на все разнообразие, керамика укрепленного поселения Аркаим отличается особым только ей присущим каноном. Этот канон характеризует целый ряд технологических и орнаментальных стилевых приемов: выделение внутреннего ребра в основании шейки горшечных сосудов и формирование его под венчиком за счет утолщения верхней части плеча и стенки у большинства баночных емкостей; оформление выпуклого высокого плеча с внешним ребром в основании; сочетание елочных композиций с желобками, каннелюрами и геометрическими орнаментами; широкое использование многорядового зигзага в виде "древа" в орнаментации придонной части сосуда; присутствие пиктограмм, налепных валиков и шишечек; использование гребенчатых и плоских штампов, веревочки и псевдоверевочки.

Наиболее универсально эти стилевые приемы выражены на сосудах типа ГІ и БІІ(1), которые составляют основу комплекса. Однако в той или иной мере они представлены на всех выделенных типах керамики, создавая одновременно разнообразие и единство артефактов.

Как уже неоднократно отмечалось, отдельные типы аркаимской посуды находят аналогии в материалах культур лесостепей и степей Евразии: многоваликовой, катакомбных, полтавкинских, абашевских, петровской и петровско-алакульской (Зданович, 1997. С. 54). Многие стилевые приемы становятся как бы символом времени, подчеркивая культурную и этническую близость населения Восточной Европы и Урало-Казахстанского региона в эпоху средней бронзы (Бочкарев, 1995. С. 114–124; Кузьмина, 1994. С. 226–228).

Наряду с мощным западным импульсом в керамике Аркаима достаточно отчетливо проявляются черты культур гребенчатого геометризма, которые сложились в эпоху энеолита в степной, лесостепной полосе Урало-Казахстанского региона (Калиева, Логвин, 1997. С. 71–99; Потемкина, 2001. С. 218–225; Шорин, 1999. С. 71–82). При этом объединяющей подосновой ярко вспыхнувшего процесса культурогенеза эпохи бронзы, охватившего степи и лесостепи Южного Зауралья, явился мир ямной культурно-исторической общности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М., 1978.

Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.

Бочкарев В.С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.Р. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1.

Генинг В.Ф. Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. Киев, 1992.

Гутков А.И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск, 1995.

Захарова Е.Ю. Классификация знаков на керамике срубной культурно-исторической общности // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Сер. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж, 1998.

Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. Свердловск, 1973. Вып. 12.

Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовой век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Зданович Г.Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. 1997. № 2.

Зданович Г.Б. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы. Автореф. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2002.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до н.э. Кустанай, 1997.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.

Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.

Пустовалов С.Ж. О росписях на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции катакомбного общества Северного Причерноморья // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Сер. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж, 1998.

Формозов А.А., Отрощенко В.В. К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металлика // Studia Praehistorika. Sofia, 1988. Т. 9.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999.

Pottery from Arkaim: an attempt of typology

T. S. Malyutina, G. B. Zdanovich

Summary

The article is devoted to the results of the typological studies of shapes of clay vessels from the fortified settlement Arkaim. It also contains some generalised information concerning some elements of potter's technology, and more detailed information on pottery ornamentation.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 83–94

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХ ЮАНЬ И МИНЬ В ЗАБАЙКАЛЬЕ И ПРИАМУРЬЕ (XIII–XV вв.)

© 2004 г. А. Р. Артемьев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

В 1995 г. Амурской археологической экспедицией были начаты исследования буддийских храмов начала XV в. в с. Тыр Ульчского р-на Хабаровского края, расположенного на правом берегу Амура в 153 км от его устья почти напротив впадения в него р. Амгунь (рис. 1, *9*).

Впервые останки буддийских храмов на скале Тыр были обнаружены русскими первопроходцами в 50-х годах XVII в. С их слов ездивший в 1675–1678 гг. послом России в маньчжурский Китай Н.Г. Спафарий написал: "А казаки наши, которые прежде 20 лет до сего воевали с китайцами на Амуре и на усть-Амура, сказывают, что от устия Амуры плыти два дни, где есть место во утесе акибы копано, и на том месте нашли колокол китайский повешен более 21 пудов, и тут нашли в трех местех китайское письмо в каменных скрижалех, и иноземцы сказывали нашим казакам, что в древних местех некоторой царь китайской ходил из Китай по морю на Амур, и тут для признаку и воспоминанию покинул то письмо и колокол" (Спафарий, 1910. Гл. 3. С. 68, 69). А.П. Окладников полагал, что русские казаки побывали в Тыре зимой 1655–1656 гг. и от них, проезжая через Нерчинск в Китай, Н.Г. Спафарий узнал о тырских древностях (Окладников, 1955. С. 342). Действительно, служилые люди отряда О. Степанова, который стал приказным человеком на Амуре после смещения в сентябре 1653 г. с этой должности Е.П. Хабарова, провели зиму 1655–1656-х гг. в Косогирском зимовье, которое, по-видимому, было возведено в Косогорском улусе, находившемся ниже устья р. Сунгари. Зимой 1656 г. О. Степанов вынужден был сходить в поход в низовья Амура, где изменившие ясачные гиляки перебили идущий к нему из Якутска отряд из 30 служилых людей, которых вел Широнка-тунгус (Русско-китайские..., 1969. С. 212). Очень возможно, что именно тогда русские люди впервые столкнулись с тырскими памятниками. Однако это могло произойти и раньше. Впервые отряд Хабарова достиг низовьев Амура в 1651 г., где провел зиму в Ачанском острожке, в котором служилые люди из-за примитивности его укреплений едва не были 24 марта 1652 г. перебиты напавшими на них 600 маньчжурами и более 1500 аборигенами Приамурья, за что потом упрекали своего предводителя (Дополнения..., 1848. С. 365–368; Русско-китайские..., 1969. С. 35–37; Полевой, 1995. С. 36, 37).

Много раньше, в 1692 г., данные Спафария опубликовал в своей книге Н. Витсен (Witsen, 1692. S. 29). Совершенно очевидно, что эти сведения были почерпнуты им из процитированной выше работы Н.Г. Спафария, которая была хорошо известна современникам по многочисленным спискам конца XVII–начала XVIII в., в том числе и за рубежом, например в Парижской Публичной библиотеке в списке 1685 г. (Арсеньев, 1882. С. 248).

Новое открытие тырских памятников состоялось в июле 1850 г., когда туда из Петровского зимовья, располагавшегося в заливе Счастья вблизи устья Амура, на шлюпке с шестью матросами и двумя переводчиками, гиляком и тунгусом, приплыл капитан I ранга Г.И. Невельской. "Рисунок найденных Невельским древних столбов" был приложен к рапорту генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева императору Николаю I от 27 ноября 1850 г. (Барсуков, 1891. С. 69, 70).

Первое научное описание тырских памятников оставил посетивший их в 1854 г. известный исследователь Дальнего Востока Г.М. Пермикин. На вершине Тырского утеса он нашел две одинаковые стелы высотой в два аршина (1.42 м) покрытые письменами. Первая из них, стоявшая в двух шагах от речного обрыва, была изготовлена из серого мелкозернистого мрамора и закреплена в постаменте из гранита (рис. 2, *1*). Другая была высечена из мелкозернистого гранита (рис. 2, *2*). Между ними лежала половина колонны, которая раньше стояла на восьмиугольном пьедестале и имела верхнюю часть, крепившуюся на нем стержнем (рис. 2, *3*). Неподалеку от этих памятников на узком мысу стояла еще одна колонна из трех частей (рис. 2, *4*), верхняя из которых имела форму урны (Пермикин, 1856. С. 68), которую первопроходцы приняли за колокол.

В XIX в. тырские памятники неоднократно осматривали путешественники самых различных национальностей, благодаря публикациям которых они получили широчайшую известность (Артемьев, 1998а. С. 125, 126; 1998б. С. 102; 2000а. С. 206–208; 2000б. С. 144, 145; 2001а. С. 21–23).

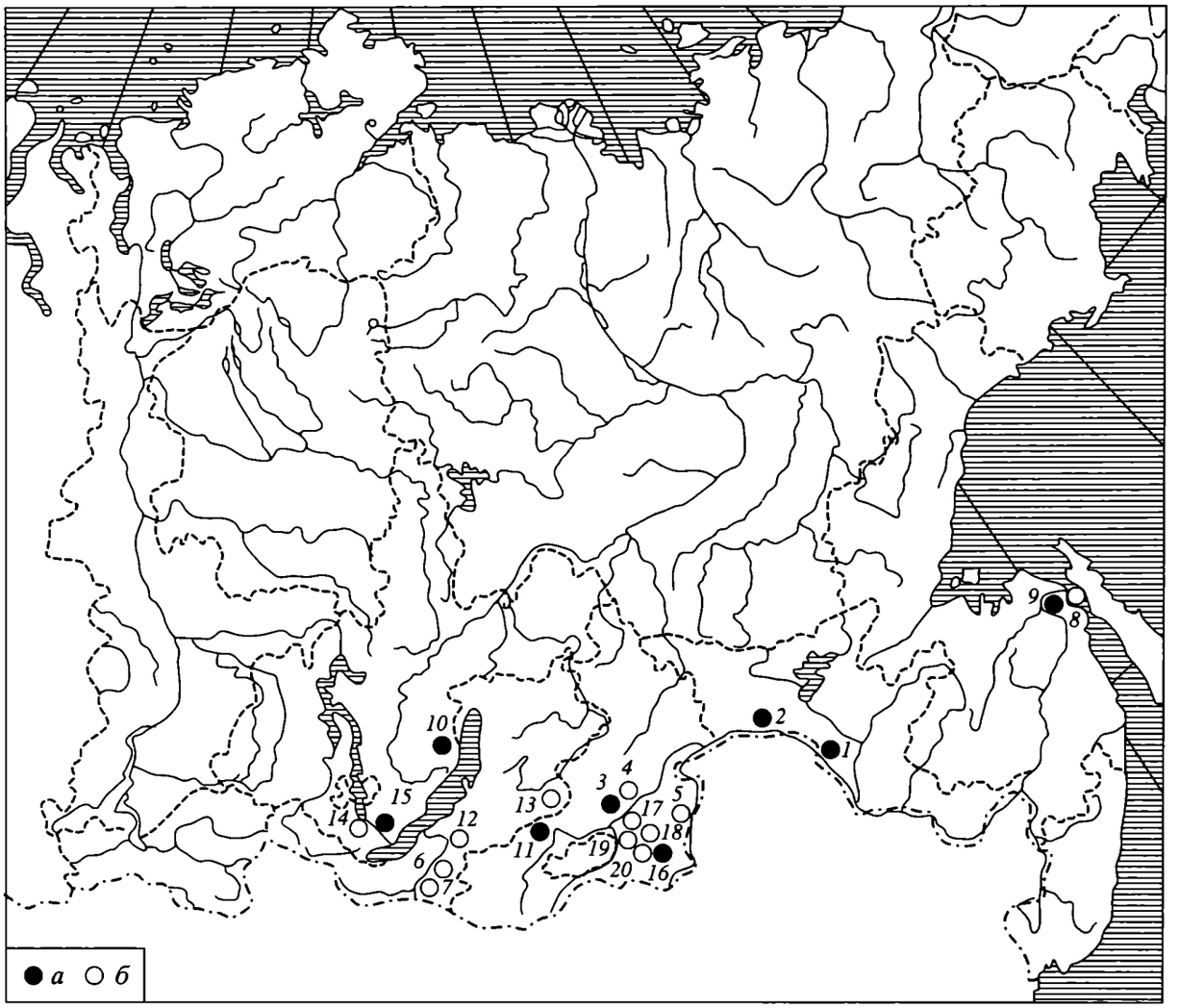


Рис. 1. Карта с исследованными памятниками. *а* – памятники, где велись стационарные работы; *б* – разведочные работы. *1* – Верхнекумарское городище; *2* – Албазинский острог; *3* – Нерчинск; *4* – Шилкский острожок; *5* – Аргунский острог; *6* – Селенгинск; *7* – Кяхта; *8* – стойбище на мысе Вассэ; *9* – Тырские храмы; 10 – зимовья в урочище Дивиткан; *11* – Иргенский острог; *12* – Удинский острог; *13* – Телембинский острог; *14* – Иркутск; *15* – Тальцинский стекольный завод; *16* – город хана Есунгу; *17* – Кондуйский городок; *18* – усадьба Олестуй; *19* – усадьба Казачья; *20* – усадьба Широкая.

История возведения этих храмов хорошо известна, благодаря надписям на двух каменных стелах (рис. 2), которые в 1891 г. были перевезены во Владивосток, где и хранятся в Приморском краевом музее им. В.К. Арсеньева. Первая из этих стел знаменита, благодаря высеченным на ней текстам на трех языках: китайском и более краткими по сравнению с ним монгольским и чжурчжэньским. Согласно тексту, весной 1411 г. китайский император Юн-лэ (1403–1424 гг.) отправил придворного евнуха Ишиха во главе отряда в 1000 с лишним воинов на 55 больших судах в страну Нургань. В 1413 г. Ишиха достиг низовьев Амура, где преобразовал страну Нургань в губернию и возвел на красивой горе (рис. 3) кумирню Юннинсы (Вечного спокойствия) в честь бохдисатвы Гуань-инь (богиня милосердия и добродетели), а возле храма поставил мраморную стелу с идентичными надписями на китайском, чжурчжэньском и монгольском языках, повествующие об экспедиции и возведении кумирни. Однако, когда в 1433 г. Ишиха вновь во главе большого отряда приплыл в Тыр, от кумирни, как сообщает текст, высеченный на второй стеле, осталось лишь одно основание. Бесконечно далекое от ценностей буддийской культуры местное население, по-видимому, под руководством своих шаманов разрушило и сожгло храм. Ишиха не стал никого наказывать, а, напротив, щедро одарил аборигенов и возвел новый храм, поставив возле него еще одну стелу с надписью на китайском языке (Васильев, 1896; Мелихов, 1970. С. 268–273).

Трилингва на первой из тырских стел является одним из основных памятников, по которым исследователи пытаются расшифровать "малое" чжурчжэньское письмо (Osada Natsuku, 1958;

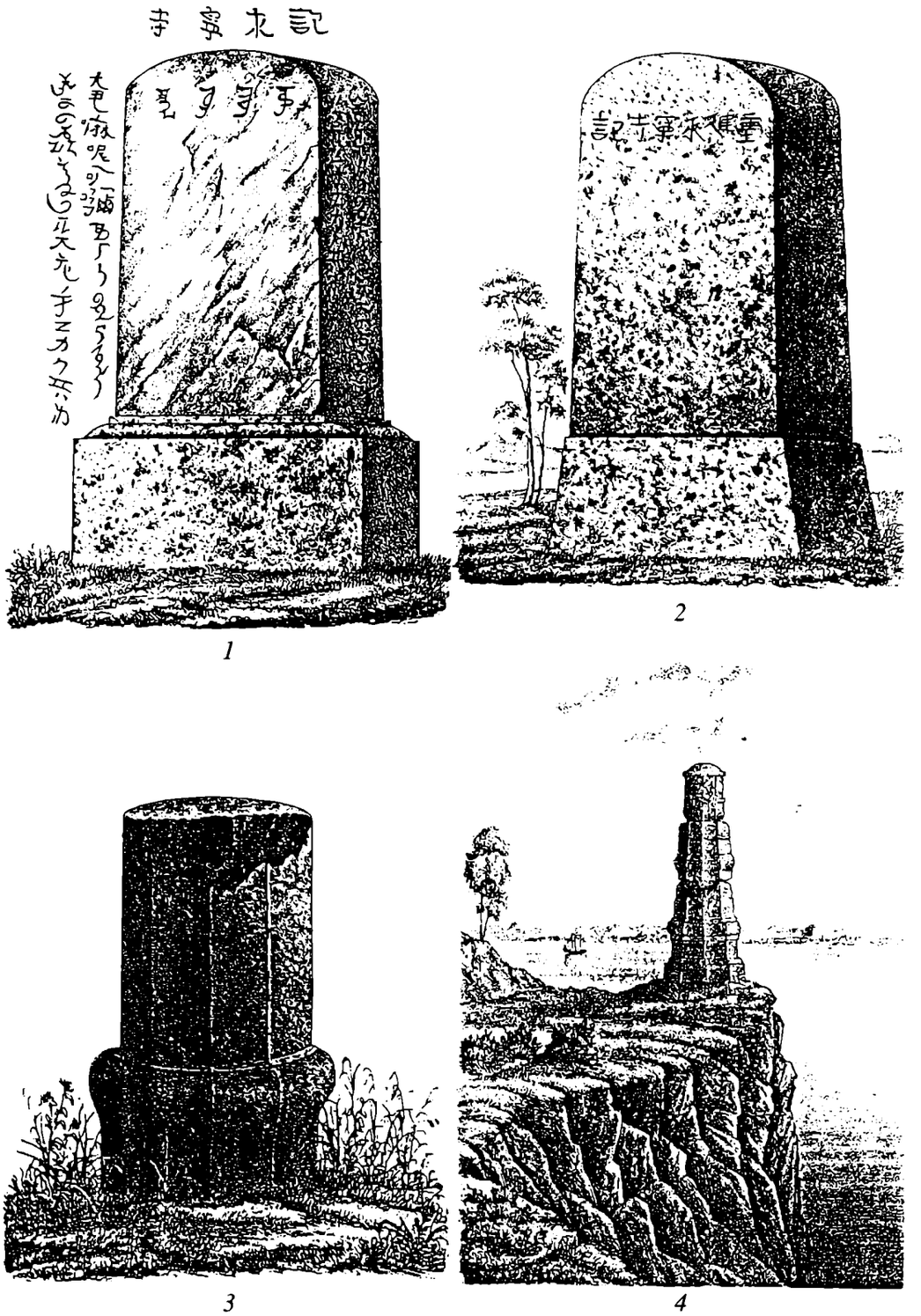


Рис. 2. *1* – памятная стела 1413 г. с надписями на китайском, монгольском и чжурчжэньском языках; *2* – памятная стела с надписью на китайском языке о строительстве храма 1433–1434 гг.; *3* – часть несохранившейся буддийской колонны; *4* – буддийская памятная колонна (стамбха) на месте храма 1413 г.

Ligeti, 1961. P. 5). Помимо тырской стелы чжурчжэньские надписи представлено на сегодняшний день девятью текстами XII–XV вв., высеченными на камне, на стелах или просто на скале. Шесть таких памятников известны в Китае, два – в республике Корея и один – в России. Причем все они, за исключением Тырской стелы, являются билингвами на китайском и чжурчжэньском языках. Ввиду этого вполне понятно, что интерес лингвистов к тырской трилингве не ослабевает (Kiyose Gisaburo, 1977. P. 23–25; Певнов, 1992).

Почти сразу после начала работ в 1995 г. мною было найдено местонахождение храма 1413 г., который располагался в 90 м к западу от вершины Тырской скалы (рис. 3). До этого считалось, что он находился там же, где был возведен храм 1433–1434 гг.

Рис. 3. Тырский утес. Месторасположение остатков кумирни 1413 г. справа под створным знаком реки. Местонахождение остатков храма 1433–1434 гг. и постройки 60-х годов. XIII в. слева на вершине утеса под памятником-пушкой и вокруг него.

(рис. 3). В 1996 г. велись раскопки храма. Оказалось, что это действительно кумирня 1413 г. От нее сохранились шесть каменных баз (оснований) от деревянных колонн, из которых только одна была обработана. Вместе с частично сохранившимися кирпичами нижнего яруса от стен они очертили прямоугольник размерами 7.8 × 5.2 м, ориентированный длинной стороной по линии юго-запад–северо-восток. Из деталей оформления крыши найдено четыре целых и 7991 фрагмент от нижней черепицы и 79 обломков верхней черепицы крыши храма. Отметим отливы-капельники от нижней черепицы со штампованным орнаментом, изображающим цветок лотоса в центре композиции с отходящими от него вьющимися побегами растений по бокам (рис. 4, *8*, *9*, *11*) и облицовочные кирпичи со штампованным орнаментом в виде виноградной лозы (рис. 4, *12*).

Храм, возведенный в 1433–1434 гг., имел размеры примерно 24 × 16 м. При этом его продольная сторона, ориентированная по линии юго-запад–северо-восток могла быть длиннее, но точнее из-за оползания краев скалы определить невозможно. Хорошо прослеживался пол храма из кирпичей размерами 35 × 16 × 8 см, которые сохранились местами сплошными участками площадью от 1.5 до 3 м^2. С юго-восточной стороны зафиксирован вход в храм, вымощенный квадратными кирпичами 0.3 × 0.3 × 0.05 м. Наиболее многочисленной категорией находок при раскопках храма были фрагменты кровельной черепицы, количество которых составило 32 034 экз. Среди них встречены и археологически целые черепицы. На втором месте по числу обнаруженных обломков находятся фрагменты кирпичей пола, их 5717 экз., среди которых немало совершенно целых и даже с отпечатками лап животных. Далее следуют обломки верхней черепицы храма – 119 экз., затем отливы от нижней черепицы крыши храма – 86 экз., в количестве 75 экз. встречены облицовочные кирпичи различных размеров с растительным штампованным орнаментом (рис. 4, *7*), а также в виде цветов пиона и георгина (рис. 4, *2*) и даже в виде выпуклых полушарий (рис. 4, *4*). Плинтусов, обрамлявших нижнюю часть стен храма, выше которых на растворе крепились облицовочные кирпичи, встречено 52 экз. (рис. 4, *10*). Более редкими находками были круглые диски (дакшиты), закрывавшие отверстие верхних черепиц крыши храма (рис. 4, *1*, *6*), их найдено 18 экз., а также обломки драконов, украшавших коньки крыши храма. Исключительно редкими являются часть плеча и торса (рис. 4, *3*), несколько обломков рук и деталь прически на голове керамической статуи духа-охранителя будды и, конечно же, один-единственный бронзовый колокольчик, каких в буддийских храмах обычно было много, и они своим звоном отгоняли злых духов.

На территории храма нами были открыты три каменных базы от колонн: центральная размерами 0.54 × 0.54 × 0.24 м с высеченной на ней выпуклой окружностью диаметром 0.5 см и перекрестием шириной 2 см, а также четырехугольная угловая база размерами 0.54 × 0.48 × 0.24 м с выбитой поперек ее центра чертой шириной 0.02 м и глуби-

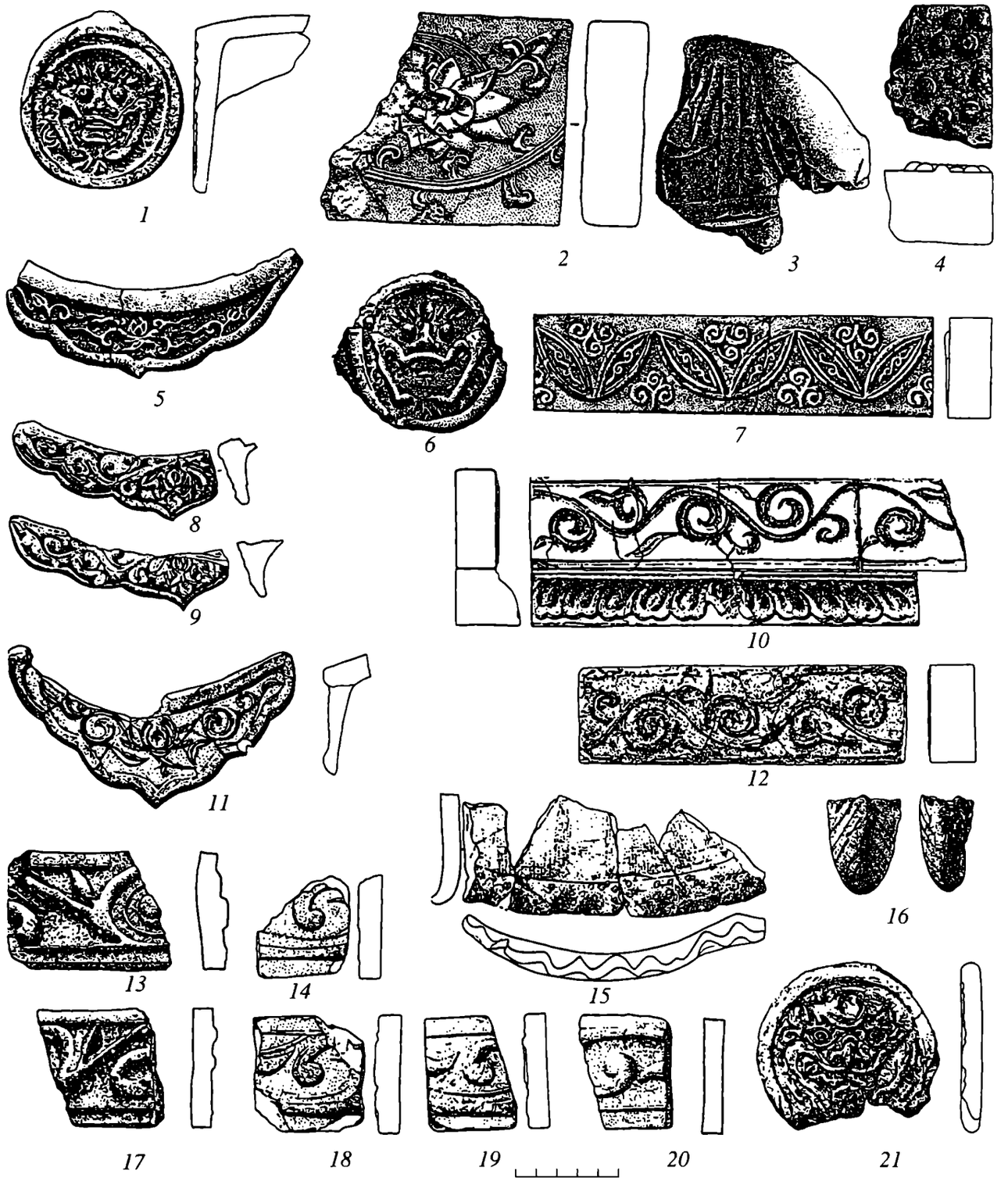


Рис. 4. Находки из Тыра. *1–7, 10* – храм 1433–1434 гг.; *8–12* – храм 1413 г.; *13–21* – постройка 60-х годов XIII в.; *1, 6, 21* – концевые диски от верхней черепицы крыши храмов; *2, 4, 7, 12, 13, 14, 17–20* – орнаментированные облицовочные кирпичи; *3* – часть торса скульптуры духа-охранителя Будды; 5, *8, 9, 11* – отливы-капельники от нижней черепицы храмов; *10* – орнаментированные облицовочный кирпич и плинтус; *15* – фрагмент орнаментированной нижней черепицы; *16* – обломок дракона с конька крыши.

ной 1 см с примыкающей к ней под прямым углом чертой и боковая база размерами $0.75 \times 0.57 \times 0.22$ м с одной поперечной чертой, делящей ее пополам. Еще две центральных базы обнаружены за пределами Тырского утеса.

Таким образом, на Тырской скале были открыты остатки двух единственных в России средневековых буддийских храмов, даты постройки которых точно установлены. Более поздний из них, построенный в 1433–1434 гг. вместо кумирни

1413 г., судя по толщине культурного слоя, тоже просуществовал недолго и погиб в огне пожара (Артемьев, 1998а; 2000а; 2000б; 2001а; 2003а. С. 254, 255).

В коллекции материала, найденного на вершине Тырского утеса, где стоял храм 1433–1434 гг., обнаружена группа предметов, свидетельствующих о существовании там еще более ранней, возможно буддийской, постройки, ко времени экспедиций туда в Минское время уже не существовавшей. Керамические детали этой постройки существенно отличаются по составу глиняного теста, обжигу и орнаментации (рис. 4, *13–21*). По всей видимости, она была возведена в период формирования Юаньской династии, (окончательно оформившейся в 1279 г.) в 60-х годах XIII в., после того как в 1263 г. в Тыре была основана ставка восточного наместника императора. В отличие от гиляков айны (гувэй) не покорились тогда власти Юаньской империи и даже захватили земли гиляков на севере Сахалина, поэтому, начиная с 1264 г., юаньские войска неоднократно переправлялись через море на остров для подавления айнов. Карательные экспедиции 1273, 1284 и 1285 гг. не увенчались успехом (Юань ши, 1958. Цз. 8, 13) и война затянулась на целых 40 лет. Только в 1308 г. предводители гувэев Сянь Пи Цзи Му, Юй Шань Ну, Ва Ин и другие подчинились власти династии Юань и поклялись приезжать каждый год на материк и выплачивать дань мехами (Хора Томиа, 1956. С. 98–101).

В 1997 г. экспедиция приступила к исследованиям древнемонгольских памятников Восточного Забайкалья, начав с изучения топографии города монгольского хана Есунгу (Исункэ), или, как его называли раньше, Хирхиринского городища. Развалины этого древнемонгольского города в юго-восточном Забайкалье расположены в низменной долине р. Урулюнгуй вблизи впадающей в нее речки Киркира (Хирхира) в Приаргунском р-не Читинской обл. (рис. 1, *16*). Они были обнаружены экспедицией Петербургской академии наук во главе с Д. Г. Мессершмидтом конце июля–начале августа 1724 г., о чем он сделал запись в своем дневнике (Новлянская, 1970).

О принадлежности этого города племяннику Чингис-хана, сыну его младшего брата Джочи-Хасара – хану Есунгу стало известно из надписи, высеченной на гранитной стеле ("Чингисов камень"), стоявшей возле города и хранящейся ныне в Государственном Эрмитаже. Исследователи мало расходятся в прочтении надписи (Murayama, 1950; Hambis, 1960). В переводе бурятского ученого монголоведа Д. Банзарова она гласит: "Когда Чингис-хан, после нашествия на народ сартагул (хивинцев), возвратился, и люди всех монгольских поколений собрались в Буга-Сучигае, то Исунке (Есунгу) получил в удел триста тридцать пять воинов хондогорских" (Банзаров, 1997. С. 113). События, описанные на стеле, произошли в 1225 г. после возвращения Чингис-хана из похода на державу Хорезмшахов. Эти данные подтверждает также летопись Рашид-ад-дина, где сообщается, что сыновьям Джочи-Хасара, которые были племянниками Чингис-хана, – Еку, Туку и Есунгу великий хан дал тысячу воинов и "сто человек из разных войск" (Рашид-ад-дин, 1952. С. 52, 277).

Хан Есунгу родился в 1185 г. и был третьим сыном знаменитого Джочи-Хасара – старшего из трех младших братьев Чингис-хана. Отношения между братьями не всегда были ровными, но, несмотря на случавшиеся конфликты, в самые трудные для Чингис-хана периоды Джочи-Хасар неизменно поддерживал брата (Цендина, 1998), за что тот его, несомненно, очень ценил и щедро наградил его сыновей.

В 1957 г. месторасположение остатков города хана Есунгу было найдено и обследовано экспедицией выдающегося российского археолога, члена-корреспондента АН СССР С.В. Киселева. В 1959 г. он предпринял на территории памятника раскопки, в ходе которых были исследованы половина дворца в центральной, предположительно ханской усадьбе города размерами 110 × 100 м; прорезаны восточный вал и ров этой усадьбы; раскопано центральное здание в одной из усадеб в восточной части города и "дом кузнеца" на северо-восточной окраине памятника. Эти исследования выявили прекрасную сохранность памятника, постройки которого были возведены из сырцового кирпича, а крыши из богато орнаментированной черепицы (Киселев, 1958. С. 109–113. Рис. 3, 4; 1961; 1965а).

В августе 1997 г. была начата продолженная в 1999–2002 гг. новая, более точная и подробная, инструментальная съемка топографического плана памятника. Основное городское ядро памятника имеет протяженность с запада на восток около 1.5 км и с севера на юг более 1 км. Таким образом, его площадь составляет более 150 га и превышает по этому показателю столицу монгольской империи в 1220–1257 гг. Каракорум, территория которого согласно плану Х. Сирасири (Сирасири, 2001. Рис. 61), не превышает 100 га. Остатки городских построек и стен усадеб из необожженного кирпича хорошо сохранились и возвышаются над землей на 0.3–1.5 м. На территории памятника выявлено более 30 усадеб, большинство из которых сконцентрировано вокруг большой центральной усадьбы и более 100 отдельно стоящих построек. Выяснено также, что реальные размеры ханской усадьбы города несколько больше, чем считалось ранее, и составляют квадрат со стороной 150 м (рис. 5).

В ходе работ 2000–2002 гг. в раскопе площадью 934 м^2 нами была целиком вскрыта усадьба

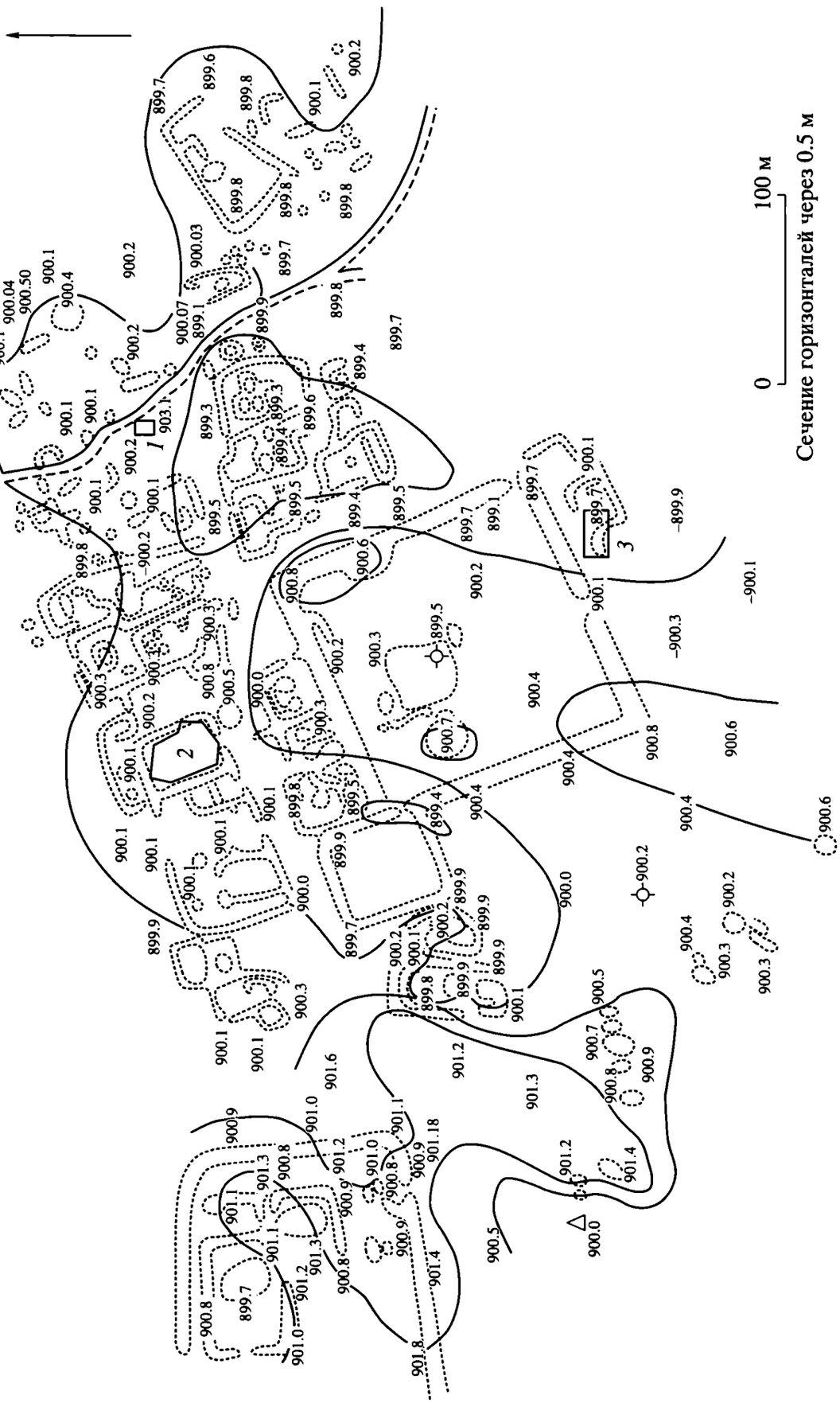


Рис. 5. План юго-восточной части города хана Есунгу. *1* – раскоп 1; *2* – раскоп 2; *3* – раскоп 3.

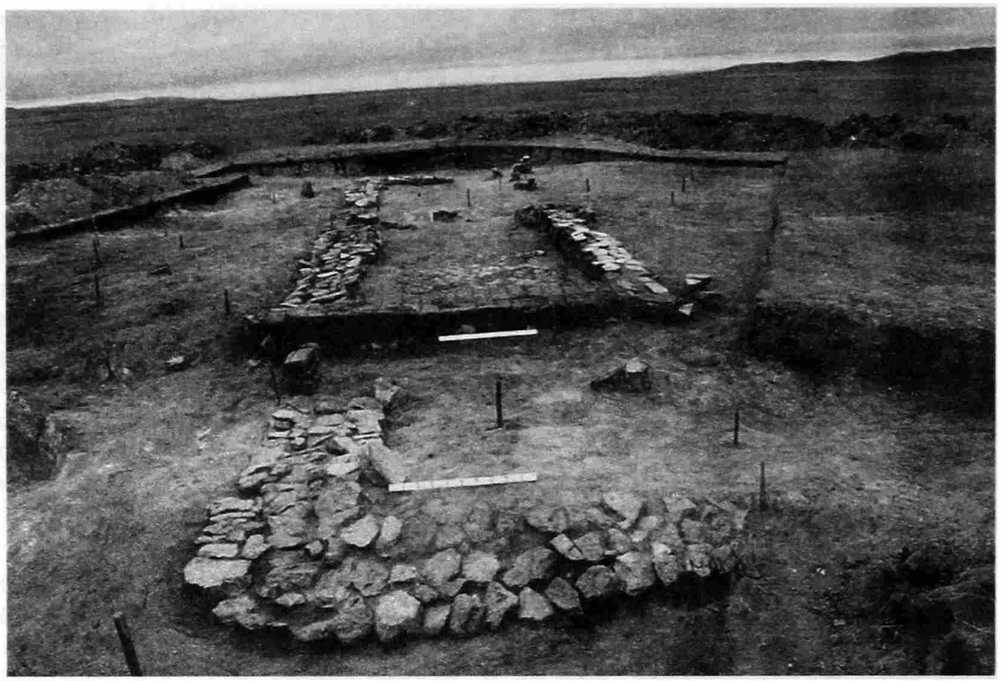


Рис. 6. Город хана Есунгу. Северная часть усадьбы 1. Остатки построек. На переднем плане кан постройки 3.

монгольского феодала. Территория усадьбы была окружена, возвышающейся сейчас на высоту до 0.5 м четырехугольной в плане оградой, сложенной из сырцовых кирпичей (рис. 6). В северной части усадьбы были открыты три примыкающие друг к другу располагавшиеся в одну линию постройки.

От всех трех построек хорошо сохранились отопительные конструкции в виде канов – лежанок из камня, под которыми по специальным каналам проходил горячий воздух из очага (рис. 6). Остатки крайней северо-восточной постройки (1) были представлены каменным двухсекционным каном Г-образной формы. Длина большей секции составляла почти 4 м, а меньшей – 2 м. В этой постройке были найдены: железный наконечник копья (рис. 7, *1*), большой чугунный сломанный черпак со следами ремонта путем спайки оловянисто-бронзовым сплавом (рис. 7, *22*), а также четыре костяных грузика от ткацкого станка (рис. 7, *11–14*).

Наибольший интерес представляли остатки центральной постройки (2), несомненно, являвшейся местом проживания хозяина усадьбы. Ее остатки представлены П-образной лежанкой, две длинных стороны которой сложены из камней и являются односекционными канами (рис. 6). У обоих сохранились остатки очагов, оконтуренные камнями с прокаленной глиной между ними. Лежанка, соединяющая их, сложена из сплошного сырцового кирпича. Особый статус этой постройки подчеркивает исключительно аккуратно и фигурно выложенная кладка пола из обожженных кирпичей. Находок в этой постройке, за исключением нескольких мелких фрагментов поливной керамики, не было, но за пределами ее северного кана были найдены обломки чугунных котлов и фрагмент верхней части кувшина типа "цычжоуяо" с коричневой росписью, аналогичные которому из Каракорума были некогда подробно охарактеризованы Л.А. Евтюховой (1959. С. 184. Рис. 2–4; 1965а. С. 221–232. Рис. 123–127. Табл. XVIII). Вообще же среди керамики как на территории жилищ, так и за их пределами преобладали обломки толстостенных сосудов типа хумов, покрытых зеленой поливой и достигавших, судя по диаметру, большой величины.

Остатки постройки 3 были представлены Г-образным каном из каменных плит, каждая из секций которого имела в длину 2 м (рис. 6). Великолепной находкой там стал орнаментированный верхний жернов от ручного жернового постава. Он лежал на ребре с внутренней стороны северной секции кана и имел диаметр 40 см, толщину 10 см и отверстие диаметром 4 см. Промывка слоя у входа в эту постройку позволили Е.Ю. Лебедевой (Институт археологии РАН) обнаружить в полученной пробе зерна проса.

Южная незастроенная часть усадьбы использовалась в хозяйственных целях. На ее территории открыто несколько ям, заполненных костями животных, встречено несколько обломков чугунных котлов, костяной наконечник стрелы (рис. 7, *3*), собран по частям из разных квадратов почти целый сосуд типа "цычжоу-яо", покрытый молочно-белой поливой с внешней стороны и коричневой поливой внутри. Были найдены также обломки крупных толстостенных сосудов, покрытых зеле-

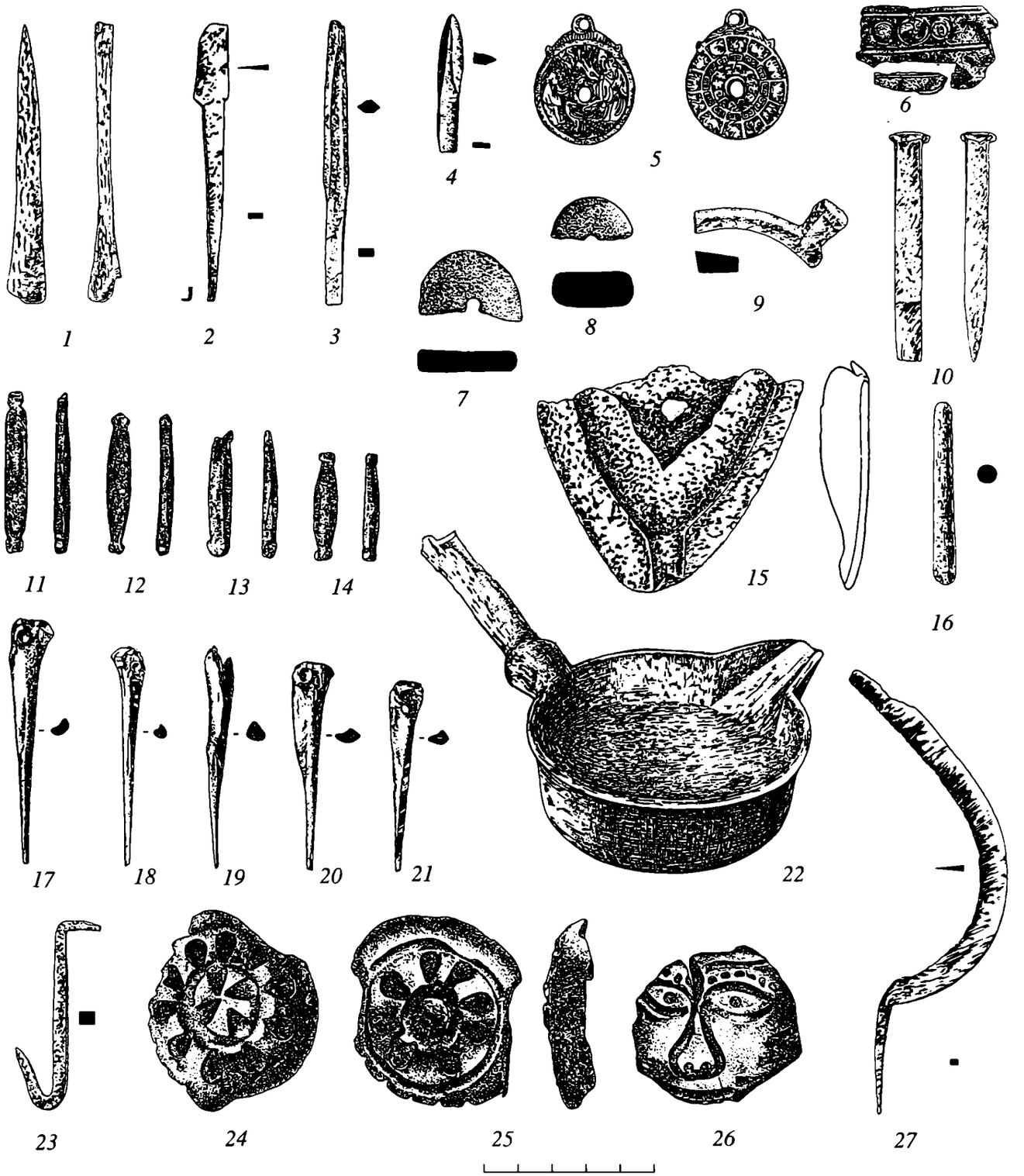


Рис. 7. Находки с монгольских памятников Забайкалья. *1–4*; *6–27* – город хана Есунгу; *5* – поселение Широкое; *10* – Кондуйский городок; *1* – наконечник копья; *2* – нож; *3*, *4* – наконечники стрел; *5* – календарь; *6* – накладка на луку седла; *7*, *8* – пряслица; *9* – обломок втулки колеса; *10* – зубило; *11–14* – грузики от ткацкого стана; *15* – лемех плуга; *16* – рукоять шила; *17–21* – проколки; *22* – черпак, *23* – крюк, *24–26* – диски от нижней фронтальной черепицы; *27* – серп (*1*, *2*, *10*, *23* – железо; *3*, *4*, *11–14*, *16–21* – кость; *5*, *6* – бронза; *7*, *8* – камень; *9*, *15*, *22* – чугун; *24–26* – керамика).

ной поливой. Особый интерес представляет находка пяти костяных проколок (рис. 7, *17–21*), аналогичные которым в Новгороде Л.И. Смирнова не без оснований связала с ткаческим производством (1999. С. 152–154. Рис. 1).

На месте раскопа 3 площадью 128 м^2 справа от въездных ворот ханской усадьбы была открыта свалка строительного мусора, в которой нам удалось обнаружить несколько обломков и три почти целых концевых диска от нижней черепицы

Рис. 8. Кондуйский городок. Голова протомы дракона. Гранит.

крыши (рис. 7, *24–26*), а также фрагмент концевой части верхней черепицы, соответствующей по диаметру найденным дискам. Два подобных диска в переотложенном состоянии были найдены С.В. Киселевым и в 1959 г. Он счел их примитивный орнамент характерным для "танской эпохи на Дальнем Востоке, в уйгурских городах на территории Монголии" (Киселев, 1965а. С. 43. Рис. 16). Особенно замечателен один из дисков, пока не имеющий аналогий (рис. 7, *26*). На нем изображена морда зверя из семейства кошачьих, возможно тигра, о чем свидетельствуют хорошо проработанные справа бороздки, по-видимому, обозначающие усы, да и брови у него подчеркнуты явно чрезмерно для человечьих. Концевые диски, за исключением последнего, действительно очень сходны с дисками из Орду-Балыка – уйгурской столицы на р. Орхон 750/751–840 гг. (Киселев, 1959. С. 166. Рис. 6; Худяков, 1990. С. 86. Рис. 3, *1*, *3*, *5*) и это позволяет полагать, что древнемонгольский город был возведен на месте уйгурского города (Артемьев, 2001б; 2003а. С. 252–254).

Из подъемного материала, собранного на территории города Есунгу, отметим чугунный лемех от плуга (рис. 7, *15*), обломок втулки от колеса (рис. 7, *9*), днище большой жаровни и многочисленные обломки котлов; железные серп (рис. 7, *27*), нож (рис. 7, *2*); костяную рукоять от шила (рис. 7, *16*) и две половинки каменных пряслиц (рис. 7, *7*, *8*). Большинство этих предметов имеет прямые аналогии среди материалов из раскопок С.В. Киселева в Кара-Коруме (Киселев, Мерперт, 1965. С. 207, 213. Рис. 111; 115, *1*; 116, *2*; Наваан, 1962. С. 63. Рис. 16, *2*, *4*, *6*, *7*; Евтюхова, 1965б. С. 291. Рис. 153, *1*).

Новые исследования древнемонгольского города XIII в. позволили получить интересные данные о материальной культуре оседлых монголов Забайкалья, их быте и социальной топографии раскопанной усадьбы. Эта усадьба, несомненно, погибла в огне, о чем свидетельствует слой угля и пепла на ее территории, а также трудносмываемый нагар на внешней и внутренней сторонах поливной керамики. Перед этим усадьба, очевидно, подверглась разграблению, поскольку целые вещи там не обнаружены. Просуществовала она недолго, поскольку никаких следов ее ремонта или перестройки не прослежено. Данные радиоуглеродного анализа, сделанные в Лаборатории археологической технологии ИИМК под руководством Г.И. Зайцевой, дали две даты: 1. Ле-6574. 710 ± 20 BP (лет т.н.). Интервалы калиброванного календарного возраста: 1272–1282 calAD (лет н.э.) (1σ, 68% вероятности), 1265–1288 calAD (лет н.э.) (2σ, 95% вероятности); 2. Ле-6576. 880–35 BP (лет т.н.). Интервалы калиброванного календарного возраста: 1040–1220 calAD (лет н.э.) (1σ, 68% вероятности), 1040–1230 calAD (лет н.э.) (2σ, 95% вероятности). Они подтверждают общепринятую дату основания города – 1225 г.

В 2002 г. нами было начато изучение топографии Кондуйского городка, расположенного в 60 км к северо-западу от города Есунгу в Борзинском р-не Читинской обл. (рис. 1, *17*), где в 1957–1958 гг. С.В. Киселевым был раскопан великолепный дворец XIV в. (Киселев, 1958. С. 113–119. Рис. 5–7; 1965б). Подъемный материал оттуда представлен

керамикой "цычжоу-яо", обломком бронзового котла, чугунным зубилом (рис. 7, *10*) и головой протомы дракона, украшавшей один из углов дворца (рис. 8).

Экспедицией активно ведутся разведочные работы. В 2001 г. нами был найден третий в Восточном Забайкалье памятник оседлой культуры монголов – усадьба дворцового типа в пади Алестуй в 18 км к северу от города Есунгу (рис. 1, *18*). Она представляет собой остатки здания размерами 20 × 30 м, нижние черепицы и отливы, собранные на поверхности которого, аналогичны обнаруженным С.В. Киселевым при раскопках в 1959 г. ханского дворца. Постройку окружают невысокие стены, образующие квадрат размерами 75 × 75 м. С севера к усадьбе примыкает огороженная площадка размерами 35 × 70 м, а к ней с запада в ограде 25 × 25 м – еще одна небольшая постройка. По-видимому, это была загородная резиденция хана. Еще два поселения найдены в 2002 г. На одном из них в 20 км к северо-западу от города в пади Казачьей (рис. 1, *19*) собрана керамика, аналогичная найденной в городе Есунгу. Возле этого поселения зафиксирован средневековый могильник из более чем 20 могил, обложенных камнями. Второе поселение расположено в 15 км к северо-западу от города в пади Широкая (рис. 1, *20*). Здесь зафиксированы три сохранившихся и не менее пяти уничтоженных распашкой жилища с канами. В одном из распаханных жилищ найдены бронзовые календарь (рис. 7, *5*) и колокольчик. Таким образом, число открытых в юго-восточном Забайкалье поселений оседлых монголов в короткий срок достигло пяти, хотя исследования пока велись в весьма небольшом регионе (Артемьев, 2003а; 2003б; 2003в; 2003г). Для сравнения: на всей территории Монголии на 1970 г. было открыто всего три поселения XIII в. и 17 – XIV в. (Майдар, 1970. С. 38, 39), а в сводке Х. Пэрлээ фигурируют 23 древнемонгольских города (1974. С. 272). К настоящему времени их количество увеличилось ненамного (Сираси, 2001).

Отметим находку в 17 км к северу от города Есунгу и в 4 км к западу от усадьбы Алестуй в пади Дзерен части буддийской памятной колонны из гранита. В окрестностях исследуемого города в 15–25 км к северу и западу от него обнаружены шесть новых могильников культуры плиточных могил XIII–VI вв. до н.э. с количеством могил от шести до одной размерами в среднем 4 × 4 м. Среди них два могильника с оленными камнями без изображений. Первый из этих камней стоит возле самой большой из трех могил размерами 5 × 5 м, а второй – возле единственной могилы могильника размерами 6.7 × 3.5 м. Это самые восточные оленные камни из обнаруженных в Забайкалье памятников этого типа.

Таким образом, за 15-летний период работы Амурской археологической экспедиции охватили наиболее известные и крупные памятники эпох Юань, Минь и Нового времени в Забайкалье и Приамурье.

Исследования памятников XIII–XV вв. велись нами в основном при поддержке грантов РГНФ проекты № 98-01-18002е; № 99-01-18013е; № 00-01-18079е; № 01-01-180002е и № 02-01-18048е.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсеньев Ю.В. О происхождении "Сказания о великой реке Амуре" // Изв. РГО. СПб., 1882. Т. XVIII. Вып. 4.

Артемьев А.Р. Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура // Вестник ДВО РАН. 1998а. № 5.

Артемьев А.Р. Памятники неолитического искусства в культурном слое буддийского храма XV в. на нижнем Амуре // Мир древних образов на Дальнем Востоке. Владивосток, 1998б.

Артемьев А.Р. Археологические исследования буддийских храмов XV в. в низовьях Амура // Вестник РГНФ. 2000а. № 1.

Артемьев А.Р. Памятники буддийской культуры в низовьях Амура // ВИ. 2000б. № 7.

Артемьев А.Р. Некоторые итоги археологических исследований буддийских храмов XV в. в низовьях Амура // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Матер. междунар. науч. конф. Владивосток, 2001а.

Артемьев А.Р. Новые исследования города монгольского хана Есунгу в Забайкалье (XIII–XIV вв.) // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Матер. междунар. науч. конф. Владивосток, 2001б.

Артемьев А.Р. Археологические исследования памятников эпох Юань и Минь в Забайкалье и Приамурье // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск, 2003а.

Артемьев А.Р. Новые исследования средневековых поселений Забайкалья XIII–XIV вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003б.

Артемьев А.Р. Средневековые монгольские поселения XIII–XIV вв. в Забайкалье // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Матер. междунар. конф. Новосибирск, 2003в.

Артемьев А.Р. Средневековые поселения Забайкалья XIII–XIV вв. // Забайкалье в геополитике России. Матер. междунар. симп. "Древние культуры Азии и Америки". Улан-Удэ, 2003г.

Банзаров Д. Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-хана // Собр. соч. Изд. 2-е, доп. Улан-Удэ, 1997.

Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Кн. 2. М., 1891.

Васильев В.П. Записка о надписях, открытых на памятниках, стоящих на скале Тыр близ устья Амура // Изв. АН. 1896. Т. 4.

Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб., 1848.

Евтюхова Л.А. Древнекитайская керамика из Каракорума // СА. 1959. № 3.
Евтюхова Л.А. Керамика Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965а.
Евтюхова Л.А. Изделия различных ремесел из Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965б.
Киселев С.В. Древние города Забайкалья // СА. 1958. № 4.
Киселев С.В. Из истории китайской черепицы (В связи с изучением древних городов Монголии, Сибири и Дальнего Востока) // СА. 1959. № 3.
Киселев С.В. Город монгольского Исункэ в Забайкалье // СА. 1961. № 4.
Киселев С.В. Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города. М., 1965а.
Киселев С.В. Кондуйский городок // Древнемонгольские города. М., 1965б.
Киселев С.В., Мерперт Н.Я. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965.
Майдар Д. Три карты городов и поселений Монголии (Древние, средневековые и начала XX века). Улан-Батор, 1970.
Мелихов Г.В. Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1402–1413 гг.) // Китай и его соседи в древности и средневековье. М., 1970.
Наваан Д. Клад железных предметов из Хара-Хорина // Монгольский археологический сборник. М., 1962.
Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.
Окладников А.П. Первые известия об археологических памятниках Нижнего Амура // Изв. РГО. СПб., 1955. Т. 87. № 4.
Певнов А.М. Проблемы дешифровки чжурчжэньской письменности // Вопросы языкознания. 1992. № 1.
Пермикин Г.М. Путевой журнал плавания по реке Амуру от Усть-Стрелочного караула до впадения ее в Татарский пролив // Зап. Сиб. отд. РГО. 1856. Кн. 2. Отд. 1.
Полевой Б.П. Изветная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. Владивосток, 1995.
Пэрлээ Х. К вопросу о древней оседлости в Монгольской народной республике // Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск, 1974.
Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М., 1952.
Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683 / Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М., 1969.
Сирасири Х. Археология Чингис-хана (Чингису-канно-кокогаку). Токио, 2001 (на яп. яз).
Смирнова Л.И. Проколки. Хронология и функциональное назначение // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1999. Вып. 13.
Спафарий Н.Г. Описание первыя части вселеннея, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство. Казань, 1910.
Хора Томиа. Карафутоши Кенку (Исследования по истории Сахалина). Токио, 1956. (на яп. яз.).
Худяков Ю.С. Памятники уйгурской культуры в Монголии // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1990.
Цендина А.Д. Хасар и Чингис в летописях Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджи // Mongolica-IV. 90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна посвящается. СПб., 1998.
Юань-ши (История династии Юань). Пекин; Шанхай, 1958 (на кит. яз.).
Hambis L. A propos de la "Pierre de Gengis-khan" // Melanges publies par l'Institut des hautes etudes chinoises". T. 2. Paris, 1960.
Kiyose Gisaburo N. A study of the Jurchen language and script. Kyoto, 1977.
Ligeti L. Les icriptions djurtchen de Tyr: la formule om mane padme hum // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1961. T. 12.
Murayama S. Uber die Inschrift auf dem "Stein des Cingis" // Oriens. Leiden, 1950. V. 3. № 1.
Osada Natsuki. Nurukan Eineiji ni Môko Joshimbun shakkô (Translation of the Mongol and Jurchen inscriptions in the Yungning Temple in Nurgan) // Ishihama sensei koki kinen tôyôgaku ronsô. Osaka, 1958 (на яп. яз.).
Witsen N. Noord en oost Tartarye. Amsterdam, 1692.

Archaeological sites of Yuan and Ming epochs in Transbaikalia and the Amur basin

A. R. Artem'ev

Summary

In the seasons of 1995, 1996 and 1998–2000 the Amur expedition investigated two Buddhist temples of the early 15th c. They are the only monuments of this kind known in the Far East. The temples are situated on the lower Amur in Khabarovsk krai. The first temple 7.8 to 5.2 m in size was constructed by a Chinese expedition in 1413. The second one built in 1433–1434 was much larger – 24 to 16 m. The both temples had tile roofs supported by wooden columns resting upon stone foundations. The constructions were richly adorned with decorative clay elements covered with stamped ornament. Below the remains of the second temple the traces of another Buddhist construction have been revealed, it dates to the 60-s of the 13th c. In 2000 the expedition started investigations of the Mongol sites in Eastern Transbaikalia (Chita region). The works concentrate on the town founded in 1225 by Khan Esungu, a nephew of Chinghis Khan. A town plot of a Mongol feudal lord was investigated; it covered an area of 034 sq. m. It was established that the town was founded in the place where an earlier Uighur town existed in the 11th–the 12th cc. Investigations at Konduisky fortress have begun; three dwelling sites of the settled Mongols dated from the 13th–the 14th cc. have been registered.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 95–103

ДИСКУССИИ

МОДЕЛИ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ: ОТ ОСЕДЛЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ К СКОТОВОДАМ

(Триполье и курганные культуры)

© 2004 г. Филипп Л. Кол

Уэлсли колледж, Уэлсли, Массачусетс, США

Настоящую статью можно начать с вопроса о глубинных причинах передвижения сообществ людей. Что могло служить причиной тому, что люди передвигались на дальние расстояния и кардинальным образом меняли свой привычный образ жизни, переходя от земледельческого уклада на экономику скотоводства или наоборот? В этих очерках я рассчитываю привлечь внимание к двум таким трансформациям. Во-первых, к краху в первой половине IV тыс. до н.э. располагавшихся на Правобережной Украине гигантских трипольских поселений и замещение их оседлой культуры более подвижными скотоводческими общностями. Во-вторых, процесс в известной мере противоположный первому, т.е. трансформация подвижной скотоводческой культуры в оседло-земледельческую на равнинах Маргианы и Бактрии в конце III тыс. до н.э.[1]

Культура Кукутень–Триполье формируется во второй четверти V тыс. до н.э., но ее четко выраженные неолитические истоки коренились еще в общностях VI тыс. до. н.э. (Старчево, Криш-Кереш, буго-днестровская культуры и другие). Со временем из первоначального сосредоточения неолитических сообществ балкано-нижнедунайского ареала наблюдается вполне очевидная экспансия племен Кукутень–Триполье на северо-восток, к бассейнам Буга и Среднего Днепра, вплоть до района Киева. Некоторые более поздние трипольские поселения были обнаружены даже восточнее Днепра (Археология ..., 1985. С. 192, 204, 224. Карты 5, 6, 7). До привлекшего всеобщее внимание открытия гигантских трипольских поселков наиболее известным из раскопанных памятников было поселение Владимировка, представленное двумя сотнями домов, раскинувшихся на площади около 34 га.

Картина радикально изменилась в конце 1960-х годов, когда, благодаря аэрофотосъемке, удалось выявить серию чрезвычайно крупных поселений, сосредоточенных главным образом в лесостепных районах между Бугом и Днепром: Майданецкое – 200 га, Доброводы – 250, Тальянки – 400, Веселый Кут – 150, Мирополье – 200, Косеновка – 70, Чичиркозовка – 60, Оноприевка – 60, Пьянишково – 60 га. Активные исследования этого региона начались уже в начале 1970-х, когда при разведке стали применяться геомагнитные методы (Шмаглий, 1980. С. 198–203; Відейко, 2002. С. 18–21). Последние позволяли уже судить о порядке расположения домов, местонахождении сельскохозяйственных угодий, а также более точно представлять общий план этих гигантских поселений.

Начиная со второй половины V тыс. до н.э. размеры поселков возрастают: от Триполья А (20–60 га) до Триполья В (150 га). Наиболее крупные поселения, как, например, Майданецкое и Тальянки, датируются временем Триполья В2–С1 (Шмаглий, 1980. С. 199), или же последней четвертью V–первыми веками IV тыс. до н.э. В целом период существования таких огромных поселков охватывает больше половины тысячелетия – с 4200 по 3500 до н.э. (Videiko, 1995. S. 53; Черных и др., 2000. С. 57–59; Відейко, 2002. С. 31). Согласно размерам можно выделять три типа селищ: 1) очень крупные площадью от 100 до 400 га, 2) средние – от 20 до 60 га и 3) малые – от 2 до 10 га.

Поселения эти, конечно же, не могут не поражать своими размерами – ведь они превосходят по площади даже ранние города-государства Шумера. Да и по возрасту они древнее последних более чем на пять столетий. С другой стороны, данных о специализации и внутренней социальной организации этих трипольских селищ несравненно меньше, и потому я не стану именовать их "городами" или даже относить их к "прото-городской формации".

Практически все раскопанные на них жилища известны нам по памятникам Майданецкое, Тальянки и Веселый Кут. Раскопки этих сооружений и изучение находок из них – особенно керамики – дают археологам основание для вывода, что большинство гигантских поселений прошли две фазы развития. Первоначально сооружались по существу связанные или даже сцепленные друг с другом и весьма протяженные цепочки жилищ

[1] Вторая статья планируется к публикации в следующем номере журнала.

Рис. 1. План Майданецкого поселения по данным аэрофото – и магнитосъемки. *1* – глинобитные площадки, *2* – контуры площадок, *3* – курган, *4* – вода. Сторона квадрата равна 100 м (по: Шмаглий, 1980. С. 200).

в виде двух-трех концентрических овальных колец (рис. 1; см.: Шмаглий, 1980. С. 200; Відейко, 2002. С. 71). Финальная фаза характеризовалась кустами беспорядочно расположенных домов уже в пределах упомянутых колец (рис. 2; см.: Шмаглий, Видейко, 1990). Керамические комплексы незначительно различаются внутри каждого из поселений, и это служит дополнительным подтверждением, что все они заселялись почти одновременно – за относительно короткий период времени, возможно, менее чем за столетие. Уход жителей с поселения был обусловлен мощным пожаром.

Дома имели прямоугольную форму (20–30 м длиной, 6–10 шириной), и, возможно, стояли на деревянных сваях. Предполагается, что большинство из жилищ имели два строительных уровня. Помещения для жилья, очаги и лежанки находились в верхнем ярусе; кухни, мастерские, а также стойла (?) для животных располагались в ярусе нижнем. Археологи заключают, что "встроенные" в протяженные и кольцевидные звенья строительных "овалов" дома могли быть тесно связаны друг с другом (Шмаглій, Відейко, 1993. С. 138–141; Видейко, 2002. С. 62, 66, 68). Таким образом могли создаваться сепаратные овально-кольцевые системы заграждений – своеобразные загоны для многочисленных стад животных (рис. 3).

В таком случае может получить объяснение факт отсутствия построек в ограниченном овалом центре наиболее крупного поселения Тальянки – ведь эти круговые звенья оконтуривали огромное пустое пространство примерной площадью в 60 га. Два сформированных связанными сооружениями "овала" в Тальянках отделялись друг от друга также незастроенной полосой шириной от 70 до 100 м. Внутри малого эллипса радиальные линии построек устремлялись по направлению к центру поселка (рис. 1). Длинные сопряженные звенья домов не представляли, однако, какой-либо системы укреплений. Все утверждения о существовавших здесь сложных фортификационных сооружениях иллюзорны и восходят к мифу о вторжении с востока скотоводов-кочевников курганных культур.

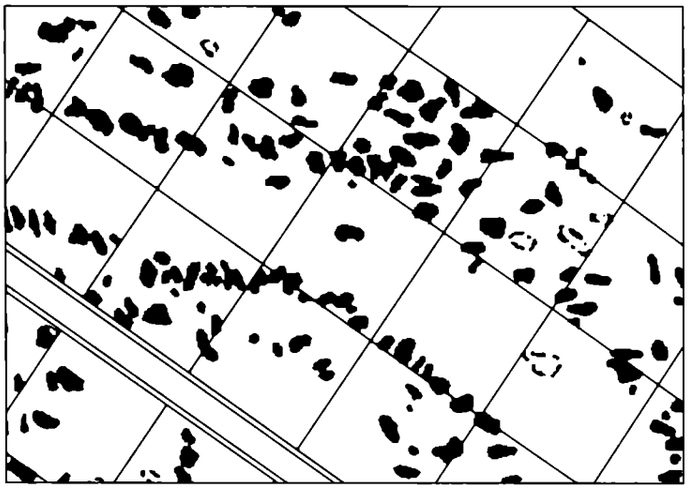


Рис. 2. Блок беспорядочно расположенных жилых глинобитных площадок на поселении Майданецкое (по: Шмаглий, Видейко, 1990).

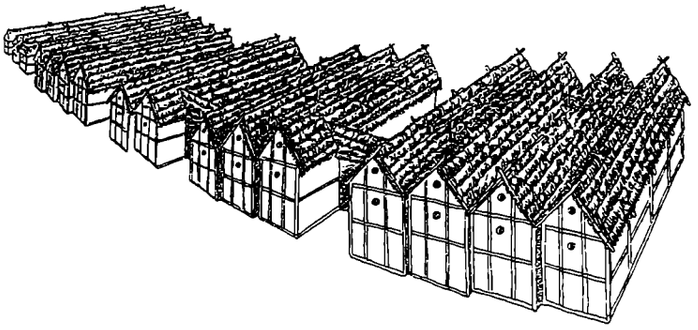


Рис. 3. Реконструкция расположения взаимосвязанных звеньев построек на поселении Майданецкое (по: Шмаглій, Відейко, 1993, Рис. 2).

В некоторых домах на глиняной обмазке стен сохранились следы росписи. Скорее всего, эти постройки имели отношение к помещениям общественного характера. Таков, например, комплекс "М" на Майданецком – самое крупное из исследованных здесь сооружений (336 м^2) с обильно декорированными стенами. Однако более трех четвертей всех изученных жилых домов однотипны, у них отмечаются лишь сравнительно небольшие отклонения по форме и размеру (60–120 м^2). М.Ю. Видейко полагает, что в основном сооружались двухъярусные дома; примерно десятая их доля приходилась на жилые сооружения гораздо больших размеров – до 270 и даже 400 м^2. Правда, нужно иметь в виду, что у гигантских поселков многие их "пустые" зоны, равно как и центральные части, остаются на сегодняшний день еще не изученными. Следовательно, изложенная здесь интерпретация структуры поселения может потребовать существенных корректив.

Однако в любом случае следует признать, что в системе культуры Кукутень–Триполье имели место колоссальные неукрепленные поселения, где практически отсутствовали явные признаки внутреннего социального расслоения. Раскопки в Майданецком также показали, что из всего числа исследованных построек лишь две трети служили жилыми помещениями. Данное наблюдение должно повести к заключению о необходимости уменьшения при демографических расчетах предполагаемого числа населения на подобных селищах по крайней мере на одну треть. По внешнему облику и своим размерам дома, вскрытые на меньших по размеру, но одновременных поселениях, весьма сходны с теми, что выявлены на гигантских поселках.

В округе каждого из гигантских селищ, равной примерно от 3 до 10 км, располагались и более мелкие поселения. Среди последних чаще всего встречаются одно-два поселения среднего размера и/или два-три малых (Videiko, 1995. С. 66). Демографические реконструкции базируются на допущении, что семья в 5–7 человек занимала один дом. Группы возможных родственников могли заселять до 20 домов, где обитали около 100–140 человек. Возможно, что на Тальянках с предполагаемыми там 2700 домами могли обитать более чем 15 000 человек. При учете малых, окружавших Тальянки селищ общая численность населения микрорайона, возможно, достигала 30 000 человек (Videiko, 1995. С. 72). Конечно, подсчеты такого рода нужно считать весьма грубыми и предварительными. Однако вполне справедливым кажется заключение, что сравнительно ограниченный по площади лесостепной район между бассейнами Буга и среднего течения Днепра в конце V и начале IV тыс. до н.э. заселяли многие десятки тысяч людей.

Корректная реконструкция основного типа экономики гигантских городищ и их окружения кажется нам особенно важной. Культура Кукутень– Триполье унаследовала основной набор растений и одомашненных животных, которые распространились на Балканский полуостров с Ближнего Востока. Среди культивируемых растений это эммер, пшеница однозернянка и мягкая пшеница (*Triticum aestivum*), голый и очищенный ячмень, горох, вика, чечевица. Кроме того, на этих памятниках найдены следы окультуренных гречихи (*Fagopyrum esculentum*) и проса (*Panicum miliaceum*). Последняя культура особенно часто встречается в восточных районах в слоях гигантских городищ. Кроме того, здесь известны как дикий, так и культивируемый виноград (*Vitis vinifera*), хотя его культивация могла иметь место позже – уже в среднетрипольское время (Черныш, 1982. С. 235). Экстенсивную форму летних посевов пшеницы и ячменя разнообразили бобовыми, например горохом и чечевицей, которые могли выращиваться на окружающих гигантские поселения пойменных землях.

Из доместицированных животных следует назвать крупный рогатый скот, овцу, козу, и свинью. Из диких животных находят кости зубра, оленя, лося и лошади. Скотоводство, бесспорно, играло весьма важную роль в экономике этих гигантских селищ. В целом крупный рогатый скот являлся важнейшей частью стада домашних животных. Он служил не только источником мясной и молочной продукции. По всей вероятности, быки (волы) использовались у обитателей в качестве основной тягловой силы. Значительное количество свиней также поддерживалось на одном достаточно высоком уровне; в то же время овца и коза играли здесь второстепенную роль (Черныш, 1982. С. 234).

Примечательно, что количество и доля мелкого рогатого скота в экономике возрастали, судя по всему, на селищах, относящихся уже к усатовской культуре. Однако происходит это после краха культуры Кукутень–Триполье и оттока ее населения в открытые степи. В тот период скотоводство начинает играть ведущую роль в экономике, а влияние степных общностей на распадающиеся культуры местных земледельцев, а также на кавказские сообщества становится гораздо более существенным и заметным.

Второстепенная роль овцы и козы в общей экономике культуры Триполье–Кукутени могла дать основание утверждению о весьма ограниченном производстве шерстяных тканей. Имеются данные и о ткачестве, поскольку иногда встречаются детали веретена, а также более многочисленные находки таких деталей, которые интерпретируются в качестве грузил ткацкого станка. Использование шерсти доказывается находкой скрученной и смотанной клубком шерстяной нити, обнаруженной на поселении Яблона I времени Кукутени А-В (Monah D., Monah F., 1997. P. 71). Однако подобные свидетельства очень редки, так что некоторые археозоологи (Bolomey, El Susi, 2000. P. 172) на основании анализа фаунистических остатков из Дрэгушени даже ставят вопрос: был ли пригоден для прядения шерстный покров овец, разводимых населением этой культуры? Бесспорно, однако, что обнаруженное полотно было тканым. Впрочем, большое количество костяных инструментов для обработки шкур животных дает основание предположить, что одежда людей трипольской культуры обычно выделывалась из обработанной шкуры. Использование шерсти могло быть еще более ограниченным, поскольку здесь эта так называемая "вторичная" – по отношению к Югу – революция производящего хозяйства отличалась крайне экстенсивным характером в сфере скотоводства (Sherratt, 1981; 1983).

Как археологические, так и остеологические материалы позволяют думать, что охота и рыболовство всегда были важной, хотя и вспомогательной отраслью хозяйства в культуре Кукутень–Триполье. Высказывается также мнение, что значение охоты и рыболовства могло даже возрастать в период распада культуры (Черныш, 1982. С. 237).

Находка на селище Новые Русешты 1 крупных рогов лося с явно выраженными следами работы на их концах (Черныш, 1982. С. 243. Рис. 18) служит основанием для предположения об использовании тогда примитивного плуга или бороны для вспашки земли, уже слегка обработанной мотыгами. Реконструировались даже два типа борон изготовленные из рогов благородного оленя и лося (Monah D., Monah F., 1997. P. 80). Глиняная модель двух тянущих сани и запряженных с хомутами быков (?) известна на Майданецком, а следы воздействия хомута и упряжи зафиксированы на костях молодого вола с поселения Тальянки и других гигантских поселений (Videiko, 1995. S. 70. Fig. 68).

Трудно представить, каким образом была поставлена работа по обеспечению жизнедеятельности таких громадных поселений с их тысячами обитателей без использования тягловой силы рогатого скота и плужного земледелия (Videiko, 1995. S. 70). В некотором отношении становится понятным, что краткий период функционирования данных поселений предполагал исключительно экстенсивную форму ведения хозяйства. Скорее всего, для рекультивации почвы практиковалась частая смена полей, сопровождавшаяся выжиганием растительности, включая древесную. Такого рода гипотезы базируются на палинологических исследованиях. Однако подобная экологически деструктивная практика вела в реальности к уничтожению лесов и антропогенным кризисам окружающей среды. Кризисная ситуация могла разрастаться до крайне значимых факторов, приведших в середине IV тыс. до н.э. к распаду культуры Кукутень–Триполье и исходу жителей с некогда процветавших гигантских поселений.

Много перьев было поломано в стараниях объяснить гибель в конце V тыс. до н.э. невероятно богатых балканских энеолитических поселений круга Коджадермен–Гумельница–Караново IV, а позднее – и распада культуры Кукутень–Триполье на многочисленные региональные варианты или же посттрипольские группы памятников (Parzinger, 1998a. S. 465; 1998b). Можно говорить о двух основных теориях в попытках разрешить этот загадочный феномен. Первая из гипотез делает упор на сокрушительный для Кукутень–Триполья эффект продвижения на запад степных конных скотоводов (Lichardus, 1988; Lichardus, Vladar, 1996; Lichardus, Lichardus-Itten, 1998).

Теория передвижения конных кочевников с востока базируется по преимуществу на свиде-

тельстве об одомашнивании лошади, остатки которой происходят из слоев Дереивки, одновременных среднестоговскому пласту (Telegin, 1986). К этому аргументу прибавляют фиксацию частицы одежды на знаменитом "ритуальном" черепе жеребца, найденном на поселении (Anthony, Brown, 1991; Anthony, 1998). Полученная по кости черепа калиброванная радиоуглеродная дата по крайней мере на 1000 лет позднее и должна рассматриваться уже в контексте бронзового века (Levine, 1999. P.14. Tab. 2, *1*). Ныне это неопровержимо свидетельствует о смешении на этом поселении материалов ранних – энеолитических и поздних – уже эпохи бронзы, с которыми и связан череп лошади. По всей видимости, следуя заключениям М. Левин, надо считать заблуждением гипотезу о безусловном одомашнивании лошади в это время на материалах поселения Дереивка. Впрочем, другие скептики (см., например: Häusler, 1994; 1995) пришли к этому выводу даже до введения радиоуглеродной хронологии, не принимая всерьез культ лошади в энеолите на селище Дереивка или в Хвалынских могильниках на Волге.

Для поддержки гипотезы об инвазии людей с востока на запад гораздо более обоснованным кажется анализ формы каменных скипетров-жезлов с изображением животных и их распространения по югу Восточной Европы. Однако это скорее всего указывает на существование престижных предметов для обмена, нежели служит доказательством такой миграции. Если кто-то попытается объяснить крах связанных с Варной культур в качестве результата нашествия с востока, то столкнется с необходимостью объяснять формирование гигантских поселений трипольской культуры, что совпадало со временем воображаемой миграции степняков (Videiko, 1995. S. 73).

Вторая теория, развиваемая по преимуществу Х. Тодоровой (см., например: Todorova, 1993; 1998), ставит во главу угла уже мощные климатические изменения, приведшие к аридизации обширных регионов – первоначально Анатолии и Эгеи, затем Северных Балкан, наконец, Румынии и Западной Украины. Некоторые исследователи отмечают истощение легкодоступных медных рудников на Балканах, что приводит к поиску альтернативных источников, включая и более отдаленные районы Северо-Западной и Центральной Европы.

Модель, принимающая в качестве основной причины кризис окружающей среды, ведет нас в истинном направлении. Последовательность развития коллапса археологических культур с юго-запада на северо-восток связана с различными широтными зонами, которые были в разное время охвачены аридизацией климата, что отражалось также на изменении уровня моря.

Гигантские трипольские поселения погибли в огне. Сами пожары могли быть вполне сознательно вызваны самими обитателями, так как они покидали свои поселения вместе с соседними сельскохозяйственными угодьями (Kruc, 1994). Кроме того, кажется вполне правдоподобным, что племена медного века Юго-Восточной Европы воевали друг с другом. Авторы исследований этих объектов объясняют крах гигантских поселений внутренней конкуренцией и локальными войнами между различными группами культуры Кукутень–Триполья за раздел плодородных угодий (Шмаглий, Видейко, 1991. С. 55, 56; Videiko, 1995. S. 74), и подобная интерпретация вполне укладывается в модель кризиса окружающей среды. Однако непосредственные археологические свидетельства таких конфликтных ситуаций крайне ограничены. Пожар на поселениях может быть связан как с их исходом с поселений, так и особыми ритуальными целями, возможно для восстановления плодородия почв.

Вполне возможно предположить еще одну серьезную, хотя и побочную антропогенную причину кризиса окружающей среды. Например, функционирование лишь только одного такого гигантского поселения могло в существенной мере отразиться на уничтожении леса в том микрорайоне лесостепной зоны, где локализовалось само селище. Поскольку экономика племен Кукутень–Триполье являлась экстенсивной, то это, по всей вероятности, предполагало выжигание леса для подготовки новых полей с их периодической сменой, что обычно трактуется как подсечно-огневая система земледелия. Трипольцы обладали многочисленными стадами крупного рогатого скота и значительным количеством свиней, и их содержание могло иметь серьезные последствия для окружающей среды. Конечно, крайне необходимо иметь более ясные и подкрепляющие эти гипотезы данные, анализы пыльцы также подтверждают процессы изменения растительного покрова и уменьшения его биологического разнообразия (Videiko, 1995. S. 57, 70, 71). Экология евразийских степей отличается очевидной хрупкостью, и даже незначительные климатические изменения, правда, в разной степени отражаются как на открытой степной, так и на лесостепной и даже на лесной зонах (см. также: Parzinger, 1998a. S. 459). Следовательно, вполне вероятно, что разрабатываемая Х. Тодоровой модель кризиса окружающей среды неплохо соответствует археологическим данным.

Бесспорным является, однако, факт двух главных изменений. Во-первых, фиксируется отток населения в конце V тыс. до н.э. из северобалканских культур типа Караново VI–Варна и его последовательное, шаг за шагом, перемещение на северо-восток. Это событие совпало с кульминацией развития в недрах культуры Кукутень–Триполье громадных поселений. Во-вторых, ближе к концу первой половины IV тыс. до н.э. – крах по-

следних. Если все представленные выше демографические расчеты верны, то выявляется картина, когда десятки тысяч людей оказались вовлеченными в еще более экстенсивную, но уже мобильную экономику. Началось преобладание животноводства, где главную роль играл крупный рогатый скот при непрерывном возрастании роли коз и овец (Черныш, 1982. С. 237). Подобный уклад жизни обычно характеризуется как полукочевой. Г. Парцингер отмечал, что изменения на поселениях, в погребальных обрядах, а также в основах экономики были фундаментальными (Parzinger, 1998a. S. 464, 465). Тем самым получал оправдание термин "посттриполье", который относился к появившимся в то время новым региональным группам. Такие степные районы, как, например, нижнеднестровский заселяется усатовской посттрипольской группой (Археология ..., 1985. С. 224, 225), а следы домов на усатовских поселениях (скажем, Усатово-Большой Куяльник, Маяки) крайне иллюзорны. Сами поселения весьма проблематично идентифицировать даже как сезонные, вероятно, летние лагеря, несмотря на их размеры (до 5 га) и окружающие поселение рвы (Parzinger, 1998a. S. 466; Chernykh, 1992. P. 93). Сооружение таких рвов могло, конечно, преследовать ряд целей – например, использоваться и как оборонительное сооружение, и для ограждения и защиты своих стад.

В любом случае изменения со времен существования гигантских поселений следует считать весьма значительными. Оседлое земледельческое население меняет уклад своей жизни и переходит к более мобильному, пастушескому. Категории нашего анализа – являлись ли они строго археологическими подобно археологической культуре, или же они становились дериватом этнографических понятий, как, например, пастух-кочевник или же земледелец – в любом случае должны применяться достаточно гибко. Одни и те же люди могут приспособиться к новому укладу жизни и драматически изменить всю свою жизнь за короткий промежуток времени – даже в течение жизни одного человека, что подтверждается многочисленными этнографическими источниками (Barth, 1964; Beck, 1986). Земледельцы могли становиться скотоводами, или, что можно видеть по данным позднего бронзового века Центральной Азии, скотоводы могли становиться земледельцами, перенимая многие черты материальной культуры от своих соседей – земледельцев. Как земледельцы, так и скотоводы могли также заниматься металлургией либо иметь общий набор различных ремесел.

В любом случае археологическая, т.е. материальная, культура изменилась, применяясь к изменившимся условиям жизни. В это же время этнографическая культура – люди и их потомки – осталась прежней; просто они сменили свой образ жизни. Так, сменились даже ареалы посттрипольских культур. Но в то же время все их новые поселения по-прежнему располагаются западнее Днепра, тогда как ранние древнеямные курганы локализуются к востоку от него. В период позднеямной общности посттрипольские поселения исчезают, а в этих западных районах "ямные" скотоводы воздвигают свои курганы (Археология ..., 1985, С. 224, 225, 282, 283. Карты 7 и 8; см. также: Шмаглий, Видейко, 1991. С. 55, 56). Раннее появление курганных культур имело место намного восточнее, вытягиваясь по линии Волго-Уральского междуречья, и процесс этот восходил, видимо, к энеолиту и даже к ранним периодам – Мариуполь, Хвалынск и т.п. (Merpert, 1991). Параллельно перемещались и поселения – факт, который многими используется при доказательстве передвижения скотоводов древнеямной общности с востока на запад, по существу первой инвазии степных кочевников в зону оседлых земледельцев. Н.Я. Мерперт использует подобные факты, чтобы решительно исключить присутствие трипольского компонента в сложении древнеямной общности (Мерперт, 1974. С. 140).

Является ли это единственно возможной интерпретацией таких свидетельств? И что же произошло в реальности, когда скотоводы оккупировали все эти огромные пространства? Культуры древнеямной общности первоначально развивались в Восточной Украине и южнорусской степи. Однако при этом совершенно не обязательно, что они шаг за шагом захватывали территории своих западных соседей. Скорее даже потомки трипольских земледельцев начали постепенно приобщаться к образу жизни их восточных соседей-скотоводов, осваивая многое из их материальной культуры. Десятки тысяч трипольских земледельцев не просто исчезли, но трансформировались в пастухов и через какое-то время превзошли те народы, которые ранее приспособились к подвижному образу жизни. Ранняя, прогрессивная неолитическая экономика, распространявшаяся из Анатолии на Балканы, а затем шаг за шагом к северо-востоку – вплоть до Днепра, принципиально базировалось на земледелии. Затем, после кульминации развития и коллапса прежние земледельцы переходят к подвижному образу жизни, где экономика базируется уже на разведении крупного рогатого скота. Земледельцы становятся животноводами, что и отразилось на инновациях в их материальной культуре.

Кроме того, обратим внимание на два других взаимосвязанных аспекта. Во-первых, основные изменения в межкультурных отношениях также возникли где-то в середине IV тыс. до н.э., и эти перемены сильно отразились на культурах северопонтийских и восточно-евразийских степей. Передатировка обоих кавказских раннебронзовых пластов, связанных с майкопской и куро-аракской

культурами, ныне базируется не только на морфологических данных, но и на калиброванных ^{14}C датах (для Майкопа см.: Rassamakin, 1999. P. 163, 164; Черных и др., 2000. С. 74, 75; Резепкин, 1991; 1996; Трифонов, 1996; Lyonnet, 2000; для закавказских культур см.: Кавтарадзе, 1983; Kavtaradze, 1999; а также неполный и некалиброванный список – Kushnareva, 1997. P. 52).

Новая хронология заставляет думать, что появление обеих упомянутых культур следует относить ближе к середине IV тыс. до н.э., и не исключено, что это могло быть синхронным тому периоду, когда в Анатолии – на Среднем и Верхнем Евфрате появились урукские колонии. Подготовленная Е. Н. Черных и его сотрудниками сводка калиброванных радиоуглеродных датировок (Черных и др., 2000. С. 22) выявляет для середины IV тыс. до н.э. протяженный хронологический хиатус между поздним энеолитом и ранней бронзой (рис. 4). Вероятно потому, что майкопская и кура-араксская культуры проникают на Кавказ раньше, играя роль своеобразного моста в этой хронологической бреши. Появление кавказских культур раннебронзового времени означает радикальное изменение в производстве и обмене металлами в пределах единого и взаимосвязанного региона. Мышьяковые бронзы этого периода, большинство которых ныне восходит к кавказским производственным очагам, замещают те более ранние медные изделия, которые изначально были связаны с балканскими горно-металлургическими центрами (Chernykh, 1992; Pernicka et al., 1997). Такие изменения связей на громадных пространствах, все возрастающее значение производства металлов, появление этих раннебронзовых кавказских культур – все это, конечно же, в грубом приближении может быть увязано также с одновременным формированием в Северной Месопотамии, включая бассейн Верхнего Евфрата в Анатолии, крупного объединения культур. Причем последнее, в свою очередь, вписывалось в громадный Месопотамский мир с его активными передвижениями колонистов и торговцев из южной Месопотамии, т.е. тем, что ныне принято называть в литературе урукской экспансией (Algaze, 1993; Stein et al., 1996; Авилова и др., 1999).

Кроме того, приблизительно в тот же отрезок времени, или же в середине IV тыс. до н.э., появляются первые данные о колесном транспорте, который встречается в громадном взаимосвязанном регионе – от Северной Европы до Южной Месопотамии (Bakker et al., 1999). Точно установить по археологическим данным, в каком регионе и в какой период, или же к какой археологической культуре "привязать" первый колесный транспорт, фактически невозможно. Такая технология распространялась невероятно быстро, покрывая в короткое время огромную территорию. Впрочем, вопрос происхождения не кажется

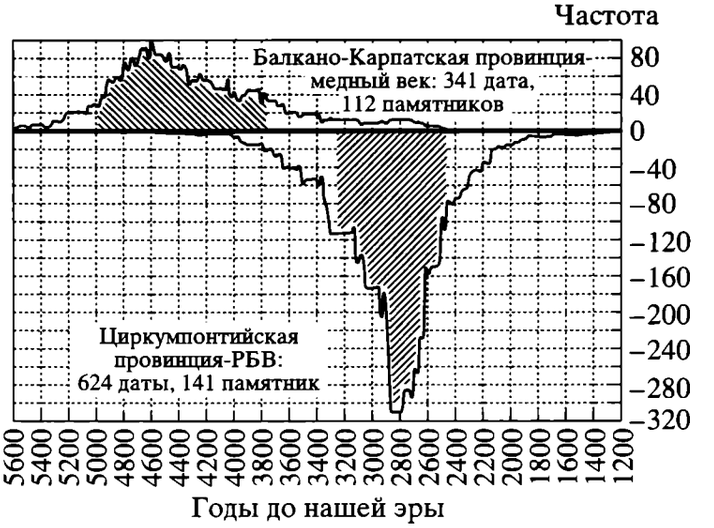


Рис. 4. Сопоставление сумм вероятностей радиоуглеродных датировок Балкано-Карпатской (медный век) и Циркумпонтийской (раннебронзовый век) металлургических провинций; заштрихованы зоны 68% вероятности (по: Черных и др., 2000. С. 22. Рис. 13).

столь важным на фоне феномена конвергенции. Перед нами почти синхронные данные раннего использования колесных средств передвижения, встречающиеся от Северной Германии и Южной Польши далее на юг – через Анатолию в Южную Месопотамию. Их начало восходит к 3500 гг. до н.э., т.е. сразу же вслед за крахом гигантских поселений Кукутень–Триполья. Глиняные модели повозок с колесами-дисками были найдены на поздне- (или же пост-) трипольском поселении Великая Слободка на Днестре. Два ранних еще доямных курганных погребения на Нижнем Дону (Колдыри, курган 14, погр. 7) и на Кубани (Новокорсунская, курган 2, погр. 18) содержали остатки деревянных повозок. Ю.М. Рассамакин полагает, что их появление в упомянутых регионах связано с миграцией или же сменой места постоянного обитания земледельческих групп (Rassamakin, 2002. P. 53). Другими словами, все это могло быть связано с коллапсом гигантских трипольских поселений, сменой культуры и переходом к подвижному образу жизни.

Колесный транспорт в этом взаимосвязанном регионе мог употребляться разными народами для разных целей или же в разных целях представителями даже одной культуры. Его могли использовать и во время военных действий, и в качестве торгового вида транспорта, например для перевозки полуфабрикатов металлических изделий либо руды. Этот транспорт способствовал переходу к новому и более мобильному укладу жизни, главным образом связанному с разведением крупного рогатого скота. Вскоре после первых находок колесного транспорта данные о его широком применении на западе евразийских степей появились при раскопках многочисленных курга-

нов, где были обнаружены колесные повозки с трехчастными деревянными колесами. А.Н. Гей подсчитал, что на сегодняшний день в этих степных регионах раскопаны более 250 погребений с колесными повозками, причем 115 из них находились в памятниках новотиторовской культуры Прикубанья (Гей, 2000. С. 176, 177. Рис. 6, 7). Эти повозки не являли собой изящные колесницы для военной аристократии, а были лишь тяжелыми громоздкими телегами "ковбоев", которые и представляли мобильную скотоводческую экономику бронзового века, фундаментально отличавшуюся от классического Евразийского номадизма, что позднее было подтверждено как историей, так и этнографией.

Открытие настоящей степи по ту сторону узких речных долин могло быть относительно быстрым процессом, как, например, утверждает Д. Энтони (Anthony, 1998). Но здесь нужно различать два последовательных периода или шага. Первый из них был сопряжен с использованием тяжелых, запряженных рогатым скотом колесных повозок и телег. Другой – начинался со второй половины III тыс. до н.э. и был ознаменован использованием лошади как для верховой езды, так и для транспортировки более легких повозок. Все это очень сильно влияло на мобильность кочевников, обитающих в степях от Южного Урала на востоке вплоть до Дуная на западе. Второй период, начиная с позднего среднебронзового века, убедительно документирован археологическими находками в виде дисковидных псалиев, обнаруженных сначала на востоке, а позднее и стержневидных псалиев в западных областях (Boroffka, 1998). Значительная по своему количеству концентрация подобных находок в лесостепной зоне бассейна Дона–Волги как будто указывает нам на исходный район таких изделий (Priakhin, Besedin, 1999. P. 40). Однако в генеральном смысле проблему происхождения всадничества, а также легких повозок, равно как колесного транспорта вообще, на базе данных археологических материалов решить нереально.

Будучи единожды постигнутой, технология могла распространяться столь стремительно, что локализация ее исходной точки по археологическим источникам оказывается непостижимой. Исключительно важно отметить, что это новшество почти немедленно переняли на всем пространстве евразийских степей, а затем эту технологию очень быстро узнали как на юге, так и на востоке. Однако подробное обсуждение этой проблемы уже выходит за рамки нашей статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авилова Л.И., Антонова Е.В., Тенейшвили Т.О. Металлургическое производство в южной зоне Циркумпонтийской металлургической провинции в эпоху ранней бронзы // РА. 1999. № 1.

Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985.

Відейко М.Ю. Трипільська цивілізація. Київ, 2002.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. М., 2000.

Кавтарадзе Г. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы волжско-уральского междуречья. М., 1974.

Резепкин А.Д. Культурно-хронологические аспекты происхождения и развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.

Резепкин А.Д. К проблеме соотношения хронологии культур эпохи энеолита–ранней бронзы Северного Кавказа и Триполья // Между Азией и Европой (Кавказ в IV–I тыс. до н.э.). К 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб., 1996.

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита–бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой (Кавказ в IV–I тыс. до н.э.). К 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб., 1996.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.

Черныш Е.К. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. Сер. Археология СССР. М., 1982.

Шмаглий Н.М. Крупные трипольские поселения в междуречье Днепра и Южного Буга // Первобытная археология – поиски и находки. Киев, 1980.

Шмаглий Н.М., Видейко М.Ю. Микрохронология поселения Майданецкое // Раннеземледельческие поселения-гиганты на территории Украины. Киев, 1990.

Шмаглий Н.М., Видейко М.Ю. Курганы и проблема исчезновения трипольских протогородов // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Тирасполь, 1991.

Шмаглій М.М., Відейко М.Ю. Дослідження Майданецького в 1991 році // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк, 1993.

Algaze G. The Uruk expansion: the dynamics of expansion of early Mesopotamian Civilisation. Chicago, 1993.

Anthony D.W. The opening of the Eurasian steppe at 2000 BCE // The Bronze and Early Iron Age peoples of eastern Central Asia. V. 1. Washington, 1998.

Anthony D.W., Brown D. The origins of horseback riding // Antiquity. 1991. № 65 (246).

Bakker J.A., Kruk J., Lanting A.E., Milisauskas S. The earliest evidence of wheeled vehicles in Europe and the Near East // Antiquity. 1999. № 73 (282).

Barth F. Nomads of South Persia: the Basseri tribe of the Khamseh confederacy. Oslo, 1964.

Beck L. The Qashga'i of Iran. New Haven, 1986.

Bolomey A., El Susi G. The animals // Draguseni: a cucutenian community. Bucharest, 2000.

Boroffka N. Bronze- und früheisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen. Alte Funde aus dem Museum für Geschichte Aiud Teil 2 // Eurasia Antiqua. 1998. № 4.

Chernykh E.N. Ancient metallurgy in the USSR. Cambridge, 1992.

Häusler A. Archäologische Zeugnisse für Pferd und Wagen in Ost- und Mitteleuropa // Die Indogermanen und das Pferd. Festschr. Bernfried Schlerath. Budapest, 1994.

Häusler A. Die Entstehung des Äneolithikums und die nordpontischen Steppenkulturen: Bemerkungen zu einer neuen Hypothese // Germania. 1995. № 73.

Kavtaradze G. The importance of metallurgical data for the formation of central Transcaucasian chronology // Anschnitt, Beiheft 9. The beginnings of metallurgy / Eds A. Hauptmannand, E. Pernicka, T. Rehren, Ue.Yalçin. Bochum, 1999.

Kruc W.A. 'Osiedla-giganty' oraz niekotóre problemy demograficzne kultury Trypolskiej // Archeologia Polski. 1994. № XXXIX (1–2).

Kushnareva K.Kh. The Southern Caucasus in Prehistory: stages of cultural and socioeconomic development from the eighth to the second millennium B.C. Philadelphia, 1997.

Levine M. Origins of horse husbandry // Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe. Cambridge, 1999.

Lichardus J. Der Westpontische Raum und die Anfänge der kupferzeitlichen Zivilisation // Macht, Herrschaft und Gold: Das Gräberfeld von Varna (Bulgarien) und Anfänge einer neuen europäischen Zivilisation. Saarbrücken, 1988.

Lichardus J., Lichardus-Itten M. Nordpontische Gruppen und ihre westlichen Nachbarn. Ein Beitrag zur Entstehung der frühen Kupferzeit Alteuropas // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe: Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchrhistlichen Metallzeiten (4000–500 v. Chr.). München, 1998.

Lichardus. J., *Vladár J.* Karpatenbecken-Sintasta-Mykene: ein Beitrag zur Definition der Bronzezeit als historischer Epoche // Slovenská Archeológia. 1996. XLIV–1.

Lyonnet B. La Mésopotamie et le Caucase du Nord au IVe et au debut du IIIe millnaires av. n.è.: leurs rapports et les problèmes chronologiques de la culture de Majkop. Etat de la question et nouvelles propositions // Chronologies des Pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVe–IIIe Millenaires. Paris, 2000.

Merpert, N.Ya. Die neolitisch-äneolitischen Denkmäler der pontisch-kaspischen Steppen und der Formierungsprozeß der frühen Grubengrabkultur // Die Kupferzeit als historische Epoche. T. 1. Nord-und Westpontischer Raum, 1991.

Monah D., Monah F. Cucuteni: the last great Chalcolithic civilization of Europe. Bucharest, 1997.

Parzinger H. Kulturverhältnisse in der eurasischen Steppe während der Bronzezeit // Hänsel B. Mensch und Umwelt in der Bronzezeit Europas. Kiel, 1998a.

Parzinger H. Der nordpontische Raum und das untere Donaugebiet in der späten Kupferzeit: das Ende des Kodzadermen-Gumelnita-Karanovo VI-Verbandes und die Cernavoda I-Kultur // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe: Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchrhistlichen Metallzeiten (4000–500 v. Chr.). München, 1998b.

Pernicka E., Begemann F., Schmitt-Strecker S. et al. Prehistoric copper in Bulgaria. Its composition and provenance // Eurasia Antiqua. 1997. № 3.

Priakhin A.D., Besedin V.I. The horse bridle of the Middle Bronze Age in the East European forest-steppe and the steppe // Anthropology and Archeology of Eurasia. 1999. № 38 (1).

Rassamakin Yu. The Eneolithic of the Black Sea steppe: dynamics of cultural and economic development 4500–2300 BC // Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe. Cambridge, 1999.

Rassamakin Yu. Aspects of Pontic Steppe Development (4550–3000 BC) in the Light of the New Cultural Chronological Model // Ancient interactions: east and west. Cambridge, 2002.

Sherratt A.G. Plough and pastoralism: aspects of the Secondary Products Revolution // Patterns of the Past: studies in honour of David Clark. Cambridge, 1981.

Sherratt A.G. The secondary exploitation of animals in the Old World // World Archaeology. 1983. № 15.

Stein G.J., Bernbeck R., Coursey C. et al. Uruk colonies and Anatolian communities: an interim report on the 1992–1993 excavations at Hacinebi, Turkey // AJA. 1996. № 100 (2).

Telegin D.Ya. Dereivka: a settlement and cemetery of Copper Age horse-keepers on the Middle Dniepr // BAR. Oxford, 1986.

Todorova H. Die Protobronzezeit auf der Balkanhalbinsel // Anatolica. 1993. Bd. XIX.

Todorova H. Der balkano-anatolische Kulturbereich vom Neolithikum bis zur Frühbronzezeit // James Harvey Gaul: In Memoriam / Eds M. Stefanovich, H. Todorova, H. Hauptmann. Sofia, 1998.

Videiko M.Y. Grosssiedlungen der Tripol'e Kultur in der Ukraine // Eurasia Antiqua. 1995. № 1.

Modelling cultural transformations: From settled agriculture to mobile herding (Tripol'ye and Early Kurgan communities)

Ph. L. Kohl

Summary

This article reviews the nature and collapse of the gigantic Cucuteni-Tripol'ye settlements in central Ukraine during the first half of the IVth millennium BC. The relatively numerous inhabitants of these settlements practiced an extensive form of cereal cultivation and the herding, principally, of cattle. Over time, these settlers relied more on animal husbandry and adopted a more mobile economy, developing a unique form of Bronze Age pastoral nomadism, focused on cattle and the use of oxen-driven wagons. As they changed their way of life, their material culture changed and resembled that of the early Pit-grave cultures developing farther east. Agriculturalists became nomads, but these Bronze Age nomads qualitatively differed from those recorded historically and ethnographically on the western Eurasian steppes.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 104–113

ДИСКУССИИ

ФЕНОМЕН ЗОЛЬНИКОВ БЕЛОГРУДОВСКОГО ТИПА

© 2004 г. Я. П. Гершкович

Институт археологии НАН Украины, Киев

Краткая история изучения. Противоречия существующих трактовок. В конце XIX–первой четверти XX в. сперва в лесостепи, а потом и в степной зоне Северного Причерноморья (Добровольский, 1925. С. 78, 79) были выявлены необычные всхолмления, по размерам и форме напоминающие невысокие курганы. Из-за присутствия в их насыпях грунта светло-серого, т.е. пепельного или зольного цвета, их стали называть "зольники". В лесостепном Днепровском Правобережье была установлена их связь с белогрудовской культурой эпохи поздней бронзы (Березанская, Титенко, 1952; Березанська, Тітенко, 1954), и С.С. Березанская ввела термин "зольники белогрудовского типа", применив его и к подобным всхолмлениям культур Ноа, сабатиновской и скифским (Березанська, 1970. С. 23; 1982. С.168; 1987. С.118).

Зольники, как и поселения, курганы, грунтовые могильники, представляют собой особый вид археологических памятников. Но если появление поселений в результате производственно-бытовой деятельности, а курганов и грунтовых могильников – культовой и ритуальной, никогда не ставились под сомнение, если античные зольники, по свидетельству древних авторов, служили для ссыпки золы из очагов и совершения различного рода жертвоприношений, то применительно к зольникам белогрудовского типа такой определенности никогда не существовало. Очень часто упоминается вывод В.А. Городцова о них как местах на поселениях, куда долгое время сбрасывали золу и кухонные отбросы (Мелюкова, 1961. С.14; Русанова, 2002. С. 106; Sava, 1998. S. 272), но забывают, что он же отмечал их возможную связь с постройками (Городцов, 1911. С. 149, 150). Получило распространение мнение, будто бы В.В. Хвойко, а затем и Т.С. Пассек считали зольники погребениями с трупосожжениями (Русанова, 2002. С. 106), но в действительности В.В. Хвойко, описав на одном из скифских городищ Среднего Поднепровья "насыпные бугры ..., напоминающие расплывшиеся курганы", сути зольников не касался (Хвойко, 1905. С. 94), а Т.С. Пассек, называя курганообразные всхолмления в Белогрудовском лесу "могилами", на их безусловную связь с трупосожжениями не указывала (Пассек, 1949. С. 227–230). Е.И. Крупнов приписал И.И. Ляпушкину вывод о культовом характере скифских зольников (Крупнов, 1960. С. 169), на что последовала вполне понятная негативная реакция последнего, так как он усматривал и производственно-бытовые причины их появления (Ляпушкин, 1961. С. 35).

Культовую трактовку зольников белогрудовского типа многие исследователи подтверждают многочисленными историческими и этнографическими примерами особого отношения различных народов к солнцу, огню, домашнему очагу (Шрамко, 1957. С. 194, 197; Артамонов, 1947. С. 134; Балагурі, 1964. С. 135–146; Березанская, 1982. С. 171; Кузьмина, 1986. С. 198; 1994. С. 98, 269), учитывается и их внешнее сходство с античными. Наибольшее же количество археологических фактов для такого вывода неоднократно приводила С.С. Березанская (Березанская, 1982. С. 174; 1987. С. 118, 120). Она указывала на их расположение вдали от воды, рассредоточение один от другого, отсутствие культурного слоя в верхней части и его резкое исчезновение за пределами всхолмлений, фрагментированность керамики, небольшое количество костяных и кремневых изделий и многочисленные миниатюрные сосуды, пряслица, глиняные "хлебцы" и другие поделки из глины и т.п. Остатки ям и отопительных конструкций связывались ею исключительно с приготовлением жертвенной пищи и жертвоприношениями (Березанская, 1982. С. 168). В отличиях зольников позднего бронзового–раннего железного века от жилищ не сомневался и Б.А. Рыбаков (Рыбаков, 1981. С. 306, 312–316). И.П. Русанова указывала на культовое назначение зольников скифского времени и на их связь с античными и с зольниками-святилищами (по С.С. Березанской) эпохи бронзы (Русанова, 2002. С. 113).

Нельзя не признать эффектность культовых трактовок, но имеющиеся археологические факты все-таки не однозначны. Не случайно А.И. Тереножкин всхолмления в Синицком лесу возле Умани считал остатками жилищ (Тереножкін, 1951. С.173, 174), перечислив для этого ряд признаков, упомянутых и С.С. Березанской.

В зольниках культуры Ноа румынские археологи, как и А.И. Тереножкин для белогрудовских, усматривают остатки наземных жилищ (Петреску-Дымбовица, 1960. С.141; Petrescu-Dâmboviţa, 1953. S. 450; Florescu, 1964. S. 191, 192, 203, 204;

Cavruk, 1996. S. 69). Но, по А.И. Мелюковой, эти зольники отличаются от белогрудовских отсутствием наслоений и подсыпок, расположением на самих поселениях, а остатки жилищ под ними непосредственно с формированием насыпей не связываются (Мелюкова, 1960. С. 130, 131; 1961, С. 12–15). Она и Г.И. Смирнова, а в последнее время и Е.Н. Савва предполагают постепенное "вырастание" всхолмлений вследствие выброса в одном месте золы из жилищ, расположенных где-то рядом (Смирнова, 1969. С. 13, 14; Sava, 2003. S. 21).

Существуют и менее конкретные постановки исходного вопроса. К их числу следует отнести известную формулировку Б.А. Рыбакова: "Так что же представляют собой зольники – жилые бугры или священную помойку?" (Рыбаков, 1981. С. 306). Неточность здесь в том, что бугры сами по себе не могли быть жилыми, а помойка – священной, да и вообще бугор – это современный вид зольника, а "помойка" – крайне упрощенное обозначение всего комплекса находок в нем. В целом на сегодняшний день мы должны констатировать, что традиционные представления о доантичных зольниках как об исключительно культовых объектах уже давно вошли в противоречие с археологическими фактами, но и связь их с жилищами требует объяснения.

Сабатиновские зольники. Сопоставление зольников белогрудовского типа с античными. Автор настоящей статьи столкнулся с рассматриваемой проблемой в 1981 г. во время раскопок на левобережье Нижнего Поднепровья у с. Новокиевка Каланчакского р-на Херсонской обл. Здесь на краю пологой широкой безводной балки, невдалеке от курганов, находились невысокие слабо различимые всхолмления размером 20 × 30 м, высотой до 0.4 м от современной поверхности (рис. 1, *1*). В них присутствовал светло-серый культурный слой с преобладанием находок в нижней части. За всхолмлениями культурный слой исчезал, а почва отличалась большой плотностью. На участке раскопа II (рис. 1, *3*) установлено скопление находок возле очагов на местах наземных жилищ. Следовательно, мы посчитали возможным рассматривать каждое из всхолмлений как отдельный жилищно-бытовой модуль – нечто вроде усадьбы или подворья из 6–8 построек и хозяйственных ям-погребов (рис. 1, *2*) (Гершкович, 1997. С. 11–15; Gerškovič, 1999. S. 43–45).

В пределах этих модулей были обнаружены скопления глиняных вальков ("хлебцев") различной формы и фигурки животных в специальных неглубоких ямках, в верхней части заполнений больших ям и на полу возле очагов, т.е. при таких условиях, в которых они в виде скоплений не могли сохраниться, если бы жизнь и в самом жилище, и на подворье продолжалась. Фрагменты от одних и тех же сосудов иногда залегали там же, но, кроме этого, и на разных глубинах культурного слоя, что может быть связано с преднамеренным разбиванием сосудов и, кстати, доказывает синхронность засыпки хотя бы части ям с образованием всхолмления. Находки в ямах кусков стенок глинобитных печей и глиняной обмазки с отпечатками прутьев – свидетельства целенаправленной разборки жилищ и хозяйственных построек. В культурном слое и внутри ям встречаются отдельные кости и черепа людей (Gerškovič, 1999. Taf. 28, *7*); производственный инвентарь имеет значительную степень износа или фрагментирован; на полу одного из жилищ, возле очага, обнаружены лежащие кучкой полностью сработанные каменные литейные формы (Gerškovič, 1999. Taf. 39–43; 44, *4–7*) – "захоронение" непригодного для дальнейшего использования инструментария (Черных, 1976. С. 173), ранее представлявшего большую ценность.

Подобные находки связаны с сакрализацией жилищ и жилого пространства (Байбурин, 1983. С. 3–22). На это указывают многочисленные этнографические и исторические примеры.

У кельтов разбивание сосудов символизировало переход в другое состояние и последующее возрождение (Русанова, 2002. С. 44). По урало-сибирским этнографическим материалам, преднамеренная ломка сосуда является одной из форм связи с Нижним Миром (Косарев, 1984. С. 221). В античное время захоронение частей сосудов осуществлялось во время обряда эпиботрии (Буйских, 2001), в ботросах на Западном теменосе Ольвии найдены вотивы из распиленных калиптеров с графическим изображением дома, алтаря и храма (Русяева, 1990. С. 149). Глиняные хлебцы могут представлять собой своеобразные модели пшеничных или ячменных лепешек (именно эти виды злаков определенно культивировались в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы). И.П. Русанова отмечала, что в Британии сохранился кельтский обычай на рождество выпекать круглые булочки, которые сохранялись в течение всего года и, по поверьям, предохраняли дом от огня, нечистой силы и болезней (Русанова, 2002. С. 45). Хетты приносили дары богам в виде глиняных антропоморфных и зооморфных фигур, а также хлеба – в виде глиняных лепешек (Sava, 2003. S. 24). В нашем случае характерной чертой таких предметов является чрезвычайно большая ломкость из-за обильных растительных примесей и плохого обжига, поэтому вряд ли можно говорить об их длительном использовании и многократном повторении того обряда, для которого они предназначались.

Что же касается костей или скелетов людей, то нет данных в пользу их асинхронности по отношению к другим находкам. В зольнике № 3 в Гинде-

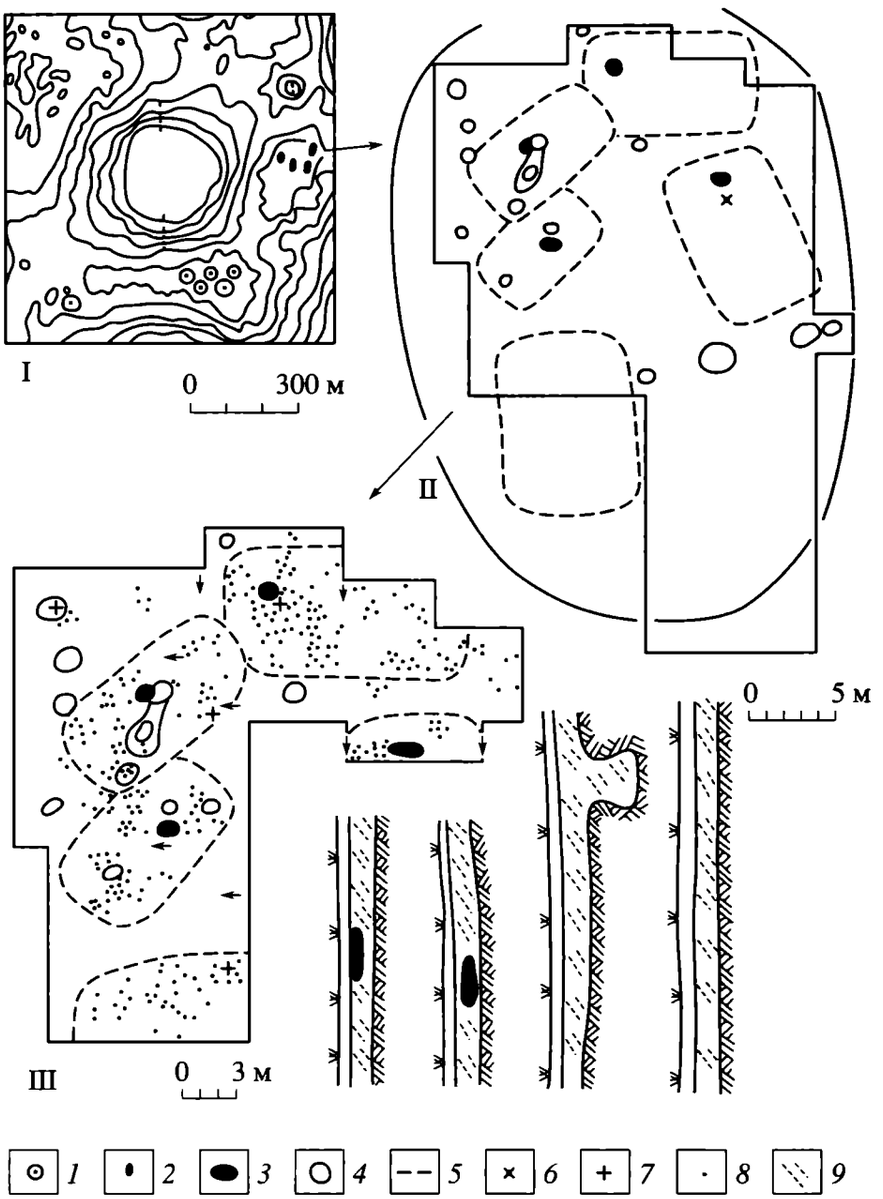


Рис. 1. Курганообразные всхолмления (зольники) Новокиевского поселения. I – Общий план поселения; II – общий план объектов под всхолмлением; III – участок всхолмления, на котором производилась фиксация всех находок, и разрезы. *1* – курганы; *2* – курганообразные всхолмления; *3* – очаги; *4* – хозяйственные ямы; *5* – реконструируемые контуры жилищ; *6* – место обнаружения каменных литейных форм; *7* – находки скоплений глиняных вальков ("хлебцев"); *8* – прочие находки (камень, кость, фрагменты сосудов); *9* – светло-серый грунт (культурный слой всхолмлений).

штах погребение человека находилось внутри насыпи (Мелюкова, 1961. С. 9), т.е. было совершено на стадии ее возведения. Возможно, это был один из жителей, умерший или, скорее, убитый при завершении функционирования подворья, так как связь обрядов убийства людей с аграрными культами и жилищной сферой также подтверждается этнографическими данными (Велецкая, 1978. С. 53, 163, 164).

Итак, новокиевские курганобразные всхолмления, являющиеся зольниками белогрудовского типа, возникли на месте жилищ, "захороненных" вместе с вышедшим из употребления инвентарем на заключительной стадии существования подворья в результате обряда, который известен этнографам как "обряд оставления жилища" (Байбурин, 1993). Этим они принципиально отличаются от античных зольных жертвенников или, согласно аттической терминологии, эсхар (Павсаний, 1994. V, XIII, 8, 9).

Сомнений в последовательном длительном формировании античных зольников нет, поэтому их стратиграфические разрезы показывают, как должна выглядеть структура постоянно и долго функционирующих святилищ. В Мирмекии для них установлена "... мелкослоистая структура, образуемая *перемежающимися* (*курсив мой.* – Я.Г.) пластами зольных и глинистых отложений, обиль-

но насыщенных вещевым материалом" (Гайдукевич, 1987. С. 71. Рис. 106), то же характерно и для сравнительно небольших жертвенников (Носова, 2002. С. 63). Подобных многочисленных пластов в зольниках белогрудовского типа нет, а их слоистость представляет собой залегание грунта светло-серого цвета и гумуса единой линзой внутри насыпи (Березанская, 1982. Рис. 65) – бесспорное свидетельство однократного единовременного отложения[1]. В зольнике – святилище Ахилла на Бейкушском мысу, в отличие от жилищ, нет целых сосудов, а остеологический материал представлен в основном костями молодых животных (Буйских, 2001. С. 38), тогда как в зольниках белогрудовского типа находки целых сосудов или их развалов отнюдь не редки и представлен широкий спектр костей домашних и диких животных, что было известно еще после работ В.А. Городцова (1911. С. 152).

Для объяснения характера зольников белогрудовского типа как особого типа археологических памятников необходимо совмещение аргументов как сторонников культовой их трактовки, так и производственно-бытовой. Решения по принципу "или–или" достичь невозможно, как бы нас или мы сами себя в этом не убеждали.

На поселениях "пепельный" или светло-серый цвет могут иметь почвы, формировавшиеся в условиях повышенной или умеренной увлажненности, а в обычных курганах подобные прослойки на уровне древнего горизонта образовывались в результате естественного процесса перегнивания травяного покрова, перекрытого насыпями. Остается лишь теоретическая возможность включения в состав почвы золы или пепла в условиях долго функционирующего комплекса – и производственно-бытового, и культового, но даже в этом случае они не были основным компонентом рассматриваемых всхолмлений. Например, объект, исследованный А.И. Тереножкиным в Синицком лесу, состоял в основном из чернозема и суглинка (Тереножкін, 1951. С. 174); в Собковке "чернозем с подзолом" был приурочен лишь к участкам обожженной глины (очагам) (Березанская, 1982. Рис. 63–65); мощные светло-серые прослойки отсутствовали в Славутском зольнике (Березанська, Пясецький, 1978. С. 49).

Схема формирования зольников белогрудовского типа. Учитывая все имеющиеся данные, автор уже выдвигал гипотезу формирования курганобразных всхолмлений эпохи поздней бронзы (зольников белогрудовского типа) (Гершкович, 1993. С. 4, 5; 1997. С. 13, 14; Gerškovič, 1999. S.43, 45). Сейчас представим ее в виде схемы из нескольких этапов (рис. 2)[2].

Первый этап – возникновение подворья (рис. 2, *1*). На определенном участке сооружается жилище или группа жилищ и хозяйственных построек. Выбранная под застройку площадка могла ограждаться – на поселениях культуры Ноа Старые Рошиетичи, Гиндешти, Островце (Мелюкова, 1961. С. 10; 1960. С. 131; Балагурі, 1964. С. 54–56) сохранились остатки оград из камней, а в Адамовке – что-то вроде плетня (Березанська, 1970. С. 21). Бытовая или производственная зона усадьбы была значительно шире площади сосредоточения входящих в нее жилищ[3].

Второй этап – функционирование подворья (рис. 2, *2*). Хозяйственно-бытовые остатки постепенно накапливаются на уровне древней дневной поверхности, обусловив преобладание находок в нижней части будущих всхолмлений. За пределами подворья накопление слоя не происходит, что объясняет такую отмеченную многими исследователями особенность, как отсутствие или малое количество находок между зольниками в пределах одного поселения (Балагурі, 1968. С. 142; Березанская, Титенко, 1952. С. 79; Березанська, 1970. С. 20, 27; Мелюкова, 1961. С. 12, 14; Смирнова, 1969. С. 10; Florescu, 1964. S. 203).

Третий этап – завершение функционирования подворья (рис. 2, 3). При необходимости устройства жилищ на новом участке старые разбираются, отдельные их детали сбрасываются в пустые хозяйственные ямы, но при этом на полу возле очагов укладываются кучки глиняных вальков и фигурки животных, разбиваются сосуды, совершаются захоронения людей или частей их тела, оставляется непригодный для дальнейшего использования производственный инвентарь, определенным образом размещаются черепа животных и т.п.

Четвертый этап – образование первичного всхолмления (рис. 2, *4*). Накопившийся в пределах ограды или жилищно-бытовой зоны мусор и грунт культурного слоя намеренно перемещается от краев к центру, чтобы оставляемые жилища были им полностью прикрыты. Включение суглинка в состав возникшего в результате таких операций первичного всхолмления связано со снятием почвы по краям бытовой зоны до основания, вследствие чего мог частично задеваться подстилающий предматериковый грунт.

Пятый этап – образование нынешнего вида всхолмления и "зольного" грунта (рис. 2, *5*). Под

[1] Единственный известный мне случай залегания "золы с углями" выше очагов внутри "чернозема с подзолом" зафиксирован С.С. Березанской в зольнике № 6 в Собковке (Березанская, 1982. Рис. 63). В этом случае слой золы и угля нужно, вероятно, рассматривать как конструктивную деталь, возникшую в ходе образования первичной насыпи.

[2] На рис. 2 все объекты внемасштабны и условны, поскольку нас интересует лишь принципиальная схема формирования всхолмления.

[3] Если бы ограда непосредственно подходила к жилищам, как мы считали ранее (Гершкович, 1997. С.13), грунта для засыпки жилищ и образования всхолмления не хватило бы.

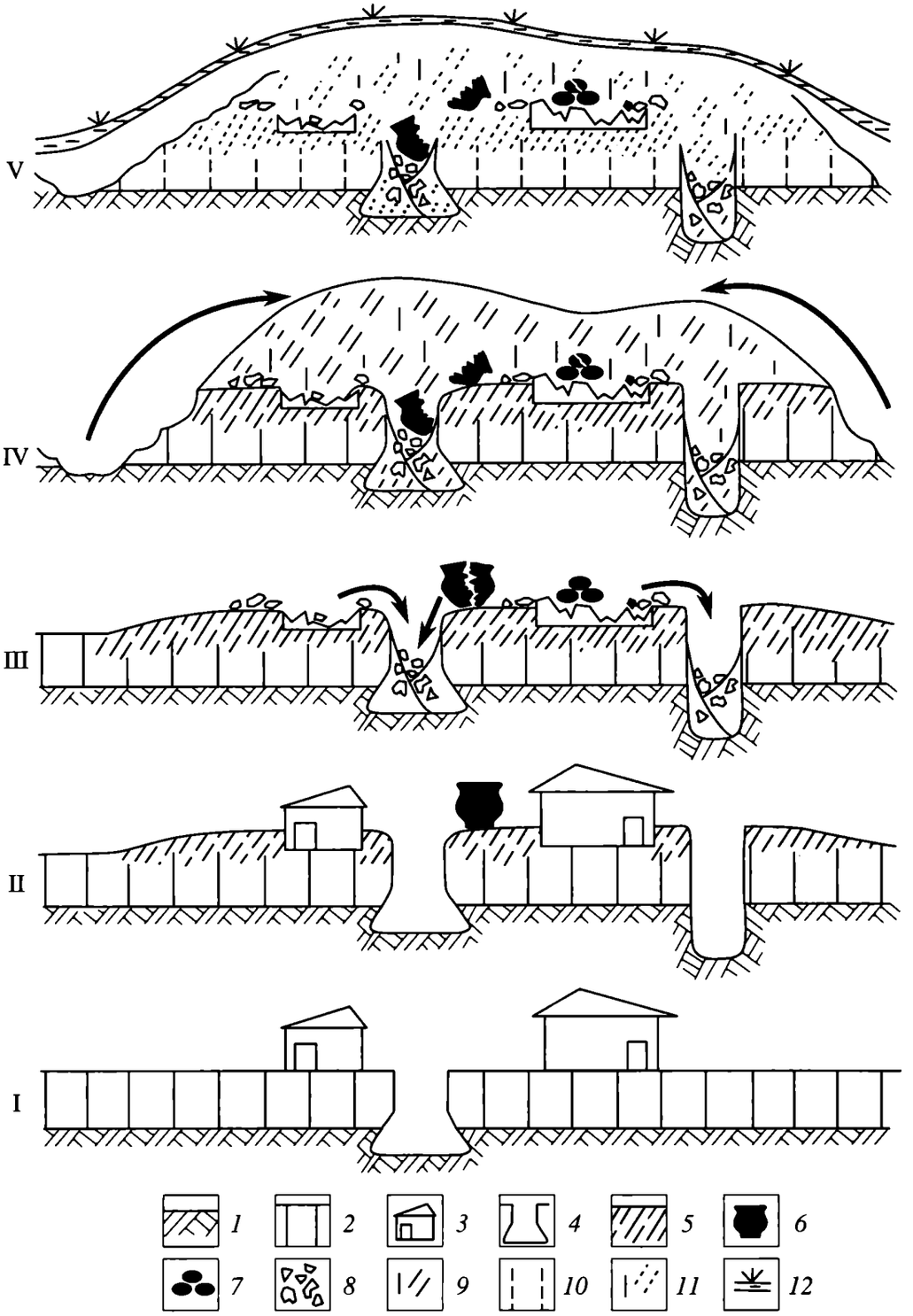


Рис. 2. Схема формирования курганообразных всхолмлений (зольников). I–V – последоватлеьность этапов. *1* – материковый суглинок; *2* – почвенный покров; *3* – жилища и хозяйственные постройки; *4* – ямы-погреба; *5* – отложения бытовых остатков (формирование культурного слоя); *6* – сосуды (начиная с третьего этапа разбиты); *7* – глиняные вальки ("хлебцы") и фигурки животных; *8* – куски стен жилищ; *9* – бытовые остатки, органика и срытая почва из периферии жилой зоны; *10* – погребенная почва (невидима); *11* – бытовые остатки и перегнившая органика (светло-серый, "зольный", грунт); *12* – современный дерновый слой.

влиянием естественных факторов, после оседания и образования дернового слоя всхолмление приобретает свою нынешнюю форму и размеры, внешне напоминая невысокий курган. Наличие внутри зольников белогрудовской культуры наслоений, образующих своеобразное ядро (Березанська, 1970. Рис. 1) (по А.И. Мелюковой этим они отличаются от ноаических), связано с меньшей современной распашкой из-за наличия деревьев, препятствовавших оплыву насыпей. Обиль-

ные остатки соломы, травы и т.п., накопленные на подворье к моменту оставления его обитателями и сконцентрированные в одном месте, перегнивая, приобретали светло-серый, "зольный", цвет. Напомним, что румынский археолог И. Драгомир допускал образование такого грунта в результате самовозгорания и длительного тления органики (Dragomir, 1980. S. 35, 36).

В рамках такой общей схемы, конечно, возможны вариации. В Вороновке для крепления насыпи использованы камни (Ванчугов и др., 1991. С. 30, 31. Рис. 13); вдоль краев зольника в Адамовке с этой же целью была устроена кольцевидная глиняная площадка, перекрытая оползшей насыпью уже после образования дерна на склонах (обозначена С.С. Березанской как растительная прослойка) (Березанська, 1970. С. 21–23. Рис. 1). Ситуации, описанные Е.Н. Саввой, когда отдельные объекты или даже жилища оказываются за пределами зольника (Sava, 2003. S. 21), наверное, возможны, но в каждом конкретном случае требуются убедительные доказательства их синхронности с объектами под всхолмлениями. Отсутствие под последними явных строительных объектов и очагов может объясняться или недостаточно тщательной фиксацией во время раскопок, или характером самих жилищ. Вряд ли следует ожидать находок значительных деталей стен и кровли от легких наземных конструкций, а очаги, например, на сабатиновских поселениях порой отсутствуют даже в пределах достоверных больших жилищ с каменными кладками (Шарафутдинова, 1982. С. 40).

Еще и еще раз обращаем внимание на образование всхолмлений на местах наземных жилищ. Именно они открыты в Новокиевке, Трушештах, Кавадинештах, Магале, Гиндештах, Островце, Слободке-Ширеуцы и др. (Florescu, 1957. S. 209, 214, 215; Dragomir, 1959. S. 462; Мелюкова, 1961; Смирнова, 1957; 1969; Дергачев, 1973). Иногда жилища могли быть слегка углубленными, но ни в одном из известных случаев нет указаний на наличие всхолмлений над несколькими большими и глубокими землянками или полуземлянками – в этом случае (Geršković, 1999. S. 22–28. Abb. 4) появление холма невозможно, так как весь грунт отложившегося культурного слоя после завершения существования жилищ уходил на засыпку их котлованов. В Молдове на поселении культуры Ноа Костешти VIII группы зольников были связаны с землянками, поэтому выделялись лишь специфическим цветом грунта на уровне современной поверхности, но и тут возле хозяйственно-бытовых комплексов зафиксирована концентрация находок (Дергачев, 1982. С. 65).

Иногда встречаются указания на якобы специальное предварительное обустройство площадок под всхолмлениями, в частности на срытие почвы и, как следствие этого, отсутствие дернового слоя (Березанська, Пясецький, 1978. С. 48). Но отсутствие дерна, в археологическом виде – погребенной почвы с видимой линией древнего горизонта, является результатом нарушения естественного процесса почвообразования под антропогенным воздействием. В этой связи интересно указание на наличие видимого уровня древнего горизонта под зольниками № 1, 3 в Гиндештах. Если здесь "зола" действительно залегала на уровне древнего горизонта (Мелюкова, 1961. С. 8, 9. Рис. 2), а не на гумусированном плотном уровне предматерика, то это связано отнюдь не с длительным накоплением бытового мусора, а с его быстрым одноразовым складированием, приведшим к консервации дневной поверхности – иначе под невысокой насыпью (это явление хорошо известно археологам, исследовавшим курганы) уровень древнего горизонта был бы невидимым.

В свое время И.И. Ляпушкин связывал жилищно-хозяйственные комплексы раннескифского поселения Пожарная Балка с концентрацией зольных отложений и культовыми объектами (Ляпушкин, 1961. С. 34, 35). Если учитывать нашу схему, такое его заключение звучит вполне определенно и, вопреки мнению И.П. Русановой (Русанова, 2002. С. 106), никаких противоречий не содержит. Правда, у И.И. Ляпушкина были сомнения относительно характера жилищ и жилищно-хозяйственного комплекса в целом (Ляпушкин, 1961. С. 34), но, несомненно, его предположение было значительным достижением в решении проблемы древнейших зольников. Однако с поразительным постоянством в них и до сих пор отмечают лишь культовые признаки. В уже упомянутом выше Славутском зольнике был выявлен очаг на глинобитной площадке (по моему мнению, остатки жилища) и хозяйственная яма (Березанська, Пясецький, 1978. Рис. 1), удалось выделить несколько периодов формирования насыпи, установить, что наиболее древний период отвечает функционированию кострища, но ... последнее было связано с жертвоприношениями (Березанська, Пясецький, 1978. С. 49, 50). Под раннескифским зольником в уроч. Лысая Гора на Киевщине открыта небольшая землянка, отмечена синхронность находок в насыпи и в заполнении этой землянки, но авторы раскопок посчитали, что зольник был образован ... за счет сброса принесенного со стороны очажного мусора (Бессонова и др., 1995. С. 21. Рис. 2). И.Т. Черняков и Г.Н. Тощев, рассматривая материалы сабатиновского зольника у с. Новоселица, пришли к выводу ... о последовательном накоплении золы у очага, а затем у очажной ямы, отдельного жилища, группы жилищ, возле поселения и последующее сооружение из накопленной таким образом золы всхолмления вне поселения (Тощев, Черняков, 1986. С. 136, 137). Мы уже подробно рассматривали эту ситуа-

цию (Gerškovič, 1999. S. 43–45) и пришли к выводу, что для Новоселицы, как и по отношению к другим зольникам белогрудовского типа, это не подтверждается – зольный (зольный ли?) грунт далеко никуда не уносился и издалека ниоткуда не приносился.

Более того, когда органических остатков по тем или иным причинам было немного, светло-серый слой вообще не образовывался, и ядро всхолмлений состояло из обычного грунта с включениями древесных углей, фрагментов сосудов и других находок. В таком случае зольники белогрудовского типа иногда интерпретируются как курганы. Например, в начале 80-х годов прошлого века на Волыни, в бассейне р. Горынь, у с. Дорогощa были исследованы небольшие всхолмления. По их разрезам четко выделяются перекрытые слоем желтого песка скопления песка и "пепла", нижние части которых представляют собой "утрамбованные площадки" с очагами и ямами (Винокур и др., 1998. С. 434, 448, 451. Мал. 2, 10, 17, 23, 25). По всей толще таких скоплений – фрагменты, развалы и даже целые сосуды, кремневые и бронзовые изделия и т.п. (Винокур и др., 1998. Мал. 3, *4*; 6, *5* и др.), но достоверное погребение человека по обряду трупоположения найдено лишь под одной насыпью в "слое песка и пепла на уровне материка" (Винокур и др., 1998. С. 441. Мал. 11). Рядом с Дорогощей, на окраине г. Нетишин, такие же объекты исследованы С.С. Березанской (Березанська и др., 1998. С. 53, 54). Конечно, в свете сказанного выше их трактовка как курганов должна быть снята.

Ареал и хронологический диапазон зольников белогрудовского типа. Суть феномена. Наиболее западные зольники белогрудовского типа в пределах территории Украины известны в Предкарпатье. Здесь в 70-х годах прошлого века был выделен особый тип поселений верхнеднепровской группы культуры шнуровой керамики, которые располагались в пойме, представляя собой невысокие насыпи, содержавшие культурный слой с большим количеством находок, ямы с кострищами и очаги, куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев (Свешніков, 1974. С. 28). В эпоху поздней бронзы подобные памятники массово распространяются и в лесостепи, в культуре Ноа, и в степи, в сабатиновской. Примечательно, что в рассмотренных "курганах" на Волыни встречается совместно керамика культуры шнуровой керамики, тшинецко-комаровской (Винокур и др., 1998. Рис. 3) и Ноа (Березанська и др., 1998. С. 54). С самого начала заключительного периода эпохи поздней бронзы (XII/XI вв. до н.э.) зона сосредоточения таких зольников перемещается к пограничью лесостепи и степи, в ареал белогрудовской культуры. Позже они известны в чернолесской культуре, генетически восходящей к белогрудовской, и, наконец, на раннескифских памятниках, связанных с чернолесской переходным пластом древностей жаботинского типа (культуры). Итак, от Поднепровья до Прикарпатья непрерывное существование зольников белогрудовского типа прослеживается от эпохи средней бронзы вплоть до раннего железного века.

А вот восточнее, в Приазовье, на Северском Донце и Дону, на Северном Кавказе, Поволжье – Приуралье, на срубных и постсрубных поселениях, а еще далее на восток в Зауралье и Казахстане, на андроновских и постандроновских, с зольниками отождествляют либо обычные светло-серые культурные слои, либо незначительные по размерам скопления бытовой золы возле землянок или полуземлянок, либо заполнения ям и котлованов (Кривцова-Гракова, 1948. Табл. II – V; Кузьмина, 1994. С. 69; Зданович, 1988. С. 42, 52–53). Такое отождествление, конечно, ошибочно (Березанская, 1987. С. 118) и приводит к непониманию явления как такового, а затем и к необоснованным построениям общеисторического характера. В первую очередь это относится к установлению приоритета восточной линии в процессе формирования блока культур Ноа-Сабатиновка, о котором так часто, в частности при анализе зольников, пишет Е.Н. Савва (Sava, 1998. S. 272). На примере зольников ни о каком постулируемом восточном воздействии на население Северного Причерноморья говорить не приходится.

Одним из наиболее важных признаков для объяснения их феномена видится установленный С.С. Березанской факт топографического и планиграфического размежевания со стационарными поселениями. В Собковке они располагались по разные стороны ручья (Березанская, Титенко, 1952. С. 83. Рис. 1), в Большой Андрусовке в западной части правого берега болота Инбек – группа жилищ, а восточной – 4 зольника (Покровська, Петровська, 1961. Рис. 2). Славутский зольник – в 500 м от поселения на р. Горынь (Березанська, Пясецький, 1978. С. 48), "курганы" у с. Дорогощa – в 200–300 м от поселения (Винокур и др., 1998. Мал. 1), в Вороновке зольники – в 100 – 200 м от блока каменных построек (Ванчугов и др., 1991. С. 10, 11. Рис. 3), Новоселицкий зольник – на расстоянии примерно от 600 до 900 м между несколькими поселениями (Тощев, Черняков, 1986. С. 120. Рис. 2), невдалеке от скифского поселения находился зольник в уроч. Лысая Гора (Бессонова и др., 1995. С. 1. Рис. 1). В степной полосе Днепровского Левобережья картографированием установлено наличие несколько микрорайонов из поселков типа Новокиевского и стоянок, но большие ближайшие поселения с каменными постройками находятся вдали от них по берегам Днепра (Gerškovič, 1999. S. 8, 42, 43. Taf.1).

Население степной полосы Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы (сабатинов-

ская культура), наряду с переложным или ротационным земледелием, практиковало оттонно-выгонную систему животноводства (Gershkovich, 2003. P. 310–314). Это приводило к полуоседлому способу жизни части населения и появлению возле или на удалении от стационарных поселков небольших стоянок пастухов и отдельных подворий – хуторов как своеобразных форпостов групп земледельцев и скотоводов, осваивавших ближнюю и дальнюю периферии своих или отвоеванных у соседей территорий. На местах таких стоянок и подворий и образовывались курганообразные всхолмления, именуемые ныне как "зольники белогрудовского типа". Поразительно близкий исторический пример предоставляют материалы VI – первой половины V в. до н.э. из Нижнего Побужья. Здесь, в пределах сельской округи Ольвии, выделяется несколько типов населенных пунктов, определенно связанных с сельскохозяйственнсй направленностью экономики первых греческих колонистов (Крыжицкий и др., 1989. С. 38). На них присутствуют зольные пятна и насыпи, представляющие собой местонахождения групп жилых и хозяйственных построек (Крыжицкий и др., 1989. С. 26, 27).

Предлагаемый нами подход к рассматриваемому феномену позволяет выяснить характер некоторых известных, но до сих пор непонятных комплексов. Так, можно предположить, что в начале XX в. в Северо-Западном Причерноморье возле с. Бородино был найден не клад в полном смысле этого слова и не погребение, а культовое "захоронение" престижных металлических и каменных предметов в зольнике белогрудовского типа. Посетивший в 1912 г. место находки Б.В. Фармаковский увидел здесь на холмистой местности "ряды маленьких, нетронутых на вид, курганов" (Штерн, 1914. С. 1), но подобным образом выглядят и зольники. Поселенческий характер бородинского комплекса подчеркивает неполная сохранность одного из наконечников копий и каменного топора, а также найденный вместе с ними фрагмент сосуда, а культовый – сам факт совместного залегания уникальных предметов.

В заключение следует отметить, что С.С. Березанская была права, указав на сходство зольников белогрудовских, сабатиновских, ноаических и скифских и предложив для них общий термин. Но следует четко представлять их функциональные отличия от зольников античного времени, постоянно действующих примитивных алтарей-святилищ.

Комплекс культур Ноа–Сабатиновка–Кософжень территориально близок культурам "трансбалканского позднебронзового горизонта", для которых, в свою очередь, имеются многочисленные свидетельства контактов с Ахейской Грецией в области производства, идеологии и искусства (Бонев, 1988. С. 55). Это означает, что в определенной мере культовая практика античного времени, хоть и не напрямую, могла быть связана и с северопричерноморскими традициями предшествующих эпох. Подтверждением этому служат следы "варварского ритуала" (Носова, 2002. С. 64, 65) в античных зольниках Северного Причерноморья и Крыма[4].

Хотелось бы остановиться еще на одном важном и показательном моменте. В Нижнем Побужье пребывание Ахилла греки относили к тому времени, когда эти местности, как они считали, были пустынны и еще никем не заселены (Русяева, 1990. С. 196). Можно, вероятно, говорить не только о "соединении популярности Ахилла в метрополии с мифопоэтической подосновой пребывания его души в конкретных местах осуществления колонизации..." (Буйских, 2001. С. 40, 41), но и о наличии на новых землях материальных следов, как могли полагать греческие колонисты, его пребывания здесь. Этими следами были не только внешне похожие на их зольные жертвенники обычные и многочисленные курганы, но и курганообразные зольные всхолмления. Не будем забывать, что в Нижнем Побужье сабатиновские поселения известны даже в пределах Ольвийской хоры (Крыжицкий и др., 1989. С. 20).

Древнегреческими поселенцами Северного Причерноморья и теми современными археологами, которые являются сторонниками исключительно культовой трактовки зольников белогрудовского типа, была допущена одна и та же ошибка в их восприятии! У первых не было ни необходимости, ни возможности проверить свои представления, у вторых стремление к эффектному толкованию загадочных объектов не позволило объективно оценить и совместить различного рода факты. Достаточно ли почти 2500 лет для исправления ошибки?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И. Археологические исследования в Подолии // Вестник МГУ. 1947. № 12

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. Спб., 1993.

[4] На античный обряд эпиботрии мое внимание обратил С.Б. Буйских, ссылка на памятники культуры шнуровой керамики Предкарпатья подсказана Е.П. Бунятян, о не известном мне ранее сборнике со статьей И. Винокура, А. Гуцала и В. Мегея мне сообщил С.Д. Лысенко, рисунок к моей схеме формирования зольников (рис. 2) выполнил А.Н.Усачук. Всем им я очень признателен. Особая благодарность С.С. Березанской, пригласившей меня принять участие в раскопках возле г. Нетишин в 1998 г.

Балагурі Е.А. Історія племен пізньобронзової доби Середнього Подністров'я (культура Ноа). Дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1964.

Балагурі Е.А. Поселення культури Ноа біля с. Острівець Івано-Франківської обл. //Археологія. 1968. Т. XXI.

Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.

Березанская С.С. Еще раз о белогрудовских зольниках // Религиозные представления в первобытном обществе. Тез. докл. конф. М., 1987.

Березанская С.С., Титенко Г.Т. Поселение предскифского времени в с. Собковка // КСИА АН УССР. 1952. Вып. 1.

Березанська С.С. Нове джерело до розуміння зольників білогрудівського типу // Археологія. 1970. Т. XXIV.

Березанська С.С., Гершкович Я.П., Самолюк В.А. Розкопки курганів тшинецької культури на р. Горинь // Археологічні відкриття в Україні. Київ, 1998.

Березанська С.С., Тітенко Г.Т. Нові розкопки пам'яток білогрудівського типу // Археологія. 1954. Т. IX.

Березанська С.С., Пясецький В.К. Зольники білогрудівського типу на р. Горині під Славутою // Археологія. 1978. № 27.

Бессонова С.С., Романюк В.В., Скорый С.А. Зольник раннескифского времени из урочища Лысая Гора. Киев, 1995.

Бонев А. Тракия и Егейският свят пред втората половина на II хилядолетие пр.н.е. // Разкопки и проучвания. София, 1988. Т. 20.

Буйских С.Б. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги) // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Севастополь, 2001.

Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1991.

Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.

Винокур Й., Гуцал А., Мегей В. Дослідження курганів доби бронзи у селі Дорогощі на Волині // Зап. наук. товариства ім. Т.Г. Шевченка. Львів, 1998. Т. CCXXXV (Праці Археологічної комісії).

Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.

Гершкович Я.П. Сабатинівська культура Нижнього Подніпров'я та Північно-Західного Приазов'я. Автореф. ... канд. іст. наук. Київ, 1993.

Гершкович Я.П. Сабатиновско-ноические "зольники"// Доба бронзи Доно-Донецького регіон. Матер. 3-го Українсько-Російського польового археол. семінару. Киев; Воронеж; Перевальск, 1997.

Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии // Тр. XIV Археологического съезда. Т. 3. М., 1911.

Дергачев В. А. Памятники эпохи бронзы // Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 3. Кишинев, 1973.

Дергачев В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975–1976 гг.). Кишинев, 1982.

Добровольский А.В. Древние земледельческие поселения по берегам Ингульца // ВОКК. 1925. № 2/3.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологичекий сборник. Тр. ГИМ. 1948. Вып. XVII.

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.

Кузьмина Е.Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока. М., 1986.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.

Ляпушкин И.И. Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами // МИА. 1961. № 104.

Мелюкова А.И. Исследование памятников предскифской и скифской эпохи в лесостепной Молдавии // МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960.

Мелюкова А.И. Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии // МИА. 1961. № 9.

Носова Л.В. О культовых зольниках античных поселений Северо-Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса) // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Матер. междунар. науч. конф. Ч. 2. Спб., 2002.

Павсаний. Описание Эллады. М., 1994.

Пассек Т.С. Периодизация трипольских поселений (III–II тысячелетие до н.э.) // МИА. 1949. № 10.

Петреску-Дымбовица М. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове в свете последних археологических раскопок // Dacia. N.S. Bucureşti, 1960. Т. IV.

Покровська Є. Ф., Петровська Є.О. Поселення кінця епохи бронзи біля с. Велика Андрусівка // Археологія. 1961. Т. XIII.

Русанова И.П. Истоки славянского язычества. Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э.–I тыс. н.э. Черновцы, 2002.

Русяева А.С. Духовная культура населения Ольвийского государства. Дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1990.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

Свешніков І.К. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III – на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ, 1974.

Смирнова Г.И. Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой области // КСИИМК. 1957. Вып. 70.

Смирнова Г.И. Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII – середина VII в. до н.э.) // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА. 1969. № 150.

Тереножкін О.І. Поселення білогрудівського типу біля Умані // Археологія. 1951. Т. V.

Тощев Г.Н., Черняков И. Т. Культовые зольники сабатиновской культуры // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.

Хвойко В.А. Городища Среднего Поднепровья, их значение и народность // Тр. XII Археологического съезда. Т. 1. М., 1905.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.

Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев, 1982.

Шрамко Б.А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Причерноморья в раннем железном веке // СА. 1957. № 1.

Штерн Э. Бессарабская находка древностей в 1912 г. // МАР. СПб., 1914. Вып. 34.

Cavruk V. Cîteva consideraţii privind originea culturii Noua // Angustia. 1996. № 1.

Dragomir I.T. Săpăturile arheologice de la Cavadineşti // Materiale şi Cercetări Arheologice. 1959. V. VI.

Dragomir I.T. Contribuţii arheologice şi etnografice referitoare la procesul de formare al aşezarilor de tip cenuşar "Zolniki" // Danubius. 1980. V. X.

Geršković Ya.P. Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westkuste des Azovschen Meers // Archäologie in Eurasien. Bd 7. Rahdem/Westf., 1999.

Gershkovich Ya.P. Farmers and Pastoralists of the Pontic Lowlands during the Late Bronze Age // Prehistoric steppe adoptation and the horse. Cambridge, 2003.

Florescu A. Şantierul arheologic Truşeşti // Materiale şi Cercetări Arheologice. 1957. V. III.

Florescu A. Contribuţii la cunoaşterea culturii Noua // Arheologia Moldovei. Bucureşţi, 1964. V. II–III.

Petrescu-Dâmboviţa M. Contribuţii la problema sfârşitului epocii bronzului şi începutului epocii fierului în Moldova // SCIV. 1953. V. IV. № 3–4.

Sava E. Die rolle der "ostlichen" und "westlichen" elemente bei der genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka. (Nach den Materialien des Prut-Dnestr-Zwischenstromgebiets) // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische steppe. München, 1998.

Sava E. Interferenţe cultural – cronologice în epoca bronzului târziu din spatiul Carpato-Nistrean (complexul cultural Noua-Sabatinovka). Autoref. al tezei de doctor habilitat în ştiinţe istorice. Chişinău, 2003.

The phenomenon of Belogrudovka-type cinder-heaps

Ya. P. Gershkovich

Summary

The earliest cinder-heaps of the Belogrudovka type are known from the Middle Bronze Age of the Carpathian piedmonts and refer to corded ware culture. Later on the tradition of arranging cinder-heaps is registered in the forest-steppe zome in Noua culture as well as in the steppe in Sabatinovka culture. Since the final stage of the Late Bronze Age and in the Early Iron Age the discussed monuments concentrate along the borderline dividing steppe and forest-steppe on the Dnieper right bank (Belogrudovka and Chernoles'ye cultures). On the left bank of the Dnieper cinder-heaps emerged as late as the early Scythian period. Cinder-heaps were not permanently functioning sanctuaries, that is, they are funcionally different from cinder altars known from the classical antiquity. The phenomenon of cinder-heaps had come into being due to the semi-settled way of life, when separate stations and farmsteads of agricultural and cattle-breeding population were founded at some distance from the permanent dwelling sites. Intense ecomonic and household activity led to formation of mound-like cinder-heaps in these points. The rite of setting dwellings on fire, when leaving such stations, also contributed to formation of the discussed monuments.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 114–118

ПУБЛИКАЦИИ

ЗАБЫТАЯ НАХОДКА ИЗ ЧЕРНООЗЕРСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2004 г. В. И. Стефанов

Уральский государственный университет, Екатеринбург

Черноозерье. Название этой деревни, что находится в Саргатском районе Омской области на левом берегу Иртыша, знакомо многим археологам. В 60–70-х годах минувшего века около нее проводила широкомасштабные археологические исследования экспедиция Уральского университета (г. Екатеринбург), возглавляемая В.Ф. Генингом. Раскопки коснулись восьми поселений и пяти могильников, вскрытая на них площадь превысила 10.5 тыс. кв. м (Генинг, Стефанов, 1988). В результате проведенных работ получены массовые источники практически по всем археологическим периодам – от палеолита до раннего железного века. В том или ином виде они введены в научный оборот, однако некоторые археологические комплексы, оригинальные находки, в силу разных обстоятельств не подвергшиеся в свое время должному анализу, до сих пор остаются неизвестными для широкого круга специалистов. Одной из таких находок посвящена данная работа[1].

Заинтересовавшее нас изделие отлито скорее всего из бронзы и представляет собой стилизованную фигурку человека в рост, заключенную в круг (рис. 1). Оно частично повреждено коррозией, но в целом имеет достаточно хорошую сохранность. Внешняя сторона предмета выпуклая, оборотная – плоская. Высота антропоморфной фигуры 57–58 мм, внешний диаметр кольца 61–62.5 мм при ширине 4.6–6.2 мм. Сечение кольца плосковыпуклое, туловища фигурки – трапециевидное. Толщина предмета 2.5–3 мм. Изделие имеет дефекты, образовавшиеся при отливке, – раковины в металле с левой стороны у головы и в центральной части фигуры, а также затек металла внизу у правой ноги. Композиционный центр данной вещи – фигура человека, изображенного в фас в статичной позе: ноги прямые, слегка расставлены, руки опущены. Голова крупная, овальная, глаза моделированы выемками, нос изображен в виде вертикального узкого валика, подбородок массивный, выступающий вперед. Рот передан щелью между окончанием носа и подбородком. Кольцо над головой человека имеет расширение, незначительно выступающее за линию окружности. Его можно трактовать либо как головной убор с поперечным гребнем или прическу, либо как обработанный литниковый след. Заметим, что валик, изображающий нос, начинается почти у верхнего края планки – выступа. Кольцо придает вещи законченный вид. По-видимому, она отливалась в глиняной двухстворчатой форме, состоявшей из матрицы и крышки. На матрице вырезались негатив поделки и литник, выходящий на широкий торец. Подобная литейная форма известна по раскопкам близ с. Сайгатино в Сургутском Приобье (Кокшаров, Чемякин, 1991. С. 47, 50).

Рассматриваемый предмет случайно найден в 1968 г. при проведении работ по вскрытию обнажений культурных горизонтов и остатков позднепалеолитической стоянки Черноозерье II, залегавших на глубине 2.2–3.2 м от поверхности. К верхней части почвы на этом участке террасы были приурочены "... стоянки эпохи неолита и бронзы, а также могильники бронзового и железного веков, поэтому лишь после исследования этих памятников можно было при помощи бульдозера снять 2–2.5-метровый слой супеси, перекрывающий палеолитический слой" (Генинг, Петрин, 1985. С. 3). Скорее всего в процессе раскопок поздних – по отношению к стоянке Черноозерье II – памятников не было замечено какое-то углубление (могила?), в котором могла находиться данная вещь. В полевой практике подобные случаи называют досадным "просмотром". Не знаем, о чем думал В.Ф. Генинг в связи с уникальной для тех лет находкой. Вспоминается лишь, что в разговорах со своими молодыми помощниками он обращал внимание на ее сходство с предметами кулайского бронзового литья. Впрочем, теоретически она могла быть связана с одним из объектов располагавшихся здесь же памятников эпохи бронзы – стоянки Черноозерье III или Черноозерского I могильника. Как бы то ни было, черноозерский "человек в круге" после раскопок 1968 г. был надолго забыт. Более 30 лет он пролежал в хранилище археологических коллекций лаборатории УрГУ, пока не произошло другое важное событие.

В один из своих приездов в Екатеринбург омский археолог А.В. Полеводов рассказал о раскопках могильника Боровянка XVII в Среднем Прииртышье и продемонстрировал фотографии найденных на нем вещей. Среди последних мы увидели несколько литых человеческих фигурок в кольце, показавшихся нам удивительно знако-

[1] Считаю своим долгом поблагодарить Н.В. Федорову за ценную консультацию.

мыми. Первыми о черноозерской находке вспомнили О.Н. Корочкова и Н.К. Стефанова. Когда отысканную ими отливку положили рядом с фотографиями, стало ясно – по всем внешним признакам это были безусловно очень близкие вещи.

Поскольку боровянские находки не опубликованы, мы не можем охарактеризовать их детально. Ограничимся поэтому самыми общими сведениями о них и о памятнике, почерпнутыми из ряда источников. Могильник Боровянка XVII находится менее чем в 30 км от Черноозерского. Его исследование начато Л.И. Погодиным при участии А.В. Полеводова, к осени 2000 г. было раскопано около 50 захоронений. Как отмечает А.В. Полеводов, погребальный обряд и вещевой материал Боровянки XVII и Черноозерского I могильника "почти идентичны" (2000. С. 101). По его впечатлению, "... оба могильника ... оставлены близкородственными коллективами, если не вообще одной группой населения" (Там же). В отличие от черноозерской фигурки, найденной вне археологического контекста, боровянские обнаружены в закрытых погребальных комплексах (погр. 9, 11, 103). На Боровянке XVII собрана целая серия антропоморфных фигур – не менее семи бронзовых или медных и даже, со слов А.В. Полеводова, одна деревянная. Известно также, что среди них есть человеческие изображения, заключенные в кольцо и без него. Следует признать, что боровянская группа находок во всех отношениях информативнее, чем единственная черноозерская. Они позволяют реконструировать не только способы изготовления, ношения (бляхи, подвески?), но и далекие от чисто утилитарных стороны жизнедеятельности населения, оставивших оба могильника (в культурной близости которых мы, вслед за омскими археологами, не сомневаемся).

Для нас ценность боровянских вещей заключается помимо всего прочего в том, что они дают основание соотнести черноозерскую отливку с конкретным археологическим памятником – могильником Черноозерье I. Полагаем, что богатую коллекцию погребального инвентаря этого некрополя (Генинг, Ещенко, 1973; Генинг, Стефанова, 1994) можно смело дополнить еще одним ярким предметом. В других районах Западной Сибири подобные изделия в комплексах бронзового века – большая редкость. Бронзовая стилизованная фигура человека, заключенного в круг, обнаружена В.И. Молодиным в Новосибирском Приобье при обследовании одного из памятников самусьской культуры – Завьялово-1А (Молодин, 1977. С. 74, 148, Табл. LXI, *6*). Небольшая бронзовая фигура, запечатлевшая "пляшущего" человека, найдена на самусьском поселении Крохалевка13 севернее Новосибирска (Троицкая, Дураков, Савин, 2001; Савин, 2001). Фрагменты двух створок от глиняной формы для отливки антропоморфной фигуры в кольце обнаружены в Сургутском Приобье около с. Сайгатино. На этом памятнике (Сайгатино VI) получена представительная коллекция вещей, включавшая керамику, изделия из металла, камня, кости, остатки бронзолитейного производства, в их числе – створку каменной формы для отливки кельта самусьско-кижировского облика (Кокшаров, Чемякин, 1991; Черных, Кузьминых, 1989. С. 148). Наконец, бронзовая поделка, напоминающая завьяловского "человека в круге", происходит из с. Новый На-

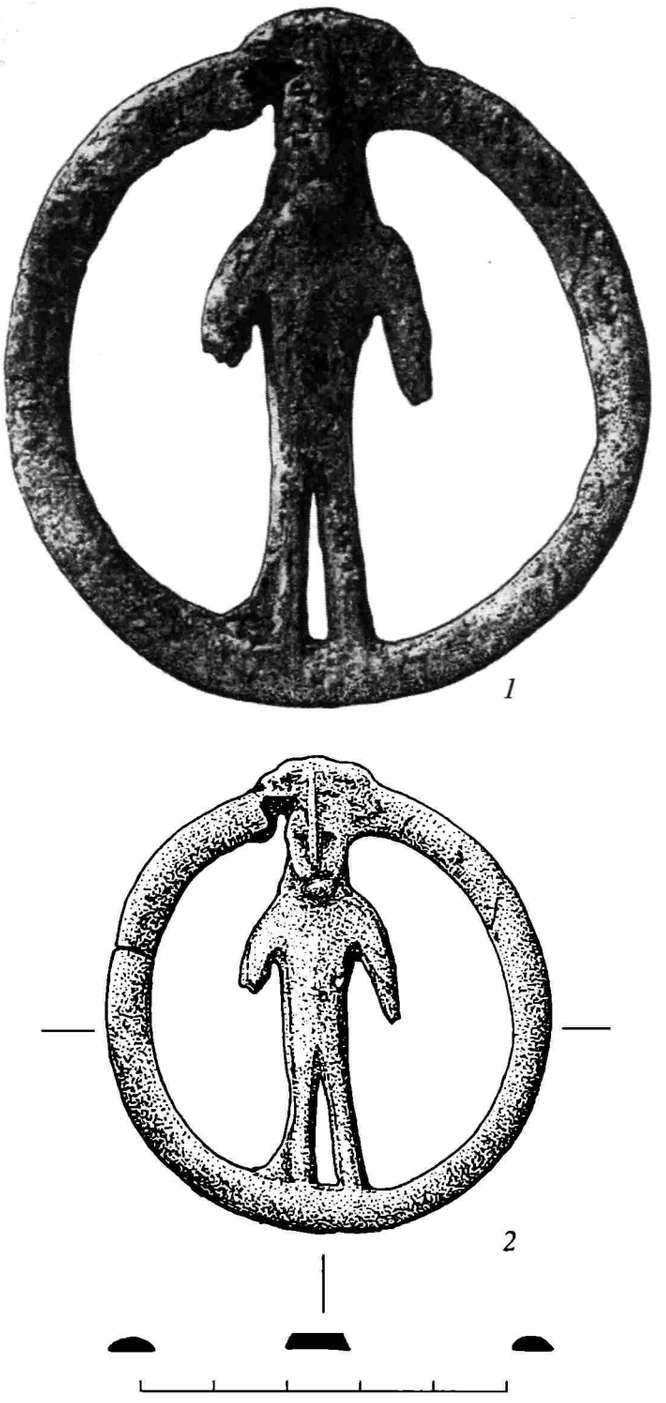


Рис. 1. Бронзовая антропоморфная фигура из Черноозерского могильника: *1* – фотография (без масштаба), *2* – прорисовка.

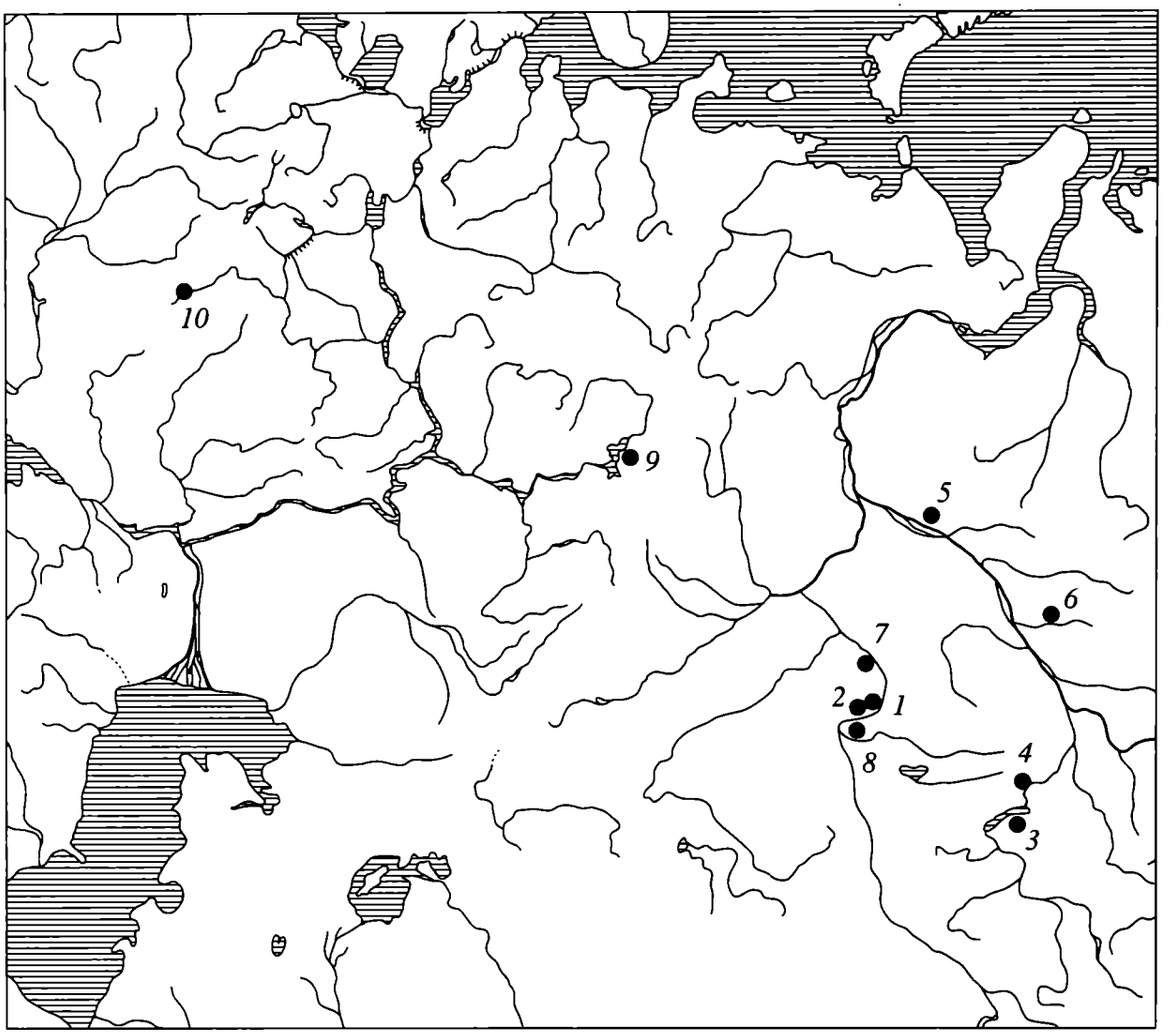


Рис. 2. Распространение предметов антропоморфной металлопластики эпохи бронзы: *1* – Черноозерье I, *2* – Боровянка XVII, *3* – Завьялово-1А, *4* – Крохалевка 13, *5* – Сайгатино VI, *6* – Новый Напас, *7* – Чудская Гора, *8* – Ростовка, *9* – Бор-Лёнва, *10* – Галичский клад.

пас на р. Тым (правый приток Оби, Томская область – см.: Косарев, 1981. С. 261. Рис. 82, *5*). К сожалению, последняя находка не датирована, но, как нам кажется, она вполне вписывается в рассматриваемую серию (хотя М.Ф. Косарев относит ее к кулайской культуре раннего железного века – см.: Косарев, 1991. С. 286. Рис. 70, *9*).

Таким образом, мы имеем более десятка похожих предметов, происходящих из Среднего Прииртышья, Новосибирского, Томского и Сургутского Приобья, датируемых приблизительно около середины II тыс. до н.э. (рис. 2). Все они, за исключением сайгатинской формы, сделаны из металла, вероятно, по сходной технологии и изображают антропоморфное существо без подчеркнутых признаков пола, заключенное в круг/кольцо или без него. Помимо наличия или отсутствия сферического обрамления и орнамента на нем (Завьялово-1А, напасская находка) литые изображения различаются другими деталями (моделировка лица, поза) и тем не менее образуют один сюжетно-видовой ряд. Использование перечисленных предметов исключительно в ритуальных целях представляется очевидным.

Говоря об асинхронных аналогиях, нельзя не упомянуть бронзового идола – плоскостное изображение человеческого существа, обнаруженного в южнотаежном Прииртышье в культовом комплексе Чудской Горы (сузгунская культура – см.: Косарев, 1987. С. 284; Потемкина и др., 1995. С. 43–45). Многочисленны и совсем не случайны параллели черноозерской, боровянским и самусьским антропоморфным фигуркам в металлопластике кулайской культуры. Впрочем, этот сюжет недавно детально рассмотрен Ж.Н. Труфановой, пришедшей к выводу, что среднеиртышский комплекс изображений периода средней бронзы "... полностью соответствует первому иконографическому типу кулайских фигур и первому иконографическому типу кулайских личин" (Труфанова, 2003. С. 21). Вообще же в композиционном и стилистическом плане круг аналогий обско-иртышским бронзовым фигурам чрезвычайно широк. Надо сказать, что первоначально мы предполагали

сравнить их не только с металлическими, но и с графическими антропоморфными изображениями (самусьская керамика), каменной скульптурой Обь-Иртышья и сопредельных территорий. Хотелось высказаться по поводу использования их в культово-ритуальной практике, о возможных истоках оригинального изобразительного ряда. Впоследствии мы отказались от большей части замыслов, руководствуясь следующими соображениями. Во-первых, какие-то из идей уже "озвучены" в прежних работах В.И. Мошинской, М.Ф. Косарева, В.И. Матющенко, С.В. Студзицкой, В.И. Молодина, И.Г. Глушкова, Б.Н. Пяткина и Е.А. Миклашевич, Ю.Ф. Кирюшина и других исследователей. Какие-то положения в том или ином виде реализованы в недавних публикациях (Глушков, 1989; Студзицкая, Кузьминых, 2001; Studzitskaya, Kuzminykh, 2002; Кирюшин, 2002; Труфанова, 2003) или в известных нам работах, находящихся в печати. Но главное, пожалуй, не в этом. Углубленная разработка известных и новых сюжетов по данной тематике невозможна без введения в научный оборот полного корпуса соответствующих источников. Сказанное имеет отношение не только к представительной серии антропоморфных фигур из могильника Боровянка XVII, изучение которого, кстати, еще продолжается. Например, не так давно мы узнали от пермских коллег В.П. Денисова и Н.Е. Соколовой, что среди подобранных в 1970-х годах на территории разрушенного могильника Бор-Лёнва в Пермской области бронзовых предметов кроме идола типа Галичского была небольшая фигурка "человека в круге". Если бор-лёнвинский идол опубликован и уже нередко фигурирует в разных исследованиях (Денисов и др., 1988. С. 48, 61; Черных, Кузьминых, 1989. С. 27; Студзицкая, Кузьминых, 2001. С. 137; Studzitskaya, Kuzminykh, 2002. S. 22, 23), то о второй находке сведения отсутствуют. Подозреваем, что она не была включена в комплекс металлических изделий сейминско-турбинского типа по той же причине, по которой черноозерская не была отнесена в свое время к погребальному инвентарю эпонимного могильника. Между тем опубликование "человека в круге" из Бор-Лёнвы имело бы неоценимое значение в связи с вопросом об истоках западносибирского антропоморфного литья. Эта находка выступила бы в качестве компонента, связывающего металлопластику раннего – сейминско-турбинского горизонта (галичские идолы, бор-лёнвинские фигуры, скульптурное изображение человека на знаменитом кинжале из Ростовки) и антропоморфный металлокомплекс западносибирских племен середины II тыс. до н.э. Выполненные в различной манере сейминско-турбинские изображения имеют не слишком много общих черт и еще меньше похожи на стилизованные фигурки черноозерско-самусьской серии. Последние, впрочем, также не отличаются стилевым единством. Объединяют их материал, персонажи и безусловная причастность к культово-ритуальной сфере, а бор-лёнвинский "человек в круге" позволяет говорить и о композиционном и, возможно, семантическом сходстве.

Таким образом, случайно обнаруженную в 1968 г. бронзовую фигурку человека, заключенного в круг, мы соотносим с Черноозерским I могильником. Как следует из сказанного выше, она являет собой образец антропоморфной металлопластики, наследующей традиции сейминско-турбинского культового литья. Данная находка не противоречит другим материалам этого уникального некрополя, культурное своеобразие которого (в погребальной обрядности, инвентаре) определяют два компонента: андроновский и трансформированный позднекротовский.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 03-01-00448а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Генинг В.Ф., Ещенко Н.К. Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье I // Из истории Сибири. Томск,1973. Вып. 5.

Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск, 1985.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Работы Уральской археологической экспедиции в Среднем Прииртышье // Источники и историография. Археология и история. Омск, 1988.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Препринт. Екатеринбург, 1994.

Глушков И.Г. О южных связях поселения Самусь IV // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989.

Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.

Кокшаров С.Ф., Чемякин Ю.П. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.

Косарев М.Ф. Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Сер. Археология СССР. М., 1987.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.

Полеводов А.В. Памятники андроновской культурно-исторической общности в Среднем Прииртышье // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Тез. докл. Омск, 2000.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М., 1995.

Савин А.Н. Классификация антропоморфных изображений искусства самусьской культуры // Историко-культурное наследие Северной Евразии. Барнаул, 2001.

Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский "клад" (к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.

Троицкая Т.Н., Дураков И.А., Савин А.Н. Самусьские бронзовые фигурки с поселения Крохалевка-13 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1.

Труфанова Ж.Н. Плоское ажурное литье кулайской культуры (стилистико-иконографический анализ): Автореф. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

Studzitskaya S.V., Kuzminykh S.V. The Galich treasure as a set of shaman articles // Fenno-skandia archeologica. 2002. № XIX.

A forgotten find from the cemetery Chernoozer'e

V. I. Stefanov

Summary

In the paper a stray find is published. It represents a stylised human figurine of bronze placed in a circle. The object was found accidentally in 1968, when excavating the Late Palaeolithic station Chernoozer'e II, Sargatsky district, Omsk region. It evidently originates from the superimposed layers of a later period. At present in Siberia some new materials have been discovered that enable to establish chronology of the find and its position among various cultural units to the east from the Urals. The author points to the cemetery Chernoozer'e I as culturally close association and considers the discussed figurine as a piece of metal plastic art linked by its style with the traditions of the Seima-Turbino castings of religious function.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 119–123

ПУБЛИКАЦИИ

БРОНЗОВЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ФИГУРКИ С ПАМЯТНИКА ВЁКСА В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2004 г. Н. Г. Недомолкина*, А. В. Суворов**

* Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

** Научно-производственный центр "Древности Севера", г. Вологда

Памятник Вёкса располагается в 20 км к северо-востоку от г. Вологды, на левом берегу р. Вологды, в нижнем ее течении, непосредственно выше впадения левого притока р. Вёксы. Тремя километрами ниже Вологда впадает в р. Сухону, относящуюся к бассейну Северной Двины–Белого моря. Протяженность памятника вдоль р. Вологды составляет 1.2 км, он условно разделен на 12 участков протяженностью по 100 м. Многослойные культурные отложения накапливались здесь на разных участках в период от раннего неолита до древнерусского времени; в культурном слое найдены и погребения эпох неолита и энеолита. Раскопки и сбор подъемного материала на памятнике велись И.Ф. Никитинским (1981–1993 гг.), В.С. Патрушевым (1987, 1989 гг.), С.Ю. Васильевым (1990, 1992 гг.), Н.Г. Недомолкиной (с 1993 г.), но пока лишь малая часть полученных материалов и данных о стратиграфии памятника получила отражение в публикациях (Никитинский, 1995; Васильев, 1996; Патрушев, 1989; Недомолкина, 2000а). Культурный слой поселения, включающий стерильные прослойки, имеет мощность до 2 м. Верхняя часть слоя в виде темно-серого суглинка на глубину до 0.4 м носит следы культивации. На протяжении более 700 м (участки 1–8) под пахотой залегает слой железного века, местами достигающий мощности 0.4 м, в виде свиты серых и серо-коричневых суглинков, насыщенных включениями древесного угля и золы.

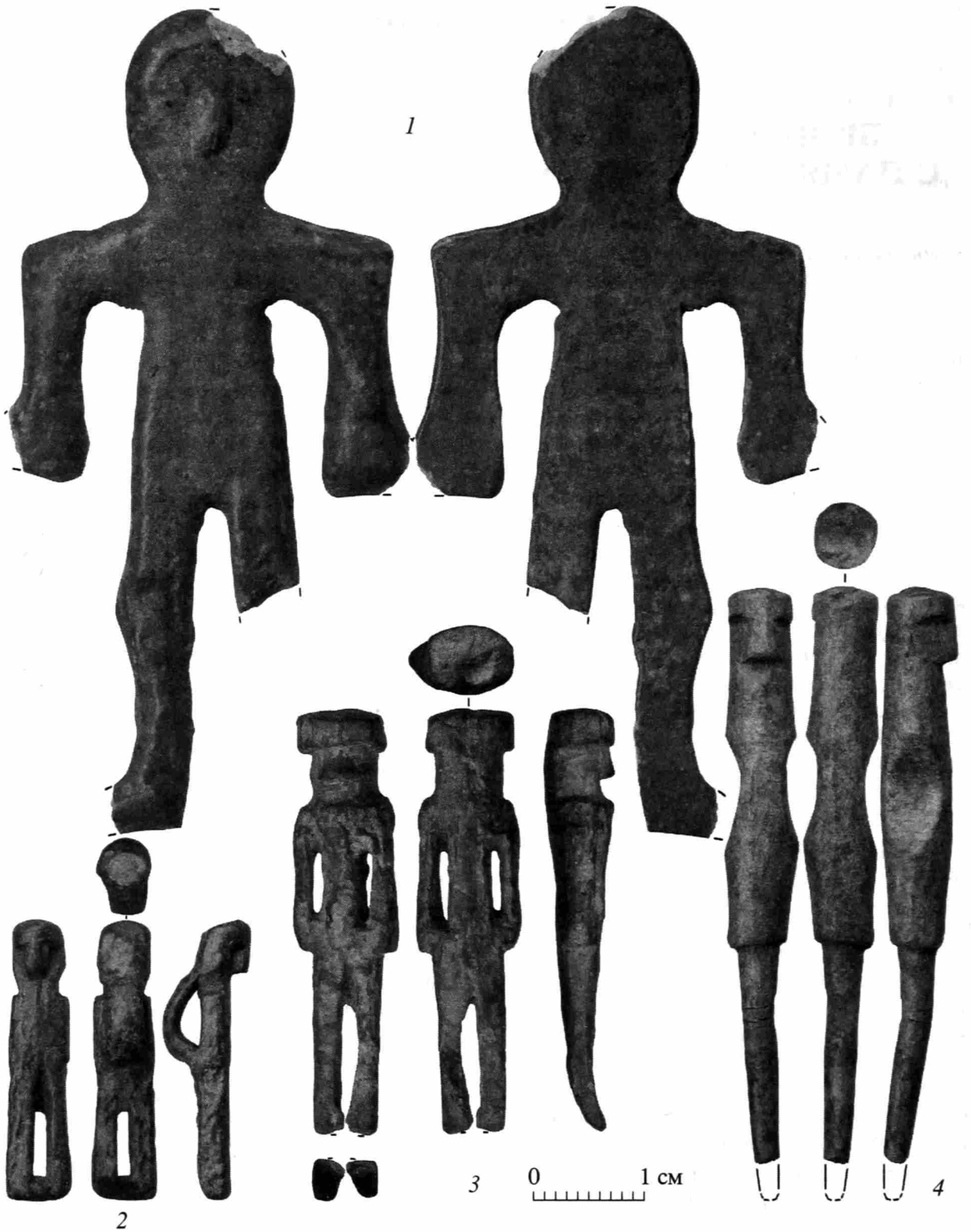
Настоящая статья посвящена введению в научный оборот четырех уникальных предметов, относящихся к сфере духовной культуры (рисунок). Эти находки обнаружены в 1987–2001 гг. при разных обстоятельствах: самая крупная извлечена из культурного слоя при раскопках В.С. Патрушева, три другие подобраны на размываемой рекой части памятника.

Первая фигурка (рисунок, *1*) обнаружена в 1987 г. в ходе раскопок В.С. Патрушева на участке 3 поселения. Предмет хранится в фондах ГУК "Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник" (ВГИАХМЗ, г. Вологда, шифр ВОКМ 29946, А–1/99). В полевой отчет за 1987 г. исследователем помещен лишь схематический рисунок вещи (Патрушев, 1988. Рис. 35). Краткое упоминание о находке опубликовано в 1989 г. (Патрушев, 1989. С. 30). Охарактеризуем подробнее сам предмет и комплекс инвентаря, с которым он был связан.

Бронзовый пластинчатый предмет достаточно реалистично передает контуры человеческого тела. Фигурка сохранилась фрагментарно: отсутствуют левая нога, часть ступни правой ноги, небольшие участки внешнего края кистей обеих рук и головы. Такие утраты не позволяют полностью исключить предположение, что фигурка могла являться частью какой-либо композиции. Голова округлой формы, на ней имеются рельефные детали: глаза и нос, переданные круглыми и овальным выступами, лоб ограничен полукруглым валиком, передающим край прически или головного убора типа капюшона. Необычно широкими выглядят проемы между опущенными вниз руками и туловищем. Возможно, положение рук следует воспринимать иначе: плечи расположены горизонтально, а предплечья опущены вниз. Руки показаны прямыми, с обобщенно переданными гипертрофированно увеличенными кистями, пальцы которых не намечены. Ноги (по крайней мере правая) изображены развернутыми стопами и коленями в стороны. Половые признаки не переданы.

Вес сохранившейся части 19 г; вес целого предмета мог составлять приблизительно 22 г. Бронза изделия местами почти полностью окислилась до зернистых по структуре окислов темно-зеленого цвета. Поверхность покрыта патиной зеленого цвета с участками блестящей поверхности. Отмечены коррозионные повреждения: отслоение участков поверхностного слоя, небольшие вздутия и трещины. Высота фигурки 77 мм, наибольшая ширина в зоне кистей рук более 37 мм, толщина около 4 мм. Наиболее широкая часть фигурки – голова (15.5 мм), здесь же, в месте выступающего над плоскостью лица носа, находится самый толстый (4.5 мм) участок.

Фигурка изготовлена литьем в односторонней открытой форме. Оборотная сторона сохранила неровности, образовавшиеся при усадке металла, и царапины – следы соскабливания капель шлака. После отливки с краев предмета в нескольких местах были срезаны затеки металла – по бокам ту-



Бронзовые антропоморфные фигурки с памятника Вёкса.

ловища, в подмышках, по сторонам шеи (срезы особенно заметны у подмышки справа). Здесь же на лицевой и оборотной сторонах сконцентрированы глубокие вертикально направленные царапины. Возможно, они оставлены иглой при пришивании предмета, например, к ткани. На такое предположение наталкивает расположение друг напротив друга выемок – двух на плечах сверху, и двух подмышками.

Описанный предмет найден В.С. Патрушевым в раскопе 3 в кв. Г/13 на глубине примерно в 60 см от современной дневной поверхности (отметка от репера равна –70). Данный культурный слой (глубина 0.4–0.7 м) с сетчатой, гладкостенной и штрихованной керамикой оказался весьма насыщен находками. В радиусе полутора метров антропоморфную фигурку сопровождали достаточно близко расположенные фрагменты глиняных литейных форм

(29 экз.), фрагменты бронзовых изделий (гривен, полого навершия, височного кольца), капли бронзы и кремневые орудия. По инвентарю культурный слой датирован началом эпохи раннего железа – VII–VI вв. до н.э. В целом инвентарь характеризуется близостью к комплексам круга памятников с текстильной керамикой начала эпохи раннего железа (Патрушев, 1987. С. 29, 30).

Вторая антропоморфная фигурка (рисунок, *3*) была случайно обнаружена коллекционером Н.К. Коптеловым в конце 1980-х годов в размыве левого берега р. Вологды, приблизительно в 400 м выше впадения р. Вёксы, т.е. в центральной части памятника Вёкса (видимо, участки 3–5), где в этот период берег интенсивно размывался. В 2003 г., благодаря содействию одного из авторов, находка передана в фонды ГУК "Кирилло-Белозерский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник" (г. Кириллов Вологодской обл., КБМ 21724, А-5472) и стала доступной для исследования.

Фигурка сохранилась практически полностью, отмечены лишь два слома на внутренних уголках концов стоп. Эта объемная фигурка была изготовлена литьем в одноразовой форме, сделанной из глины по выплавляемой восковой модели. Поверхность фигурки передала характерную, местами морщинистую, поверхность лепной модели. Следы механической обработки фигурки (шлифования) присутствуют лишь на ее верхнем торце. Между стоп отмечены следы обламывания тонкой (до 2 мм) части изделия, которая соединяла концы стоп. Повреждений коррозией не отмечено. Бронза изделия покрыта тонкой плотной патиной темно-зеленого цвета с блестящей поверхностью. В момент осмотра на предмете отмечены следы красноватого минерала, возможно, охры (культурный слой эпохи железа представляет собой, как упоминалось, темно-серый суглинок). Высота предмета 39.5 мм, максимальная ширина приходится на плечи (9.8 мм). Толщина фигурки уменьшается от головы и верха груди (6.0 мм) к ступням ног (2.4 мм). Вес 5.75 г.

Переходя к детальному описанию вещи, необходимо отметить характеризующее ее сочетание верной передачи основных пропорций человеческого тела и подчеркнутой скудости изобразительных средств. Схематизм изображения явился, вероятно, следствием изготовления модели с помощью достаточно грубого орудия – ножа. Использование ножа хорошо заметно в оформлении отделяющих конечности проемов, имеющих вид прорезей, и в моделировке фигурки скоблением – гранями. Экономно и выборочно изображены детали головы: над широким носом нависает гипертрофированно широкий граненый лоб; слегка намечены скулы; сверху и с боков голова также кажется граненой. Шея не показана, туловище начинается с подчеркнутого перехода к выпуклой груди и четко выделенным плечам. Грудная клетка и вытянутые вдоль тела руки спереди выглядят округлыми. Руки показаны прижатыми к бедрам, локти и кисти не намечены. Ноги фигурки расположены параллельно, ступни показаны оттянутыми; колени и пятки не намечены. Половые признаки не переданы, не изображены и какие-либо детали одежды и обуви. Верхняя утолщенная часть головы, выступами по бокам головы напоминающая шапку, не несет черт изображения конкретного головного убора.

Возможно, форма завершения головы обусловлена предполагавшимся функциональным использованием этой детали, например для закрепления нити при привязывании или, скорее, нашивании на одежду. Вероятность именно такого способа использования и размещения фигурки весьма высока: форма ног не позволяет поставить ее на плоскость вертикально, в то же время со стороны спины фигурка изготовлена почти плоской. Отметим, что под основанием "шапки" с левого бока расположено узкое продолговатое углубление (нарезка?). Возможно, углубление было сделано именно для облегчения пришивания. Моделировка рук позволяет допустить и иное назначение фигурки – как пуговицы или разделителя узкого ремешка, но характерная для таких предметов сильная потертость в местах крепления отсутствует. Залощенность выступающих частей свидетельствует, что предмет все же использовался.

Третий предмет (рисунок, *4*) обнаружен в 2000 г. Н.Г. Недомолкиной во время сбора подъемного материала на размываемом рекой участке памятника 3 (Недомолкина, 2000б). Зафиксировано расположение предмета на склоне на отметке, соответствующей глубине 0.6 м от современной поверхности, т.е. в пределах культурного слоя железного века. Предмет был обнаружен механически поврежденным (на рисунке заметны трещины и изогнутость иглы), и при его взятии оказался утрачен раздробленный кончик иглы длиной около 3 мм. Вес сохранившейся части предмета около 6.5 г. Вещь хранится в фондах ВГИАХМЗ (ВГМЗ 36428, А-412).

Этот предмет в отличие от остальных, видимо, являлся функциональным. Он мог использоваться как шило. Орудие имеет рукоятку-навершие в виде антропоморфной стилизованной фигуры. Изображение объемное. Боковыми вырезами и гранями оформлен нос, слегка расширяющийся книзу, широкий и прямой, образующий единую вертикальную линию с прямым, нависающим над лицом лбом. Глаза переданы ступенчатыми срезами нижнего края лба. Ниже глазниц начинается плоская передняя поверхность фигурки, на которой с помощью боковых вырезов обозначены линии плеч. Боковые выемки, видимо, использова-

лись для упора пальцев руки во время работы. Рельеф туловища, одежда, половые признаки не переданы. Тыльная часть всего предмета оставлена полукруглой. Высота сохранившейся части предмета 53.5 мм (превышала 57 мм); максимальная ширина приходится на "плечи" (7.0 мм); наибольшая толщина изделия – на нос антропоморфного завершения и его среднюю часть (по 6.7 мм). Диаметр круглой иглы составляет 3.3 мм в верхней части и 2.2 мм у места слома.

Предмет был изготовлен литьем по восковой модели. Металл заливался в форму сверху: на верхнем торце заметны неровности, образовавшиеся в результате усадки остывающего металла. Фигурка передает особенности сглаживания лепной восковой модели широкими вертикальными гранями, несколько сглаженными затем абразивом. Следы этой обработки модели отмечены практически на всей поверхности изделия в виде горизонтально расположенных параллельных царапин. Однако местами (на изображении головы и у основания иглы) отливкой передана незаглаженная неровная поверхность вылепленной восковой модели. Уже после отливки были обработаны абразивом верхний торец изделия и игла. Ближе к концу игла несет следы особенно интенсивной обработки тонким абразивом (видимо, затачивания) и залощенности. Бронза изделия покрыта плотной патиной светлого серо-зеленого цвета с блестящей поверхностью.

Четвертый предмет (рисунок, *2*) – самый миниатюрный в коллекции. Он обнаружен Н.Г. Недомолкиной в 2001 г. на размываемом рекой участке 3 памятника, в 2–3 м от места находки описанного выше предмета, ближе к урезу воды (Недомолкина, 2001). Находка хранится в фондах ВГИАХМЗ (ВГМЗ 36218, А-347/1298). Вес предмета около 1.5 г, он сохранился полностью. Следы механической обработки фигурки отсутствуют, она также была изготовлена литьем по выплавляемой модели. Металл заливался в форму по каналу, примыкавшему к вершине головы фигурки. Здесь находится раковина диаметром 3 мм, образовавшаяся в результате усадки остывающего металла; на заднем крае раковины заметен след обламывания бронзы, застывшей на одной из стенок литейного канала. Поверхность фигурки местами сохранила характерную морщинистую поверхность лепной модели. Повреждений коррозией не отмечено. Металл почти повсюду покрыт тонкой плотной патиной темно-зеленого цвета с блестящей поверхностью. Высота предмета 26.0 мм, максимальная ширина приходится на ноги – 6.0 мм. Максимальная толщина предмета 6.5 мм (с петлей), головы – 0.7 мм, туловища и ног – 3.0 мм.

В силу миниатюрности предмета и изготовления модели фигурки с помощью ножа изображение человеческого тела схематизированное. Использование ножа хорошо заметно в оформлении разделяющего ноги проема, имеющего вид прорези, и в моделировке боковыми вырезами и гранями носа, шеи, плеч и рук. Голова моделирована в манере, схожей с той, в которой оформлена голова третьей фигурки. Она изображена также экономно: слегка расширяющийся книзу нос, широкий и прямой, образует единую вертикальную линию с прямым лбом, нависающим над лицом. Глаза также намечены ступенчатыми срезами края лба. При взгляде сверху голова кажется уплощенной сзади и полукруглой спереди. Ниже глазниц начинается плоская передняя поверхность фигурки, на которой с помощью боковых вырезов обозначены линии скул, ограничившие лицо, а ниже – шея и плечи. Руки, не отделенные от тела, показаны контуром как вытянутые, прижатые к бокам туловища; боковыми вырезами намечены лишь нижние концы рук. Ноги фигурки расположены параллельно. Концы ног соединяет горизонтальный элемент, замыкающий проем между ногами. Не изображены локти и кисти, колени и ступни, рельеф туловища, половые признаки. Не переданы и какие-либо детали одежды. Сзади фигурка (исключая овальную в сечении петельку) практически плоская. Подобная петелька встречается на зооморфных подвесках – пуговицах или украшениях – характерных как для давно известных пермских древностей (см., например, Новокрещенных, 1914. Табл.), так и для недавно изученных территориально близких комплексов первых веков нашей эры в Молого-Шекснинском междуречье (Башенькин, Васенина, 1994).

* * *

Подводя некоторые итоги, отметим, что предметы коллекции передают лаконичный и, видимо, иконографически устоявшийся антропоморфный образ. Моделированные сходно с нашими предметами бронзовые антропоморфные изображения получили достаточно широкое распространение в европейской России в раннем железном веке. Территориально достаточно близки изделия культового литья Прикамья, где преобладает барельеф, а изделия обычно отливаются в односторонних открытых формах. К этой группе близка первая фигурка нашей коллекции. Близкие аналогии ей можно указать, например, в антропоморфных изображениях из старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 1980. Рис. 1). Плоская фигурка с Вёксы как по стратиграфическим данным, так и типологически относится к VII–VI вв. до н.э.

Уверенно указать хронологическую и культурную принадлежность трех объемных антропоморфных фигурок, обнаруженных на размытом участке многослойного памятника Вёкса, нет возможности: аналоги им на территории региона не найдены. Скульптурное оформление фигур встре-

чается в раннем железном веке реже, чем плоскостное, наиболее известны находки из Прикамья и с центрально-европейских памятников гальштаттской культуры. Близкие по типу предметы происходят и из западной части Дагестана (Гаджиев, 1997), и с юго-востока Чечни (Марковин, 1989). Последние находки датируются разными исследователями в диапазоне от раннего железного века до раннего средневековья. Найденные на поселении Вёкса скульптурные антропоморфные фигурки на основании технологических и стилистических особенностей можно предположительно отнести к раннему железному веку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Башенькин А.Н., Васенина М.Г. Зооморфные украшения Молого-Шекснинского междуречья раннего железного века // Культура Русского Севера. Вологда, 1994.

Васильев С.Ю. Стратиграфия поселения Вёкса (участки 1–5; по материалам раскопок 1990, 1992 гг.) // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.

Гаджиев М.С. Две бронзовые статуэтки из Дагестана // РА. 1997. № 2.

Марковин В.И. Дагестан и Юго-восточная Чечня в скифо-сарматское время // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Сер. Археология СССР. М., 1989.

Недомолкина Н.Г. Многослойное поселение Вёкса // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000а.

Недомолкина Н.Г. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции в Вологодском и Тарногском районах Вологодской области в 2000 году. Архив ИА РАН. 2000б. Р-I.

Недомолкина Н.Г. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции в Вологодском и Тарногском районах Вологодской области в 2001 году. Архив ИА РАН. 2001. Р-I.

Никитинский И.Ф. Поселение раннего железного века Вёкса I на реке Вологде // Послужить Северу...: Историко-художественный и краеведческий сборник. Вологда, 1995.

Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костище // Тр. Пермской губ. уч. архивной комиссии. Вып. XI. Пермь, 1914.

Патрушев В.С. Антропоморфные изображения из Старшего Ахмыловского могильника // КСИА. 1980. Вып. 162.

Патрушев В.С. Отчет о раскопках поселения Вёкса I в Вологодской области в 1987 году. Архив ИА РАН. 1988. Р-I.

Патрушев В.С. Поселение Вёкса I в Вологодской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.

Bronze anthropomorphic figurines from the site Vyoksa, Vologda regin

N. G. Nedomolkina, A. V. Suvorov

Summary

In the paper the collection of four bronze anthropomorphic figurines is considered. The objects originate from the multi-layered site disposed on the Lower Vologda River. Only one statuette was recovered in the course of excavations, three others are chance finds from the washed out deposits. The authors have carried out detailed stylistic analysis of the discussed objects of mobile art. They come to the conclusion that the figurines should be viewed as the interpretations of certain anthropomorphic image characterized by stable iconography. Some stylistic and technological features link the Vyoksa figurines with the castings of religious character typical of the Kama region and North Caucasus. The statuettes may be preliminary dated to the Early Iron Age.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 124–125

ПУБЛИКАЦИИ

БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЙ НОЖ ИЗ СОБРАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО МУЗЕЯ

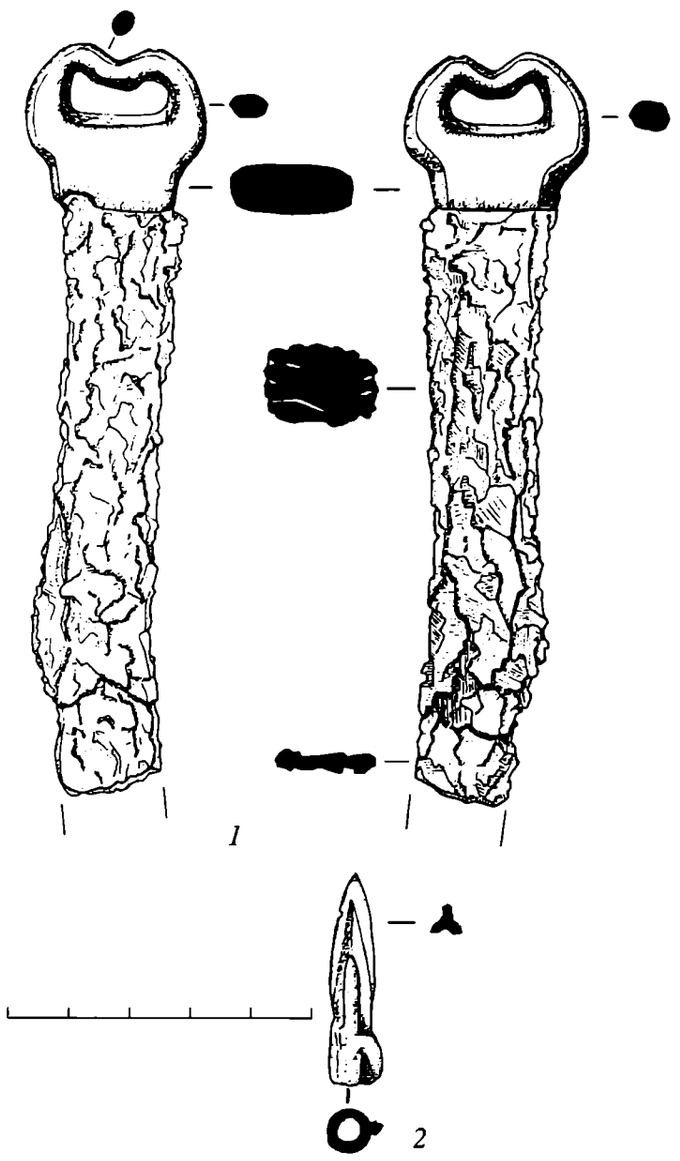
© 2004 г. С. Б. Вальчак*, А. В. Пьянков, Е. А. Хачатурова**, В. Р. Эрлих***

* *Институт археологии РАН, Москва*

** *Краснодарский историко-археологический музей-заповедник*

*** *Государственный музей Востока, Москва*

В фондах Краснодарского историко-археологического музея-заповедника (КГИАМЗ) хранится обломок железного ножа с бронзовым навершием рукояти (рисунок, *1*), найденный в 1994 г. на берегу Краснодарского водохранилища в районе городища № 2 у хут. Ленина в Краснодаре. Эта находка поступила в музей и хранится вместе с бронзовым наконечником стрелы (рисунок, *2*), но о нахождении этих вещей в одном археологическом комплексе сведений нет.



Биметаллический нож и бронзовый наконечник стрелы из собрания Краснодарского музея.

У ножа сохранились часть железного клинка и рукоять с бронзовым навершием, железные части изделия сильно корродированы (рисунок, *1*). Общая длина изделия 11.6 см. Судя по сохранившейся части клинка, он был однолезвийным, его продольная ось образовывала с осью рукояти тупой угол (сохранившаяся длина клинка 1.6 см, ширина 1.6–1.7 см, толщина у спинки до 0.3 см). Железная рукоять ножа длиной 10 см имеет подпрямоугольную форму и такое же сечение. Ширина рукояти около 1.7–2.0 см, толщина 1.0–1.3 см. В нижней части рукояти наблюдается уступ, который отделяет ее от клинка, а рядом с ним, на одной из узких сторон рукояти, имеется сильно корродированный выступ. Верхняя часть рукояти увенчана прилитым бронзовым навершием, которое состоит из втулки овального сечения и уплощенно-овального в плане ("калачевидного") завершения с "вдавлением" в середине его верхней части. Высота навершия 2.55–2.75 см, максимальная ширина 2.95–3.0 см. Высота втулки различна с каждой из сторон и достигает 0.6–0.75 см. Ширина втулки 2.0 см, толщина 1.3 см.

Какие-либо аналогии ножу в памятниках Восточной Европы нами не обнаружены. Наиболее характерны подобные формы для памятников Минусинской котловины в Южной Сибири. Биметаллические ножи тагарской культуры специально и комплексно рассматривались М.А. Дэвлет наряду с бронзовыми, биметаллическими и железными кинжалами хакасско-минусинского производственного центра. Исследователь изучила несколько экземпляров, "у которых ручки бронзовые, а лезвия железные". Ножи были признаны "обычными тагарскими формами: однопетельчатыми и кольчатыми" (Дэвлет, 1968. С. 30. Рис. 3). Приводимые М.А. Дэвлет минусинские ножи имеют отлитую вместе с навершием рукоять, которая прилита на пяту или черенок железного клинка. Отмечая сосуществование бронзовых и биметаллических но-

жей с навершиями различных типов и редкость изделий из железа в тагарской культуре, М.А. Дэвлет объяснила эти факты стремлением древних мастеров к экономии "ценного светлого металла", отнеся изготовление биметаллических ножей к несколько более позднему периоду, чем изготовление биметаллических кинжалов (1968. С. 31).

Краснодарский нож очень похож на один из железно-бронзовых ножей Минусинского края (Дэвлет, 1968. Рис. 3, *3*), но, исходя из концепции исследователя, может считаться результатом дальнейшего развития этой категории находок. Из бронзы у рассматриваемого экземпляра отлито только навершие, клинок и рукоять ножа откованы из одной железной полосы. По терминологии М.А. Дэвлет, навершие краснодарского ножа определимо как овально-кольчатое, с вдавлением в средней части верхнего контура (1968. С. 35). Такие навершия имеются на бронзовых тагарских кинжалах и, по всей вероятности, являются гибридной формой между "грифоновыми" и "антенными" навершиями, с одной стороны, и "овально-кольчатыми" – с другой. Наиболее близким прототипом (более сложной формы) краснодарской находки является навершие бронзового ножа из тагарского памятника Большой Хабык в Минусинской котловине (Членова, 1992. Табл. 86, *31*). Впрочем, мы не можем исключить и вероятность одновременного производства однотипных бронзовых и биметаллических изделий.

Исходя из имеющихся аналогий, найденный в Краснодаре тагарский нож можно датировать (в широких рамках) концом VI–IV в. до н.э. Находка этого ножа в прикубанском памятнике является интересным свидетельством контактов населения юга Восточной Европы и азиатской части Евразии в скифское время.

Исследование проведено в рамках проекта РГНФ №01-01-38002а/Ю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дэвлет М.А. Из истории освоения металлургии железа на Среднем Енисее // СА. 1968. № 1.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Сер. Археология СССР. М., 1992.

A bimetallic knife from the collection of the Krasnodar museum

S. B. Valchak, A. V. P'yankov, E. A. Khachaturova, V. R. Erlikh

Summary

A fragment of a bimetallic knife, its handle being surmounted with a bronze pommel (Fig. 1) was found in 1994 on the Krasnodar reservoir bank, more exactly, near the fortified settlement 2 at the locality Khutor Lenin in the town of Krasnodar. The authors suggest analogies for the find among the Tagar-type bimetallic (iron plus bronze) knives originating from the sites in the Minusinsk depression. A wide chronology is suggested for the find from the late 6th to the 4th cc. BC.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 126–134

ПУБЛИКАЦИИ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РЕМЕННЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГИМ
(проблемы атрибуции, датировки, интерпретации)

© 2004 г. Г. Г. Король*, Л. В. Конькова**

*Институт археологии РАН, Москва

**Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Среди археологических коллекций ГИМ есть несколько собраний второй половины XIXв., в которых представлены средневековые ременные (сбруйные и поясные) украшения из цветного металла (в основном бронзовые) конца I–начала II тыс. н.э. с территории Саяно-Алтая. Они входят как в сборные коллекции разновременных древностей с разных территорий, найденные при разных обстоятельствах (например, собрание П.С. Уваровой или М.П. Погодина), так и в собрания предметов (случайно найденных или купленных) с конкретной территории (например, собрание А.В. Адрианова из быв. Минусинского уезда Енисейской губернии). Чаще всего в описях таких коллекций для саяно-алтайских ременных украшений нет указаний на конкретный пункт находки предмета, а дано лишь наименование уезда, губернии или края в целом. Тем не менее такие объекты правомерно включаются в источниковедческую базу научных изысканий и дополняют находки из комплексов или случайные с точным местонахождением, хранящиеся в музеях разных городов и даже стран (например, коллекции в музеях Хельсинки, Гамбурга)[1]. Кроме того, где бы такие предметы ни хранились (пусть и депаспортизованные), они легко узнаваемы, и их трудно перепутать с изделиями того же времени с других территорий. Тем не менее критический подход к такого рода источнику как сборные коллекции археологических предметов без детальной паспортизации все же необходим. База археологических источников, накопленных к настоящему времени на территории Восточной Европы и Центральной Азии, и увеличение количества публикаций материала позволяют на этой основе конкретно, по разным регионам, проследить происхождение и распространение тех или иных вещей. Основой сравнительного анализа для решения вопросов атрибуции и датировки является комплексный подход с оценкой как морфологии предметов, так и технологии их производства и системы орнаментации.

К рубежу тысячелетий сложились определенные традиции изготовления ременных наборных украшений (поясной и сбруйной гарнитуры всадника), происходящих из Саяно-Алтая. Преобладала технология тонкостенного литья с использованием восковой модели, а также ажурное литье в период расцвета технологии. Предметы были украшены рельефным орнаментом, преимущественно растительных (геометризованных) форм, имеющих свою специфику и свой набор наиболее распространенных композиций. Именно эти особенности и характеризуют несколько предметов из хранящегося в ГИМ собрания древностей, найденных в начале XX в. в Донской губернии между Таганрогом и Ростовом при строительстве железной дороги; часть коллекции происходит из г. Симферополя Таврической губернии[2]. С уверенностью утверждать, что запись в коллекционной описи № 980 соответствует действительности, мы не можем, хотя есть примеры нахождения накладок ременной гарнитуры разного происхождения в одном комплексе (Путь из варяг в греки..., 1996. С. 53, 54. № 283, 284). Но мы можем с уверенностью говорить, что эти предметы не имеют ни аналогий в Восточной Европе, ни корней в традициях населявших ее народов, ни в ремесленных традициях производственных центров, обслуживавших разные территории большого региона (Федоров-Давыдов, 1976; Айбабин, 1977; Мурашева, 2000; Фонякова, 1998; Макарова, Плетнева, 2002 и др.). Именно поэтому несколько предметов из этой коллекции с юга Восточной Европы заслуживают специального рассмотрения с целью их точной атрибуции и датировки. Сравнительный анализ формы предметов, технологии их изготовления, особенностей декора на уровне евразийских изделий конца I–начала II тыс. н.э. пока-

[1] По сведениям сотрудников Бийского музея, часть предметов из раскопок средневековых памятников в Алтайском крае, возможно, была вывезена в 1920-е годы в Чикаго. Но наша переписка с музеями Чикаго (Field Museum of Natural History и The Art Institute), куда могли бы попасть древности такого рода, не принесла положительных результатов.

[2] ГИМ, № 54746/оп. 980 (№ 1–93). Собрание Г.Д. Филимонова и И.Д. Беляева (поступление из Румянцевского музея). Точные место и условия находки не известны. В коллекцию входят и другие ременные украшения определенно европейского происхождения; а также браслеты, проволочные женские украшения и пр., возможно, происходящие из Симферополя.

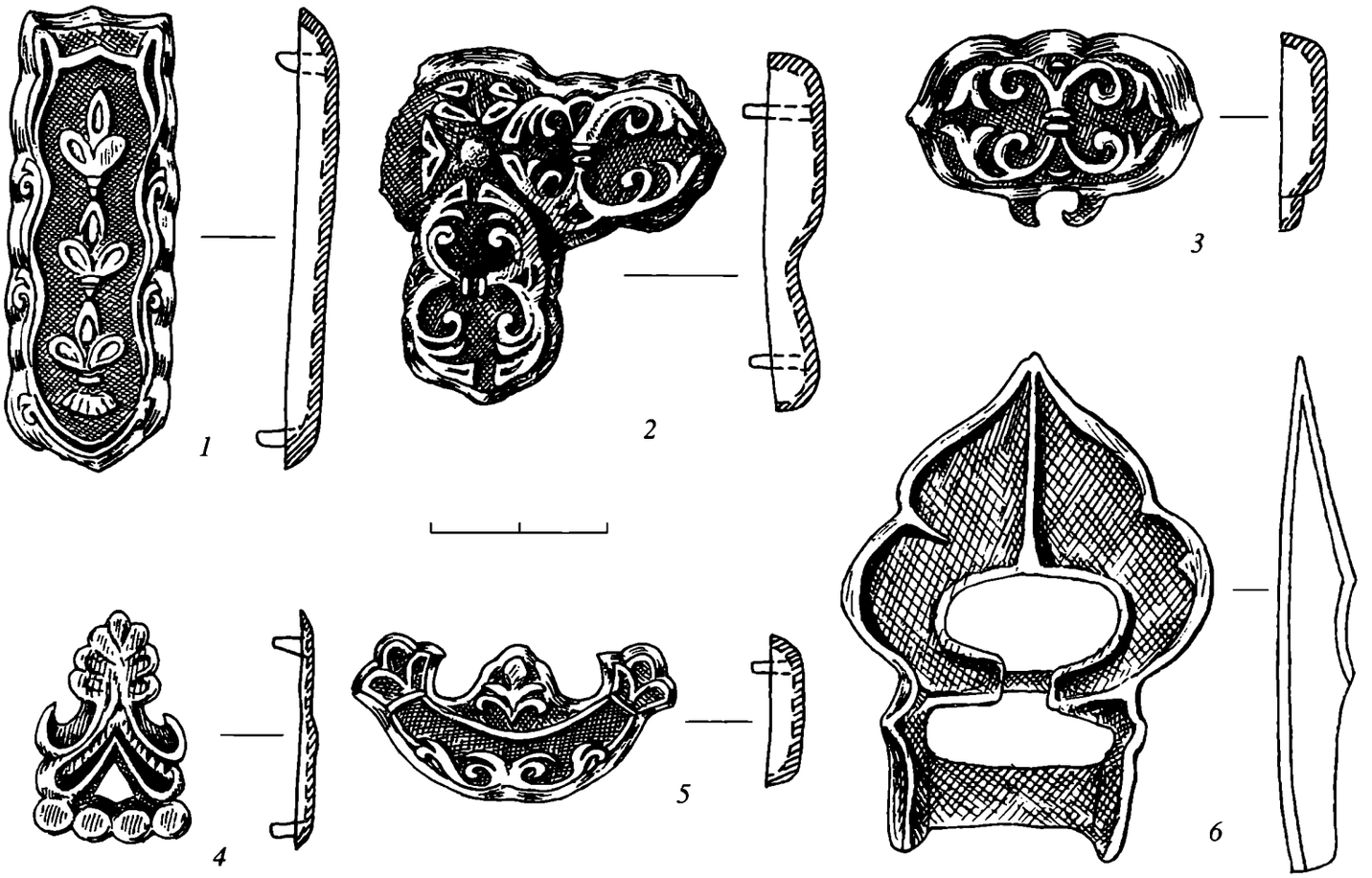


Рис. 1. Предметы, найденные на юге России, из коллекции Г.Д. Филимонова и И.Д. Беляева. ГИМ. Коллекция № 54746/оп. 980. Бронза. *1* – ременный наконечник (№ 36); *2* – накладка Т-образная (№ 37); *3* – накладка с ушком (№ 41); *4* – накладка в виде пальметты (№ 45); *5* – накладка в виде трехрогой лунницы (№ 42); *6* – пряжка (№ 32).

зывает, что они происходят из Саяно-Алтайского региона.

Атрибуция

Рассматриваемая группа предметов (рис. 1) состоит из шести экземпляров: бронзовые ременный наконечник, накладки разных форм и пряжка. Четыре предмета (рис. 1, *1–4*) имеют не просто аналогии в саяно-алтайском материале, они идентичны украшениям поясной и сбруйной гарнитуры, имеющим там широкое распространение.

Ременный наконечник (рис. 1, *1*) со следами позолоты. Размеры: длина – 5.1 см, ширина – 1.6 и 1.9 см. Орнаментальная композиция относится к типу II (растительный), подтипу 1 (трилистники и трехлепестковая пальметта), группе а2 (трилистники со штрихом в каждом листе) по типологии, разработанной для южносибирского орнамента середины IX–середины XI в. (Кызласов, Король, 1990. С. 98, 142. Табл. XXI, *62*). Нам известны 22 идентичных предмета (в том числе два фрагмента) с территории Минусинской котловины на Енисее в предгорьях Западного Саяна, шесть – из Тувы (верховья р. Енисей), три – из северо-западных предгорий Алтая, один – из Семиречья; всего 32 экз. (рис. 2, *1–4*)[3]. Идентичны по размерам и орнаменту рассматриваемому нами экземпляру накладки из Алтайского края, очень близки – из Минусинской котловины. Некоторые из них также со следами позолоты. Кроме того, одни – немного крупнее (чуть больше по длине накладки и по ширине боковых бортиков), другие – наоборот, но есть и практически одинако-

[3] Помимо аналогий, приведенных на рисунках, имеются следующие. Минусинская котловина. Минусинский музей: № 5847, 5848, 5850 (Тюхтятский "клад", все экз. опубликованы: Fettich, 1937. T. 2. Taf. XXIV, два нижних ряда; Киселев, 1949. Табл. LXI, *1*, 5-ый и 6-ой ряды), 5907 (д. Трифонова), 5910 (д. Тюхтяты), 5998 (фрагмент, гора Изых), 6474, 6483 (д. Потрошилова), 9728/30; музей ТГУ: № 3413, 3414, 6287/185; МАЭ: № 57/14 (фрагмент "из кургана в Сагайской степи"); музей археологии КГУ (АКУ-81) – 2 экз. (Руденко К.А., 2001. Рис. 1, *2*, *3*); Национальный музей в Хельсинки и Этнографический музей в Гамбурге (Fettich, 1937. T. 2. Taf. XIX, *3*,*16*); могильник Кирбинский Лог, курган 3, могила 1, раскопки П.Г. Павлова, Е.Д. Паульса, 1982 г. – 2 экз. (Савинов и др., 1988. Рис. 10, *4*). Тува. Музей ТГУ: № 6041/186, 188, 191-194 (степь Бай-Булун, курган 21, раскопки А.В. Адрианова, 1915 г. – Кызласов, 1983. Рис. 2, *11*). Семиречье. Случайная находка в окрестностях г. Алматы (Археологическая карта..., 1960. Табл. VIII (окончание), *199*).

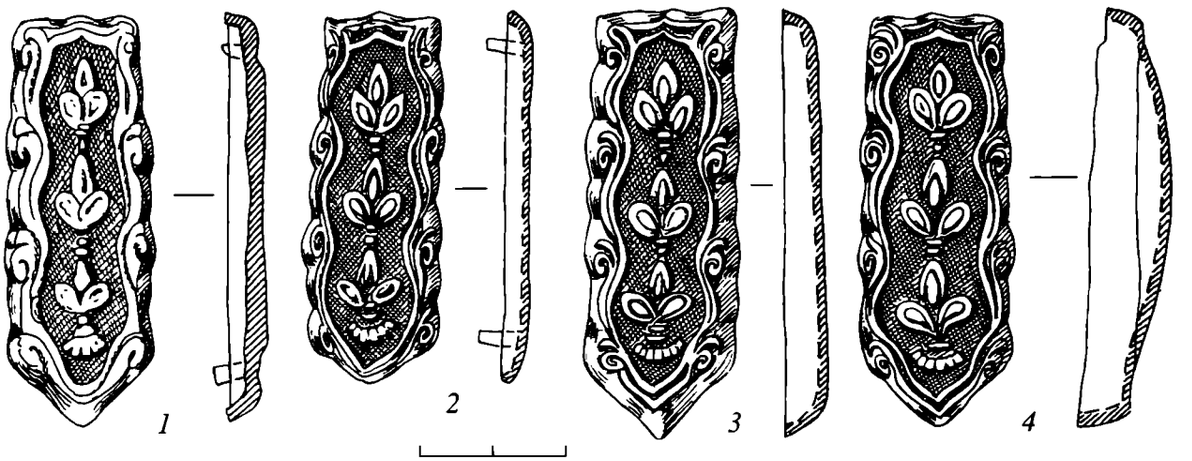


Рис. 2. Аналогии ременному наконечнику. Бронза. *1* – Филин I, курган 1, три экз. (по: Горбунов, Тишкин, 1999. Рис. 1, *9–11*); *2* – Тюхтятский "клад", 1902 г. Минусинский музей, № 5851; *3* – Минусинский край. Коллекция П.К. Корнилова. ГЭ, Отдел Востока, № СК–277; *4* – Минусинский уезд. Коллекция С.К. Кузнецова. Музей ТГУ, № 5–889 (старый № 6272/889).

вые. Незначительная разница в размерах могла быть результатом использования готовой накладки хорошего исполнения в качестве матрицы для многократного тиражирования (Конькова, Король, 1999. С. 59). Кроме того, идентичность системы орнаментации встречается на накладках, используемых в различных частях сбруи или в поясном наборе, которые могли иметь ремни разного функционального характера и, соответственно, разного назначения. Отсюда и другая возможная причина отличий в размерах накладок. На известных нам экземплярах иногда фиксируются и незначительные различия в деталях орнаментального оформления основания композиции.

Накладка Т-образная (рис. 1, *2*). Размеры: высота – 4 см, длина лопасти – 1.9 см, ее ширина – 1.8 см. Орнаментальная композиция относится к типу II (растительный), подтипу 2 (пальметты в виде бутона и его вариантов с двумя симметрично загнутыми листьями или завитками), группе а3 (усложненные композиции) (Кызласов, Король, 1990. С. 99, 143. Табл. XXII, *33*). Идентичные находки, а также близкие аналогии, отличающиеся лишь размерами и мелкими деталями орнаментального оформления, известны в Минусинской котловине – 11 экз. (в том числе три во фрагментах) в Туве – 1 экз., на Алтае – 4 экз., всего 16 экз. (рис. 3, *1–3*)[4].

Накладка с ушком (рис. 1, *3*). Размеры: длина – 3.3 см, ширина – 1.8 см, с ушком – 2.2 см. По типу орнамента идентична предыдущей, Т-образной накладке, и относится к той же типологической группе (Кызласов, Король, 1990. Табл. XXII, *32*). Имеет в качестве аналогий как идентичные экземпляры, так и слегка отличающиеся, как и в предыдущем случае. Всего нам известно 40 экз., среди них – 34 экз. из Минусинской котловины, пять – с Алтая (северо-западные предгорья и Кузнецкая котловина), один – из Тувы (рис. 3, *4–7*)[5].

Накладка в виде пальметты, вырастающей из четырех "перлов" (рис. 1, *4*). Размеры: длина – 2.6 см, ширина в основании накладки – 1.7 см, в основании верхней части – 1.1 см. Фигурная накладка с подтреугольным отверстием в нижней части представляет собой семилепестковую пальметту с двумя симметрично почти под прямым углом отогнутыми кверху листьями с чуть загнутыми внутрь концами и расположенными под ними двумя симметричными подовальными листьями, которые опираются или "вырастают" из четырех округлых "перлов" – основания всей пальметты[6].

[4] Минусинская котловина. Минусинский музей: № 5944 (фрагмент, гора Изых), 6462, 6469 (д. Потрошилова), 9728/30 (три фрагмента от двух накладок); музей ТГУ: № 6281; сборы И.А. Лопатина: ГЭ, ОАВЕиС, № 5531/1877; МАЭ: № 240/38, 42 (д. Анаш). Тува. ГЭ, ОАВЕиС: № 2349/64 (могильник Тора-Тал-Арты, курган 4 – Нечаева, 1966. Рис. 6, *3*). Алтай. Собрание П.С. Уваровой, 1887 г.: ГИМ, № 54321/50–52.

[5] Минусинская котловина. Минусинский музей: № 6472, 6485, 6486, 6490–6499 (д. Потрошилова?), 6069–6074, 6077–6079, 6081 (д. Малая Ничка), 9728/30; музей ТГУ: № 6271; собрание А.В. Адрианова, 1896 г.: ГИМ, № 36228/10–15 (д. Анаш; по-видимому, одна из них опубликована в ОАК за 1896 год. Рис. 428); МАЭ: № 240/42 (д. Анаш). Тува. ГЭ, ОАВЕиС: № 2349/58 (могильник Тора-Тал-Арты, курган 4, раскопки Л.Г. Нечаевой, 1959 г.). Алтай. КемГУ: могильник Сапогово, курган 12 (?), № 24, раскопки А.М. Илюшина, 1988 г.; собрание П.С. Уваровой, 1887 г.: ГИМ, № 54321/42–43.

[6] В большинстве публикаций эти накладки даны в "перевернутом" виде, что, вероятно, соответствует их расположению на ремнях. Для удобства описания и в соответствии с возможным видением мастера, создававшего подобные изделия, мы принимаем за основание прямую горизонтальную полосу из "перлов". (О происхождении "перлов" в орнаменте и распространении их в раннесредневековом искусстве см., например: Воронина, 1959. С. 103, 126; Дьяконова, 1969. С. 94 и др.; Лубо-Лесниченко, 1987. С. 87 и др.)

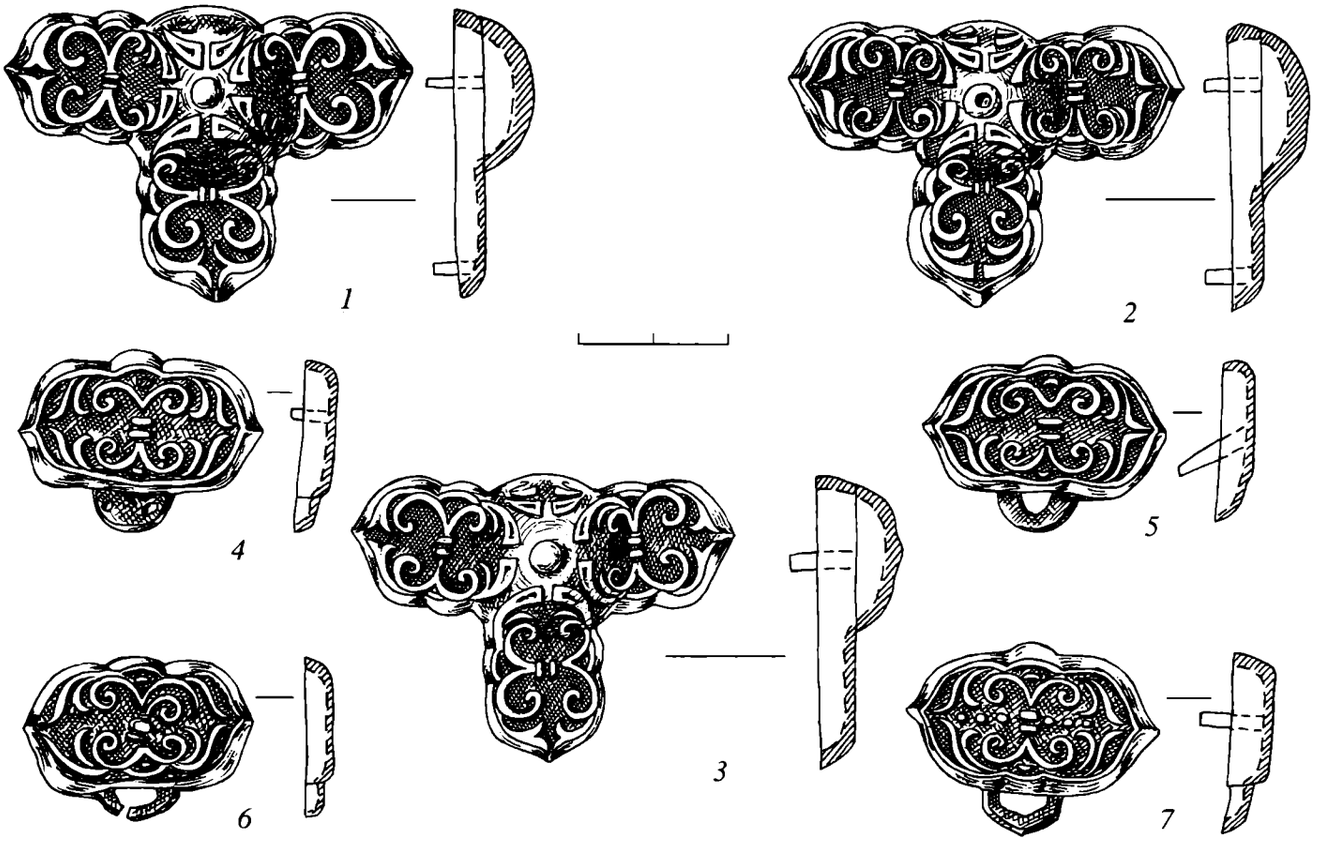


Рис. 3. Аналогии Т-образной накладке и накладке с ушком. Бронза. *1* – Гилёво XII, курган 2. Алтайский краевой музей (Барнаул), коллекция № 14559 (Могильников, 2002. Рис. 86, *15*, позолочена); *2* – сборы до 1928 г. (д. Потрошилова). Минусинский музей, № 6458; *3* – сборы до 1904 г. (с. Верхняя Коя). Минусинский музей, № 5936; *4* – Гилёво XII, курган 2. Алтайский краевой музей (Барнаул), № 14559/30. А–956 (Могильников, 2002. Рис. 86, *16*, позолочена); *5* – сборы до 1928 г. (д. Потрошилова?). Минусинский музей, № 6484; *6* – Ур-Бедари, курган 53, могила 3 (раскопки М.Г. Елькина). Музей КемГУ (повреждена двумя отверстиями на поверхности); *7* – сборы до 1928 г. (д. Малая Ничка). Минусинский музей, № 6068.

Верхняя ее часть – трилистник с выступающим центральным бутоном и двумя парами чуть более крупных нижних лепестков, все они оформлены углубленными линиями. Подовальные лепестки нижней части украшены чуть выпуклыми валиками с насечками, расположенными в углубленных пазах. Нам известны 15 экземпляров. Почти все практически идентичные находки происходят с Алтая: девять штук – из западных предгорий в верховьях р. Иртыш (Рудный Алтай), пять – из северо-западных предгорий; и лишь одна – из Минусинской котловины (по-видимому, именно она опубликована как находка из могильника на р. Абакан – Радлов, 1896. Табл. X, *14*) (рис. 4, *1–3*)[7].

Изначально композиция в виде пальметты связана с переднеазиатскими традициями, которые проявляются в иранских влияниях на Алтае в скифское время. Разнообразные пальметты, в том числе с отогнутыми кверху листьями, "вырастающие" из прямоугольного удлиненного основания, хорошо представлены и в орнаменте, и в виде кожаных накладок, а также деревянных фигурных подвесок в конской упряжи (Руденко С.И., 1960. Рис. 130, 131). В раннем средневековье, в период существования Первого и Второго Тюркских каганатов, это направление влияний также было несомненным. Отдаленный прототип рассматриваемым нами фигурным накладкам можно увидеть в золотой нашивной бляшке с фестончатыми краями и орнаментом в виде древовидной пальметты, в основании которой шесть "перлов", из клада, датированного VI-VIII вв., у д. Терехино на р. Томи в Кузнецкой котловине (ОАК за 1909 и 1910 годы, 1913. Рис. 284, 3-ий снизу ряд, в центре; Кулемзин, Бородкин, 1989. С. 49, 50, 140. № 479; хранится в ГЭ).

На территории юга Восточной Европы также известны разные варианты рассматриваемой композиции в хазарское время. Их появление связывается с влиянием Согда и Византии на искусство. Среди известных нам примеров бронзовых, сереб-

[7] Алтай. Западные предгорья, верховья р. Иртыш. Могильник Пьяный Яр 1, курган 2, могила 2 – восемь экз. (Алехин, 1998. Рис. 3, *20, 21*). Северо-западные предгорья. ГЭ, Отдел Востока: № СК-722, 756 (Змеиногорск); могильник Гилёво VII, курган 4, погребение 2, костяк II, "ряд серебряных якорьковых бляшек", вероятно, ременных, украшавших край берестяного колчана (Могильников, 2002. С. 23, 177. Рис. 48, *14*); одиночный курган Поповская Дача, могила 4 (Горбунов, Тишкин, 2001. Рис. 1, *13* – позолочена).

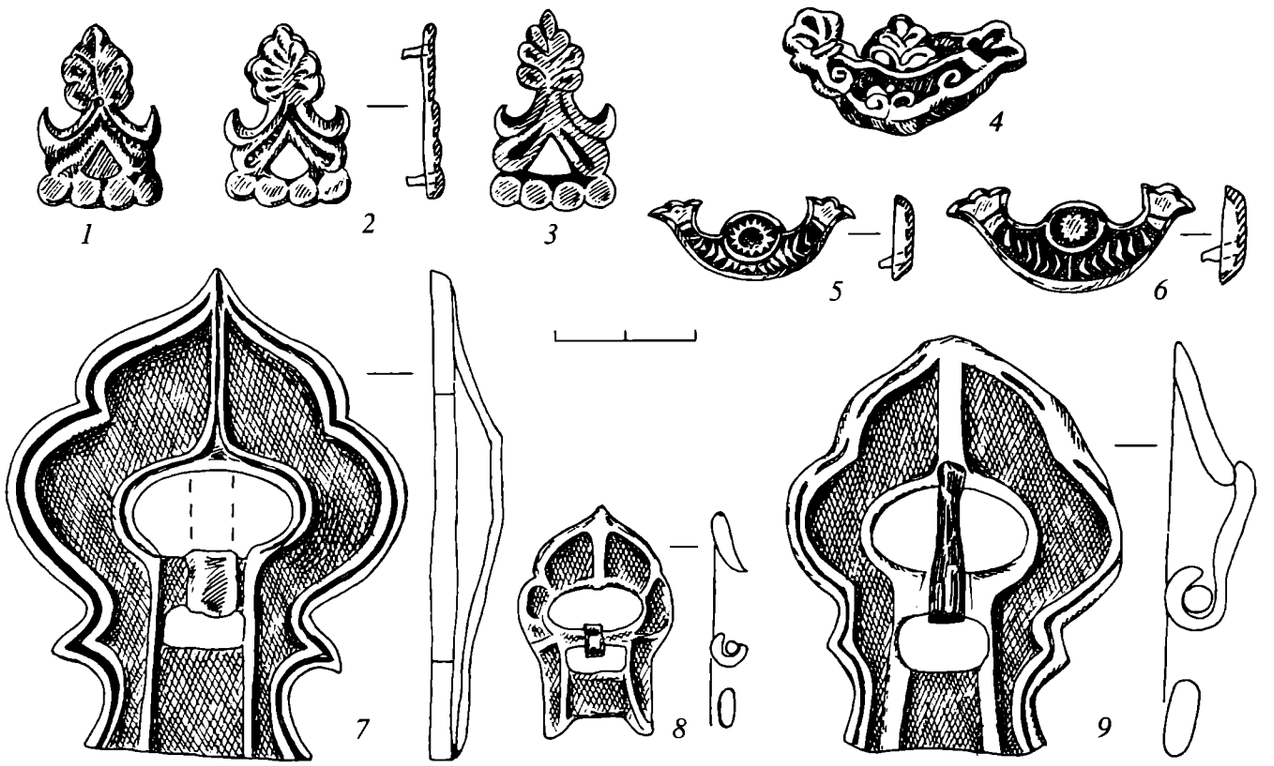


Рис. 4. Аналогии накладкам в виде пальметты, в виде трехрогой лунницы и пряжке. Бронза. *1* – Минусинский край (возможно, из кургана на р. Абакан). Минусинский музей (по: Fettich, 1937. T. 2. Taf. XXV, *13*); *2* – Ивановка III, курган 2. Музей КемГУ (Алехин, 1998. Рис. 2, *4*); *3* – Пчела, курган 10, раскопки С.С. Черникова, 1954 г. (по: Археологическая карта..., 1960. С. 123. № 1730. Табл. IX (окончание), *255*, из белого сплава; в Усть-Каменогорском музее сохранилась только фотография); *4* – Филин I, курган 1 (по: Горбунов, Тишкин, 1999. Рис. 1, *1* – верхняя); *5* – Шадринцево 1, курган 1 – шесть экз. Музей Алтайского ГУ (Барнаул) (Неверов, Горбунов, 1996. Рис. 6, *1–6*, верхние); *6* – Туяхта (Туекта), курган 4 – пять экз., раскопки С.М. Сергеева, 1935 г. Горно-Алтайский музей, коллекция 423, № 1–29, 30, 31, 32, 33; *7* – Ивановка III, курган 2 (по: Алехин, 1998. Рис. 2, *1* – с железным язычком); *8* и *9* – Ахмирово I, курган 7 (по: Суворова, Ткачев, 1995. Рис. 5, *19* и *21*, с железным язычком).

ряных и золотых поясных накладок есть как сложные ("флористические") варианты пятилепестковой пальметты (Комар, 1999. Таб. 3, *76*; Иванов и др., 2000. Рис. 3, *2–4*), так и более простые, с центральной частью в виде трилистника и тенденцией к схематизации всей композиции (Комар, 1999. Таб. 3, *74*; материалы из раскопок Н.А. Охонько 1983 г. в с. Садовое Ставропольского края, хранящиеся в Ставропольском музее), одна накладка в виде пятилепестковой пальметты представляет собой крайне схематизированный вариант (Баранов, 1990. Рис. 51, *7*). Фигурная накладка упрощенного варианта (с трилистником) известна из памятника лесной зоны (Седов, 1974. Табл. XXV, *13*; Нефёдов, 2002. С. 132, 133. Рис. 1, *15*). Датируются эти находки исследователями в пределах середины VII–VIII в. (с уточнениями для конкретных памятников). Основания, из которых "вырастают" пальметты известных нам композиций этого времени, различны, но среди них нет полосы "перлов". Основания в виде "перлов" в нескольких вариациях распространены на венгерских ременных украшениях эпохи "обретения Родины", конца IX–X в. Среди них есть и стилизованный до геометризма вариант рассматриваемых нами фигурных накладок, представляющий собой треугольник с отверстием в центре, вершина его венчается трилистником, а в основании расположена полоса из "перлов" между двумя гладкими полосами (Fettich, 1937. T. 2. Taf. LVIII, LIX).

Таким образом, на территории Южной Сибири, Восточной и Центральной Европы в раннем средневековье зафиксированы близкие по замыслу, но разные по исполнению варианты рассматриваемой фигурной композиции. Они возникают под воздействием развитого искусства разных государств того времени, имеющего общие более древние корни.

Накладка в виде трехрогой лунницы с элементами растительной орнаментации, со следами позолоты (рис. 1, *5*). Размеры: длина – 3.6 см, ширина по центральной линии – 1.7 см, в основании концов – 0.6 и 0.7 см. Концы фигурной накладки имеют вид трилистников, поверхность их орнаментирована разными по конфигурации трилистниками. Центральная выступающая часть накладки оформлена фестончатым краем, подчеркивающим изображенную на ней пальметту.

Нижний край накладки украшен пальметтой без бутона и симметричными завитками с отростками над ними. Композиция состоит из отдельных простых элементов, которые подчеркивают фигурные детали накладки и изгиб ее основания. По центральному изображению (пальметте) композицию условно можно отнести к типу II (растительный), подтипу 2 (пальметты...), группе а2 (простые композиции), в сочетании с другими элементами типа II (Кызласов, Король, 1990. С. 98, 99, 142, 143. Табл. XXI, *52*; XXII, *29*, *34*, *35*). Идентичная накладка нам известна только одна (рис. 4, *4*) – из северо-западных предгорий Алтая. Отметим, что она происходит из того же комплекса, что и три ременных наконечника (см. рис. 2, *1*), – из кургана 1 могильника Филин I. Остальные аналогии, в том числе приведенные на рис. 4, *5*, *6*, по форме и орнаменту представляют упрощенный вариант этого экземпляра. Таких накладок 13, в том числе одна серебряная. Все они найдены на Алтае, в северных и северо-западных предгорьях[8].

В Восточной Европе середины VII–X в. известны как накладки в виде трехрогой лунницы (Комар, 1999. Таб. 1, *100*), так и подвески (Путь из варяг в греки..., 1996. С. 60, 61. № 385) с окончаниями в виде трилистников разной степени стилизации (подвеска – с ложнозерненым орнаментом на поверхности, предположительно из Моравии). Но они по облику кардинально отличаются от рассматриваемых нами.

Исследование технологии изготовления накладок из коллекции ГИМ и их центральноазиатских аналогий на основе макроанализа выявило единую систему высокоразвитого ремесла. Все предметы изготовлены в единой традиции – технике литья по восковой модели, о чем уже говорилось, – и представляют собой пустотелые объемные накладки со штифтами на оборотной стороне и рельефным орнаментом на лицевой стороне. Результатом отливки по восковой модели была матрица, которая впоследствии становилась основой для изготовления рабочих форм в пластической массе. Качество изготовления накладок очень высокое, что отражается в четкости, проработанности высокого рельефа, тонкостенности самих изделий, завершенности обработки поверхности (отсутствие пор, заусениц и других технологических погрешностей на готовых вещах). Такая технология широко распространена в Евразии в раннем средневековье. Качество металла и мастерство исполнения, как показали проведенные исследования, значительно различаются по регионам Евразии. Мы сочли необходимым обратить внимание на технологию, так как в данном случае имеет место сочетание наиболее важных характеристик изделий: формы, технологии, системы орнаментации и качества исполнения, а также качества металла. Качество металла для изготовления данных предметов отвечает требованиям технологии. Использовавшийся металл обладал свойством жидкотекучести, которая позволяла получать высокоточные сложные отливки с высоким рельефом. В ряде случаев фиксируется позолота на поверхности изделий, что также характерно для традиций средневековой торевтики Евразии.

Пряжка щитковая, фигурнорамчатая (подтреугольная, с фестончатым краем и рельефной поверхностью), язычок не сохранился (рис. 1, *6*). Размеры: длина по центральной линии – 5.3 см, ширина щитка – 2.7 и 3 см, ширина рамки по линиям выступающих частей – 2.8 и 4.1 см. Поверхность пряжки украшена "валиками". Один проходит по центру пряжки и разделяет ее на две части, второй – окаймляет пряжку в виде бортика, подчеркивающего фестончатый край. Такой тип украшения поверхности (прямые и кривые линии) можно отнести к геометрическому типу I (Кызласов, Король, 1990. С. 142). Идентичные экземпляры нами не выявлены. Близкие по форме аналогии, но отличающиеся по общим размерам, размеру и форме щитка и другим деталям, известны из северо-западных и западных предгорий Алтая (рис. 4, *7–9*). Одна из них происходит из комплекса с накладкой в виде пальметты (Ивановка III, курган 2 – см. рис. 4, *2*).

Технология изготовления пряжки полностью совпадает с технологией изготовления пряжек аналогичного типа из памятников Алтая. Пряжки имеют сложный профиль, который образуется в процессе отливки. Первоначально изготавливалась восковая модель (следы залащивания и срезания воска видны на лицевой поверхности пряжек), по которой отливалась матрица. Впоследствии матрица использовалась для тиражирования отливок, как и в случае с накладками.

Датировка

Итак, первые три из описанных предметов, возможно, найденных на юге России в начале XX в., имеют идентичные или близкие аналогии в материалах преимущественно с территории Минусинской котловины, но есть аналогии в находках и с Алтая. Последние три предмета имеют аналогии исключительно с территории Алтая, в основном ее северо-западных и западных предгорий. Можно предположить, что в совокупности этот набор, представленный (судя по аналогиям из раскопанных комплексов) уздечной гарнитурой и, возможно, деталями украшения других предметов воинского снаряжения (колчана, поясной сумочки), можно отнести к шадринцевскому этапу сросткинской культуры Алтая, второй половины X–первой половины XI в. (Неверов, 1991. С. 182; Суворова, Ткачев, 1995. С. 260; Неверов, Горбунов,

[8] Алтай. Бийский музей: № А-44/849 (могильник Сростки I, раскопки М.Д. Копытова, 1925 г.); могильник Гилёво IX, курган 6, насыпь (Могильников, 2002. Рис. 69, *1* – серебро).

1996. С. 187; Горбунов, Тишкин, 1999. С. 141; 2001. С. 287; Шиготарова, 2001. Рис. 3, *12*; Могильников, 2002. Рис. 218, *21*).

Интерпретация

Трудно смоделировать пути проникновения рассмотренных нами предметов на территорию Восточной Европы (если исходить из достоверности записей в описи коллекции). В Южной Сибири с середины IX в., после падения Уйгурского каганата, господствовавшего прежде, утвердился Кыргызский каганат, или Древнехакасское государство. Почти на 100 лет оно распространило свое влияние на огромные территории Центральной Азии (Савинов, 1984. С. 89–103; Кызласов, 1992. С. 76, 77) и освоило торговые пути в самых разных направлениях вплоть до весьма отдаленных стран от Западной Европы и Переднего Востока до Китая (Кызласов, 1984. С. 112–123; Лубо-Лесниченко, 1989. С. 4–9; Длужневская, 1992. С. 225–227; Бутанаев, Худяков, 2000. С. 128, 129; История Тувы. Т. 1, 2001. С. 133–136). Торговый путь из Южной и Западной Сибири в Восточную Европу в раннем средневековье также был прослежен по археологическим и письменным источникам (Кызласов, 1984. С. 116–121; 1987. С. 79–87). Возможно, описанные находки – дополнительные свидетельства действенности этого пути. Существует мнение и о том, что отдельные южносибирские вещи единовременно попали в Восточную Европу "вместе с кочевниками – носителями центральноазиатских культурных традиций" в середине–третьей четверти X в., что могло быть вызвано политической ситуацией в Центральной Азии и очередною волной тюрков, двигавшихся на запад (Михайлов, 1997. С. 256).

Независимо от того, верна ли информация о нахождении рассмотренных нами предметов на юге Восточной Европе, мы можем констатировать их определенно саяно-алтайское (скорее, алтайское) происхождение (под происхождением мы понимаем регион наибольшего распространения и популярности изделий, не имея в виду место производства, так как это отдельная тема для специального исследования). Сравнение их с основным восточноевропейским материалом, широко распространенным на своей территории, показывает, что саяно-алтайские ременные украшения (преимущественно бронзовые) рубежа I–II тыс. н.э. не оказали заметного влияния на технологию и художественные особенности изделий ремесленных центров, обслуживавших местное население Восточной Европы (мы не говорим об общетюркских формах многих изделий, распространенных в Евразии повсеместно, наличие отдельных "похожих" по форме или орнаменту на южносибирские экземпляры предметов лишь подтверждает общую тенденцию). Следовательно, для этого времени затруднительно говорить о каком-либо реальном технологическом и художественном, шире – этнокультурном влиянии из Саяно-Алтайского региона (Южной Сибири).

На относительно хорошо исследованной территории Восточной Европы выделены свои ремесленные центры, производившие большое количество изделий, и ремесленно-художественные школы, оказавшие заметное и значительное влияние на формирование традиций декора (Рыбаков, 1948. С. 492–497; Гупало, Ивакин, 1981. С. 105–113; Орлов, 1983. С. 29–47; 1984. С. 24–44; Гаврилина, 1987. С. 63–67; Макарова, 1991. С. 31–42; Комар, 2000. С. 73–75; Мурашева, 2000. С. 91–96). Южносибирская (или саяно-алтайская) традиция мелкой художественной пластики из цветного металла хорошего качества была неотъемлемой частью евразийского художественного стиля конца I–начала II тыс. н.э., характеризовавшегося пышностью и преобладанием растительных геометриризованных форм в орнаментации. Но попадавшие изредка в Восточную Европу тем или иным путем отдельные предметы этого круга не могли принести что-то принципиально новое в Восточную Европу, хотя украшения эти и отличаются оригинальностью и своеобразием и представляют, на наш взгляд, некий "пик" в развитии стиля.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 01–06–80109.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. Салтовские наборные пояса из Крыма // СА. 1977. № 1.

Алехин Ю.П. Мировые религии и мировоззрение народов Южной Сибири в VIII–X вв. по материалам Рудного Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. Новосибирск, 1998.

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.

Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История Енисейских кыргызов. Абакан, 2000.

Воронина В.Л. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959.

Гаврилина Л.М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X–XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник сросткинской культуры Филин I – аварийный памятник археологии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул, 1999.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сросткинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. Новосибирск, 2001.

Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю. Набор литейных форм для поясных украшений X в. // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981.

Длужневская Г.В. К вопросу об историко-культурных контактах народов Центральной Азии и Сибири в X–XII вв. // Северная Азия от древности до средневековья. Тез. докл. СПб., 1992.

Дьяконова Н.В. "Сасанидские" ткани // ТГЭ. Т. X. Л., 1969.

Иванов А.А., Копылов В.П., Науменко С.А. Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала // Донская археология. 2000. № 1(6).

История Тувы. Т. 1. Новосибирск, 2001.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. № 9.

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. 1999. № 2.

Комар А.В. Византийское влияние в поясных наборах хазарского круга // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тез. докл. Самара, 2000.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Кочевой мир: развитие технологии и декора (художественный металл) // ЭО. 1999. № 2.

Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. Вып. I. Кемерово, 1989.

Кызласов Л.Р. Курганы тюхтятской культуры в Туве (по материалам раскопок 1915–1929 гг.) // СА. 1983. № 3.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.

Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987.

Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.

Лубо-Лесниченко Е.И. "Сасанидские" перлы в Китае // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987.

Лубо-Лесниченко Е.И. "Уйгурский" и "киргизский" пути в Центральной Азии // ТГЭ. Т. XXVII. Л., 1989.

Макарова Т.И. Княжеские (государственные) мастерские и их роль в сложении орнаментального стиля в прикладном искусстве Древней Руси // СА. 1991. № 3.

Макарова Т.И., Плетнева С.А. К вопросу о растительном орнаменте в металлопластике Хазарского каганата // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Тр. ГИМ. 2002. Вып. 135.

Михайлов К.А. Центральноазиатские ременные украшения в материалах древнерусских памятников X века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1997.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.

Неверов С.В. Хронология и периодизация сросткинской культуры Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тез. докл. Барнаул, 1991.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сросткинской культуры Шадринцево 1 // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996.

Нефёдов В.С. Салтовские древности в смоленских длинных курганах // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 17. Мінск, 2002.

Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжениями могильника Тора-Тал-Арты // ТТКАЭЭ. Т. II. М.; Л., 1966.

Орлов Р.С. Південноруский центр художньої металообробки X ст. // Археологія. 1983. № 44.

Орлов Р.С. Північнопричорноморський центр художньої металообробки у X–XI ст. // Археологія. 1984. № 47.

Отчет Археологической Комиссии за 1896 год. СПб., 1898.

Отчет Археологической Комиссии за 1909 и 1910 годы. СПб., 1913.

Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки. М., 1996.

Радлов В.В. Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири (перевод с нем. А.А. Бобринского). СПб., 1896.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Казань, 2001.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.

Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л., 1988.

Седов В.В. Длинные курганы кривичей // САИ. 1974. Вып. Е 1–8.

Суворова Г.И., Ткачев А.А. Кимакские погребения могильника Ахмирово I // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.

Фонякова Н.А. Художественный стиль украшения поясов в Хазарии второй половины VIII – начала X вв. // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.

Шиготарова Т.Г. Бляхи-подвески конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001.

Fettich N. Die Metallkunst der Landehmenden Ungarn. T. 1–2. Archaeologia Hungarica. T. XXI. Budapest, 1937.

Medievae strap decorations from collection of the State Historic Museum (the problems of attribution, chronology and interpretation)

G. G. Korol, L. V. Kon'kova

Summary

A collection kept in the State Historic Museum (Moscow) comprises, in particular, some separate finds that according to the register originate from the South of Eastern Europe. In the collection there are medieval strap decorations of the types unknown among East European materials. Comparative analysis of the finds has been performed; it included investigation of their morphology, technology of production, and ornamentation system. Cultural attribution and chronological position of six artefacts from the collection has been established, the authors present exhaustive information concerning identical or very similar finds of the Sayan-Altai provenance. It makes no difference if the information on the findspot of the discussed objects is reliable or not, their historic interpretation evidences that these items of the Sayan-Altai origin of the 1st–the 2nd millennia AD had not really influenced the fashion in manufacturing the strap decoration of the kind in Eastern Europe in the period in question.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 135–141

ПУБЛИКАЦИИ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КЛЮЧИ И ЗАМКИ ИЗ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ
(по данным археологических исследований)

© 2004 г. А. М. Колызин

Музеи Московского Кремля

В результате длительных исследований культурных напластований Москвы значительно пополнились коллекции различных категорий археологических находок. Некоторые из них стали предметом специального изучения. Обработаны и опубликованы материалы из стекла (Столярова, 1997. С. 93–106), глины (Розенфельдт, 1968; Авдусина и др., 1984. С. 201–212; Панова, 1986; Чернов, 1991а, С. 20–32; 1991б. С. 50–58; Беляев, 1991. С. 14–19; Бойцов, 1991. С. 33–40; Коваль, 1996. С. 169–176; 1997а. С. 104–122; 1997б. С. 94–113; Колызин, 1998. С. 113–122), ювелирные изделия (Панова, 1982, С. 207–218) и некоторые находки из железа (Векслер и др., 1997. С. 114–119).

Данная статья вводит в научный оборот ключи и замки средневекового времени, обнаруженные в культурном слое исторического центра Москвы – Кремля, где в процессе раскопок и археологических наблюдений за строительными работами было обнаружено 29 ключей и 27 замков и их фрагментов (детали корпусов, дужки, пружины).

I. КЛЮЧИ

I. 1. Ключи от навесных замков

В Московском Кремле найдено 27 ключей от навесных замков.

Одними из самых ранних, бытовавших в Москве, являлись ключи от навесных пружинных замков типа Б.

Один был найден вместе с замком в ходе земляных работ, связанных с возведением в древнейшей части крепости в 1838–1849 гг. комплекса Большого Кремлевского дворца (БКД). Рисунок ключа, корпуса замка и дужки с пружиной, выполненный Ф.Г. Солнцевым (рис. 1), хранится в Отделе рукописных, печатных и графических фондов Государственного историко-культурного музея-заповедника "Московский Кремль" и опубликован в "Древностях Российского государства" (Фонд рисунков Ф.Г. Солнцева, № 44754; Древности..., 1853. С. 108. Л. 72).

Второй ключ (МК, Арх. 166), дл. 15.9 см, обнаружен в северной части Соборной площади, в шурфе под Патриаршим дворцом, датируется по сопутствующему материалу XIII в. Он сохранился не полностью – утрачена лопасть.

Третий (МК, Арх. 227), дл. 12.5 см, также найденный под Патриаршим дворцом, происходит из слоя второй половины XIII в. (рис. 2, *1*) (Шеляпина, 1965. С. 12–17. Фото 31). Лопасть сохранилась полностью, стержень в раздвоенной части сильно корродирован.

Ключи типа Б по материалам раскопок в Московском Кремле датируются второй половиной XII–XIII в. По археологическим материалам Великого Новгорода время бытования таких ключей XII–середина XIV в. (Колчин, 1959. С. 79, 80–82. Рис. 67, *1*, *2*; 1982. С. 160, 162; Хорошев, 1997. С. 14, 15), а в Смоленске – 40-е годы XII в.–70-е годы. XIV в. (Асташова, 1999. С. 112, 113. Таб. 2, *б*).

Больше всего в средневековом слое Кремля обнаружено ключей от замков типа В – 8 экз.

Один такой ключ (п/о 610, раскоп II), дл. 7.5 см, выявлен в слоях XII–XIII вв. в 1959 г. при раскопках, связанных со строительством Кремлевского Дворца Съездов (сейчас – Государственный Кремлевский дворец, далее по тексту – ГКД).

Второй (МК, Арх. 139), дл. 11.6 см, найден в 1964 г. под Патриаршим дворцом и датируется по керамическому материалу XIII в. (Шеляпина, 1965. С. 25).

Третий железный ключ (МК, Арх. 264), дл. 6 см, обнаруженный в 1967 г. в юго-западной части Боровицкого холма, в шурфе у Оружейной палаты, датируется второй половиной XII–XIII в. (Шеляпина, 1969. С. 30).

Еще один ключ этого типа (МК, п/о 53), дл. 10.5 см, найденный в 1975 г. на участке между Оружейной палатой и БКД, датируется последней третью XIII в. (Шеляпина, 1975. С. 18. Рис. 23).

Пятый ключ (МК, п/о 36), дл. 9 см, – находка 1988 г. в восточной части Кремля, недалеко от Спасской Башни, – датируется второй половиной XII–первой половиной XIII в. В месте перехода лопасти в стержень имеется сквозное отверстие, появившееся из-за коррозии металла.

Шестой (МК, Арх. 554), дл. 13 см (рис. 2, *2*), обнаружен при раскопках 1979 г. в юго-западной части Кремля, во дворе Оружейной палаты, проис-

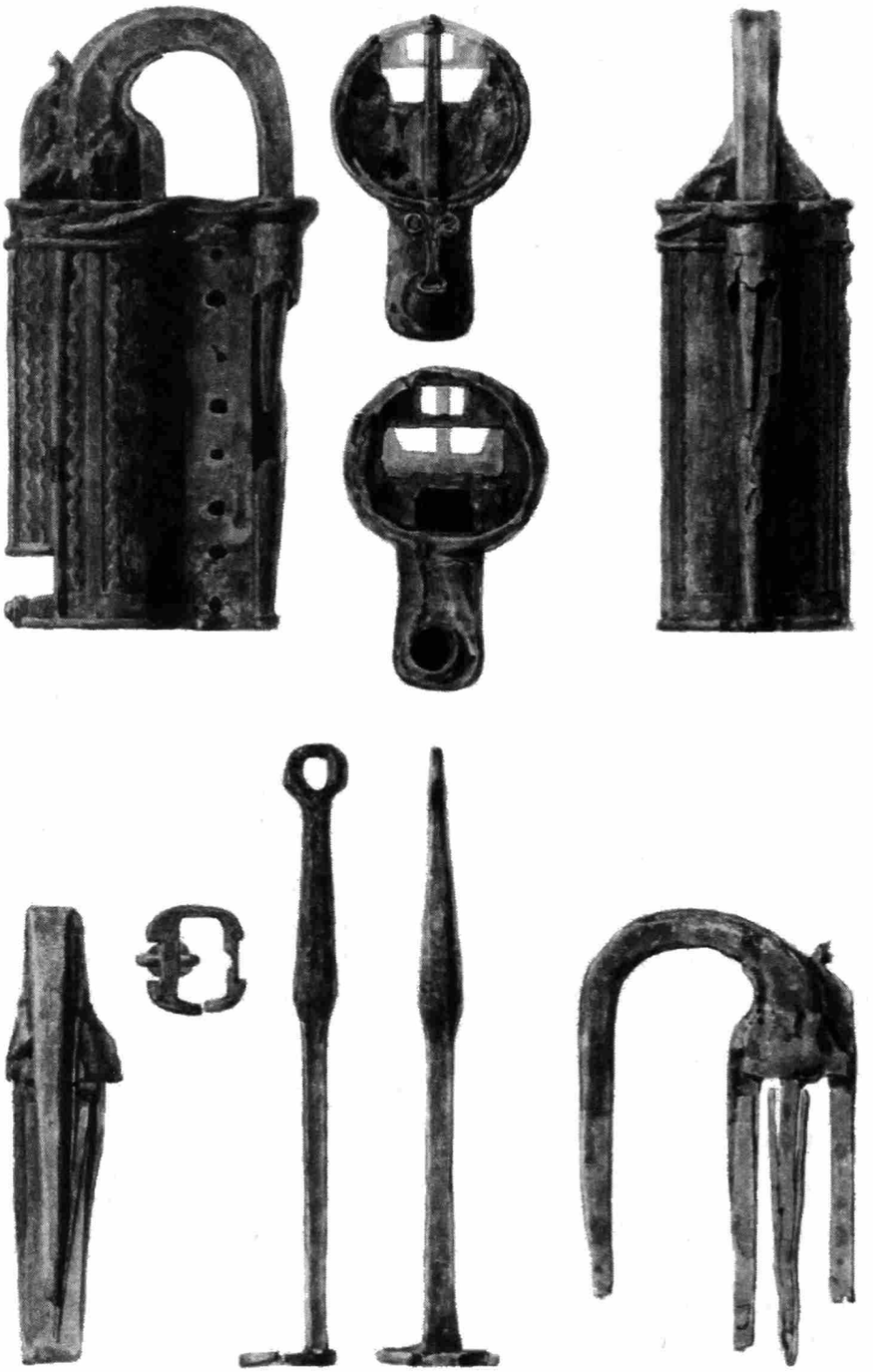


Рис. 1. Навесной замок типа "Б", ключ к нему и дужка этого замка.

ходит из слоя первой половины XIII в. (Авдусина и др., 1989. С. 13, 14)

Седьмой ключ (МК, п/о 375), дл. 5.2 см, найден в 1994 г. в северо-восточной части Кремля при исследовании культурного слоя во дворе здания бывшего Сената. Он зафиксирован в слоях XIV–XV вв. (Панова, 1994. С. 4)

Восьмой (МК, п/о 8), дл. 10.5 см, найден в 2000 г. в шурфе возле фундамента западной стены Архангельского собора. Он также происходит из слоев XIV–XV вв.

Все ключи типа В имеют плоский стержень прямоугольного сечения и коленчатую лопасть. Они бытовали в Москве во второй половине XII–XV вв. В Новгороде аналогичные ключи датируются тем же временем (Колчин, 1959. С. 82, 87; 1982. С. 160, 162; Хорошев, 1997. С. 15).

В культурном слое Кремля найдены семь ключей типа В первого варианта (В I), имеющих в месте перехода лопасти в плоский стержень выгиб, в ребре которого был сделан несквозной пропил (Колчин, 1959. С. 81, 82. Рис. 67, *5*, *6*).

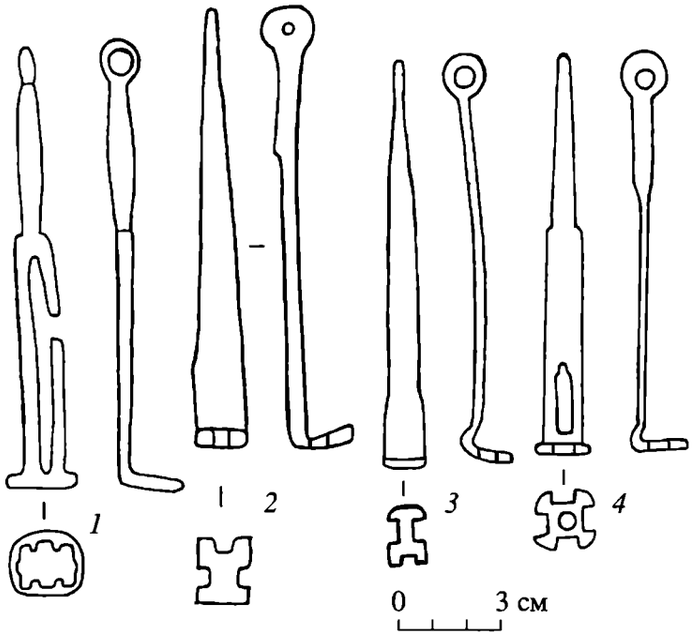


Рис. 2. Ключи от замков: *1* – типа Б; *2* – типа В; *3* – типа В I; *4* – типа В II.

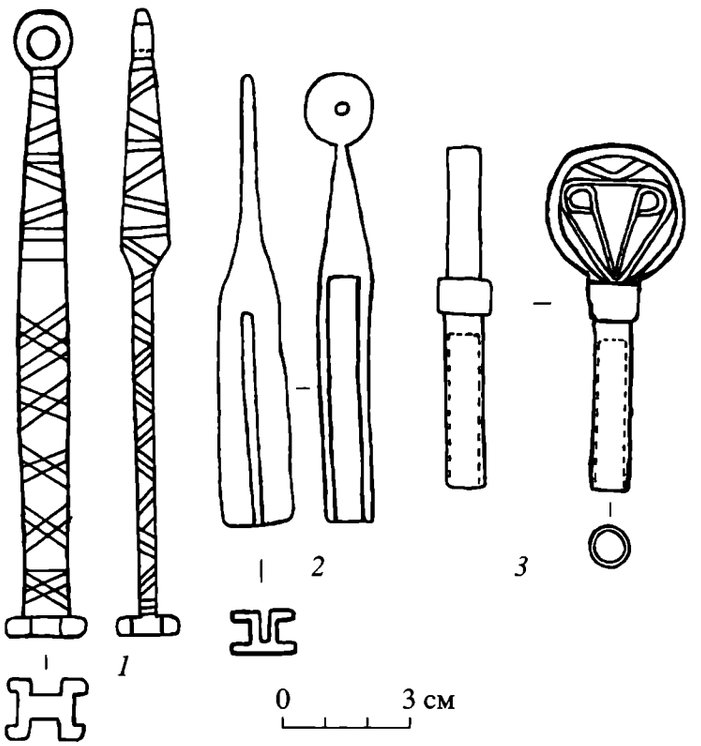


Рис. 3. Ключи от замков: *1* – типа Г; *2* – типов Д и Е; *3* – типа Ж.

Первый ключ (п/о 189, раскоп I), дл. 7.7 см, также обнаруженный при раскопках на месте будущего ГКД, происходит из слоев конца XII–начала XV в.

Три ключа найдены при земляных работах 1964–1965 гг. под Патриаршим дворцом. Два (МК, п/о 318, дл. 11 см; МК, п/о 345, дл. 11 см) – в слоях XIII–XIV вв. (Шеляпина, 1965. С. 5, 31, 36, 45). Третий (МК, Арх. 183), дл. 11.7 см (рис. 2, *3*), датируется по сопутствующему материалу XII–XIII вв. (Шеляпина, 1965. С. 12–17. Фото 31). На одном из них (п/о 318) в месте перехода лопасти в стержень имеется сквозное отверстие, возникшее вследствие коррозии металла.

Ключ (МК, Арх. 553), дл. 7 см, найденный при раскопках 1979 г. во дворе Оружейной палаты, происходит из слоя второй половины XII в. (Авдусина и др., 1989. С. 13, 14).

Два ключа типа В первого варианта найдены в 1994 г. при земляных работах во дворе здания бывшего Сената. Первый (МК, п/о 376), дл. 9.3 см, – в слоях XIV–XV вв., второй (МК, п/о 378), дл. 11.4 см, – в слоях конца XIII–XIV в. (Панова, 1994. С. 4, 5). Аналогичные ключи в Новгороде датируются концом XII–началом XV в. (Колчин, 1982. С. 160, 162; Хорошев, 1997. С. 15).

В культурном слое Кремля выявлены два ключа от замков типа В второго варианта (В II), которые – в отличие от ключей первого варианта – имели индивидуальный сквозной вырез в плоском стержне. Благодаря вырезу, только данный ключ мог войти в замок, на донце большого цилиндра которого имелся защитный контрольный штифт (Колчин, 1959. С. 81, 82. Рис. 67, *7*, *8*).

Первый ключ был обнаружен при раскопках 1959 г. (раскоп I, п/о 24, дл. 11.7 см), стратиграфически он датируется второй половиной XIII в. (Воронин, 1959. С. 31). Второй найден возле Звонницы в 1968 г. (МК, Арх. 305, дл. 11.7 см), в слое домонгольского времени (рис. 2, *4*). По новгородским материалам ключи типа В второго варианта датируются началом XIII–первой половиной XV в. (Колчин, 1982. С. 160, 162; Хорошев, 1997. С. 15).

В процессе археологических раскопок и наблюдений в Кремле выявлены пять ключей типа Г. Четыре из них происходят из предматерикового слоя (раскоп II, 1959 г., инв. № 410, 413, 414, 435) и датируются XIII в. Причем три происходят с одного квадрата. У двух из них (инв. № 413, 414), длиной, соответственно, 11.6 см и 7.5 см, утрачены лопасти, однако форма стержней всех ключей идентичная. На третьем (инв. № 410) имеются в двух местах небольшие насечки в виде расходящихся в разные стороны шести штрихов-лучиков.

Ключ, обнаруженный при раскопках 1979 г. в юго-западной части крепости, во дворе Оружейной палаты (МК, Арх. 668, дл. 14 см), в слое первой половины XIII в., имеет орнамент на обеих плоскостях и одном ребре стержня. На плоских поверхностях – в виде пересекающихся под косым углом насечек, на ребре – в виде трех повторяющихся, параллельных друг другу штрихов, выполненных иногда с наклоном, иногда вертикально по отношению к горизонтали ребра стержня (рис. 3, *1*). В насечках частично сохрани-

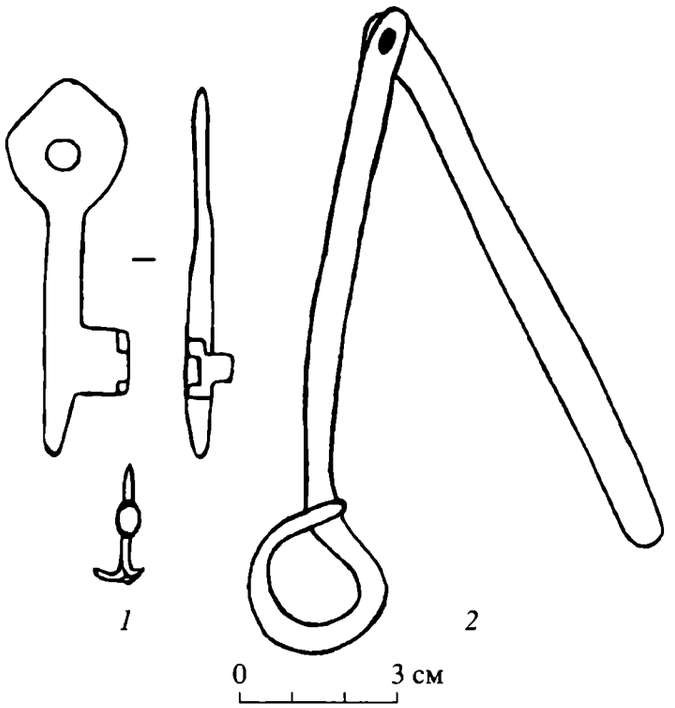


Рис. 4. Ключи от нутряных замков: *1* – обычного типа; *2* – ключ-отмычка от замка-задвижки.

лась инкрустация оловом (Авдусина и др., 1989. С. 14). В Новгороде ключи данного типа обнаружены в слоях середины XIII–первой половины XV в. (Колчин, 1982. С. 60, 162; Хорошев, 1997. С. 15), в Московском Кремле – в слое XIII в.

Единственный лабиринтообразный ключ типов Д или Е (МК, п/о 383, рис. 3, *2*), дл. 8.5 см, найден при земляных работах 1994 г. во дворе здания бывшего Сената, в перекопе, вместе с материалом второй половины XIV–XV вв. (Панова, 1994. С. 16–18). Это не расходится с новгородскими материалами, где ключи типа Д зафиксированы в слоях начала XIV–XV вв., а типа Е – в слоях XV–XVI вв. (Колчин, 1959. С. 82, 86; 1982. С. 160, 162; Хорошев, 1997. С. 15). Известно, что лабиринтообразные ключи имелись у замков типов Д и Е и были совершенно аналогичными (Колчин, 1959. С. 84). Если они найдены отдельно от замков, то невозможно определить, к какому из указанных типов замков они принадлежат.

В Кремле найден один ключ от замка типа Ж (МК, п/о 410, рис. 3, 3), дл. 7.9 см. Он обнаружен в 1994 г. при работах во дворе здания бывшего Сената, в перекопе слоев второй половины XIV–XVI вв. У ключа утрачена бородка. В Новгороде эти ключи бытовали с конца XIV в., известны в XV в. и позже (Колчин, 1959. С. 84; 1982. С. 161, 162; Хорошев, 1997. С. 15). Два ближайших аналога московскому ключу найдены в Коломне в слое XVII в.[1]

[1] Благодарю А.Б. Мазурова за предоставленные материалы.

I. 2. Ключи от внутренних (нутряных) замков

Кроме ключей от навесных пружинных замков, в культурном слое Московского Кремля обнаружены два ключа от нутряных замков.

Один из них (МК, п/о 377, дл. 7 см), от цельнометаллического врезного замка сундука или ларца (рис. 4, *1*), найден в 1994 г. при земляных работах в центральном дворе здания бывшего Сената в слое XII–XIII вв. (Панова, 1994. С. 5). В нижней части продольной бородки, под углом к ее плоскости, имеются три выгиба: один – вправо, два – влево. Датируются такие ключи по новгородским археологическим материалам XII–началом XIV в. (Колчин, 1982. С. 161, 162), а по смоленским – 20–30-ми годами. XII в.–серединой XIII в. (Асташова, 1999. С. 112, 113. Таб. 2).

Другой ключ (МК, Арх. 138) был обнаружен в 1964 г. в северной части Соборной площади, под Патриаршим дворцом. Это ключ-отмычка от замка-задвижки с деревянным засовом (рис. 4, *2*). Его лопасть прикреплена к стержню на шарнире. Длина лопасти 11.2 см при общей длине ключа 23.4 см. В Новгороде ключи-отмычки на шарнирах встречены в слоях XIII-XIV вв. (Колчин, 1959. С. 86, 89. Рис. 72).

II. ЗАМКИ И ИХ ДЕТАЛИ

Навесные и внутренние (нутряные) замки различных конструкций были широко распространены на Руси в средневековье. Если ранние навесные пружинные замки имели, как правило, омедненный корпус, то появившиеся несколько позже внутренние замки, изготавливавшиеся из железа, в большинстве случаев не имели покрытия цветным металлом. С одной стороны, будучи скрытыми, они были значительно меньше подвержены коррозии, с другой – не нуждались в презентабельном оформлении. В последнем случае в качестве декора выступали замочные личины. Основные виды древнерусских замков и их конструкции опубликованы в научной литературе (Рыбаков, 1948. С. 218–223; Розенфельдт Р.Л., 1953. С. 32–38; Розенфельдт И.Г., Розенфельдт Р.Л., 1959. С. 119–121; Колчин, 1953. С. 152–162; 1959. С. 78–94; Никитин, 1971; Хорошев, 1997. С. 16).

II. 1. Навесные замки

Бронзовый навесной пружинный замок, сделанный в виде фигурки фантастического зверя с короткими ногами и подобием рога на затылке, был найден при раскопках 1959 г. на месте будущего ГКД, в слое пожара второй половины XII в. (раскоп II, п/о 545). Размеры замка 7 × 5 × 1.2 см. Он состоит из двух литых и соединенных заклепками половин, похожих, но не совсем одинаковых, и украшенных разным гравированным орнаментом. Голова зверя выполнена реалистически – отчетливо видны глаза, ноздри, рот. На голове

имеется рог. Ноги короткие, с копытцами. Орнамент имеется на верхних частях ног. На правой задней ноге читается лигатура "N–И", на шее слева помещена буква "N".

М.Г. Рабинович считал, что этот замок попал в Москву из Крыма (1964. С. 130, 131). В этом его поддержала Г.П. Латышева (1971. С. 214, 217–220).

М.Д. Полубояринова опубликовала многие археологические находки Волжской Болгарии X–XV вв., обнаруженные на территории Руси. Среди них оказались и аналогичные замки. Исследовательница отметила, что подобные фигурные замочки были широко распространены в средневековье в Европе, Причерноморье, Средней Азии и Иране. Опираясь на то, что указанные изделия часто находят при раскопках на территории городов и поселений Волжской Болгарии, в частности г. Биляра и Мечетного городища, она пришла к выводу, что ближайшие аналоги московскому замку происходят именно из указанного региона. В связи с этим она считает, что рассматриваемый замок был изготовлен на территории Волжской Болгарии. Находка указанного замка в Московском Кремле говорит о связях Москвы с Волжской Болгарией в домонгольское время (Полубояринова, 1993. С. 98).

Другой навесной замок (рис. 1), древнерусский, типа Б, был найден в XIX в. (при строительстве БКД) вместе с ключом, который был рассмотрен выше. Ближайшие аналоги он имеет в новгородском археологическом материале XII–XIII вв. (Колчин, 1959. С. 79, 82, 87. Рис. 70). Возможно, что данный замок и ключ к нему были привезены в Москву из Новгорода. Известны и другие находки новгородских изделий XII–XIII вв. в культурном слое древней Москвы (Авдусина и др., 1984. С. 202; Колызин, 1998. С. 117, 118, 121).

При археологических наблюдениях в Кремле найден замок типа В (или В I) (МК, 1995 г., п/о 66). Его размеры 10 × 5.6 см. Находка происходит из перекопа с керамикой XIII–XVI вв. (Панова, 1995. С. 6–11. Рис. 159, *2*).

Недалеко от Спасской башни в 1976 г. был обнаружен корпус замка без дужки и пружины, принадлежащего первому варианту типа В (МК, 1976 г., Арх. 525, размеры 11.2 × 6.8 см). На поверхности имеются элементы декора: в верхней части большой цилиндр обтянут полосой с зубчатым орнаментом. Корпус покрыт медью. Замок был зафиксирован в слоях XII–XIII вв. (Шеляпина, 1976. С. 8, 9). В Новгороде замки типа В (ВI) датируются концом XII–началом XV вв. (Колчин, 1959. С. 82, 87; 1982. С. 160, 162; Хорошев, 1997. С. 15).

В процессе раскопок на месте ГКД в 1959 г. были обнаружены два замка типа Г (раскоп II, п/о 153, п/о 597). Длина первого – 9.5 см, второго – 11 см. Оба найдены в предматериковом слое и датируются серединой XIII в. (Воронин, 1959. С. 64).

Тогда же был найден замок типа Е (раскоп II, п/о 183). Размеры 8 × 6 × 2.7 см. Замки этого типа, как и типа Д, открывались лабиринтообразным ключом. Датируется изделие серединой XV–XVI в. (Воронин, 1959, С. 35; Колчин, 1982. С. 160, 162; Хорошев, 1997. С. 15).

Из культурного слоя Кремля также происходит замок типа З – один из замков "индивидуальных" форм, обнаруженный в 1960 г. (п/о 10). Он имел специализированное назначение – служил для запирания конских пут (Колчин, 1953. С. 154, 158. Рис. 127, *д*, 131; 1959. С. 84). Его длина 9.3 см, диаметр цилиндра 3 см. Корпус покрыт медью. Замок сохранился не полностью. Дужка имеет с обоих концов петли, одной из которых она соединяется с петлей на корпусе замка. На торце сохранившейся части замка имеется небольшое круглое отверстие, видимо, необходимое для открытия замка. Обнаружено изделие в слоях середины XIII–середины XV вв. (Воронин, 1960. С. 31. № 11).

При раскопках 1959 г. была найдена часть замка (раскоп II, п/о 40), тип которого установить не удалось из-за малого размера фрагмента (Воронин, 1959. С. 57, 58). Находка зафиксирована в слоях XII–начала XIII вв.

Необходимо отметить, что замков типов В второго варианта, Д и Ж в культурном слое Кремля пока не обнаружено, но они, безусловно, бытовали в средневековой Москве, о чем свидетельствуют находки ключей от этих замков.

При археологических исследованиях Кремля было найдено 13 дужек и пружин от навесных цилиндрических замков[2]. Многие из них сохранились в небольших фрагментах или сильно деформированы, поэтому определить, к какому из известных типов замков они принадлежат, не представляется возможным. Однако по ряду признаков можно утверждать, что все они принадлежат замкам типов Б, В (В I, В II), Г, Д.

II. 2. Нутряные замки

Одновременно с навесными пружинными замками на Руси бытовали и нутряные замки от дверей, сундуков, ларцов и ковчежцев, которые открывались поворотными ключами. В Московском Кремле найдено три целых нутряных замка, небольшая часть корпуса и один фрагмент пружины.

Один целый замок (МК, п/о 382/1994) происходит из восточной части крепости, с территории двора здания бывшего Сената. Его размеры 9.4 × 8 см (рис. 5, *1*). Замок однопружинный. Его особенность состоит в том, что он "с секретом": его открыва-

[2] 1959 г., п/о: 110, 555, 585, 609, 646, 657, инв. 455; 1964 г., МК.: Арх. 117, Арх. 118, Арх. 119, Арх. 120; 1994 г., п/о: 381, 384.

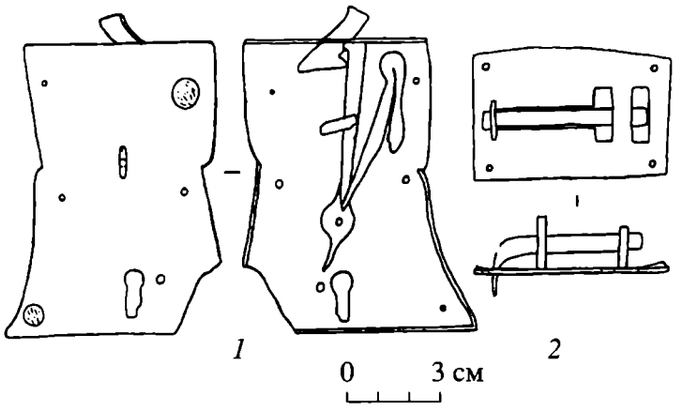


Рис. 5. Нутряные замки.

ли шилом, для которого имелось небольшое круглое отверстие немного в стороне от ложного отверстия для ключа. Происходит находка из слоя второй половины XIV–XV вв. (Панова, 1994. С. 16–18). Такие замки уже были обнаружены при раскопках в Москве (Розенфельдт И.Г., Розенфельдт Р.Л., 1959. С. 120, 121. Рис. 52, *5*).

Второй, обычный нутряной замок (МК, п/о 394), зафиксирован так же в 1994 г. во дворе здания бывшего Сената. Он меньших размеров, 6.2 × 4.1 см, и не имеет отверстия для ключа (рис. 5, *2*). Засов-задвижка этого замка был сделан из железа, а не из дерева, а отверстие для ключа было в двери несколько выше корпуса замка. Открывался он ключом, лопасть которого крепилась к стержню на шарнире. Происходит находка из слоев второй половины XIV–XVI вв.

В том же районе Кремля в слоях второй половины XV–XVI вв. найдена часть корпуса нутряного замка (МК, п/о 385), конструкцию которого в точности восстановить невозможно. На сохранившемся небольшом фрагменте имеется отверстие для ключа. Видимо, это был одно- или двухпружинный дверной или сундучный замок, механизм которого монтировался на пластине трапециевидной формы. Такие замки нашли широкое применение в быту москвичей в XV–XVII вв. (Розенфельдт И.Г., Розенфельдт Р.Л., 1959, С. 119–121. Рис. 52, *2*, *4*, *5*).

Фрагмент пружины нутряного замка (МК, Арх. 503), дл. 6 см, с сохранившимся декором в виде пересекающихся насечек, найден в 1964 г. под Патриаршим дворцом в слоях второй половины XII–XIII вв. (Шеляпина, 1965. С. 12–17, 31. Фото 31).

При археологических наблюдениях 1995 г. на Ивановской площади, у здания бывшего Сената, в слоях домонгольского времени был обнаружен нутряной замок крупных размеров: 22 × 13 см (МК, п/о 17), не имеющий пружины (Панова, 1995. С. 23. Рис. 39). При повороте ключ нажимал на выступ на засове, что приводило к передвижению засова и открытию (закрытию) замка. Обе описанные выше находки свидетельствуют о том, что нутряные замки появились в Москве еще в домонгольское время, а именно – во второй половине XII–XIII вв.

Таким образом, в средневековой Москве бытовали практически все известные типы навесных замков и ключей к ним. Судя по найденным изделиям, самыми распространенными были замки типа В с вариантами В I и В II, а также Б и Г. Среди типов Д, Е, Ж, З в единичных экземплярах найдены либо ключи, либо замки. Они также применялись в быту москвичей, но реже.

Существенно, что в культурном слое Кремля не найдены замки и ключи типа А, которые, судя по материалам раскопок в Новгороде и Смоленске, полностью вышли из употребления в середине XII в. (Колчин, 1982. С. 160, 162; Асташова, 1999. С. 112, 113. Таб. 2, *а*).

Нутряных замков в Московском Кремле найдено мало. Однако находки некоторых из них в слоях домонгольского времени свидетельствуют об использовании их горожанами наряду с навесными замками на самом раннем этапе существования города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // СА. 1984. № 2.

Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д. Археологическое изучение юго-западной оконечности Боровицкого холма // История и реставрация памятников Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. VI. М., 1989.

Асташова Н.И. Хронология смоленских древностей // Археологический сб. памяти Марии Васильевны Фехнер. Тр. ГИМ. 1999. Вып. Ш.

Беляев Л.А. Керамический комплекс из собора Богоявленского монастыря // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991.

Бойцов И.А. Московская красноглиняная керамика XIV–начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О. Обувные подковки XV–XVIII вв. (по материалам раскопок в Москве) // РА. 1997. № 3.

Воронин Н.Н. Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 1959 г. // Архив ИА РАН. 1959. Р–1. № 2004.

Воронин Н.Н. Отчет об археологических работах на территории Московского Кремля в 1960 г. // Архив ИА РАН. 1960. Р–1. № 2128.

Древности Российского государства. Отделение 5. М., 1853.

Коваль В.Ю. Испанская люстровая керамика в Москве // РА. 1996. № 1.

Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Ч. 1 // РА. 1997а. № 2.

Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Ч. 2 // РА. 1997б. № 3.

Колызин А.М. Игрушки и игры XII-XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля) // РА. 1998. № 2.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА. 1953. № 32.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. II. МИА. 1959. № 65.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.

Латышева Г.П. Торговые связи Москвы в XII–XIV вв. (по материалам археологических раскопок 1959–1960 гг. в Московском Кремле) // Древности Московского Кремля. МИА. 1971. № 167.

Никитин А.В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. 1971. Вып. Е 1–34.

Панова Т.Д. Ювелирные изделия из раскопок в Московском Кремле // СА. 1982. № 2.

Панова Т.Д. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле // СА. 1986. № 1.

Панова Т.Д. Отчет об археологических исследованиях на территории Московского Кремля в 1994 г. // Архив ИА РАН. 1994. Р–1. № 19652.

Панова Т.Д. Отчет об археологических исследованиях на территории Московского Кремля в 1995 г. // Архив ИА РАН. 1995. Р–1. № 19654.

Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993.

Рабинович М.Г. О древней Москве. М., 1964.

Розенфельдт И.Г., Розенфельдт Р.Л. О некоторых конструкциях московских навесных и врезных замков XIV–XVII веков // КСИИМК. 1959. Вып. 77.

Розенфельдт Р.Л. Русские замки домонгольского времени // КСИИМК. 1953. Вып. XLIX.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVII вв. // САИ. 1968. Вып. Е 1–39.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Столярова Е.К. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. // РА. 1997. № 4.

Фонд рисунков Ф.Г.Солнцева // Отдел рукописных, печатных и графических фондов Государственного историко-культурного музея-заповедника "Московский Кремль".

Хорошев А.С. Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Чернов С.З. К хронологии московской керамики XIII – середины XV вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991а.

Чернов С.З. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991б.

Шеляпина Н.С. Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // Архив ИА РАН. 1965. Р–1. № 3578.

Шеляпина Н.С. Отчет об археологическом наблюдении в Московском Кремле 1967–1969 гг. // Архив ИА РАН. 1969. Р–1. № 3994.

Шеляпина Н.С. Отчет об археологических исследованиях на территории Кремля в 1975 г. // Архив ИА РАН. 1975. Р–1. № 6127.

Шеляпина Н.С. Отчет об архитектурно-археологических наблюдениях на территории Московского Кремля 1976 г. // Архив ИА РАН. 1976. Р–1. № 6491.

Medieval keys and locks from the Moscow Kremlin

A. M. Kolyzin

Summary

Study of medieval keys and locks, found during archaeological excavations in the Kremlin, shows that in their everyday life Muscovites used nearly all types of locks and keys known in other Russian towns. Certain types were used in Moscow at the same time as in Novgorod. A-type keys, which had been in use till the mid 12th century, haven't been found in cultural layers of Moscow. This fact proves that the town itself appeared somewhere in the mid 12th century, which doesn't contradict written sources and archaeological data.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 142–150

ИСТОРИЯ НАУКИ

ОТТО НИКОЛАЕВИЧ БАДЕР И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА

© 2004 г. С. В. Кузьминых

Институт археологии РАН

О.Н. Бадер принадлежит к тому поколению российских археологов, которое пришло в науку в послереволюционное десятилетие. В 1922 г. его сокурсниками на факультете общественных наук 1 МГУ стали А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, Б.Н. Граков, П.А. Дмитриев, Л.А. Евтюхова, С.В. Киселев, Д.А. Крайнов, О.А. Кривцова, А.П. Смирнов, М.Е. Фосс и др., а их учителем и кумиром – Василий Алексеевич Городцов (Крайнов, 1975. С. 5) (рис. 1).

Городцовская школа привила Отто Николаевичу навыки классификации и систематизации археологического материала и умение использовать типологический метод для реконструкции древнейшего прошлого. Основополагающий исследовательский подход Городцова, являющийся его главной заслугой перед отечественной наукой (Платонова, 2002. С. 270), – необходимость построения культурной стратиграфии региона на базе опорных комплексов – прочно войдет в исследовательскую практику О.Н. Бадера. Однако среди студентов кафедры археологии Бадер оказался одним из немногих, кто преодолел "притяжение" городцовской школы еще в начале творческого пути.

Определяющую роль в его научной судьбе сыграли палеоэтнологическая школа Д.Н. Анучина, сложившаяся при кафедре антропологии 1 МГУ, и ее лидер – Борис Сергеевич Жуков. Очень скоро круг общения и занятия на этой кафедре станут для Отто Николаевича гораздо более важными, чем на кафедре археологии. Лекции, практимумы и семинары Б.С. Жукова, В.В. Бунака и Б.А. Куфтина были направлены на то, чтобы привить студентам комплексный – палеоэтнологический подход к изучению археологических, антропологических, этнографических и лингвистических источников для восстановления облика древних культур (Бадер, 1968). При этом Жуков обращал особое внимание на методику археологических полевых и лабораторных исследований, придавая "первостепенное значение привлечению геологических, палеозоологических, палеоботанических, палеоклиматических данных, фиксации стратиграфических разрезов в раскопках, точному подразделению и обработке вещественного материала по слоям, исчерпывающей фиксации бытовых деталей в раскопках и расположения материала по площади" (Бадер, 1968. С. 236).

Созданные Б.С. Жуковым палеоэтнологическая лаборатория при Институте антропологии и Антропологическая комплексная экспедиция (АКЭ) по Центрально-Промышленной области (ЦПО) явились той научной школой, в которой произошло становление О.Н. Бадера как археолога. Эту школу прошли также А.Е. Алихова, М.В. Воеводский, Е.И. Горюнова, Г.Ф. Дебец, П.И. Зенкевич, А.В. Збруева, М.Г. Левин, С.Ф. Преображенский, М.В. Талицкий, С.П. Толстов, Т.А. Трофимова, Н.Н. Чебоксаров и др., внесшие заметный вклад в развитие советской археологии и антропологии (Бадер, 1968. С. 236). Кроме того, Бадер рано, еще студентом, "окунулся" в музейную работу – сначала в Музейном фонде Главнауки Наркомпроса, а с 1924 г. заведуя археологическим отделом Государственного музея ЦПО. В 1926 г., после окончания университета, Отто Николаевич зачислен в штат Института антропологии (Крайнов, 1975) и входит в круг ближайших сотрудников и помощников Б.С. Жукова (о чем последний неоднократно признается в письмах, адресованных А.М.Тальгрену)[1].

Годы совместной работы с Жуковым во многом определили всю дальнейшую научную деятельность Бадера. Получив методическую подготовку в городцовской и анучинской школах, он рано состоялся как профессионал – археолог и музейный работник. Рано проявился и его организаторский талант. Три совещания палеоэтнологов ЦПО, проведенных в 1926–1928 гг. в Москве и Костроме под общим руководством А.А. Спицына и Б.С. Жукова, в немалой степени обязаны своим успехом кипучей деятельности О.Н. Бадера. Уже в 1920-е годы Отто Николаевич проявил себя как одержимый полевой исследователь, открывший десятки новых памятников на Оке, Верхней Волге, Унже, Ветлуге и их притоках (Крайнов, 1975). Он нередко завершал раскопки с первыми снежными метелями[2].

[1] РОБХУ, фонд 230 (А.М. Тальгрен), папка 5, письма Жукова от 18.05.1925, 24.11.1926 и 15.01.1929 гг.

[2] РОБХУ, фонд 230, папка 2, письмо Бадера от 8.12.1929 г.

Рис. 1. В.А. Городцов с группой учеников, вторая половина 20-х годов. XX в. Слева – направо, верхний ряд: *1* – П.А. Дмитриев; *2* – О.Н. Бадер; *3* – ?; *4* – ?; *5* – ?; *6* – ?; *7* – А.П. Смирнов; *8* – А.В. Арциховский; *9* – ?; средний ряд: *1* – Л.А. Евтюхова; *2* – М.Е. Фосс; *3* – В.А. Городцов; *4* – ?; *5* – ?; *6* – А.Я. Брюсов; *7* – ?; *8* – ?; нижний ряд: *1* – Е.Н. Дмитриева; *2* – В.П. Левашева.

В начале научной деятельности О.Н. Бадер – самостоятельно и совместно с Б.С. Жуковым – обратился к разработке проблем неолита, бронзового и раннего железного веков Волго-Окского междуречья и лесного Заволжья, поскольку основные памятники, раскопанные АКЭ[3], были связаны именно с данными эпохами. Спустя 40 лет, оценивая результаты работ АКЭ, Бадер отмечал, что "еще тогда, в конце 20-х годов, были выделены основные культуры и сформулированы некоторые положения, лежащие в основе наших современных представлений об окской бронзе" (Бадер, 1970. С. 10). Предварительные итоги исследований экспедиции были опубликованы в обзорных статьях Б.С. Жукова (1929; Joukov, 1929) и О.Н. Бадера (Bahder, 1929). Несмотря на лаконичность, они, безусловно, явились этапными для своего времени и, благодаря журналу "Eurasia Septentrionalis Antiqua", принесли авторам европейскую известность. Важно при этом отметить, что "не только российская, но и мировая археологическая практика того времени не знала примера более продуманного подхода к анализу массового керамического материала, чем тот, что был осуществлен в Палеоэтнологической лаборатории при 1 МГУ" (Платонова, 2002. С. 269). Для последующего изучения проблем неолита и бронзового века лесной полосы Восточной Европы методические разработки Жукова оказались существенно более важными, чем сама картина модификации "керамических культур" Волго-Окского междуречья. Бадер при работе с керамикой опирался на те же методические подходы, однако к проблеме выделения археологических культур он подошел скорее по-городцовски. Неолитические поселения Поочья были подразделены на балахнинскую и мещерскую локальные группы, а памятники эпохи раннего металла (ЭРМ) – на три последовательные культуры, а именно: волосовскую (типа Волосово I – Холомониха), поздняковскую (срубно-хвалынского типа) и культуру "текстильной" керамики с кремневым инвентарем.

Работы Б.С. Жукова и О.Н. Бадера конца 1920-х годов, базировавшиеся на полноценных источниках, коренным образом изменили представления об

[3] Поселения Балахнинское, Льяловское, Больше-Козинские I, IV, Волосовское, Сейминское, Николо-Перевоз, Поздняковское, Мало-Окуловское, Велетьминское, Подборновское, Ибердус I-III, Малый Бор, Ефановское, Холомониха, Липкинское, Коренецкое, Нармусоло, Черная гора, Владычинское, Пановское; могильники Мало-Окуловский, Земской, Младший Волосовский; городища Пирово, Лысая Гора, Кондраковское, Русенихинское, Одоевское, Чортово, Богородское и др. (Бадер, 1963а; 1968. С. 236; 1970. С. 8, 9).

ЭРМ Волго-Окского междуречья. Особенно важные результаты принесли масштабные раскопки поселений с послойной фиксацией и полной выборкой керамического материала для последующей камеральной обработки. Это позволило Жукову и Бадеру, пожалуй, одними из первых в отечественной археологии построить периодизацию, основанную на стратиграфическом распределении керамических комплексов. Данный опыт стал шагом вперед по сравнению с разработками В.А. Городцова и А.М. Тальгрена, которые при характеристике окской бронзы – и прежде всего погребальных древностей – опирались на культурно-хронологические сопоставления с южными, восточными и западными культурами.

Нет сомнения в том, что выход на рубеже 1920–1930-х годов монографических работ АКЭ стал бы событием в советской и европейской археологии. Еще в начале 1929 г. были вычитаны гранки 1-го тома трудов Ветлужской экспедиции, в котором, как явствует из письма Б.С. Жукова А.М. Тальгрену[4], "издаются наша (вероятно, Жукова и Бадера – *С.К.*) работа о Ветлужских городищах (10 печ. листов), моя о Пановской стоянке (4 л.) и 1-я серия элементов орнамента (вероятно, труд М.В. Воеводского – *С.К.*)". В середине лета Жуков сообщает Тальгрену о задержке выхода тома до конца года[5]. На очереди – издание монографий о поздняковской и волосовской (Волосово I, по терминологии Жукова) культурах и Сейминском могильнике[6]. Анонс первой из них уже появился на обложке одного из сборников (Материалы..., 1927).

В 1929 г. Б.С. Жуков и О.Н. Бадер стояли на пороге качественно нового этапа исследований. Последний писал в те дни Тальгрену: "Работа нашей лаборатории идет в этом году с большой интенсивностью. Из периода собирательских работ мы начинаем вступать в период осмысливания накопленных материалов..."[7]. Этим планам, однако, не суждено было сбыться. Год надежд наяву стал годом "великого перелома". С арестом осенью 1929 г. Жукова и Куфтина палеоэтнологическая школа 1 МГУ лишилась своих самых ярких лидеров и перестала существовать как единый научный организм. Типографский набор ветлужского тома трудов АКЭ был рассыпан, а сама экспедиция прекратила существование (Бадер, 1968. С. 236). В целом, по признанию А.В. Збруевой (1935. С. 267), археологические работы Института антропологии в течение 1930–1933 годов были существенно свернуты.

Подготовленные или задуманные к изданию совместные труды Б.С. Жукова и его учеников будут опубликованы О.Н. Бадером и М.В. Воеводским спустя годы (Зарецкая, 1975. № 16, 117, 125, 326), но не в полном объеме и уже без участия Бориса Сергеевича. Так и не состоятся монографии о волосовской, поздняковской и культуре "текстильной" керамики. Со временем этой проблематикой займутся археологи ГИМа (И.К. Цветкова, Т.Б. Попова, Б.А. Фоломеев), но полноценно ввести в научный оборот старые материалы АКЭ им также не удастся. Имя и труды Б.С. Жукова будут упоминаться в литературе, однако достойно отметить его вклад в изучение эпох неолита и раннего металла Русской равнины Бадер сможет только в 1960-е годы (Бадер, 1963а. С. 21–24; 1968). Памяти Жукова он посвятит книгу "Бассейн Оки в эпоху бронзы" (Бадер, 1970), замысел которой зародился в далекие 1920-е годы в сотворчестве с его учителем и другом.

Грань 1920–1930-х годов – весьма важная веха в биографии О.Н. Бадера. В 26–27 лет это уже состоявшийся ученый. Его обошли стороной репрессии и чистки, однако арест и смерть Б.С. Жукова в 1933 г. в лагере на Алтае и высылка Б.А. Куфтина в Вологду (Бадер, 1968. С. 235; Формозов, 1995. С. 47) не могли не вызвать психологического надлома. У Бадера, как и у многих его сверстников, были "подрезаны крылья": угроза репрессий лишила их внутренней свободы и вселила в умы и в сердца страх. В частности, в конце 1929 г. обрываются только начавшиеся и многообещающие в научном плане контакты с Тальгреном. Несмотря на разрыв отношений, финский ученый в течение всех предвоенных лет продолжал интересоваться новыми бадеровскими работами, особенно публикациями Лихачевского и Балановского могильников[8].

Внешне карьера О.Н. Бадера в 1930-е годы складывалась вполне благополучно. Он выдвигается как археолог на первые роли в Институте антропологии (рис. 2). По свидетельству Д.А. Крайнова (1975. С. 6–8), в 1931 г. Отто Николаевич становится ученым секретарем Института, а затем и Музея антропологии и секретарем редакционной коллегии "Антропологического журнала"; в 1933 г. его зачисляют в штат Московского отделения ГАИМК, а в 1939 г. назначают ученым секретарем отделения. В эти годы Бадер много преподает – на кафедре антропологии и истфаке 1 МГУ, на Высших музейных курсах Наркомпроса. Среди его студентов-антропологов и археологов тех лет М.С. Акимова, М.И. Урысон. Т.С. Кондукторова, Ю.В. Кухаренко, И.К. Цветкова и др., а также погибшие на войне А. Давидович, Ю. Медведев, Т. Тралло и Р. Малевич, памяти которых он посвятил впоследствии книгу "Балановский могиль-

[4] РОБХУ, фонд 230, папка 15, письмо Жукова от 15.01.1929 г.
[5] Там же, письмо Жукова от 6.08.1929 г.
[6] Там же, письмо Жукова от 15.01.1929 г.
[7] Там же, папка 2, письмо Бадера от 8.12.1929 г.

[8] Об этом недвусмысленно свидетельствуют материалы его рабочего архива в Музейном ведомстве Финляндии (папки "Tallgren 25" и "Pjanobor").

ник". В 1937 г. О.Н. Бадеру по совокупности работ была присвоена ученая степень кандидата исторических наук.

Необходимо отметить, что Бадер стремился сохранить в работе с археологическими источниками верность методам анучинской палеоэтнологической школы[9]. Но, поскольку "марксистская" критика самой школы и в особенности Б.С. Жукова (Равдоникас, 1930. С. 76–78) прямо или косвенно распространялась и на его учеников, в трудах О.Н. Бадера термины "палеоэтнология", "палеоэтнологический" заменяются на иные – "археология", "археологический", хотя последние не были в чести в начале 1930-х. В то же время Бадер старается не злоупотреблять определениями "докласовое" и "родовое общество", но в качестве дани "социологам" ГАИМК термин "культура" иногда используется им как условный, рабочий (Бадер, 1937. С. 27).

О.Н. Бадер – в отличие от ряда ленинградских коллег, а также своих сокурсников А.В. Арциховского, С.В. Киселева, А.П. Смирнова и А.Я. Брюсова – был далек от теоретических "баталий" тех лет. Вероятно, благодаря этому дискуссии и проработки 1930-х годов миновали его стороной. Бадера гораздо в большей степени привлекали практическая работа с источниками и их публикация. Характерно, что в известном ГАИМКовском сборнике "Из истории родового общества на территории СССР" – сборнике явно очеркового характера – статьи О.Н. Бадера и М.В. Воеводского (1935), а также А.В. Збруевой (1935) составляют раздел "Материалы".

В 1930-е годы Бадер – один из наиболее активных полевых исследователей в СССР. Свою роль сыграли не только его одержимость, но и существенно выросшие на волне индустриализации ассигнования на раскопки археологических памятников, особенно в районах новостроек (Формозов, 1995. С. 65). Стремясь сохранить основные направления работ АКЭ, он организовал многолетние Окскую и Чувашскую экспедиции Института антропологии, а также продолжил начатые еще Жуковым обследование и раскопки стоянок палеолита и мезолита в Горном Крыму. В 1932–1937 гг. О.Н. Бадер возглавлял одну из крупнейших новостроечных экспедиций тех лет – Московско-Волжскую, а также руководил работами 4-го отряда Верхневолжской экспедиции ГАИМК. Данные работы не принесли заметного пополнения фонда источников по ЭРМ, которым он располагал на рубеже 1920–1930-х годов. Не привели они и к коренному пересмотру ранее обнародованных представлений об окской бронзе. Причиной тому, судя по всему, его огромная занятость, существенное расширение хронологического и тематического диапазона научных интересов и, вероятно, надежда на то, что проблематика ЭРМ Поочья станет делом его учеников А.В. Давидовича и Ю.М. Медведева. Именно на них Бадер возложил продолжение разведочных поисков в Окском бассейне, которые, как он оценивал впоследствии, "обогатили науку обильным и разнообразным материалом эпохи бронзы и других эпох" (Бадер, 1970. С. 11). Давидович и Медведев были его ближайшими помощниками при раскопках Подборновского поселения на Оке (1937, 1939 гг.) и Балановского могильника в Чувашии (1934, 1936, 1937 гг.) – наиболее значимых среди исследованных памятников ЭРМ тех лет.

Рис. 2. О.Н. Бадер перед выездом в экспедицию, 20-е годы XX в.

В списке печатных работ О.Н. Бадера 1930-х годов основную массу составляют информационные заметки и публикации (Зарецкая, 1975). Однако среди них выделяются две статьи (Бадер, 1937; 1939), в которых обсуждается вопрос о хозяйственной основе населения фатьяновской культуры. Вероятнее всего, они являются откликом на социальный "заказ" тех лет, когда изучение социально-экономической проблематики было признано важнейшим направлением исторических исследований (Формозов, 1995. С. 59). В этих статьях Бадер пришел к выводу о ведущей роли животноводства у населения фатьяновской и поздняковской культур. Опираясь на палеозоологические исследования, это заключение было вполне обоснованным. Другой вывод – о вероятном знакомст-

[9] См., например, (Зарецкая, 1975. № 16, 32, 36, 49, 54, 64).

ве фатьяновцев с подсечно-огневым земледелием и о земледельческом характере носителей поздняковской культуры – основывался на косвенных данных и в дальнейшем не получил подтверждения в специальных палеоботанических исследованиях. В этих же работах фатьяновская культура рассматривается как местная по происхождению, а поздняковская – как пришлая, появление которой на Оке связано с наступлением ксеротермического периода.

Годы войны стали тяжелым испытанием в судьбе О.Н. Бадера. Отто Николаевичу пришлось испить долю, которая, казалось бы, миновала в 1929 г., – пройти лагерным путем своего учителя Б.С. Жукова. Ополчение, тюрьма во Владимире (Формозов, 1998. С. 203), лагерь в Магнитогорске и Свердловске, спецотряд-"шарашка" под Нижним Тагилом (Макаров, 2001. С. 12, 13), а после войны невозможность в течение десяти лет вернуться в Москву сломали не только привычный жизненный уклад, но и сложившуюся научную и педагогическую карьеру. Однако жизнестойкость и неудержимое стремление к археологической деятельности помогли О.Н. не только выжить, но и вновь обрести любимое дело.

После окончания войны и недолгой работы в краеведческом музее Нижнего Тагила О.Н. Бадер в 1946 г. был приглашен на должность доцента в Пермский университет (ПГУ) для чтения курсов лекций по археологии, истории первобытного общества и этнографии. Начинается отсчет пермского периода его биографии. Однако прежде следует вспомнить о том, что волею судеб Бадер оказался оторванным от хода археологических исследований на Оке. За 17 полевых сезонов (1924–1940 гг.) здесь был создан огромный задел источников, включая жуковское и куфтинское наследие. Война лишила Отто Николаевича университетской кафедры и учеников. В Перми все пришлось начинать сначала.

В Москву, в Институт истории материальной культуры, О.Н. Бадер вернется только в 1955 г. Это событие внесет коррективы в его научные занятия и планы. В частности, будут возобновлены надолго прерванные полевые исследования в Волго-Окском междуречье: он начнет многолетние раскопки палеолитической стоянки Сунгирь, которые принесут ему мировую известность. Однако вплоть до начала 1960-х годов полевые изыскания на Каме и пермская проблематика останутся ведущими в его деятельности. Именно поэтому пермский период в творческой биографии ученого не ограничивается только десятилетней работой в ПГУ. Правомернее завершить его 1963–1964 гг., когда Бадер создал целостную концепцию древней истории обширнейшего региона Европы (Бадер, 1963б). К этому времени вышли и его основные монографические труды (Бадер, 1961а; 1964).

Возвращаясь в год 1946, необходимо отметить, что Прикамье в археологическом отношении отнюдь не было "белым пятном". В 1932–1937 гг. здесь были проведены новостроечные работы Камской экспедиции ГАИМК–ИИМК под общим руководством А.В. Шмидта и Н.А. Прокошева и при активном участии А.В. Збруевой и М.В. Талицкого. После войны строительство Камской ГЭС возобновилось и угроза затопления и подтопления огромного количества археологических памятников разных эпох стала реальной. О.Н. Бадер отчетливо понимал, что проведение значительных по масштабу работ в зоне затопления Камской ГЭС невозможно без организации многолетней экспедиции; осознавал он и то, что для ее организации мало только одной личной инициативы. Сделать ее коллективной, включив всех археологов, имеющих отношение к археологическому изучению Волго-Уралья, было призвано 1-е Уральское археологическое совещание в Перми (апрель 1947 г.), которое способствовало организации Камской археологической экспедиции (КАЭ). Это решение нашло поддержку и в ИИМКе, поскольку вновь создаваемая экспедиция объявлялась воспреемницей предвоенной экспедиции ГАИМК–ИИМК (Бадер, 1953. С. 5).

Летом 1947 г. КАЭ начинает широкие многолетние работы. Бадеру в сжатые сроки удалось решить две главные организационные проблемы – финансовую и кадровую. Основную роль в преодолении последней сыграло утверждение при ПГУ специализации по археологии и максимальное привлечение к работам экспедиции молодежи. Ее ядром стал студенческий научный кружок по археологии Урала, который обеспечил КАЭ квалифицированными кадрами. Параллельно с разведками и раскопками в зоне затопления Камской ГЭС организуются и поисковые работы в Среднем Прикамье, где намечалось сооружение Воткинской ГЭС. Основные раскопки здесь будут осуществлены в 1959–1960 гг. Наиболее обширные материалы, полученные в ходе исследований Камской и Воткинской экспедиций, связаны как раз с ЭРМ. По сути в 1950–1960-е годы в Прикамье произошел прорыв в накоплении полноценных археологических источников. Но еще более важным являлось то, что большинство новых материалов были оперативно изданы в трудах Камской и Воткинской экспедиций и в монографиях О.Н. Бадера.

К числу важнейших полевых достижений тех лет относятся раскопки Усть-Гайвенского и Турбинского 1 могильников – памятников сейминско-турбинского (СТ) типа и более 80 поселений, которые в настоящее время принято рассматривать в рамках энеолитических новоильинской,

борской и гаринской культур и позднебронзовой ерзовской. Кроме того, на Вятке и Средней Каме были выявлены памятники балановско-фатьяновского круга. Именно эти материалы стали основой представлений Бадера об ЭРМ Прикамья и в целом лесной полосы Восточной Европы.

Суть концепции О.Н. Бадера (1961а; 1964) заключается в признании связи могильников Турбинских 1, 2, Усть-Гайвенского и предполагаемого на Подгремячинской горе с основной группой синхронных прикамских поселений, составляющих вместе с могильниками единую турбинскую культуру с двумя локальными вариантами (усть-чусовской и осинский) и двумя хронологическими этапами (гаринский и борский; ольховский и частинский для осинского варианта) в рамках XVIII–XII вв. до н.э. В XII в. до н.э. начинается финальный – ерзовский этап ЭРМ. В Среднем Прикамье им выделена, кроме того, новоильинская, или гагарская, группа поселений. Бадер предполагал, что приход этого населения в середине II тыс. до н.э. из бассейна Вятки и Среднего Поволжья обогатил турбинские племена умением плавить медистые песчаники и определил переход от гаринского этапа к борскому.

В основных чертах концепция сложилась уже в первые годы работ КАЭ (Бадер, 1953). Последующие изменения касались лишь хронологического соотношения могильников и поселений. Поначалу Бадер считал, что Турбино соответствует поселениям гаринского типа, а Усть-Гайва относится к концу гаринского времени или скорее всего к борскому. В последнем случае основанием для синхронизации послужило сходство формы медной чаши из Усть-Гайвы с глиняными сосудами борского этапа (Бадер, 1953. С. 49). После раскопок Турбина все могильники этого типа были отнесены к гаринскому этапу (Бадер, 1961а; 1964).

Другим важным звеном данной концепции являлось включение турбинской культуры в приуральскую или СТ-область. На ее западном фланге О.Н. Бадер помещал сейминскую культуру. Могильники ее раннего этапа[10] связывались с поздневолосовскими поселениями, а позднего[11] – с позднебалахнинскими или большекозинскими. Волосовский этап сейминской культуры синхронизировался соответственно с гаринским этапом турбинской, а позднебалахнинский – с борским (Бадер, 1953. С. 57). Культуры СТ-области рассматривались как приуральские в своих истоках. Ключевая роль в процессах культурогенеза ЭРМ отводилась волосовской культуре, срединной в этой области и имевшей генетические связи с турбинской на востоке и с поселениями большекозинского типа на западе. Появление волосовских древностей на Оке, турбинских – на севере и северо-западе вплоть до Карелии Бадер связывал с миграцией древних финно-угров из районов Среднего Поволжья и Прикамья. Ассимиляция чуждого населения с ямочно-гребенчатой керамикой привела, по его мнению, к образованию однородной культурной среды от Оки до Урала, которая "обеспечила легкость распространения в ней и металлических уральских изделий, достигавших без переливки Нижней Оки и Галичского озера и бытовавших там во множестве" (Бадер, 1953. С. 57).

Эти представления, впервые с полнотой сформулированные в начале 1950-х годов, по сути не претерпели существенных изменений при подведении итогов работ Камской и Воткинской экспедиций. Пожалуй, лишь раскопки Самусьского IV поселения на р. Томь с большим количеством литейных форм кельтов турбинских типов послужили основанием гипотезы о существовании не одного, зауральского, а нескольких центров СТ-металлургии в урало-самусьской историко-культурной области, которые снабжали своими изделиями население к востоку и к западу от Урала (Бадер, 1964. С. 172, 173).

В 1960–1970-е годы гипотеза о принадлежности СТ-некрополей местному прикамскому и окскому населению, чья материальная культура известна по поселениям гаринско-борского и большекозинского типов, вызвала решительную критику со стороны В.П. Шилова, В.А. Сафронова и Е.Н. Черных, отказавшихся от культурной идентификации указанных памятников (Черных, Кузьминых, 1989. С. 8). Однако это не поколебало уверенности О.Н. Бадера в собственной правоте. В 1975–1976 гг. он раскопал новый – Решенский – могильник на Оке, который, как и Сейму, отнес к культуре большекозинских племен. Бадер попрежнему полагал, что "на пространстве между Решенским и Ростовкинским могильниками нельзя предполагать распространение единой культуры, а следует искать целый ряд локальных культур, родственных по происхождению или историческим судьбам; их родственность объясняла распространение сейминско-турбинских бронз на всем этом пространстве" (Бадер, 1976. С. 45). К числу данных локальных культур были отнесены поселения самусьской культуры в Западной Сибири, гаринского типа – на Каме, галовского – в Северном Приуралье[12], большекозинского – на Нижней Оке. Сама мысль о том, что СТ-могильники на Каме и Оке не образуют культурного единства с поселениями гаринско-борского и большекозинского типов[13], казалась О.Н. Бадеру неправдоподобной. В силу этого иные культурологические модели развития

[10] Еще не обнаруженные – *С.К.*

[11] Имеется в виду Сейма – *С.К.*

[12] Имеется в виду связь поселений типа Галово 2 с СТ-комплексом Канинского святилища – *С.К.*

[13] См. об этом подробнее: Черных, Кузьминых, 1989. С. 227–238.

турбинской и сейминской культур им попросту не воспринимались.

Эти представления нашли отражение и в статье "Культуры бронзовой эпохи в Центральной России" (Bahder, 1957), предназначавшейся для сборника в честь 70-летия А. Еуропеуса[14], который внес заметный вклад в изучение культур боевых топоров Восточной Европы. В каком-то смысле бадеровская статья явилась продолжением такой же итоговой статьи конца 1920-х годов (Bahder, 1929). Спустя почти 30 лет в концепцию ЭРМ лесной полосы Восточной Европы были внесены два важнейших изменения, а именно: о восточных истоках волосовской культуры на Оке и о принадлежности Сейминского и Турбинского могильников к местным камским и окским культурам, известным по поселениям большекозинского и гаринско-борского типов. Бадер затронул, кроме того, проблему соотношения культур бронзового века – фатьяновской и балановской, срубной и поздняковской. Сейминско-турбинская культурная область, генетически связанная с волго-камской неолитической культурой, а через нее с уральским мезолитом, рассматривалась им как территория расселения древних финно-угров.

Объединение памятников волосовского, гаринского, галовского и близкого к ним круга в рамках культурно-исторической области оказалось весьма плодотворной идеей, которая получила поддержку в трудах П.Н. Третьякова, А.Х. Халикова, В.В. Никитина и др. Иное дело – камские истоки этих культурных образований, на чем настаивал Бадер. В настоящее время для волосовской культуры Среднего Поволжья и Волго-Окского междуречья установлено (Никитин, 1996), что решающая роль в ее сложении принадлежала культуре ямочно-гребенчатой керамики, а не волго-камской неолитической. Но наиболее проблемной в бадеровской концепции ЭРМ представляется культурологическая модель СТ-области, которая объединила чужеродные в этнокультурном отношении Сейму и Турбино с гаринско-борскими и большекозинскими поселениями.

В 1950–1960-е годы. О.Н. Бадер продолжил разработку проблем, связанных с Балановским могильником. Сама балановская проблема была поставлена еще в конце 1940-х годов. (Бадер, 1950). Тогда он впервые пришел к заключению о необходимости выделения особой культуры в свите родственных европейских культур боевых топоров и поддержал вывод Т.А. Трофимовой о переселении балановцев на Среднюю Волгу из Закавказья. Курганные могильники типа Атликасы рассматривались как переходные от балановских к абашевским. Спустя 12 лет Бадер (1961б) отказался от кавказской гипотезы происхождения балановцев в пользу северопричерноморской. За эти годы балановские древности перестали быть культурой нескольких могильников Среднего Поволжья. Событием в археологии бронзового века региона стало исследование пласта стратифицированных поселенческих памятников (Ош-пандо, Васильсурское, Кубашевское и др.). Балановская культура обрела "плоть" – надежную источниковую базу, что в итоге позволило О.Н. Бадеру, П.Д. Степанову, А.Х. Халикову и П.М. Кожину совершить в 1960-е годы настоящий прорыв в ее изучении.

При всем интересе Бадера в 1960–1980-е годы к самым разнообразным проблемам ЭРМ – достаточно вспомнить его обращение к фатьяновским могильникам и металлическим изделиям этой культуры (Зарецкая, 1975. № 234, 256, 271, 343), позднебронзовым культурам "текстильной" керамики (Зарецкая, 1975. № 275) и поздняковской (Бадер, Попова, 1987), навеянное еще довоенными работами в Окском бассейне; критику халиковской концепции древней истории Среднего Поволжья, в особенности приказанской культуры (Оборин, 1967. С. 220, 221); выступления на Уральских археологических совещаниях (в последний раз в Нижнем Тагиле в 1977 г.); руководство Нижнекамской экспедицией и многое-многое другое – наиболее важными для него являлись три проекта. Первый – публикация материалов Балановского могильника и балановской культуры в целом – был успешно реализован (Бадер, 1963а; Бадер, Халиков, 1976; 1987). Второй – вынашиваемый еще с 1920-х годов проект по созданию труда о бронзовом веке лесной полосы Восточной Европы, задуманный как продолжение монографических исследований В.А. Городцова и А.М. Тальгрена, – в целостном виде осуществить не удалось. Своего рода проспектом этой монографии являются статья, опубликованная в Финляндии (Bahder, 1957), и первая часть книги "Бассейн Оки в эпоху бронзы" (Бадер, 1970. С. 3–78), в которых дан краткий очерк культур ЭРМ Волго-Окского междуречья. Первоначальный план публикаций окских древностей по прошествии десятилетий оказался неподъемным: в полном виде удалось издать лишь материалы Сейминского могильника.

Третий проект связан с подготовкой тома "Эпоха бронзы лесной полосы СССР" в серии "Археология СССР". Будучи его ответственным редактором и составителем, О.Н. Бадер наметил структуру тома и авторский коллектив. Задача была не из легких. В частности, он столкнулся с дилеммой: как быть с главой о позднем бронзовом веке Волго-Камья. Как ученый Бадер склонялся к тому, чтобы дополнить халиковскую главу о приказанской культуре текстами В.П. Денисова и И.Б. Васильева о культурах ерзовской и курмантау, но как редактор он справедливо ограничился главой А.Х. Халикова. Кроме огромной

[14] См. о его жизни и научной деятельности: Aarne Äyträää, 1989.

редакторской нагрузки Бадер "взвалил" на себя написание разделов об энеолите всей лесной полосы Восточной Европы, памятниках СТ-типа и окружающих культурах, а также балановской, поздняковской и культуре "текстильной" керамики. После его кончины том заканчивали Д.А. Крайнов и М.Ф. Косарев, которые в основе своей сохранили бадеровскую структуру монографии и довели ее до издания. К сожалению, Отто Николаевич успел написать малую часть из того, что задумал. Тексты о балановской и поздняковской культурах являются его завершающими трудами по ЭРМ (Бадер, Халиков, 1987; Бадер, Попова, 1987), а сам этот том – последним, вышедшим под редакцией О.Н. Бадера.

Подводя итог, важно и поучительно вспомнить о некоторых чертах творческого метода О.Н. Бадера. Они были вполне традиционными в течение всей его долгой научной и полевой деятельности, но при этом следует помнить, что сами эти традиции берут начало в анучинской палеоэтнологической школе. Ее лидер Б.С. Жуков, в школе которого Бадер сформировался как археолог-профессионал, был одним из пионеров использования комплексных междисциплинарных исследований в отечественной археологии, стремясь привнести в нее точность естественных наук. Отто Николаевич во многом преумножил подходы и методы полевой практики, выработанные в АКЭ. Особенно ярко это проявилось в годы работ в зоне камских новостроек.

О.Н. Бадер принадлежит в отечественной археологии к когорте "последних из могикан" с присущей для них поистине бескрайней хронологической и тематической "всеядностью". Безусловно, сказывалось и то, что он "работал в романтический период развития науки, во время ярких археологических открытий и бурного накопления археологического материала" (Бадер Н., 2000. С. 47). Бадер как в юности, так и в зрелые годы оставался одержимым полевым исследователем. В этой "всеядности" и одержимости заключаются как плюсы, так и минусы его творческого наследия. Он раскопал за свою жизнь десятки, если не сотни памятников. Заметную часть из них он успел ввести в научный оборот, какую-то часть, не связанную непосредственно с его научными интересами, передал для исследования своим ученикам и коллегам, но весьма значимая часть полевых материалов, особенно окских, так и осталась неопубликованной.

О.Н. Бадер – автор книг о таких всемирно известных памятниках, как Каповая пещера, стоянка Сунгирь, Сейминский могильник и др., являющихся настольными уже не для одного поколения исследователей. В то же время монографии о Турбинском и Балановском могильниках – ключевых памятниках бронзового века Восточной Европы при наличии дневникового описания не дают представления о самих погребальных комплексах. Их новая полноценная публикация является одной из насущных задач волго-уральской археологии.

О.Н. Бадер по праву признается основателем пермской школы археологов, но вправе ли мы рассматривать ее как научную школу (Мельникова, 2000. С. 25). В волго-уральской археологии сложился и функционирует ряд научных школ с ясно обозначенными исследовательскими программами, нормами научной этики и коллективами, работающими в рамках этих программ и этических норм. Некоторые из них (школы А.П. Смирнова, киевская В.Ф. Генинга) – уже "на излете", другие – даже с уходом лидеров (школы А.Х. Халикова, уральская В.Ф. Генинга, Г.А. Федорова-Давыдова) продолжают намеченные ими исследовательские программы.

Развитие пермской школы археологов протекало несколько иначе. Бадер как талантливый педагог сумел сплотить вокруг себя дееспособный коллектив студенческой молодежи, ориентированный на решение прежде всего масштабных новостроечных задач, но не выполнение научной исследовательской программы. В 1940–1960-е годы Бадер непосредственно сам разрабатывал значимые научные программы в области каменного века и ЭРМ. Но при этом большинство его пермских, а затем и московских учеников имели к ним весьма косвенное отношение, хотя, казалось бы, камские древности каменного, медного и бронзового веков являлись прекрасным полигоном для реализации коллективных исследовательских программ. С завершением крупных хоздоговорных проектов на рубеже 1950–1960-х годов большинство бадеровских студентов Пермского и Московского университетов "разлетелись" в поисках собственного дела. Ближайший кадровый резерв в Перми (В.А. Оборин, А.Д. Вечтомов и Ю.А. Поляков), за исключением В.П. Денисова – был изначально ориентирован на разработку проблем, выходящих за пределы непосредственных научных интересов О.Н. Бадера. Денисов единственный, имея в те годы собственные обширные материалы по неолиту и бронзовому веку, успешно продолжил бадеровскую исследовательскую программу. В целом же с утратой лидера археология в Перми долгие годы пребывала в стагнации. Положение выправилось только тогда, когда выросло новое поколение археологов – поколение бадеровских "внуков" (А.М. Белавин, А.Ф. Мельничук, С.Н. Коренюк и др.), приступившее к реализации собственных исследовательских программ.

Отто Николаевич Бадер – фигура во многом знаковая в отечественной археологии XX в. Безусловно, он принадлежит к числу ее выдающихся представителей. В его личной судьбе и творческом

пути переплелись все перипетии развития советской археологии 1920–1970-х годов с ее положительными и отрицательными чертами. Вклад О.Н. Бадера в развитие археологии каменного, медного и бронзового веков Восточной Европы поистине огромен. Многое из того, что он не успел довершить, реализуется ныне его учениками. Однако не менее важно не только влияние идей, но и обаяние личности О.Н. Бадера, которое живет в памяти его учеников, учеников его учеников и последующих поколений российских археологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер Н.О. Бадер Отто Николаевич (1903–1979) // Институт археологии: история и современность. М., 2000.

Бадер О.Н. Лихачевский могильник // СА. 1937. Т. II.

Бадер О.Н. К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла // ВДИ. 1939. № 3.

Бадер О.Н. К вопросу о балановской культуре // СЭ. 1950. № 1.

Бадер О.Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947–1952) // УЗ ПГУ. 1953. Т. IX. Вып. 3.

Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. 1961а. № 99.

Бадер О.Н. Балановская культура // СА. 1961б. № 4.

Бадер О.Н. Балановский могильник. М., 1963а.

Бадер О.Н. Древнейшая история Прикамья. М., 1963б.

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.

Бадер О.Н. Памяти Бориса Сергеевича Жукова // СА. 1968. № 4.

Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.

Бадер О.Н. Новый могильник сейминского типа на Оке и вопрос о связи могильников с поселениями // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976.

Бадер О.Н., Воеводский М.В. Стоянки Балахнинской низины // ИГАИМК. 1935. Вып. 106.

Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры // САИ. 1976. Вып. В1–25.

Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Сер. Археология СССР. М., 1987.

Бадер О.Н., Халиков А.Х. Балановская культур // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Сер. Археология СССР. М., 1987.

Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. № 1.

[*Зарецкая И.М.*] Список печатных работ О.Н. Бадера // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

Збруева А.В. Пижемское городище // ИГАИМК. 1935. Вып. 106.

Крайнов Д.А. К 70-летию Отто Николаевича Бадера // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

Макаров Л.Д. Вклад Отто Николаевича Бадера в исследование славяно-русских древностей Камско-Уральского региона // Пермский регион: история, современность, перспективы. Березники, 2001.

Материалы к доистории Центрально-Промышленной области: 1-е совещание палеоэтнологов ЦПО / Ред. Б.С. Жуков, О.Н. Бадер. М., 1927.

Мельникова О.М. Роль социальных факторов в формировании научных школ в археологии // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края // ТМАЭ. Йошкар-Ола, 1996. Т. IV.

Оборин В.А. Обсуждение докладов и сообщений по проблеме происхождения ананьинской культурной области и ее локальных вариантов // УЗ ПГУ, Пермь, 1967. № 148.

Платонова Н.И. Панорама отечественной археологии на "великом переломе" (по страницам книги В.И. Равдоникаса "За марксистскую историю материальной культуры") // АВ. 2002. № 9.

Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. 1930. Т. VII. Вып. 3–4.

Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М., 1995.

Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // РА. 1998. № 3.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

Aarne Äyräpää: Tutkija Opettaja Kansalainen 1980-luvun näkökulmia. Helsinki, 1989.

Bahder Otto. Zur Erforschung der neolitischen Wohnplatze im Okatale // ESA. Helsinki, 1929. T. IV.

Bahder O. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland // SMYA. Helsinki, 1957. T. 59:1.

Joukov B. Les modifications chronologiques et locales de la céramique de certaines cultures de la pierre et du métal en Europe du Nord-Est // ESA. Helsinki, 1929. T. IV.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 151–158

ИСТОРИЯ НАУКИ

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕПИСКИ О.Н. БАДЕРА С УЧЕНЫМИ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА (1946–1954 гг.)

© 2004 г. О. М. Мельникова

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

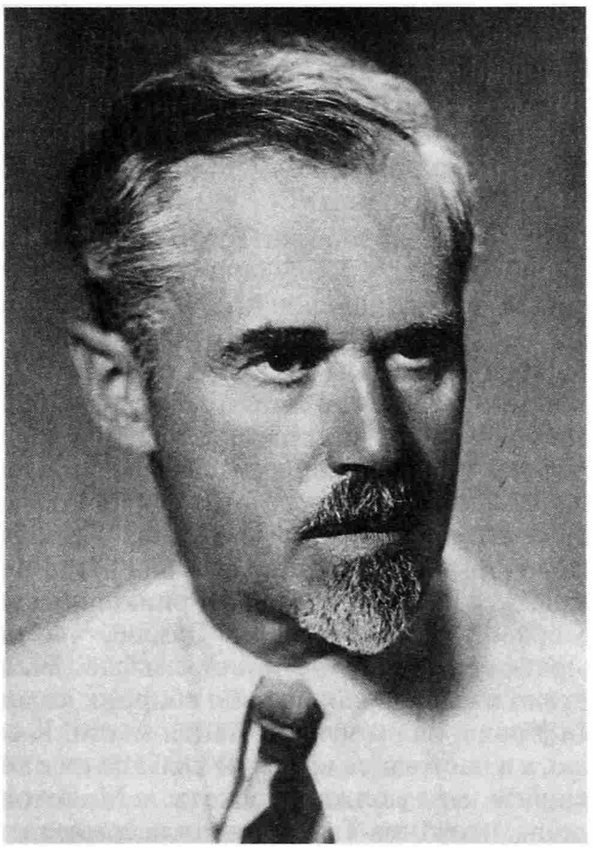
В 2003 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося археолога, педагога, организатора науки О.Н. Бадера. Изучая историю становления археологической школы, созданной ученым в ПГУ (Пермь) в 1946–1954 гг., в различных архивах страны я обнаружила документы, которые дают возможность по-новому взглянуть на социальные и научные процессы, происходившие в отечественной археологии в военные и первые послевоенные годы. Особую ценность представляет переписка Бадера, которую он активно вел со столичными коллегами, музейными работниками, краеведами, руководителями научных учреждений, студентами и аспирантами.

О.Н. Бадер оказался в Перми в силу драматических исторических обстоятельств (Мельникова, 2003). Будучи этническим немцем, он разделил участь многих из них, оказавшись в годы Великой Отечественной войны в трудармии на Урале. После ее расформирования в 1946 г., благодаря усилиям ректора Молотовского университета А.И. Букирева, Бадер стал работать доцентом кафедры всеобщей истории.

Удаленность от столичных научных центров отчасти компенсировалась активной перепиской с коллегами. По своему содержанию она связана с обсуждением научных проблем, организацией специализации по археологии в Молотовском университете, исследовательской работой. В архиве кабинета археологии ПГУ обнаружено 53 письма, большая часть которых адресована О.Н. Бадеру, и лишь три – супруге ученого Марии Александровне.

Письма хранятся в трех папках вместе с другими рукописными документами, принадлежащими Бадеру. Часть переписки в бессистемном виде вошла в архив музея истории ПГУ. По воспоминаниям бывших бадеровских студентов, в кабинете археологии долгое время стоял большой шкаф, ключ от которого имелся только у Отто Николаевича. Позднее, уже после возвращения в Москву, приезжая в командировки в Пермь, ученый долгое время пользовался хранившимися там документами. По всей видимости, сохранившиеся папки – все, что осталось от этого личного архива.

Предлагаемая публикация включает в себя только письма столичных коллег О.Н. Бадера, хранящиеся в кабинете археологии ПГУ, поэтому



О.Н. Бадер, 30-е годы XX в.

в ссылках не указывается место их нахождения. Часть писем, не вошедших в настоящую статью, опубликовал Г.Н. Чагин (2003). На каждом письме рукой Отто Николаевича указаны даты их получения и ответа. В некоторых случаях на конвертах стоят дополнительные пометки (например, "к поездке в Кунгур").

Все письма публикуются в авторской редакции.

Самые ранние из сохранившихся писем датируются 1947 г. и посвящены организации 1-го Уральского археологического совещания (УАС), прошедшего в Перми в апреле 1947 г. О.Н. Бадер стремился объединить на нем всех заинтересованных лиц с целью выработки целенаправленной научной политики в области развития археологии на Урале. Естественно, что полноценное собирание археологических сил в регионе было невоз-

можно без привлечения специалистов научных учреждений Москвы и Ленинграда. В ответ на приглашение участвовать в 1-м УАС О.Н. Бадер получил несколько писем.

12.03.1947 г. датируется письмо А.П. Смирнова: "Дорогой Отто Николаевич! Посылаю Вам интересующие Вас материалы о Д.Н. Эдинге (см. опубликованную Бадером статью: Смирнов, 1953 – *О.М.*). Список научных трудов и автобиография взяты у его дочери. Краткая характеристика подготовлена к изданию "Московский некрополь". Статья на трех страницах – подготовительный некролог для В.Д.И. (см.: Смирнов, 1947 – *О.М.*).

Я просил Марию Александровну передать мою благодарность за приглашение на археологическую сессию и согласен выступить с указанными Вами докладами. Буду ждать письма. Остаюсь Ваш А.П. Смирнов".

15.04.1947 г. антрополог Т.А. Трофимова писала: "Дорогой Отто! Получила от тебя телеграмму, письмо и приглашение Молотовского университета на конференцию и очень огорчена, что вынуждена отказаться от поездки в Молотов, мое здоровье подвело меня самым грустным образом. Я очень огорчена и расстроена. У меня есть готовая работа, которую я предполагала доложить на Уральской конференции – это "Антропологический состав древнейшего населения Прикамья". Ты эту тему знаешь. До войны она была подготовлена для ИИМКовского сборника, посвященного археологии Приуралья. Думаю, что посылать работу без себя не имеет смысла. Если бы Вы стали издавать какой-либо сборник по археологии Урала, она могла бы найти место. К сожалению, я в настоящее время не связана ни с кем из москвичей, кто должен поехать в Молотов, но слышала, что Инна Талицкая стала сомневаться в возможности поездки якобы из-за того, что Академия не достает билетов, а частным образом это сделать очень трудно. Желаю успехов в проведении совещания и надеюсь, что в дальнейшем я смогу принять участие в работах по палеоантропологии Урала. Прилагаю официальный отказ от участия в археологическом совещании, может это нужно. Сережа (вероятно, С.П. Толстов – *О.М.*) говорит, чтобы я послала вам свою работу. Можно зачесть ее на совещании, но я сомневаюсь, понятно ли будет присутствующим". В письме есть приписка: "Я подумала разыскать Анну Васильевну [Збруеву], что и осуществила. Мы с ней увиделись и надумали, что она возьмет с собой мою работу и зачитает ее, если это представляет интерес".

И.А. Талицкая в письме от 12.04.1947 г. сообщала: "Дорогой Отто Николаевич! Письмо Ваше получила – спасибо. Но сейчас вопрос в том, смогу ли я приехать? В Академии вдруг изменились порядки, и билеты не дают, получить же билет через вокзал совершенно невозможно. Институт еще пытается отправить нас коллективом, но не знаю, что выйдет. Кроме того, дирекция не оплачивает командировки Смирнову, Збруевой и Чернецову, а только их отпускает (вот они и чешут затылки – ехать за свой счет – туговато). А Смирнова, кроме всего прочего, не отпускает директор ГИМа. Итак, все мы хотим ехать, но у всех нас, а у меня в особенности, поездка висит в воздухе. Бродянский (чиновник АН СССР? – О.М.) дает билеты только академикам и членам-корреспондентам, пожалуй, докторам, быть может, кандидатам, но, увы, не мне. А без билета, да еще и плацкартного, не поедешь".

Учитывая сложности с приобретением железнодорожных билетов, Молотовский университет направил ряд ходатайств за подписью ректора А.И. Букирева начальнику вокзала станции "Пермь-2" с просьбой об оказании содействия в получении железнодорожных билетов для участников совещания (АКА ПГУ).

Часто содержание писем, адресованных О.Н. Бадеру, было связано с проблемами организации учебного процесса, создания наиболее благоприятных интеллектуальных условий для подготовки молодых специалистов-археологов. Во многих документах, касающихся деятельности Бадера в ПГУ, в его научных публикациях постоянно проходит идея воспитания нового поколения археологов через раннее – в студенческие годы – освоение ими исследовательских традиций, сложившихся в науке. Выступая в январе 1947 г. на заседании Ученого Совета Молотовского университета с докладом "Археологические исследования на Урале в 1946 г.", Отто Николаевич сумел убедить его членов в необходимости подготовки в университете квалифицированных специалистов-археологов. Ученый Совет принял решение о создании в 1947–1948 гг. в университете кафедры археологии и организации специальности для подготовки археологов для Урала и смежных областей. "До разрешения вопроса об организации кафедры Ученый Совет считает крайне важным быстрейшую организацию кабинета археологии, выделение для него помещения и оборудования" (ГАПО. Ф. р-180. Оп.12. Д. 237. Л. 2, 3, 4).

Активная реализация усилий О.Н. Бадера по открытию на кафедре всеобщей истории в Молотовском университете специализации по археологии в 1947 г. увенчалось приказом Министерства высшего образования. Эта специализация стала первой в провинциальных вузах СССР (Архив ПГУ. Ф. 180. Оп. 2. Л. 37). Учитывая, что в 1949 г. Министерством высшего образования СССР было закрыто археологическое отделение в ЛГУ (Тихонов, 2003. С.194), на какое-то время МГУ и ПГУ оставались едва ли не единственными центрами подготовки археологов в стране.

Содержание учебного плана подготовки специалистов-археологов определялось Министерством высшего образования СССР. Для специализации "археология" он предполагал изучение основ археологии (за счет часов по педагогике) (70 час.), каменного века (50 час.), бронзового века (70 час.), железного века (70 час.), античной археологии (50 час.), славяно-русской археологии (50 час.), истории археологических знаний (30 час.), спецкурсов (100 час.), спецсеминаров (100 час.), спецязыка (270 час.), производственную практику (180 час.) (АМИ. Д. 140).

О.Н. Бадер, имея довоенный опыт преподавания археологии в МГУ, стремился поставить преподавание археологии на высоту вне скидок на провинциальный университет. Он переписывался с А.В. Арциховским, автором университетской программы и учебника по археологии (Арциховский, 1947; 1952а). Так, последний в письме от 15.11.1952 г. с удивлением восклицает: "Дорогой Отто! Интересно, откуда ты узнал, что вышло новое издание моего учебника? Я об этом ничего не знаю. Я недавно сдал в издательство заново переработанный и утвержденный при обсуждении текст этой книги. Но отсюда до выхода еще далеко. В Госполитиздате эту рукопись в лучшем случае еще долго будут редактировать; самый процесс печатания тоже стал теперь делом длительным. Раньше 1954 г. эта книга (речь идет об издании: Арциховский, 1954 – *О.М.*) выйти не может, и то это минимальный срок. Рисунки к ней готовы, но с ними тоже предстоит много издательской возни. Ты спрашиваешь, как устроилось чтение каменного века? Я долго надеялся добыть для этого материальные возможности, но наш фонд нештатной зарплаты безнадежно иссяк еще до моего деканства. Пришлось отложить чтение каменного века на всех курсах на будущий год. Ты спрашиваешь, как я деканствую? Об этом и писать не хочется, настолько эта работа неприятная. Самое главное, конечно, в том, что мало остается времени для научной работы.

В Новгороде я провел ровно месяц, хотя раскопки под моим руководством продолжались там почти три месяца. На больший срок меня, конечно, не отпустили. Новых берестяных грамот 73; есть и другие совершенно неслыханные находки. Статью об этих раскопках я сдал в "Вопросы истории" (см.: Арциховский, 1953 – *О.М.*) и в "Вестник Академии Наук" (см.: Арциховский, 1952б – *О.М.*). Напечатана она будет, вероятно, к концу зимы. С удовольствием вспоминаю радостные дни 8 июня и 9 июня, проведенные мною в Молотове".

А.В. Арциховский консультировал О.Н. Бадера по вопросам организации специализации по археологии. В официальном письме, адресованном кафедре археологии Молотовского университета 16.01.1952 г. (это неточность: кафедры археологии в ПермГУ не было никогда – *О.М.*), Арциховский, как заведующий кафедрой археологии МГУ, писал: "В ответ на Ваш запрос сообщаем, что студенты-археологи сдают в качестве государственного экзамена по специальности археологию с 1940 г. непрерывно. По учебному плану, утвержденному Министерством высшего образования 15.IX.1949 г. № 45/УН, студенты сдают государственный экзамен по истории по специальности, а археология является такой специальностью (указанный учебный план, стр. 4, п. VIII)".

Интересовали Бадера и учебные программы по дисциплинам специализации. Поскольку в МГУ специализация по археологии была открыта еще в 1939 г., то, естественно, Отто Николаевич обращался за помощью к своим коллегам. Ответ М.Н. Кислова от 2.07.1952 г. был таков: "Глубокоуважаемый Отто Николаевич! Я получил Ваше письмо с просьбой выслать программы. Так как они у нас недавно переделывались и утверждались кафедрой, то пришлось их размножать. Это будет сделано приблизительно к 10 июля. Я сам в это время надеюсь быть уже в Новгороде, но я поручил вполне надежным людям считать их и переслать Вам. Это будут программы по курсам "Железный век" (Б.Н. Граков), "Античная археология" (В.Д. Блаватский) и "История археологических знаний". Программу Б.А. Рыбакова по славяно-русской археологии не могу прислать сейчас, т.к. она должна быть переработана и утверждена кафедрой. Сделаю это осенью. Пришлю Вам. Уважающий Вас М.Н. Кислов". Из всех программ, полученных Бадером из Москвы, сохранился присланный Кисловым текст программы спецкурса по славяно-русской археологии (АКА ПГУ).

О.Н. Бадер стремился привлекать к чтению лекций крупнейших археологов страны. Сохранился черновик письма к М.Г. Рабиновичу, подготовленный Бадером от имени ректора Молотовского университета Букирева с просьбой о прочтении спецкурсов: "Кандидату исторических наук М.Г. Рабиновичу. Молотовский госуниверситет им. А.М. Горького приглашает Вас прочитать для студентов-археологов университета 7 февраля–15 марта сего года (дата года не сохранилась – *О.М.*) два спецкурса "Железный век" (70 час.) и "Славяно-русская археология" (50 час.). Университет может оплатить Вам проезд, лекции по часам и предоставить в Молотове помещение. Просьба не задерживать ответа. Ректор А.И. Букирев" (АМИ. Д. 140).

В одном из писем к Бадеру П.И. Борисковский с сожалением замечал: "Пытался я сосватать Вам кое-кого для чтения лекций, но безуспешно, о чем очень жалею". Еще один отказ на предложение чтения лекций по спецкурсу "Железный век" прислал в письме от 2.02.1952 г. Г.Ф. Дебец: "Дорогой Отто! Предложение о курсе "Железный век" меня

очень даже тронуло. Но, конечно, нет. Очень хотел бы вас обоих повидать, но все же нет. Нельзя мне сейчас отрываться от работы. (Подготовляю исподволь новое издание "Палеоантропологии" (Дебец, 1948; о втором издании книги в литературе нет упоминаний – *О.М.*), лежит незаконченный "Справочник по краниологии" (в издании "Советская археологическая литература: Библиография" упоминаний о нем нет – *О.М.*) и т.д.) И, к тому же, какая нужна работа по подготовке к лекциям, чтобы прочесть мне такой курс! И ведь все же я был бы рабом сотен фактов, а не хозяином тысяч их, каким должен быть лектор по специальному курсу в университете! Ты, конечно, думаешь: "А мне каково?" Верно, но все-таки нет.

В мыслях у меня в новом издании "Палеоантропологии" широко привлечь материал по современному населению. Может быть, это будет даже две части: "Палеоантропология" и "Этническая антропология". Но это все пока совсем в проекте. Сейчас пишу археологическое вступление к главе о палеолите так, чтобы этот материал подавать под углом зрения пользы его для понимания антропологических проблем. Без специальных исследований трудно, конечно. Твои мечты о музее понимаю, но со стороны-то виднее, что значит жить на музейное жалованье! Ты, говорят, готовишь к изданию стоянку им. Талицкого (см. работы О.Н. Бадера: Зарецкая, 1975. № 90, 98, 135, 152, 196, 217 и др.; монографическое издание осуществлено позднее: Щербакова, 1986; 1994 – *О.М.*), прими мои уверения в глубочайшем к тебе за это уважении и восхищении. Извини за эпистолярную фразу, но других слов не нашлось как-то, а чувства все-таки искренние и хорошие. К тебе просьба. В Молотове, вероятно, есть магазин, где продаются издания Академии. Если там есть "Деревья и кустарники СССР", т. I, вышедший несколько лет назад, то купи и вышли обязательно. Жму руку. Марусе привет. Жора".

Ученый обсуждал результаты исследований своих коллег, планы полевой работы, выход новой литературы, защиты диссертаций. Весьма любопытно в этом отношении письмо П.И. Борисковского от 23.02.1952 г.: "Здравствуйте, Отто Николаевич! Защитил я 7 февраля диссертацию (см.: Борисковский, 1951 – *О.М.*). Началась защита в 6 вечера и кончилась в первом часу. Разгорелась горячая дискуссия. Из Ленинграда специально приехал [А.Н.] Рогачев, чтобы доказать неудовлетворительность моей работы. Кроме оппонентов официальных – П.П. Ефименко (зачитывал свой отзыв на 29 страницах), В.И. Громова и Г.Ф. Дебеца, выступали А.Н. Рогачев, А.П. Окладников, Я.Я. Рогинский, С.В. Киселев, а также зачитывались развернутые отзывы [С.Н.] Бибикова, [С.Н.] Замятнина и сектора палеолита ЛОИИМК. Все отзывы были вполне положительные, за исключением Рогачева. Но его нападки я отбил в своей защитительной речи. Счет голосования: 10 : 2.

Но я опасаюсь, что оказал дурную услугу моим преемникам, в том числе и Вам. Дело в том, что ИИМКовцам очень понравилась защита: настоящий диспут, жарко, интересно и разрабатываются дальше конкретные проблемы. Теперь, несомненно, дирекция ИИМК будет стараться все защиты, особенно докторские, проводить как острые дискуссии со вскрытием до конца всех споров и сомнений".

В своем письме М.Д. Гвоздовер дополняет эту информацию: "Защитился [П.И.] Борисковский. Таких страстных и горячих споров уже давно не было. П.П. Ефименко – официальный оппонент говорил больше часа! Потом [Г.Ф.] Дебец и [В.И.] Громов (тоже официальные оппоненты). Потом неофициальные: Рогачев А.Н., Рогинский Я.Я., [А.П.] Окладников, [С.В.] Киселев. Вся процедура без перерыва тянулась до 12 часов ночи. И страсти разгорелись! Выходила курить. В коридоре стоит Б.А. Рыбаков и с тоской говорит [В.Д.] Блаватскому: "Да, а у нас в секторе разве так могут спорить?! Эх, разве только по этногенезу!"

Я.Я. Рогинский обсуждал с Бадером проблемы антропогенеза: "О разделении человеческого ствола на два – юго-западный и северо-восточный – я написал в учебнике по антропологии (Краткий курс 1941 г. под ред. Бунака) в разделе "Человеческие расы". Этим заканчивается история формирования расовых типов, дальше идет параграф о расистских теориях. Сам я отношусь довольно прохладно к этой идее, и там излагал ее как одно из возможных решений вопроса. Конечно, вполне вероятно, что белые и негры немного ближе друг к другу, чем каждая из этих групп к монголоидам. Но это, конечно, еще не доказано. О ледниковой изоляции еще я писал в статье о происхождении монголоидной расы (Антропологический журнал. 1937. № 2. С. 60). С тех пор я стал более решительным противником полицентризма. Крепко жму Вам руку. Сердечный привет Марусе и Николаю".

Л.Я. Крижевская в письме от 21.02.1952 г. писала: "Дорогой Отто Николаевич! Независимо от Вашего письма я собиралась Вам написать и поблагодарить за внимание и память. Мне было очень приятно получить от Вас тезисы Ваших докладов на научной конференции (возможно, речь идет об издании: Доклады..., 1951 – *О.М.*), на которую меня так и не пустили, а также видеть свою фамилию в Ваших работах об Адищевской дюне и Боровом Озере (см.: Бадер, 1951 – *О.М.*).

Весь прошлый 1951 год я просидела над рукописями Прокошева и составила связанный текст по поселениям (Астраханцевское, Северное и Гремячий ручей). Что касается Турбинского могильника, то раздел инвентаря мне пришлось написать, т.к. у Прокошева в тексте не оказалось вовсе. Остальные разделы также пришлось напи-

сать, но тут помогли бывшие участники раскопок. Теперь я занята подготовкой этого текста (всего) к печати. Очень возможно, что в IV квартале нынешнего года или в I квартале 1953 года мы сдадим все в издательство (см.: Крижевская, Прокошев, 1961 – *О.М.*). С большим интересом работала над Турбиным. У меня возник целый ряд соображений, которые я изложила в работе. Я представила доклад на заседании сектора с целью обсуждения, спора и вопросов, к сожалению, не получилось – оба раза мне так и не удалось ничего услышать. Как-то прения не развернулись. Я буду рада познакомить Вас с работой и услышать Вашу точку зрения.

В этом году я, наконец, получила разрешение на командировку в Молотов и Свердловск, так что, Отто Николаевич, если Вы сможете подождать еще с месяц, я привезу Вам текст Турбинского могильника и все иллюстрации. Я понимаю, что Вас интересует кремень. Мне также кажется, что турбинский кремень важен для увязки с поселениями. Если же Вам нужно раньше, я смогу перерисовать кремень. Будете ли в Москве? Может, в этом году я попаду на Пленум, тогда я смогу Вам все показать в Москве. В нынешнем году мне удалось буквально на несколько дней попасть в Башкирию. Я провела небольшие раскопки на поселении в устье реки Юрюзани (которое обнаружила в 1948 г.). Это оказался интереснейший двухслойный памятник с большим количеством площади ненарушенной (см.: Крижевская, 1953 – *О.М.*). Сверху – поздняя бронза с типичной башкирской керамикой, а внизу – прекрасный неолит. Толстый слой, густо насыщенный кремнем, керамики нет. По всей видимости, это ранненеолитическая мастерская. Интересно, что и бронза, и неолит заставляют думать о связи с Зауральем и даже с более удаленным Востоком (Прибайкальем). Я Вам обязательно покажу материал. Сейчас я бьюсь над тем, чтобы докопать памятник нынче летом. Как всегда, много препятствий, основные – денежные. Отто Николаевич! Как Вы сочетаете четырехугольную форму жилищ на Полуденке с ранней датой? Не кажется ли Вам, что сама такая форма жилища свидетельствует о позднеолитическом времени или даже начале металла? Может быть, там два слоя или материал поздневременный? Большой привет Марии Александровне и Коле. Сын у Вас уже совсем взрослый".

В.Н. Чернецов, информируя О.Н. Бадера о своих новых публикациях, 01.03.1952 г. сообщал следующее: "Дорогой Отто Николаевич! Вернувшись из отпуска, взялся за свои перед Вами задолженности. Сознаю, что очень задержал эти работы, но в то же время у меня было такое нагромождение всякого редактирования, отзывов и пр., что к концу года я пришел в совершенно нерабочее состояние. МИА 22, стоивший мне очень больших трудов и нервов (последнее даже в большей степени), наконец, вышел. Том получился неплохим. Бор II туда втиснуть уже не удалось, передаю его в "Советскую археологию" (см.: Бадер, 1954 – *О.М.*). Отчет и работу Генинга – в КСИИМК (скорее всего речь идет о статье, так и не опубликованной в КСИИМК: Генинг, Оборин, 1960 – *О.М.*). Последняя работа очень интересна, в отдельных частях дискуссионна. Это, конечно, неплохо, но авторы должны ожидать возражений со стороны А.П. Смирнова. Не могу согласиться с ними и по датировке гляденовской культуры (II в. до н.э.), по ее характеристике и т.д. Неясно, в какой связи с гляденовской культурой стоят такие памятники, как Подчеремский клад (III–IV вв. н.э.)? Каковы этнические особенности гляденовской культуры в отношении к Нижней Каме, с одной стороны, и Уралу и Зауралью – с другой? Я также думаю, что в отличие от Алексея Петровича [Смирнова] Среднюю Каму и Западное Приуралье следует в этническом и культурном отношении отличать от пьяноборской Нижней Камы, но считаю, что обоснования для утверждения этого следует дать глубже и шире, чем это делают авторы. Постараюсь кое-где смягчить излишне полемический характер некоторых высказываний, который едва ли будет полезен в данном случае. Работу я передам в КСИИМК, но, повторяю, она, несомненно, вызовет возражения. Может быть, было бы целесообразнее авторам подождать с ее публикацией до выхода в свет большой работы А.П. Смирнова по чудским древностям (см.: Смирнов, 1952 – О.М.), где он сводит обширный материал и развертывает все датировки?"

А.В. Збруева – частый автор писем к О.Н. Бадеру. Она связана с ним общей проблематикой исследований КАЭ: "Дорогой Отто Николаевич! Конечно, я горю желанием узнать о Скородумском жилище и могильнике (см.: Бадер, 1960 – *О.М.*). Но ты не можешь на меня обижаться, т.к. я специально взяла отпуск на 10 дней и собиралась лететь самолетом, чтобы все 10 дней копать Скородум в начале июня, и ничего не вышло не по моей вине. В этом году (1952 г. – *О.М.*) я ничего не нашла для себя, чему, пожалуй, рада: нужно обработать старый материал, тем более, что – старики. Почему ты думаешь, что Скородум – городище? Ров еще этого не доказывает, вот если был бы вал – другое дело. И еще: я очень рада находке ананьинского могильника на правом берегу Волги. Там они могут быть чуть ли не до Мурома. Я тебе, по-моему, показывала свою карту, где наносились ананьинские находки вне сплошной территории распространения ананьинских памятников. Они в большом количестве идут по правобережью Чувашии, где, кроме того, есть селище Малахай (по [П.Н.] Третьякову), так что граница по Ветлуге остается. Ведь по твоим данным на Унже ананьинских памятников нет (см.: Бадер, 1952 – *О.М.*). Мне жаль, что не пришлось познакомиться с Ва-

лей Неприной, но я надеюсь, что на будущий год я буду работать самостоятельно, и тогда все оформлю заранее. А может быть, ты сумеешь прислать ее зимой в командировку или взять ее с собой на сессию? Это было бы хорошо! Буду ждать твоего письма о новых находках. Я собираюсь в отпуск после сверки своей работы. Очень устала и от жары, и от людей! С приветом. А. Збруева".

М.Д. Гвоздовер сообщала Бадеру археологические новости (07.11.1952 г.): "Дорогой Отто Николаевич! Извините, что так долго не писала. О себе писать нечего. Археологические новости такие. Саша Формозов открыл в Крыму четыре мустьерские стоянки (см.: Формозов, 1954 – *О.М.*). На Украине утверждают, что в районе Днепропетровска нашли мезолитический могильник. Рогачев нашел в культурном слое одной из Костенковских стоянок погребение (см.: Рогачев, 1955 – *О.М.*). О Сталинградской стоянке, думаю, что Вам писал Валерьян Иннокентьевич [Громов] (см.: Громов, 1953 – *О.М.*). Старый сборник должен выйти в свет в октябре этого года (1952 – *О.М.*). В отношении нового сборника – ничего определенного, т.к., кажется, нужный листаж не удается собрать. Все это осложняется большой неприятностью, постигшей наш институт. У нас были неприятности: на Марка Соломоновича [Левина] было написано клеветническое заявление (не подтвердившееся). Но Марк Соломонович очень тяжело это переживал, и вот несколько дней назад свалился. То ли острый приступ стенокардии, то ли второй инфаркт, пока диагноз не установили. Только пока об этом в Институт не пишите. Работают у нас в Институте одна за одной комиссии. Мне бы хотелось выяснить, когда Вы сможете выслать нам коллекции. И какие. Особенно интересует стоянка имени Талицкого, т.к. в инвентарной книге оставлены для нее номера, и меня могут спросить, где коллекции, под этими номерами числящиеся. Общее настроение Вы, вероятно, себе представляете. Поэтому много писать не буду[1]. Что слышно у вас? Что интересного за летний сезон? Как здоровье Марии Александровны? Ребята все о вас вспоминают и, особенно, о Марии Александровне, с большой теплотой и любовью. Всего доброго, Отто Николаевич. Напишите. Большой привет Марии Александровне и всем, кто меня помнит.

P.S. Сегодня пришло письмо от Вас на имя Марка Соломоновича. Т.к. его теперь долго не вскроют, по всем археологическим вопросам пишите мне. Отто Николаевич! Оттиски к статьям сборника не полагаются. Их нужно заказывать за свой счет. Рискну это сделать".

[1] Речь идет о ситуации в ИИМКе в связи с идеологическими кампаниями, проводившимися в СССР в послевоенные годы. В 1952 г. борьба с "сионистскими заговорщиками" достигла предела: состоялась жестокая расправа с бывшими деятелями Еврейского антифашистского комитета и развернулось "дело врачей" (см.: Кожинов, 2002).

16.09.1952 г. И.А. Талицкая сообщала о выходе книги, рукопись которой была обсуждена еще на 1-м УАС: "Ну, вот и вышла моя книга (см.: Талицкая, 1952 – *О.М.*). С огромным удовольствием посылаю ее вам. Безусловно, в ней много недочетов и пропусков. Но, по крайне мере, есть, что поправлять. Думаю, что в печати не замедлят появиться "расшифровки" по отдельным районам, и пропуски на карте будут быстро заполнены с более подробным описанием, планами, рисунками, чертежами и более точной датировкой. Вышел МИА 28 – Смирнова А.П. "Очерки по истории племен среднего Поволжья и Прикамья". Подписан сигнал книги М.Е. Фосс (см.: Фосс, 1952 – *О.М.*). Идут листы у А.В. Збруевой (см.: Збруева, 1952 – *О.М.*). Вообще у нашего сектора этот год урожайный".

В январе 1952 г. Т.С. Пассек писала О.Н. Бадеру: "Дорогой Отто Николаевич! Сердечно благодарю Вас за поздравление к Новому году и за память обо всем моем семействе. Пишу вам из санатория "Узкое", где провожу свой отпуск. С октября, Вы, вероятно, уже знаете, я к величайшей своей радости освобождена от ученого секретарства ИИМК! Надеюсь, что ничто мне не помешает теперь, как следует, поработать над моими днестровскими материалами! Пишите Вы и Ваша молодежь к нам в "Краткие сообщения". В 1951 г. мы выпустили 6 номеров (36–41) – это 70 печатных листов! Привет горячий Марусе, сыну, молотовской молодежи".

В.Н. Белицер часто обсуждала в переписке свои научные планы: "Добрый день, Отто Николаевич! Сегодня 1 мая (1950 г. – *О.М.*) – по этому случаю поздравляю Вас и Марию Александровну с праздником и от души желаю Вам всего доброго. Г.Ф. Дебец вернулся из Молотова и рассказал мне о Вас и Ваших успехах. Я решила написать и посоветоваться с Вами о различных вещах.

В этом году я собираюсь продолжать работы по Коми. Если ничего не случится, то предполагаю поехать на Печору, захватив среднее течение от Троицка-Печорска, а затем поехать на Удору. Такой огромный маршрут приходится ставить потому, что дирекция Института [этнографии] дает последний год крупные (сравнительно) деньги на Коми-экспедицию, и по плану у нас основные работы должны быть закончены в 1950 г. Однако на следующую пятилетку предусмотрена обработка полевых материалов, собранных в 1945–50 гг. по коми-пермякам и зырянам, и издание трудов (см.: Белицер, 1958 – *О.М.*). В 1951, [19]52, [19]53 гг. предусмотрены поездки к коми-пермякам и одна контрольная к коми-зырянам. Я пишу Вам это для того, чтобы сказать, что я собираюсь продолжать работы по Коми, и мне хотелось бы быть в курсе всех научных новостей по этому краю. Кроме того, если в этом году мой район не представ-

ляет для Вас большого интереса, то в будущем году я непременно приеду к коми-пермякам и буду работать в Коми-Пермяцком округе и в Зюздинском районе по верховьям Камы (я там еще не была). Мне бы хотелось установить с вами более тесную связь. Может быть, Вы бы имели в виду и прикомандировали ко мне 1–2 студентов. Дебец говорит, что у Вас очень хорошие ребята. Он сказал мне, что вышла Ваша книжка "Археологические памятники Прикамья" (см.: Бадер, 1950 – *О.М.*). В Москве ее нет в продаже. Отто Николаевич! Очень прошу Вас прислать мне – она так необходима для работы! Если Вас не затруднит, купите 2 экземпляра: одна пойдет в библиотеку Института [этнографии]. Вышлите наложенным платежом на мое имя. С приветом В. Белицер".

Два письма, датируемых 1952 г., принадлежат перу Е.И. Горюновой. Их содержание заслуживает интереса с точки зрения характеристики работы ИИМК: "Дорогой Отто Николаевич! Получила ваше письмо и очень огорчилась. Казалось, что там, в Прикамье, и воздух чище, и жизнь здоровее, чем в Москве. Между прочим, подала заявку на командировку в Молотов. Но надеюсь только на божью милость. У нас все больше и больше сокращают средства в Институте и на экспедиции, и на командировки. А я было размахнулась и в Ленинград, и в Молотов! Все Ваши статьи я читала, но не все могла уяснить: в Бор I есть и ранний (неолит), и более поздний (бронза) слой? Присланные Вами образцы очень близки к сарским и к Уницкой стоянке на с-з берегу Ростовского же озера. Можно ли этот материал сопоставить с Вашим? Они датируются эпохой бронзы, но не неолита. Вчера у меня была ваша ученица Р. Чубарова, которая обосновалась у мари (в Марийском НИИ – *О.М.*), но растерялась и начала совсем не с того, с чего должен был бы начать там археолог. Бедняга мучается над XVI в. в поисках письменных источников, давно уже "проеденных" историками. Мы вдвоем с Н.Н. [Ворониным] старались ее "наставить" на археологический путь. Ее положение там как археолога значительно лучше, чем, например, в ИИМКе. Ибо только что окончивший студент является "слугой многих господ" и лишь свободное время может использовать для личной работы. Кажется, убедили, но не знаю, прочно ли. Вы спрашивали, стоит ли связываться с Марийским Институтом? Когда был директором Калашников, определенно – да. Это был, видимо, культурный, очень обязательный человек. Произошла смена дирекции. Я это уже ощутила. Новый директор не счел нужным ответить на мое деловое письмо. Хотелось бы верить, что это случайность. Во всяком случае, на ближайшие годы, мои интересы, так или иначе, связаны с этой территорией Поволжья, и мне не миновать Марийский Институт. Шлю сердечный привет Марии Александровне. Быть может, приеду".

Второе письмо Горюновой датировано 30.03.1952 г.: "Дорогой Отто Николаевич! Только что получила и с большим удовольствием прочитала Ваше хорошее письмо. В данное время мне оно особенно нужно. В области работы у меня опять все не так гладко. Меня снова отрывают от темы, которая увлекла меня и как-то пошла хорошо. Б.А. Рыбаков уперся и не пошел ни на какие уступки! Должна переключиться на славян Верхнего Поволжья и делать скучнейшую компилятивную работу, которая ничего ни уму, ни сердцу не дает. Начатой мною в прошлом году работой мне рекомендуют заниматься "сверх плана". В Институте сейчас живут по принципу "человек человеку – волк", и ни на какую товарищескую помощь и внимательное отношение рассчитывать не приходиться. Бороться, воевать у меня не хватает энергии. Решила подчиниться и стараюсь что-то делать. Но все же к своей теме я вернусь. Она меня тянет. Жаль только, что возможность поехать в Молотов срывается. Постараюсь скорее сладить со своими славянами и расчистить себе время хоть на осень. Может быть, тогда увидимся. За последние два года я внутренне сдала и состарилась лет на 10. Ну, простите, что столько пишу о грустных и неинтересных вещах. Пока еще не научилась молчать о том, что болит. Ужасно хочется вырваться в Молотов. Мне кажется, что я там найду много пищи для своей работы и отвлечение от дурных мыслей. Огромный привет Марусе. Е.Г.".

Переписка О.Н. Бадера позволяет по-новому взглянуть на масштабы личности ученого, осмыслить путь рождения научных идей, оценить степень влияния социальных факторов на развитие археологии. Содержание писем тесно связано с самыми различными сторонами истории отечественной археологии, передает атмосферу тех лет, очерчивает круг актуальных научных проблем. Не исключено, что в этих письмах современные археологи почерпнут историографические сведения для своих исследований в тех или иных областях археологии. Кроме того, в историографии археологии в последнее время настоятельно ставится проблема создания научных биографий ученых, чей творческий вклад оказался значимым как для археологии страны в целом, так и для отдельных регионов. Частная переписка ученых позволит сделать эти исследования более убедительными, поскольку она заменяла устное общение, ограниченное возможностями условий жизни в послевоенном СССР. В описании фактов проявляются личностные качества авторов писем, что позволяет выявить различия в индивидуальных впечатлениях о событиях, проблемах и конфликтах научной жизни.

В целом ряде архивов мне удалось найти письма О.Н. Бадера к своим адресатам (например, к К.В. Сальникову по поводу 1-го УАС). Но это скорее исключение, чем правило. К большому сожалению, личные архивы ученых не всегда сохраняются, зачастую находятся в разрозненных местах. Обработанные личные фонды археологов в архивах – достаточно большая редкость. Очевидно, интенсивное развитие истории археологии в последнее десятилетие, рост числа исследователей, разрабатывающих историографические проблемы археологии, благотворно скажется на поиске, изучении, введении в научный оборот эпистолярного наследия российских археологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АКА ПГУ – Архив кабинета археологии ПГУ. Необработанный архив О.Н. Бадера.

АМИ – Архив музея истории ПГУ. Д.140. Бадер О.Н.

Архив ПГУ. Ф.180. Пермский государственный университет им. А.М. Горького. Оп. 2. Личное дело. Бадер О.Н.

ГАПО. Ф. р-180. Пермский государственный университет им. А.М. Горького. Оп. 12. Д. 237. Протоколы заседаний Ученого Совета Молотовского университета. 1946–1947 гг.

Арциховский А.В. Введение в археологию. Изд. 3-е, перераб. и дополн. М., 1947.

Арциховский А.В. Программа курса "Основы археологии" для исторических факультетов госуниверситетов. М., 1952а.

Арциховский А.В. Раскопки 1952 года в Новгороде // ВАН. 1952б. № 12.

Арциховский А.В. Раскопки 1952 года в Новгороде // ВИ. 1953. № 1.

Арциховский А.В. Основы археологии. М., 1954.

Бадер О.Н. Археологические памятники Прикамья и их научное выявление: Пособие для начинающих археологов и краеведов. Пермь, 1950.

Бадер О.Н. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое Озеро I на р. Чусовой // МИА. 1951. № 22.

Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // МИА. 1951. № 22.

Бадер О.Н. Стоянка Бор II и предананьинское время в Прикамье // СА. 1954. Т. XX.

Бадер О.Н. Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры // ТКАЭ. 1960. Вып. 3.

Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми // ТИЭ. 1958. Т. XV.

Борисковский П.И. Палеолит Украины: Автореф. ... докт. ист. наук. Л., 1951.

Генинг В.Ф., Оборин В.А. К вопросу о гляденовской культуре // УЗ ПГУ. 1960. Т. XII. Вып. 1.

Громов В.И. Первая находка древнего палеолита на Волге // БМОИП. 1953. Т. 28. Вып. 3.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948.

Доклады науч. конф. Пермского государственного университета. Вып. 5–6 (историко-филологический ф-т). Пермь, 1951.

[*Зарецкая И.М.*] Список печатных работ О.Н.Бадера // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.

Кожинов В.В. Россия. Век XX (1939–1964). М., 2002.

Крижевская Л.Я. Археологические работы в Башкирии // КСИИМК. 1953. Вып. 51.

Крижевская Л.Я., Прокошев Н.А. Турбинский могильник на р. Каме (по материалам раскопок 1934–1935 гг.) // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.

Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера. Ижевск, 2003.

Рогачев А.Н. Погребение древнекаменного века на стоянке Костенки XIV (Маркина гора) // СЭ. 1955. № 1.

Смирнов А.П. Памяти Д.Н. Эдинга // ВДИ. 1947. № 1.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Прикамья // МИА. 1952. № 28.

Смирнов А.П. Дмитрий Николаевич Эдинг (1887–1946) // УЗ ПГУ. 1953. Т. IX. Вып. 3.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М.В. Талицким) // МИА. 1952. № 27.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. СПб., 2003.

Формозов А.А. Исследование стоянок каменного века в Крыму в 1952 году // КСИИМК. 1954. Вып. 54.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР // МИА. 1952. № 29.

Чагин Г.Н. О.Н. Бадер и Пермский университет (по документальным материалам) // ВПУ. 2003. Вып. 4.

Щербакова Т.И. Палеолитическая стоянка Талицкого (по раскопкам 1942 г.) // СА. 1986. № 3.

Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург, 1994.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 159–170

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.Н. Зенин, С.В. Лещинский, Е.Н. Мащенко. ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ШЕСТАКОВО. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2003. 168 с.

На протяжении нескольких десятилетий эпоха палеолита на обширной территории Западной Сибири оставалась относительно малоизученной, резко контрастируя с богатейшими сосредоточениями памятников древнекаменного века на Алтае, Енисее и Ангаре. Вышедшая почти два десятилетия назад книга В.Т. Петрина (1986) подводила итоги начатому еще Н.Ф. Кащенко в XIX в. изучению следов древнейшего человека в Западной Сибири. В монографии были рассмотрены опорные памятники региона – стоянки Шикаевка II, Черноозерье II, Могочино I. Вместе с тем многие аспекты западносибирского палеолита продолжали оставаться неясными. Материалы исследованных под руководством А.П. Окладникова стоянок Шестаково и Большой Кемчуг были не опубликованы. Местонахождения с остатками мамонта (Волчья Грива, Гари) вызывали немало споров по поводу соотношения природных и антропогенных факторов в накоплении костеносных слоев. Подобная ситуация настоятельно требовала продолжения целенаправленных полевых исследований.

Новый цикл изучения палеолита Западной Сибири, начатый новосибирскими археологами в 1991 г., ознаменовался возобновлением раскопок на известных местонахождениях Шестаково и Волчья Грива, позволивших во многом по-новому взглянуть на эти памятники. Кроме того, успешные рекогносцировочные маршруты проведены на юго-западе региона, в бассейне р. Чулым. Материалам многослойной стоянки Шестаково посвящена рецензируемая работа.

Во вводной части книги авторы останавливаются на проблемах первоначального освоения человеком территории Западно-Сибирской равнины и расселения групп древних людей в связи с природной обстановкой плейстоцена. Анализируя географическое расположение археологических и палеонтологических местонахождений, авторы убедительно показывают шаткость предположения о наличии обширного подпрудного водоема в сартанское время.

По мнению авторов, немногочисленность свидетельств освоения Западно-Сибирской равнины в палеолите связана не столько с распространением пресноводных бассейнов, сколько с ограниченностью сырьевой базы каменных индустрий. Открытие следов присутствия древнего человека на "мамонтовом кладбище" в Луговском (район Ханты-Мансийска) наглядно демонстрирует, что область Сибирских Увалов с местными источниками сырья обладает значительно большими перспективами в плане поисков палеолита, чем это предполагалось ранее.

Первая глава книги посвящена геолого-геоморфологическому описанию стоянки. Палеолитические слои памятника связаны с лёссовидными суглинками и супесями, вскрытыми на берегу р. Кии, притока Чулыма. По образцам из культурных слоев 5–8 получена серия радиоуглеродных датировок в диапазоне от 18 до 25–26 тыс. лет, слои 3 и 4 представлены единичными находками. Палинологические исследования рисуют картину перехода от преимущественно лесной обстановки конца каргинского времени к свойственным началу сартана открытым ландшафтам, позже вновь сменившимся лесными. Что касается фаунистических данных, то помимо преобладающих остатков мамонта здесь встречено небольшое число костей северного оленя, лошади, бизона, носорога и др. Геохимические анализы указывают на наличие кальциево-натриево-магниевого солонца, существовавшего в увлажненной котловине. Предполагается, что именно наличие солонца привлекало сюда мамонтов. Раздел дополняет палеопедологический анализ отложений стоянки, проведенный И.Н. Феденеевой, результаты которого даны в приложении к книге.

Вторая глава работы содержит составленную на основании архивных данных и коллекций сводку результатов первой кампании раскопок стоянки, проведенной А.П. Окладниковым и В.И. Молодиным в 1976–1978 гг. Первоначально рассматривавшаяся как однослойная, стоянка вскоре дала доказательства наличия как минимум двух культурных горизонтов. Несмотря на сложность стратиграфической ситуации на разных участках памятника, эти остатки могут быть сопоставлены с культурным слоем 7 по новой нумерации. В одном из раскопов была вскрыта серия ям, принятых за кладовые, но, по мнению авторов книги, это скорее всего криогенные структуры или так называемые лизунцовые ниши – углубления, вырываемые мамонтами той эпохи. Интересно, что из нижнего слоя поступил фрагмент черепной крышки человека. К сожалению, авторы ограничились констатацией этой редкой для палеолита Сибири антропологической находки, не сообщая, стала ли она предметом специального исследования. Помимо коллекции каменного инвентаря памятник доставил выразительный наконечник ("кинжал") с насечками по краю, орнаментированный отросток позвонка мамонта и другие изделия из кости.

В третьей главе приведены данные, полученные в ходе крупномасштабных раскопок 1992–1999 гг. Тогда была детально изучена стратиграфия стоянки, на широкой площади вскрыты остатки нижних культурных слоев.

Уникальна находка скопления микроизделий типа сегментов в 6-ом культурном слое памятника. Спорадическое появление геометрических форм до начала их массового распространения давно известно в европейском верхнем палеолите (Борзияк и др., 1981). В этом плане открытие в Шестаково вновь свидетельствует о принципиальном сходстве верхнего палеолита Сибири и Европы. Тот же культурный слой доставил фрагмент костяной фигурки. Жаль, что в работе отсутствуют подробное описание и детальная прорисовка в разных проекциях этой примечательной находки.

Каменная индустрия культурных слоев стоянки Шестаково сходна и основывается на отщепах и пластинках, снимавшихся с одно- и двуплощадочных плоских, торцовых и конусовидных ядрищ. В орудийном наборе представлены ретушированные пластинки и отщепы, скребки, долотовидные изделия, пластинки с притупленным краем, микроострия, многочисленные зубчато-выемчатые и клювовидные формы. Последние описаны авторами под именем "изделий с шипами".

Завершает главу описание интересного объекта, найденного неподалеку от стоянки, – Шестаковского клада каменных изделий, состоявшего из овального бифаса и семи пластин, часть которых несет следы ретушной подправки.

В четвертой главе авторы анализируют место публикуемого памятника среди палеолитических древностей Северной Азии. Фактически раздел содержит развернутое обсуждение проблем культурно-хронологического расчленения палеолита Западной Сибири.

Редкие древнейшие местонахождения авторы объединяют под условным названием "индустрии досартанского возраста". Подобная осторожность вполне оправдана, речь идет о нескольких пунктах на Чулыме и Большом Кемчуге с инвентарем, изготовленным из кварцитовидных песчаников. К сожалению, находки с таких пунктов, как Арышевское I, Воронино-Яя и др., невыразительны, а вопрос о датировках остается открытым. Вполне вероятен среднепалеолитический возраст ряда материалов, однако основная работа по датированию и геологической привязке культуросодержащих слоев еще предстоит. Примечательные результаты дало новое обследование Большого Кемчуга. Вместо единой стоянки финального плейстоцена, упоминавшейся у А.П. Окладникова и А.С. Вдовина, авторы выделили серию разновременных местонахождений, некоторые из них могут быть отнесены к начальной поре верхнего палеолита (к сожалению, эти материалы лишены стратиграфической привязки).

Далее авторы обращаются к проблеме выделения среднего этапа верхнего палеолита Сибири. Эта тематика оживленно обсуждается в связи с вопросом о крупномасштабных миграциях, по мнению ряда археологов (Лисицын, 1999; Аникович, 1999), связанных с данным отрезком времени. Авторы выделяют три хронологические группы комплексов финально-каргинско-сартанского возраста в Западной Сибири. Ранняя, соответствующая среднему этапу верхнего палеолита, представлена основными материалами из культурных слоев стоянки Шестаково с датировками в диапазоне от 26 до 18 тыс. лет. Сюда отнесены также стоянки Томская, Шикаевка II, Луговское и др. В эту же группу как будто попадает и стоянка Могочино I, явно близкая по характеру инвентаря позднейшим индустриям афонтовского круга. Возможно, как отмечают авторы, единственная датировка порядка 20 тыс. лет, полученная здесь по кости мамонта, удревнена в силу переотложенности образца.

Авторы рассматривают место индустрии Шестаково в широком контексте памятников средней поры верхнего палеолита Сибири. Они обнаруживают ряд аналогий в инвентаре таких стоянок, как Томская, Ачинская, Лиственка, Уй I, Мальта и др. Вариабельность облика каменных индустрий в пределах данной фазы они склонны приписывать скорее различиям в доступности и качестве сырья, чем наличию ряда культурных группировок. Данная линия объяснения кажется мне куда более перспективной, чем бесконечное дробление материала на локальные культуры. Авторы решительно настроены против попыток объяснения феномена распространения пластинчатых индустрий в Сибири за счет гипотетической миграции из Европы, в чем я всецело с ними солидарен.

В последующий отрезок времени, отвечающий максимуму сартанского оледенения и идущему за ним потеплению, от 18 до 15 тыс. лет, следы присутствия человека в Западной Сибири ограничены немногочисленными находками с таких пунктов, как Гари, Троицкая I, нижний горизонт Волчьей Гривы и т.д. Позднесартанское время, от 15 до 10 тыс. лет, представлено в основном материалами со стоянки Черноозерье II.

В пятой (ошибочно обозначенной как шестая) главе книги рассмотрен вопрос о роли палеолитического охотника и естественных факторов в образовании мощных мамонтовых местонахождений. Авторы справедливо говорят о необходимости детального анализа встреченных в каждом конкретном случае остатков в плане распределения костей по половозрастному составу, представленности анатомических частей скелета, внешнего вида костей, наличия следов воздействия человека и т.д. Механический перенос выводов, полученных на основании изучения памятников сходного типа в Северной Америке или на Русской равнине, на территорию Западной Сибири вряд ли может помочь в интерпретации местонахождений.

Вместо распространенного у многих археологов априорного принятия той или иной точки зрения на генезис "мамонтовых кладбищ" авторы проводят вдумчивый обстоятельный разбор существующих точек зрения, взвешивая аргументы и контраргументы. В этом плане работа представляет заметный методический интерес, далеко выходящий за рамки региональной тематики.

В итоге авторы приходят к выводу о том, что в случае с Шестаково речь идет о захоронении длительного накопления, связанном с естественной гибелью животных близ так называемого зверового солонца. На костях мамонта отсутствуют следы разделки. Авторы полагают, что участие человека сводилось к периодическому посещению мест захоронения остатков зверя и использованию костей. Стоянка доставила свидетельства употребления костей мамонта в качестве топлива.

В целом монография представляет собой важный вклад в изучение верхнего палеолита Сибири. Хотелось бы отметить междисциплинарный характер исследования, проведенного при участии ряда специалистов естественных наук. Помимо геологического обследования памятников и получения абсолютных датировок, авторы уделили особое внимание таким мало разработанным в сибирской археологии сюжетам, как приуроченность памятников к геохимическим палеоландшафтам и тафономия костеносных местонахождений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникович М.В. О миграциях в палеолите // Stratum plus. 1999. № 1.

Борзияк И.А., Григорьева Г.В., Кетрару Н.А. Поселения древнекаменного века на северо-западе Молдавии. Кишинев, 1981.

Лисицын Н.Ф. О европейско-сибирских контактах в позднем палеолите // Stratum plus. 1999. № 1.

Петрин В.Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 1986.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург *С.А. Васильев*

Eero Autio. Kotkat, Hirvet, Karhut: Permiläistä pronssitaidetta. Jyväskylä: Atena Kustannus Oy, 2000. 228 с., 134 цвет. фото, рис., карты, фото.

Книга этнолога Ееро Аутио "Грифоны, лоси, медведи: Искусство пермского звериного стиля", опубликованная издательством "Atena Kustannus Oy", адресована прежде всего широким слоям читающей публики Финляндии. Необходимо отметить, что главная цель автором достигнута: финский читатель получил возможность в доступной научно-популярной форме познакомиться с уникальными бронзовыми пластическими и скульптурными изображениями эпохи средневековья северо-востока Европы. В научной литературе этот причудливый мир зоо- и антропоморфных образов скрывается за термином "пермский звериный стиль".

Важно подчеркнуть, что рецензируемая книга вполне традиционна для финской археологии и этнологии, если вспомнить об исследованиях в области искусства и мифологии народов уральской языковой семьи, связанных с именами И.Р. Аспелина, К.Ф. Карьялайнена, У.Т. Сирелиуса, Уно Харвы, А.М. Тальгрена, Ильдико Лехтинен, Кристиана Карпелана, Анны-Леены Сиикала и др. Но в отличие от работ

своих предшественников Аутио представил финскому читателю максимально полный зрительный ряд сюжетов и образов пермского звериного стиля. Впервые в финской литературе осуществлена попытка "вписать" пантеон пермского звериного стиля в канву исторических и этнических процессов на севере Европы. Эта попытка вряд ли бы удалась без опоры на труды советских и российских авторов: впервые проблемы пермского звериного стиля анализируются в столь полном объеме в зарубежном издании.

Структура рецензируемой книги имеет следующий логический порядок. Более трети ее объема занимает представление источников (глава 1). Это 134 цветных фото пластических и скульптурных изображений, которые были сняты Аутио главным образом в фондохранилищах Перми и Чердыни; меньшая часть из них происходит из музеев Хельсинки, Таллина, Санкт-Петербурга, Москвы и Сыктывкара. Изобразительный ряд сопровождается кратким каталогом, списком памятников и пунктов случайных находок и картой распространения изделий пермского звериного стиля. Несколько изображений в этом ряду (№ 14–18, 86–89), связанных с иткульской, гляденовской и другими культурами, принадлежат к урало-сибирскому культовому литью раннего железного века, который является предтечей пермского звериного стиля эпохи средневековья. Следует отметить хорошее качество большинства цветных иллюстраций.

Последующие разделы книги посвящены собственно исследованию сюжетов и образов пермского звериного стиля. В иллюстративном отношении эта часть работы не менее значима, чем вводная источниковая. Ееро Аутио – с помощью своих предшественников (ссылка на которых имеется под каждым рисунком) – открывает читателю целую панораму бронзовой скульптуры и пластики, граффити на металлических зеркалах и бляхах, петроглифов и писаниц, деревянной и костяной скульптуры. Она дополняется рисунками вещевых комплексов тех археологических культур, с которыми связаны те или иные изображения пермского звериного стиля, а также картами распространения памятников этих культур и рядом видовых снимков. Все это не только создает зрительный образ пермской скульптуры и пластики, но и позволяет представить ту ландшафтно-географическую и культурно-историческую среду, в которой формировалось и развивалось искусство пермского звериного стиля.

Первоначально Аутио обращается к двум главным персонажам пермского звериного стиля – утке и лошади (главы 2 и 3); вернее, его интересуют прежде всего истоки и развитие этих образов в пермском искусстве. В главе 4 ("Исследование и интерпретация") рассматривается ряд вопросов, а именно: характеристика памятников с культовым литьем (могильники, костища, пещеры, клады); обско-угорское участие в сложении и развитии пермского звериного стиля; грифоны-лоси-медведи: код для изучения проблемы тотемизма в пермском обществе; что являют собой образы лося-птицы-человека (включая обзор работ Л.С. Грибовой, А.С. Сидорова, Е.И. Оятевой); образ ящера в пермском зверином стиле; "шаманские чары" (с особым вниманием к работам Б.А. Рыбакова и Л.В. Чижовой); символика чисел и др. В главе 5 он обращается к образу женщины и ее праздничному наряду; здесь же обсуждается одно из интереснейших явлений в ремесле средневековых финно-угров – женщины-литейщицы.

Эта книга стала "лебединой песней" Ееро Аутио, недавно безвременно ушедшего из жизни. Она является заметным вкладом в изучение искусства финно-угорских народов и, безусловно, окажется полезной для широкого круга специалистов, в чьи интересы входит столь специфическая "материя", как уральская мифология. С такой оценкой труда Аутио, уже прозвучавшей в финской периодике в отклике Юхи Янхунена (Janhunen, 2000. S. 38, 39), я вполне солидарен. Вне всякого сомнения, на труд Аутио обратят внимание многие российские археологи, этнологи и искусствоведы, особенно те из них, чьи научные интересы так или иначе связаны с изучением искусства и мифологии уральских народов. Именно эту цель – привлечь внимание к исследованию Ееро Аутио – я и преследовал настоящим обзором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Janhunen J. Pronssiin valettu mytologia // Hiidenkivi. 2000. № 5.

Институт археологии РАН, Москва

С.В. Кузьминых

Ш.А. Рахмонов Тавка (к истории древних таможенных сооружений Узбекистана). Ташкент: Изд-во народного наследия им. А. Кадыри, 2001. 141 с.

Монография Ш.А. Рахмонова посвящена результатам археологических раскопок крепости Тавка, входившей в оборонительную систему таможенного пункта Нонидахана, контролировавшего в раннем средневековье путь, идущий из Согда в Тохаристан. Таможенный пункт располагался южнее Железных ворот, у выхода в долину Шерабаддарьи, на территории владения Гуфтан. Памятник был обнаружен в 1987 г. Э.В. Ртвеладзе во время рекогносцировочных работ в этом регионе, раскопки его осуществлял в 1989–1993 гг. Ш.А. Рахмонов. Текст монографии опубликован на узбекском (С. 4–97) и русском (С. 98–131) языках. По своему содержанию он делится на три основные части: описание результатов раскопок и архитектурных деталей, характеристика настенной живописи, анализ археологических материалов.

Крепость Тавка была возведена на естественном скалистом возвышении. Площадка, выбранная для нее, была расширена и выровнена каменной кладкой. Поднимались в крепость по стене-пандусу, усиленной оборонительными башнями. Раскопками крепость вскрыта полностью. Она состоит из пяти помещений, расположенных в двух уровнях. На первом этаже находились два коридорообразных сводчатых хранилища размерами 12.2 × 2.2 м и 5.2 × 2.2 м; на втором этаже – вестибюль (3.6 × 3.6 м), парадный зал (8.2 × 5 м) и жилая комната (7.45 × 4.5 м). Вдоль стен помещений второго этажа располагались суфы; в жилой комнате была устроена сложная отопительная система. Пандусные башни имели вид площадок. В процессе раскопок в парадном зале найдены фрагменты настенной живописи. Археологические материалы представлены преимущественно фрагментами керамики. Иллюстративный материал (планы, разрезы, аксонометрии, фотографии) помогает читателю достаточно ясно представить облик памятника. При характеристике строительных материалов и архитектурных деталей (суф, сводов, дверных проемов, окон, стен) автор привлек широкий круг аналогий, что позволило ему выявить многочисленные параллели этим деталям прежде всего в материалах Тохаристана и Согда. На примере Тавки убеждаемся еще раз в том, что строительное искусство в Тохаристане было развито очень высоко.

В этом разделе монографии у меня вызывает сомнение стремление автора отождествить крепость с манихейским храмом лишь на том основании, что число открытых здесь помещений равно пяти, и что они, по мнению автора, по-

строены на вершине скалы для того, чтобы верующие, посещающие храм, были ближе к солнцу и луне. При этом Ш.А. Рахмонов сравнивает постройки крепости с пенджикентскими храмами и приводит явно устаревшее мнение А.М. Беленицкого о том, что они были манихейскими (Беленицкий, 1954. С. 27–82). Раскопки храмов Пенджикента, проведенные в 1970–1980 гг. В.Г. Шкодой, позволили ему установить, что они были зороастрийскими (Шкода, 1986. С. 6–26; 1989. С. 158–164). Начиная с IV строительного периода (VI в.) на территории храмов шло строительство новых капелл. На мой взгляд, в то время они становятся универсальными, предназначенными для членов всех религиозных конфессий города.

Материалы раскопок Тавки свидетельствуют о том, что крепость была резиденцией начальника таможенного пункта, в задачу которого входили сбор платы с проезжавших здесь купцов и охрана выхода в долину Шерабаддарьи со стороны Согда.

Вторая часть монографии посвящена характеристике настенной живописи парадного зала. Она украшала его стены в два яруса. В нижнем ярусе была изображена сцена охоты знатных всадников на джейранов, в верхнем ярусе – сцена пира, в котором участвуют более 20 персонажей. Фигуры людей и животных даны в половину натуральной величины. Ш.А. Рахмонов подробно характеризует технику живописи, изображенные реалии: сбрую коней, украшения и одежды пирующих мужчин и женщин. Цветные фотографии и прорисовки фрагментов живописи свидетельствуют о том, что перед нами подлинные шедевры изобразительного искусства раннесредневекового Тохаристана. Что же касается сюжета живописи, то автор проявил некоторую непоследовательность в его определении. Вначале он отмечал, что живопись носит светский характер (С. 121), но затем решил, что "ряд признаков указывает на близость живописи ... манихейской религии" (С. 122).

Полагаю, что сюжет живописи парадного зала крепости Тавки носит светский характер. При атрибуции живописи возникает вопрос лишь о том, по какому поводу были устроены охота и пир. Полностью композицию живописи, к сожалению, восстановить не представляется возможным из-за ее сильной фрагментарности. Однако ясно, что присутствующие на пиру персонажи образовывали две группы, при этом их внимание было сосредоточено на том, что помещалось между ними. Не исключено, что в центральной части композиции второго яруса живописи находилось изображение пожилой женщины, надевающей на шею девушки ожерелье, состоящее из низки бус и крестовидных подвесок (С. 54. Рис. 51). Вполне вероятно, что вся сцена иллюстрирует свадебные празднества, а персонажи – реальные люди, участвовавшие в них.

При характеристике археологических материалов, найденных в крепости, Ш.А. Рахмонов рассматривает прежде всего керамику. Автор делит ее на столовую, тарную, кухонную, отмечает некоторые особенности техники изготовления, использует керамику в качестве основного датирующего материала. Сравнивая ее с датированной керамикой из других памятников Тохаристана, Ш.А. Рахмонов пришел к выводу о том, что "основной период функционирования крепости относится к концу VI–VII вв." (С. 122). Аргументируя датировку живописи Тавки этим временем, Ш.А. Рахмонов отмечает ее сходство с живописью замка Балалыктепа и считает, что она более совершенна по исполнению и яркости красок балалыктепинской живописи, а следовательно, более поздняя. В этой связи автор приводит первоначальную дату Балалыктепа (конец V – начало VI в.). Однако мне представляется, что стилистическое сходство живописи двух памятников вызвано не их хронологической близостью, а существованием в раннесредневековом Тохаристане своей художественной школы. Что же касается даты живописи Балалыктепа, то она давно пересмотрена в сторону ее омоложения. По моему мнению, керамика, найденная в одном из помещений замка, датирует ее серединой–началом второй пол. VII в. (Соловьев, 2001. С. 14–17).

Керамика Тавки по своей морфологии и некоторым деталям (валики с пальцевыми вдавлениями под венчиком у тагора и на стенках хумов у перехода их ко дну) датируется первой пол. VIII в. Эту дату можно считать достаточно надежной, так как отмеченные детали характерны и для керамики одной из усадеб городища Шуробкурган, расположенного в этом же районе Северного Тохаристана. Ее дата установлена благодаря находке здесь арабского фельса – 30–40-е годы. VIII в. (Болелов, 2001. С. 64–68). Предложенную дату для живописи Тавки подтверждает и тот факт, что у всех мужских персонажей, изображенных в ней, на голове чалма, обмотанная вокруг шапки, у женских персонажей на голове – род чалмы. Это создает впечатление, что в данном случае изображена местная исламизированная знать. Судя по имеющимся материалам из долины Сурхандарьи, распространение ислама здесь началось именно в это время. В ходе раскопок Ш.А. Рахмонов установил, что крепость Тавка функционировала затем без изменений какое-то время в период развитого средневековья.

Монографию завершает приложение, в котором реставратор М.А. Реутова характеризует технику живописи Тавки, приводит результаты химического и спектрального анализов материалов, используемых для подготовки поверхности стен под живопись. Ей удалось выяснить, что живопись была двухслойной. Первый слой был нанесен непосредственно на оштукатуренную поверхность стен. Эта живопись, видимо, имела орнаментальный характер. Затем ее местами забелили мелом и нанесли второй слой с изображением сцен охоты и пира. Он отличается от живописи первого слоя не только сюжетом, но и богатством колорита.

Говоря о значении рецензируемой монографии Ш.А. Рахмонова, необходимо прежде всего отметить, что она дает представление о новом интересном памятнике на юге Узбекистана. Автор ввел в научный оборот ценные археологические материалы, значительно расширяющие наши знания об архитектуре, фортификации, материальной культуре, изобразительном искусстве не только владения Гуфтан, но и всего Тохаристана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов. Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.

Болелов С.Б. Комплекс керамики VII–VIII веков из Северного Тохаристана // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001.

Соловьев В.С. Замок Балалыктепа: раскопки, стратиграфия, датировка, интерпретация настенной живописи // San`at. 2001. № 4.

Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1986.

Шкода В.Г. Особенности согдийского зороастризма в свете археологии // Итоги археологических экспедиций. Л., 1989.

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

В.С. Соловьев

Н.Н. Крадин, С.В. Данилов, П.Б. Коновалов "Социальная структура хунну Забайкалья". Владивосток: Дальнаука, 2004. 106 с.

Монография является результатом многолетних археологических и историко-теоретических исследований проблем социальной организации населения Забайкалья в эпоху расцвета первой степной империи – государства Хунну. По существу речь идет о наиболее глубоком изучении вопросов социальной структуры на основе всестороннего рассмотрения археологических памятников хуннского времени в Забайкалье. Погребальные и поселенческие комплексы хунну в этом регионе привлекали внимание многих отечественных ученых (Г.П. Сосновский, Ю.Д. Талько-Грынцевич, А.Н. Бернштам, С.В. Киселев, С.И. Руденко, А.В. Давыдова, П.Б. Коновалов, С.С. Меняев, С.В. Данилов и др.) и уже неоднократно служили объектом обобщающих исследований (Коновалов П.Б. Хунну Забайкалья. Улан-Удэ, 1976; Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985; Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. I–II. СПб., 1995–1996; Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998). Однако впервые реконструкция социального устройства забайкальского населения конца III в. до н.э.–I в. н.э. стала предметом специального монографического исследования.

Авторами справедливо отмечалось, что "в целом археологические источники недостаточно использовались для реконструкции социальной структуры хуннского общества" (С. 9). Географическая обособленность Забайкалья и наличие в этом регионе многочисленных археологических объектов хунну позволили исследователям рассматривать эту территорию как отдельное административно-политическое подразделение хуннской империи (С. 10). Таким образом археологические памятники Забайкалья, по их мнению, могут рассматриваться как единый полигон для социального моделирования. Для реализации этой цели авторы сформулировали следующие задачи исследования: (1) дать общую характеристику общественного строя Хуннской державы и показать особенность социальной структуры хунну; (2) выявить основные принципы реконструкций социальных структур в археологии по данным захоронений; (3) проанализировать погребальные памятники хунну Забайкалья (Иволгинский могильник, Дырестуйский Кутлук, Черемуховая падь, Ильмовая падь); (4) реконструировать особенности социальной структуры населения Забайкалья в хуннскую эпоху. Этими задачами продиктована и структуру книги, которая в целом выглядит продуманной и логичной. Книга включает введение, шесть глав, заключение и список литературы. Во "Введении" дается краткий анализ источниковой базы и историографический очерк изучения социальной истории хунну.

Непосредственный анализ археологических материалов четырех наиболее полно изученных памятников хуннского времени в Забайкалье предваряет глава "Социальный строй Хуннской империи". В ней затрагиваются вопросы как социальной, так и политической организации империи Хунну. Авторами подчеркивается, что уже к концу III в. до н.э. хуннское объединение выступает как оформившаяся "политическая система" со сложной социальной стратификацией, фиксируемой археологическими источниками, и иерархической структурой управления. Главной причиной "объединения хуннского этноса" в "племенную империю" на рубеже III–II вв. до н.э., в соответствии с господствующей в современной историографии концепцией внешних импульсов политогенеза у номадов, называется создание единого централизованного китайского государства – империи Цинь (затем Хань) и ее агрессия в заселенный хунну Ордос. Именно необходимость успешного противостояния Китаю и организации военных акций против него с целью получения добычи и даров (дани), как полагают авторы, вызвали к жизни объединение центральноазиатских кочевников в рамках Хуннской империи. В такой асимметричной системе отношений номадов и китайской цивилизации сформировался двойственный характер природы кочевого лидера: "... если в мирное время шаньюй использовал набеги для получения политической поддержки", то "в периоды мира он вымогал Хань "подарки" для раздачи родственниками, вождям племен и дружине..." (С. 12, 13).

В целом в оценке исследователями организации политической системы империи Хунну преобладает теоретический ассортимент мир-системного подхода, обуславливавший определенную, причем довольно однозначную, трактовку взаимодействия мир-империй (Китай) и пасторального общества (Хуннская империя). Не отрицая важного значения "вызова" земледельческих цивилизаций как фактора генезиса и функционирования имперских систем у номадов, а также огромной роли "престижной экономики" (раздача подарков соратникам и вождям племен, с помощью которых шаньюй увеличивал свое политическое влияние и престиж), стоит отметить и другие не указанные в монографии как системообразующие функции верховной власти у хунну, в которых отразился вождеский, а возможно и раннегосударственный характер управленческой системы Хуннской империи. В первую очередь, это создание централизованной военной системы, организация эффективного управления и поддержание дисциплины в армии. Также следует назвать культовые и редистрибутивные функции шаньюя, формирование институтов подчинения иноэтничных кочевников, обязанных титульному этносу (хунну) военной службой или данью, осуществление суда и формирование имперской судебной системы (Васютин, 2002. С. 88–91). Кроме того, важно обратить внимание и на тот факт, что не только противоборство с Китаем стимулировало интеграционные процессы у номадов. Так, в первой пол. II в. до н.э. гораздо более значимым для хунну было противостояние не с китайцами, а с юечжами (неслучайно в китайских хрониках этого периода резко сокращается количество сведений о хунну – см. Материалы..., 1969. С. 41, 71, 72).

В монографии подробно характеризуется общественная система хуннского общества. Выделяется несколько уровней социальной иерархии (великий шаньюй, его родственники, представители знатных хуннских родов, племенные вожди и старейшины, служилая знать, вожди нехуннских зависимых племен, рядовые кочевники, возможно, рабы из состава угнанных в степь китайцев). В качестве специфики кочевых социальных систем авторы указывают на огромную роль генеалогической системы родства. Основные принципы ее сводились к тому, что статус и власть передавались внутри одной генеалогической группы в соответствии с принципами старшинства, а социальный статус конкретного индивида нередко обуславливался статусом его генеалогической группы среди других аналогичных групп. Это не исключало вертикальной социальной мобильности вне генеалогических рамок, прежде всего, за счет военной доблести (С. 19).

Рассматривая тенденции социально-политического развития хуннского общества, авторы монографии справедливо отмечали в качестве основной тенденции "постепенное ослабление автократических отношений в империи и замену их связями конфедеративными", оттеснение на задний план военно-иерархических отношений с одновременным выдвижением вперед генеалогической иерархии между "старшими" и "младшими" по рангу племенами (С. 22).

В целом выводы главы содержат соображения в контексте давно разрабатываемой Н.Н. Крадиным теории кочевых империй и их типологии (1992. С. 166–178; 2000. С. 316; 2002. С. 45). Хуннская держава определяется как вариант типичной кочевой империи: снаружи "... она выглядит как вполне деспотическое завоевательное государственноподобное общество, созданное для изъятия прибавочного продукта извне степи", в то время как "... при рассмотрении внутренней структуры выясняется, что хуннское общество держится на

племенных связях без установленного налогообложения и эксплуатации скотоводов". При этом указывается, что С.В. Данилов и П.Б. Коновалов видят в Хуннской империи раннее государство, а Н.Н. Крадин полагает, что ее вернее характеризовать как вождество (С. 23). По-видимому, стоит признать двойственный характер Хуннской империи. Но надо внести ряд важных корректив, которые создадут более объективную картину для характеристики кочевых империй. Во-первых, не стоит ограничивать роль управленческих институтов только организацией внешней экспансии и эксплуатации. Не менее (если не более) важной задачей, как для простых скотоводов, так и для аристократии было обеспечение нормального функционирования кочевого хозяйства. Во-вторых, в ранних государствах сохранялась ведущая роль свободных производителей, интересы которых защищало обычное право, а социальная дифференциация еще не достигла классового характера (в данном случае речь идет о социальном состоянии самих хунну). В-третьих, в империи Хунну, как указывалось выше, существовала сложная иерархия племен и кланов, многие из которых были обязаны элите данью и военной службой. Трудно себе представить, что многочисленные походы хунну на север, восток и запад против аборигенного населения Манчжурии, Забайкалья, Южной Сибири, Восточного Туркестана, Джунгарии и Семиречья заканчивались мирным установлением покорности населения данных территорий хунну без каких-либо обязательств в отношении последних. Эти отношения господства и подчинения могли, кстати, быть совершенно не отражены в китайских источниках. В-четвертых, структуры империи цементировались жесткой военной системой, призванной также обеспечивать лояльность племен и линиджей верховному правительству. Все это показывает достаточно сложный и неоднозначный характер политических структур в Хуннской империи и не исключает их развития в отдельные периоды до уровня ранней государственности.

Во второй главе "Методика социологической реконструкции погребальных комплексов" описываются методологически принципы социологических реконструкций по археологическим данным. Большое внимание уделяется понятию "социальная структура". При этом подчеркивается необходимость сочетания функционалистского подхода ("совокупность функционально важных, значимых для общества позиций и институтов") с изучением социального неравенства ("совокупности иерархических общественных связей, отражающих положение отдельных индивидов и групп"). Отмечаются основные проблемы, связанные с реализацией палеосоциологических методик по материалам погребений (С. 26, 27). В частности, соглашаясь с мнением представителей постпроцессуальной археологии об отсутствии прямой связи между погребальным ритуалом и социальным статусом захороненного, авторы монографии все же полагают, что различия в размерах захоронений, их конструкции, составе инвентаря все же выражают социальные различия между погребенными без жесткой привязки тех или иных типов погребений к конкретным социальным группам. Развивая идеи о сакральном значении погребальных памятников, Н.Н. Крадин, С.В. Данилов и П.Б. Коновалов полагают, что монументальные сооружения (в данном случае "царские" курганы хунну) "создают специфическое священное пространство, которое символизирует божественный, иррациональный статус земной власти ..." и "как бы представляют в опредмеченной форме реальный политический контроль и права собственности на значимые ресурсы" (С. 28).

Авторы применили наиболее оптимальную по отношению к анализируемому материалу методику. В основу положено выявление половозрастной дифференциации по материалам хуннских погребений, без чего невозможна реконструкция социальных рангов в любом архаичном и традиционном обществе. Предложенная авторами методика изучения половозрастных различий была разработана с использованием опыта отечественных и зарубежных ученых. Особо следует отметить продуктивное применение методов статистического анализа с пошаговой реализацией задач исследования (создание базы данных, выявление факторов, значимых для возрастной дифференциации, разделение всего массива на взрослые и детские погребения, выявление факторов, значимых для полового деления массива взрослых погребений, отбор мужских и женских погребений, изучение отличий в погребальном обряде в пределах однородных половозрастных групп посредством кластерного анализа, выявление факторов, связывающих те или иные внутригрушовые кластеры с различными категориями сопроводительного инвентаря, интерпретация результатов).

Объектом изучения стала довольно представительная выборка из 426 погребений (60 погребений могильника Ильмовая падь; 130 погребений могильника Дырестуйский Кутлук; 20 погребений могильника Черемуховая падь; 216 погребений Иволгинского могильника). Более 200 признаков были сведены авторами в 5 основных групп (категорий): 1) надмогильные сооружения; 2) погребальные сооружения; 3) останки погребенных; 4) сопроводительный инвентарь; 5) жертвенная пища. В целом я согласен с тем, что статистические методы дают исследователям очевидные преимущества (систематизация, обоснованность дифференциации и т.д.), а факторный анализ позволяет выявить скрытые взаимосвязи между выборными признаками. Однако учитывая, что в книге отсутствует исходная база данных и не показана "кухня расчетов", возникает опасность определенного искажения. В рецензируемой работе не упоминается поправка при расчетах на разную степень сохранности, а также на применение разной методики раскопок, тщательности исследований. Критика В.Ю. Зуевым известной работы итальянских и российских археологов (Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха. М., 1994), в частности раздела написанного М. Бернабей, Л. Бондиоли и А. Гуиди (С. 159–184), показала, что в результате игнорирования многих факторов и некритического отношения к источникам могут быть поставлены под сомнения все результаты исследования. Смею надеется, что Н.Н. Крадин, С.В. Данилов и П.Б. Коновалов использовали только репрезентативные данные, а результаты их анализа обладают высокой степенью достоверности.

Следующие четыре главы посвящены изложению результатов статистического исследования Иволгинского могильника, некрополей Дырестуйский Кутлук, Черемуховая падь и Ильмовая падь (3, 4, 5 и 6-я главы соответственно). По результатам анализа грунтовых погребений Иволгинского могильника удалось установить "схожее распределение по типам погребальных сооружений" для мужских и женских захоронений (преобладание захоронений в срубе, наличие погребений в яме и незначительное число погребений в гробовище), в то время как детские погребения в основном производились в простых ямах. При этом средние длина и ширина мужских захоронений превосходила средние длину и ширину женских захоронений (С. 36, 37). Аналогичные различия фиксируются и на других рассматриваемых могильниках, но зачастую речь идет об иных показателях. На Дырестуйском Кутлуке и в могильнике Ильмовая падь мужские, женские, детские погребения отличались по размерам надмогильных сооружений, хотя различия между длиной и шириной могильных ям мужских и женских захоронений были не столь существенны (С. 50, 68, 69). Исследованные женские и мужские погребения могильника Черемуховая падь мало различались как размерами надмогильных сооружений, так и параметрами могильных ям (С. 62). Однако сопоставление между собой погребений разных могильников выявило явное преобладание по сложности внутримогильных конструкций кочевнических захоронений, среди которых были и "элитные" (Ильмовая падь), над погребениями жителей Иволгинского городища (С. 80, 81).

Для уточнения половозрастных отличий погребений каждого из могильников авторы создали матрицы коэффициентов корреляции признаков сопроводительного инвентаря для мужских, женских и детских погребений. Вывод о "специфических нюансах для каждой из половозрастных совокупностей" позволил авторам утверждать, что они могут

"в ряде случаев достаточно точно определить пол и отчасти возрастную группу захороненных" (С. 42, 43). Это послужило основой для включения захоронений с неопределенными по полу и возрасту погребенными в мужские, женские и детские группы.

Более детализированной оказалась картина дифференциации населения Забайкалья хуннской эпохи по результатам кластерного анализа (решающее значение имели показатели 2, 4 и 5 категорий – внутримогильные сооружения, сопроводительные инвентарь и жертвенная пища) с применением факторного метода. На Иволгинском могильнике удалось выявить две "резко отличающиеся социальные группы мужского населения" (первая группа погребений с бедным инвентарем, что позволило авторам допустить "низкий общественный и экономический статус этой группы, участие данных лиц в общественном производстве в качестве эксплуатируемого слоя"; вторая отличалась более разнообразным инвентарем, в том числе наличием оружия, и может быть условно разделена на три стратифицированные подгруппы), 5 групп женского населения (в зависимости от критериев можно выделить от 3 до 5 социальных категорий) и 4 группы детских захоронений. В целом авторы выделяют несколько уровней социальной дифференциации: от низших общественных групп до обеспеченных жителей городища, захоронения которых сопровождались разнообразным сопроводительным инвентарем, оружием, обильной заупокойной пищей. Между этими крайними общественными стратами исследователи фиксируют широкое количество прослоек (в мужских захоронениях до трех, в женских – от двух до четырех, в детских – одну). Все это, по мнению ученых, свидетельствует о сложной общественной структуре населения городища (С. 45–49).

В материалах Дырестуйского могильника выявлены 3 группы мужских захоронений, дифференциация которых как по составу инвентаря (в двух группах – субкластер 1А и кластер 2 фиксируется более разнообразный инвентарь и украшения), так и по сложности внутримогильных конструкций (погребения субкластера 1В отличало наличие захоронений только в гробах, тогда как в двух других группах преобладали гробы в срубах) относительна. Погребения субкластера 1В не имели надмогильных конструкций. В составе женских захоронений также выявлены 3 группы (отличия в присутствии предметов вооружения и остатков костей крупного рогатого скота). Детские захоронения, как считают авторы, скорее всего, различались инвентарем по половому признаку (С. 59, 60).

Немногочисленные погребения некрополя Черемуховая падь, подвергнутые кластерному анализу (8 захоронений), распределились в две группы мужских захоронений с разнообразным инвентарем, различавшихся размерами надмогильных сооружений и наличием во 2-й группе (кластер 2) обильных жертвоприношений крупного рогатого скота и козы, что свидетельствует об их условно одноранговом статусе. Однако, по мнению исследователей, для кластера 1 более характерны признаки, связанные с оружием (кинжал, панцирь), а для кластера 2 – признаки, связанные с пищей (палочки для еды, ложки, обильная тризна). Эти особенности авторами объясняются отличием функциональных обязанностей погребенных, обозначенных условно как группа "военных" и группа "гражданских" лиц. Женские погребения также разделились на два резко отличающихся между собой кластера (погребения кластера 2 содержали значительно более разнообразный, многочисленный и богатый инвентарь, а также кости животных) (С. 64–67).

Распределение мужских погребений могильника Ильмовая падь по кластерам привело авторов монографии к интересным выводам. В частности, из общего массива мужских захоронений резко выделились три "элитных" кургана (№ 10, 40, 54). Принципиальные различия между погребениями субкластеров 1А и 1В (в первом субкластере присутствуют зеркала, игральные кости, панцирь, подвески, золотые украшения; во втором – остатки меховой одежды, ажурная поясная бляха, кольцо) наряду с тремя элитными курганами позволили говорить о выделении 2–3 социальных рангов в мужских погребениях Ильмовой пади. В сравнении с другими могильниками хуннской культуры все группы мужских захоронений Ильмовой пади относятся к числу достаточно "богатых" погребений. В составе женских захоронений Ильмовой пади были выделены группа "богатых" (субкластер 1А, погребение № 43, которое в принципе можно выделить в самостоятельный "высший" ранг), группа более "бедных" лиц (кластер 2) и группа женщин с самым низким статусом (субкластер 1В). Детские захоронения распределились на две группы. Важное значение имела попытка авторов связать часть детских погребений с ритуальными человеческими жертвоприношениями. В качестве главных аргументов названы: 1) расположение данных захоронений в непосредственной близости от так называемого "княжеского" кургана № 54; 2) бедный сопутствующий инвентарь; 3) отсутствие в одной из могил черепа погребенного; 4) захороненный в погребении 54Б был предварительно связан; 5) корреляция этих наблюдений с данными письменных источников (С. 76–79).

В подавляющем большинстве случаев принципы распределения погребений по кластерам выглядят весьма обоснованными. Это создает прочную основу для социальных реконструкций. Стоит только обратить внимание на несколько произвольную комплектацию кластеров. Особенно показательно это в отношении разбивки кластера 1 Иволгинского могильника на субкластеры. По своим признакам погребения субкластера 1АА оказались гораздо ближе к погребениям субкластера 1В, а не 1АВ. В разбивке по кластерам мужских захоронений Дырестуйского могильника погребения субкластера 1А должны были быть помещены в один кластер с погребениями кластера 2, а не субкластера 1В. Такое неудачное ранжирование кластеров, затрудняющее восприятие выводов авторов, присутствует и в анализе материалов других могильников.

Оценивая в целом реализацию задач авторами книги, необходимо указать на ряд недостатков, связанных с процедурой исследования. Так, Н.Н. Крадиным, С.В. Даниловым и П.Б. Коноваловым не раз отмечалось основополагающее значение реконструкции половозрастной структуры. Тем не менее, в книге отсутствует попытка выявления внутренней дифференциации мужских и женских захоронений по возрасту. Не стоит доказывать, что возрастные барьеры в традиционных обществах пролегали не только между "детским" и "взрослым" состоянием, и при тщательном анализе иногда удается определить общие "контуры" возрастных границ и в составе взрослого населения (см., например, Бобров и др., 2003. С. 47, 48, 173, 174. Таб. XI, XII). Понятно, что различия между некоторыми группами забайкальского населения рубежа тысячелетий могли определяться их принадлежностью к разным возрастным группам.

Акцент на статистических методах фактически сделал невозможным полноценное применение метода социальной планиграфии. На планиграфические позиции погребений было указано только при анализе материалов Черемуховой пади и описании детских (предположительно жертвенных) погребений в Ильмовой пади. Нет сомнений в высокой эффективности планиграфического метода при демонстрации взаимосвязи погребений представителей власти и их военно-аристократического окружения или при обосновании рабского (полурабского) статуса захороненных. Приходится также сожалеть о том, что в монографии отсутствуют сводные таблицы с подробной фиксацией всех данных по 5 категориям инвентаря, что весьма нехарактерно для археологической по существу работы.

Необходимо признать, что авторы не использовали весь потенциал использованных ими методик. Это оставляет довольно обширное поле для дальнейших исследований проблемы социальной организации хунну Забайкалья.

В "Заключении" авторы суммировали основные выводы по главам и подвели итоги исследованию общественной организации населения Забайкалья в хуннскую эпоху. Стоит согласиться с мнением авторов о том, что "изучение погре-

бальных памятников хунну Забайкалья подтверждает тезис о многоуровневой социальной иерархии в империи Хунну, прослеживаемой в различных половозрастных и этнокультурных группах общества" (С. 80). В то же время исследователи полагают преждевременным привязку выявленных групп захоронений к конкретным общественным слоям хуннского общества. Это не исключает формулирование гипотез об общественном статусе некоторых погребенных. Так, по мнению авторов, элитные курганы могильника Ильмовая падь и некоторых других могильников с "царскими" погребениями "были возведены в память высших региональных вождей и их ближайших родственников" (С. 82).

Подводя итоги подчеркну, что рецензируемая работа Н.Н. Крадина, С.В. Данилова и П.Б. Коновалова, несмотря на некоторую источниковую избирательность (выборка погребений сделана только из четырех могильников, не привлекались материалы палеосоциологического анализа поселений), несомненно, является крупным шагом в изучении социальной организации хунну Забайкалья и открывает новый этап в исследовании данной проблемы.

Кемеровский государственный университет

С.А. Васютин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бернабей М., Бондиоли Л., Гуиди А. Социальная структура кочевников савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха. М., 1994.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск, 2003.

Васютин С.А. Типология потестарных и политарных систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.

Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992.

Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2002.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Введение, перевод и комментарий В.С. Таскина. Вып. I. М., 1968.

Ken Dark. Byzantine Pottery. Stroud, 2001. 160 p., 128 il.

Византийская керамика – один из важнейших объектов исследований средневековой археологии Европы и Ближнего Востока. Ее внутреннее развитие представляет самоценный интерес, однако еще большее значение эта категория памятников материальной культуры приобретает в связи с ее использованием в качестве хронологического индикатора при датировке комплексов в регионах, смежных с Византией или поддерживавших с ней торговые отношения. Поэтому выход каждой новой работы по этой проблематике неизбежно вызывает пристальный интерес. Тем более, когда делается попытка охарактеризовать всю эту керамику в целом, а не по частям, как это предпринималось в прошлом рядом исследователей, рассматривавших отдельно глазурованную столовую посуду, амфоры и архитектурную керамику. Именно в комплексном подходе к проблеме английский исследователь К.Р. Дарк видит главное преимущество своей книги (P. 8), и с этой мыслью нельзя не согласиться. Его работа снабжена достаточным количеством иллюстраций, среди которых 58 цветных, правда, 17 из них – репродукции из известной книги Ч. Моргана (Morgan, 1942).

Книга издана в Англии, отличается высоким уровнем полиграфии и отвечает всем современным требованиям оформления подобных изданий. Начинается она с краткого обзора истории Византии и гораздо более объемного очерка современной ситуации в "византийской археологии". Положение в этой сфере знаний, по мнению автора, сложилось не блестящим образом. По сравнению с западноевропейской археологией или изучением древностей Римской эпохи, "византийская археология" отстает как по темпам накопления нового материала (т.е. масштабам проводимых исследований и суммам их финансирования), так и методически (отсутствие или эпизодичность раскопок широкими площадями, низкая информативность стратиграфических наблюдений). Автор книги считает, что сейчас "византийская археология" находится на том же уровне, на каком находилась археология Англии в 1950 г. При этом особенно большую досаду вызывает у него разрыв между глубоким изучением истории и культуры Византии по письменным источникам, художественным произведениям, культовым материалам и очень слабым представлением об обыденной жизни "простого человека" в Византийской империи. С одной стороны, нельзя не разделять эту досаду, но с другой – вызывает удивление полное незнакомство автора с тем немалым корпусом данных, касающихся как раз этого самого быта широких масс населения византийских городов и сельских поселений, которые были накоплены российскими и украинскими археологами еще в советский период в результате многолетних и масштабных раскопок в Херсонесе и на ряде поселений в Крыму. Нельзя не упомянуть здесь работы Г.Д. Белова, А.Л. Якобсона, А.И. Романчук, Е.А. Паршиной и многих других исследователей, которые не могут быть неизвестны на Западе, но остались не востребованы автором. Среди обширной библиографии присутствуют лишь 4 публикации российских исследователей (А.В. Банк, Т.И. Макаровой, А.В. Сазанова, В.Н. Залесской) и 3 – болгарских (К. Миятева, И. Акрабовой, Г. Кузманова). Нет ни одной ссылки на работы ученых Румынии и Сербии. Разумеется, Крым и Северные Балканы являлись дальними окраинами Византийского мира, однако игнорирование добытых здесь сведений выглядит довольно странным. Тем более, что возможности для ознакомления с восточноевропейской и балканской литературой у западного исследователя есть и они несравнимы с ограниченными возможностями его российских коллег в отношении западноевропейской и американской литературы.

Вторая глава книги носит название "Византийская грубая керамика: 1000-летний континуитет керамического производства?" В понятие "грубой керамики" (*coarseware*) традиционно включается вся неглазурованная керамика Византии – кухонная, столовая, тарная. Сформулированный в названии главы вопрос – чисто риторический. Никаких сомнений в сохранении традиций византийского гончарства у автора нет. Ранневизантийская керамика наследовала традиции гончарства эпохи Римской империи, а существенные инновации начинают фиксироваться в ней лишь с VIII–IX вв. Ранневизантийская "грубая керамика" включала кухонные горшки, крышки от горшков, чаши, в том числе "мортарии" – чаши для приготовления пищи, кувшины различных форм, чашки, подсвечники, масляные светильники, флаконы, амфоры и другие сосуды. Горшки имели как правило подшарообразную форму, с округлым дном. "Грубая керамика" производилась во многих центрах и несколько различалась по своей профилировке, что позволяет исследователям выделять среди сосудов местного производства привозные

образцы (в некоторых местах доля импорта среди такой керамики достигает 20%). Наилучшим образом в настоящее время изучена керамика, производившаяся в Константинополе, Анатолии (в Сардах, Анемуриуме, Олуденизе и Сагалассосе), Египте (в Абу Мине и Келлии), Эгеиде (на Хиосе), на Кипре и в Палестине. Эта керамика зачастую перевозилась на большие расстояния от мест ее изготовления. В частности, эгейская и палестинская керамика обнаружена в Италии, Испании и Северной Африке, а африканская – в юго-западной Британии. В Константинополе как в ранний, так и в средневизантийский периоды господствовала "серая" керамика (Constantinopolitan Greyware).

Наряду с рядовой кухонной посудой бытовала более качественная столовая керамика, поверхность которой облицовывалась красным ангобом (Red-Slip Ware), наиболее известные центры производства которой располагались в Северной Африке, хотя изготавливалась она и в других местах (в Анатолии, на территории нынешней Иордании). Такая керамика отличалась коричневым или оранжево-коричневым цветом черепка, украшалась гравированным или пролощенным орнаментом. В столице империи также производилась краснолощеная посуда (Red Burnished Ware).

Одной из самых важных инноваций средневизантийской эпохи автор считает появление в Константинополе в конце VIII в. белоглиняной керамики (цвет ее черепка варьировал от белого до розового), быстро сменившей массовую кухонную и столовую посуду серого цвета и доминировавшей в столице Империи вплоть до XIII в. В качестве предшественницы этой принципиально новой разновидности керамики рассматривается белоглиняная посуда, облицованная цветными ангобами (Color Coated Whiteware), начавшая производиться в Константинополе около 500 г., вероятно, как имитация позднеримской краснолаковой и ранневизантийской краснолощеной посуды. Использовался главным образом красный ангоб, но встречены и более темные оттенки облицовки – от оранжево-коричневого до черного. Постепенно белоглиняная (Unglazed Constantinopolitan Whiteware) посуда вошла в обиход жителей столицы и вытеснила все другие разновидности массовой керамики, включая и красноангобированную (P. 45). Данное наблюдение весьма важно, учитывая не до конца еще выясненный генезис византийской глазурованной посуды, наиболее ранние образцы которой формовались из белой глины.

Описанию поздневизантийской керамики отведено всего 2 страницы текста, причем охарактеризована в основном керамика Коринфа и еще нескольких центров на Пелопоннесе. Для константинопольской керамики констатируется снижение качества изделий при общем сходстве с более ранними образцами. Создать представление о керамическом наборе по таким общим замечаниям невозможно.

Особое внимание уделено динамике развития амфорного производства. Ранневизантийские амфоры, по мнению автора, демонстрируют континуитет с предшествовавшими им типами позднеримских амфор. Назывались они в это время *kouphon* (позже – *megaricon*), а амфоры малого размера – *lagena*. Автором выделяются 7 главных "классов" ранневизантийских амфор (fig. 13), причем ни для одного из них не известны места производства и лишь выдвигаются гипотезы о регионах, в которых они, вероятно, изготавливались.

В отношении классификации амфор средневизантийского периода автор следует схеме, разработанной турецкой исследовательницей Н. Гюнсенин. При этом выдвигается предположение, что существенные изменения в формах этих сосудов, фиксируемые в IX в., происходили, возможно, под влиянием эволюции итальянских амфор, тулово которых трансформировалось от овального (в вертикальном сечении) к сферическому (P. 49). Это замечание требует более развернутой аргументации, поскольку консервативность византийского гончарства и его индифферентность к внешним влияниям общеизвестны, а торговые и культурные связи Византии со странами Средиземноморья в VIII–X вв. были весьма ограниченными. Для поздневизантийского периода отмечается снижение числа классов амфор при одновременном уменьшении их размеров. Причиной тому называется замещение амфор бочками. К сожалению, из всего многообразия типов византийских позднесредневековых амфор рисунки и описание представлены всего для 4 самых распространенных их типов (типы 1–4 по Н. Гюнсенин). Однако в византийском мире набор амфорных типов был куда более разнообразен и их игнорирование резко снижает информативность данной работы.

Существенным недостатком этой части книги является также отсутствие углубленного анализа изменений в технологии византийского гончарства. Не рассмотрены в ней даже вкратце такие важные аспекты керамического производства, как способы приготовления формовочных масс (особенности использовавшихся глин, набор примесей в различных группах керамики), режимы обжига посуды, способы организации гончарного производства. Без этих данных многие определения групп и типов керамики остаются невнятными или недостоверными (например, неясно, что собой представляла в технологическом плане "серая" керамика – Greyware). За пределами очерка остались также некоторые очень важные разновидности массовой керамики, например, пифосы и кровельная черепица, о которых в работе даже не упоминается. Очень мало внимания уделено и номенклатуре применявшихся керамических форм (за исключением горшков, кувшинов, блюд, амфор и светильников).

Третья глава монографии называется "Периодизация византийской художественной керамики". В данном случае для перевода термина *fine-ware"* нами применено традиционное для русскоязычной литературы словосочетание "художественная керамика", хотя дословный перевод был бы "высококачественная" или "прекрасная". Эта глава – одна из самых интересных и содержательных в книге, к тому же наилучшим образом иллюстрированная. Ранневизантийский период характеризуется в ней очень кратко несколькими локально распространенными разновидностями краснолаковой керамики и неглазурованной керамики с полихромной росписью, найденной в Египте (Coptic Ware), Анатолии (Monastic Ware), Иордании (Jerash Bowls). Роспись производилась по красноангобированной поверхности пурпурно-марганцевой и желтой красками. Ранневизантийская краснолаковая керамика представляла собой последнюю стадию развития керамики римской эпохи, известной как *terra sigillata*. Производство такой керамики существовало во многих частях империи, но наибольшую известность и распространение получила продукция Северной Африки, Кипра, Фокеи. Подражания такой керамике производились, видимо, повсеместно.

На протяжении VII в. производство краснолаковой керамики пресекается, и причины тому видятся автором прежде всего в культурных трансформациях, переживавшихся Византией. Параллельно с прекращением использования краснолаковой посуды появилась и получила быстрое распространение белоглиняная глазурованная керамика во временном промежутке от 600 до 800 гг. Наиболее ранним датированным образцом такой керамики считается сегодня чаша из комплекса кораблекрушения у Ясси-Ада, относящегося к 625–626 гг. Находки ранних образцов поливной посуды остаются крайне немногочисленными, причем почти все они были покрыты глазурью зеленого цвета. Вместе с тем, отмечается применение глазури бирюзового цвета в Сирии и Западной Анатолии (Сарды).

Особое внимание уделено автором проблеме происхождения византийской традиции изготовления поливной посуды. Участие в становлении этой традиции стран Ислама он исключает, поскольку до 700 г. на Ближнем Востоке, по его мнению, глазурованной керамики не существовало, а первые редкие ее образцы появились в VIII в., причем они копировали византийские изделия. Последний тезис не разъяснен и обоснован лишь ссылками на литературу, между тем в этой литературе как раз признается достаточно широкое распространение на Востоке в позднесасанидский и

раннеарабский периоды (VII–VIII вв.) глазурованной посуды (Northedge, 1997. P. 214). В качестве альтернативы автором выдвигается гипотеза об импорте мастеров или технологии глазурования керамики в Византию из Италии, где посуда с зеленой глазурью использовалась уже с 400 г. (например, в Равенне). Очевидно, что данный вопрос является дискуссионным и требующим дополнительных исследований. Однако в любом случае именно византийцы впервые – как в Европе, так и на Ближнем Востоке – наладили массовое производство поливной посуды, сделав ее общеупотребимой в быту.

Белоглиняная глазурованная посуда, являвшаяся основной разновидностью византийской столовой керамики в VIII–X вв., названа в монографии "классической", чем подчеркивается ее роль в дальнейшем развитии гончарного производства. Места ее изготовления декларированы в Константинополе, южной Греции (Коринф) и Изнике (следовало бы писать о византийской Никее). К сожалению, автором не даны ссылки на конкретные работы, из которых почерпнуты подобные сведения, а потому воспринимать их как факты невозможно. Известно лишь, что во всех указанных районах имелись залежи беложгущихся глин, комплексное изучение которых на современном научном уровне пока не проводилось. Что же касается "браков" поливной керамики, якобы найденных в Константинополе, то их публикации нам не известны, зато слишком хорошо знакомы ситуации, когда обгоревшие в пожарах обломки керамики с удручающим постоянством выдаются различными исследователями за "браки" гончарного производства. Поэтому само упоминание "браков" не может вызывать никакого доверия до тех пор, пока не будут представлены фотографии и подробнейшая характеристика этих образцов, указана их численность, доказана их связь с гончарными горнами и находками специфического для производства глазурованной керамики печного припаса.

Находки константинопольской белоглиняной поливной керамики известны в Фессалониках, на Фасосе, Самофракии, Мелосе, Ксантосе, в Изнике и во Фракии, а также в Коринфе и на Кипре. Собственно, они известны во всех местах, которые в период распространения этой керамики находились во владениях Византии.

В конце XI в. (P. 70) в Византии появился принципиально новый тип поливной посуды – красноглиняная, с орнаментом, гравированным по слою облицовывавшего сосуд белого ангоба (такая орнаментация носит наименование *sgraffito*). Однако отсутствие ссылок на конкретные комплексы с надежной хронологией заставляет думать, что указанная дата начала производства и распространения такой керамики твердо еще не установлена и остается весьма расплывчатой. Самые ранние образцы гравированной керамики объединяются в класс "двухцветной керамики сграффито" (Duochrome Sgraffito Ware), у которой внутренняя и внешняя поверхности покрывались глазурями разных цветов (бледно-желтого и зеленого). В XII в. эта керамика становится монохромной (и ее относят уже к классу "прекрасной или художественной сграффито"), а наряду с ней появляются еще новые разновидности – "резная (*incised*) керамика сграффито", отличавшаяся более широкими линиями гравировки и близкая к ней "Эгейская керамика" (Aegian Ware). Наивысшей по техническому уровню исполнения разновидностью "резной" керамики, была "искусно выполненная резная керамика" (Elaborate Incised Ware), среди которой выделяется группа изделий с "шахматным" узором (где на темных квадратах ангоб был полностью выскоблен). Керамика этого класса обнаружена только в Константинополе и Фессалониках. Настоящим шедевром среди нее является чаша из Константинополя с изображениями Христа Пантократора, Константина Великого и латинской надписью вдоль края.

XII век был в византийском гончарстве периодом экспериментаторства, когда в разных районах империи стали появляться разнообразные по декору изделия. В этот период появляется, например, керамика с декором, выполненным в выемчатой технике (Champleve Ware), тесто которой было идентично "художественной керамике сграффито", найденной в Константинополе, Фессалониках и Афинах. В южной Греции в то же время появляется несколько своеобразных разновидностей красноглиняной ангобированной керамики – с имитацией люстровой росписи (Imitation Lustre Ware), с декором в виде разноцветных брызг (Spatter Painted Ware) и с отпечатками пальцев (Fingerprinted Ware).

В XI веке в Греции появляется еще одна разновидность красноглиняной ангобированной керамики, украшенной зелено-коричневой красочной росписью (Green and Brown Painted Ware), которая получила впоследствии широкое распространение в различных районах Византии. Такая же широкая популярность была быстро завоевана керамикой с росписью ангобом (Slip Painted Ware), появившейся вначале в Южной Греции (и, возможно, на Кипре).

Главными центрами, где фиксируются все эти инновации, были Константинополь и, частично, Коринф.

Рассматривая вопрос о связи между византийской и ближневосточной поливной посудой с декором "сграффито", автор признает, что в Месопотамии такая керамика стала производиться раньше, чем в Византии, уже в IX–X вв. (так называемая Amol ware), но отрицает возможность ее влияния на более поздние византийские образцы из-за отсутствия на них росписи глазурями, характерной для "керамики Амула". Скорее он готов признать обратное влияние византийской посуды на керамику северо-западного Ирана XII–XIII вв. ("Aghkand ware"). В целом же допускается взаимовлияние двух керамических традиций, в том числе и арабской – на византийскую (пример: псевдокуфические надписи на византийской керамике "сграффито" XII в.).

Для поздневизантийского периода отмечаются следующие инновации в керамическом производстве:

– глазури (прежде всего, желтая и зеленая) приобретают более темные, насыщенные оттенки, а пятнистые глазури перестают применяться;

– обжиг чаш с XIII в. начинает осуществляться по новой технологии – вместо кольцевидных подставок, применявшихся ранее и предназначавшихся для крепления каждой отдельной чаши и блюда в горне, такие сосуды начинают обжигаться целыми стопками, разделявшимися керамическими "триподами" (треножниками);

– красноглиняная керамика полностью сменяет белоглиняную, хотя вплоть до XIV в. месторождения беложгущихся глин близ Константинополя находились под византийским контролем. Этот вывод звучит несколько неожиданно, учитывая хорошо известные находки византийской белоглиняной поливной посуды XIII и, возможно, XIV вв.

В характеристках красножгущихся глин называются некоторые отличия, позволяющие различать разные производственные центры, выпускавшие глазурованную посуду. Так, в Фессалониках использовалась плотная красная глина с белыми включениями, в Анатолии – похожая на нее по цвету и твердости, но без подобных включений, в Северной Греции – более рыхлая кирпично-красная или оранжевая глина, в Южной Греции – рыхлая розоватая глина.

По мнению автора, в поздневизантийский период производилась в основном "простая" (т.е. примитивно орнаментированная) и "резная" керамика сграффито (Plain и Insized Sgraffito Ware) и , "цветная" (т.е. расцвеченная желтой и зеленой красками) гравированная керамика (Coloured Sgraffito Ware), керамика с росписью ангобом, а также керамика с бирюзовой глазурью (Turquoise Glazed Ware), происходившая из западной Анатолии. Все эти разновидности керамики продолжали производиться и после падения империи в 1453 г. на протяжении длительного времени. Это связано с тем, что большинство разновидностей поздневизантийской керамики уже мало отличались от посуды, изготавливавшейся в Средиземноморском регионе. Многие разновидности такой керамики могли производиться в разных странах. Так, по мнению автора, "Зевксиппова

керамика" (Zeuxippus Ware) изготавливалась не только в Византии, но также в Италии и Крыму (P. 77).

В этот период в Византию начинает ввозиться большое количество разнообразной импортной поливной посуды, прежде всего из Италии ("протомайолика", "венецианская керамика" и др.) и Испании. В некоторых пунктах итальянская керамика составляла до 95% всей поливной посуды поздневизантийской эпохи. Привозилась в Византию также посуда из исламских стран и Китая, однако количество ее находок крайне невелико. Иранские и сирийские изделия обнаружены в Константинополе и Коринфе, а китайские селадоны найдены в Эфесе, Сардах, Милете, Антиохии, Коринфе, Константинополе. Неясно только, почему среди исламских импортов этого времени у автора фигурирует "Рейская керамика", производившаяся в основном в XII–начале XIII вв., т.е. принадлежавшая средневизантийской эпохе.

В завершение обзора этой главы следует остановиться на предлагаемой в книге системе группировки поливной посуды. Собственно, никакой системы здесь и не предполагается (она даже не оговаривается в тексте). Вместо этого используются те "классы" керамики, которые были выделены на начальном этапе исследований византийской поливной посуды различными исследователями (в основном, Чарльзом Морганом и Дэвидом Талбот Райсом). Между тем, ни для одного из подобных "классов" не существует четких дефиниций и не определены их отличия от иных "классов". Отсутствует и какая-либо система признаков классификации керамики. Имеются лишь более или менее подробные описания отдельных характеристик керамики разных "классов". В результате, соотнесение того или иного образца с конкретным "классом" осуществляется в лучшем случае по набору признаков декора и некоторым деталям профилировки сосуда. Фактически же каждый из так называемых "классов" включает целый набор различных типов керамики, причем некоторые из них имеют друг с другом очень мало общего. Это и неудивительно, поскольку некоторые "классы" выделялись в свое время как совокупность керамики, найденной при раскопках в том или ином месте (например, Zeuxippus Ware, обнаруженная при раскопках бань Зевксиппа в Константинополе). При всем том, как видно, пока у западных знатоков византийской керамики не возникает потребности в систематизации материала, может быть, потому, что количество его все еще невелико. Однако не за горами то время, когда без настоящей классификации керамики, построенной на четко оговоренной иерархии признаков группировки, обойтись уже будет невозможно.

Четвертая глава книги посвящена важнейшей теме "производства и маркетинга византийской керамики". Из нее можно узнать, как "удивительно мало известно о местах производства" этой керамики (P. 80). Для ранневизантийского периода перечислены лишь Абу Мина в Египте, Чифлик в Анатолии и Диорис на Кипре, для средневизантийского – Коринф и Оре в Греции и Ганос на берегу Мраморного моря, для поздневизантийского – Спарта, Серрес и Фессалоники в Греции. Отмечается, что хотя "Книга эпарха" не называла гончаров среди константинопольских ремесленников, они могли работать на территории монастырей, не подвластной имперской администрации. Тем самым объясняется парадоксальная ситуация, когда при отсутствии всяких упоминаний о работе в столице гончаров, именно Константинополь рассматривается современными исследователями в качестве крупнейшего производителя поливной посуды. Вместе с тем, утверждается, что в ранний и средневизантийский периоды основную массу амфорной тары и кухонной "грубой" керамики изготавливали мелкие ремесленники, причем большинство из них проживало в сельской местности. К концу средневизантийского периода (т.е. в XII в.), по мнению автора, гончарное ремесло переросло "деревенский уровень" и стало широко развиваться в городах (для иллюстрации этого положения привлекаются результаты раскопок в Коринфе). Для поздневизантийского периода, однако, известны опять же в основном гончарные центры, располагавшиеся в сельской местности или в мелких городках на значительном отдалении от крупнейших центров (Серрес в Северной Греции, Ганос на берегу Мраморного моря и др.).

Никаких конкретных сведений о технологии керамического производства и организации торговли и перевозок керамики автором, к сожалению, не приводится. Объяснение этому кроется в недостатке соответствующих исследований на интересующую тему. По мнению немногочисленных специалистов, технология производства глазурованной керамики не претерпевала в Византии существенных изменений по меньшей мере с IX по XIII вв. При этом применялась только одна разновидность глазури – на основе оксидов свинца и кремния, с окрашивающими добавками окислов железа, меди, марганца.

Перевозка керамики (как поливной, так и неглазурованной, прежде всего – амфор) осуществлялась на большие расстояния от мест ее изготовления на торговых кораблях, свидетельством чему являются остатки кораблекрушений (Ясси Ада, Искандил Бурну, Серче Лимани и Селимие в Турции, Дор и Джигат Олджа в Израиле, Агиос Стефанос, Перистера, Кастеллоризо и Скопелос в Греции).

В отдельный раздел вынесено обсуждение вопроса о монограммах на средне- и поздневизантийской керамике, причем в качестве таковых рассматриваются совместно дипинти и клейма на амфорах XII–XIII вв., а также гравированные по ангобу монограммы с лигатурами на днищах глазурованных чаш XIV–XV вв. Автор приводит различные мнения о назначении всех этих меток – от "торговых марок" до имен святых, проставлявшихся в основных паломнических центрах, но своего мнения по этому вопросу не высказывает, отмечая слабую изученность этого вопроса.

Пятая глава именуется "Керамика как источник для реконструкции византийской культуры". Наибольший интерес здесь представляет вывод автора о распространении поливной керамики как результате прекращения массового использования стеклянной посуды позднеантичного периода. Причиной тому называются существенные нарушения в быту жителей империи и изменения в порядке приготовления пищи и сервировке стола. В частности, в VII в. появились чашки с ручками, "вазы для фруктов" и "блюда для растирания" с двойным дном, которые позволяли сохранять пищу на столе теплой. После 1200 г. в быту населения Византии широкое распространение получили сковороды для поджаривания пищи.

Художественная поливная посуда с сюжетными (гравированными) изображениями продуктивно используется в качестве одного из источников об изменениях в костюме византийских греков, моде на прически. На дне одного из поздневизантийских сосудов был даже изображен человек, играющий на музыкальном струнном инструменте типа лютни (fig. 46), на другом можно различить в руках танцующей женщины что-то вроде кастаньет. Особый интерес представляет присутствие керамических сосудов в византийских погребениях, что, по мнению автора, отличает православную погребальную практику от западноевропейской. Однако объяснение этому феномену автор дать не пытался.

Весьма интересной представляется нам мысль о том, что керамика была одним из символов самоидентификации ромеев. Так, поздняя краснолощеная посуда, по мнению автора, должна была напоминать в VI–VII вв. о "римском" прошлом и "римской" культурной принадлежности ее владельцев. Аналогично этому, в средневизантийский период белоглиняная поливная посуда могла прокламировать принадлежность к православию (P. 108). Однако столь далеко идущие выводы требуют очень серьезной аргументации, которая в книге не представлена.

Шестая глава "Конец византийской империи и после него" является заключением всей книги. В ней констатируется продолжение византийской традиции керамического производства на территории Османской империи (в Греции и на Балканах). При этом одной из труднейших проблем называется выяснение связи между византийской белоглиняной

поливной керамикой и керамикой Изника, производившейся в Османский период. Сам этот пассаж вызывает удивление, поскольку никакой проблемы здесь не существует – ведь связи между этими двумя керамическим традициями не может быть уже хотя бы потому, что знаменитая керамика Изника изготавливалась не из глины (как, по-видимому, уверен автор), а из кашина (Henderson, Raby, 1989. P. 115), т.е. из силикатного материала, который никогда в Византии не производился. Вероятно, автор недостаточно знаком с отличиями восточного керамического производства от византийского либо недооценивает специфику восточных традиций гончарства.

Завершает книгу "Каталог типов керамики", включающий основные, по мнению автора, разновидности поливной посуды с краткими их описаниями, датировками и сведениями о местах производства и распространения керамики соответствующей разновидности. Здесь дано описание 30 "классов" керамики V–XV вв. При этом наряду с краткими, но все же достаточно емкими характеристиками, присутствуют аннотации в несколько строк, которые практически не несут никакой полезной информации. В целом этот каталог охватывает большую часть средневековой византийской поливной посуды, однако отсутствие системности в изложении материала в значительной степени снижают его ценность. Единственный принцип, который присутствует в каталоге, – территориально-хронологический, но и он до конца не выдержан. Например, в каталог включена кипрская керамика XIII–XIV вв., т.е. того периода, когда Кипр в состав Византии не входил, но в нем не нашла отражения белоглиняная посуда с зелено-коричневой бесконтурной, так называемой "акварельной", росписью XII–XIV вв., хорошо известная в Причерноморье. В нашу задачу не входит скрупулезный разбор всех упущений этого каталога, но названные здесь являются далеко не единственными.

Особо хотелось бы высказаться в отношении терминологии, применяемой нашими западными коллегами при описании керамики. Многие из терминов, ставших давно привычными и почти незаменимыми, в действительности чрезвычайно неудачны. Например, *coarse ware* (грубая керамика). Этот термин не несет информативной нагрузки, поскольку "грубость" в данном случае является относительной в сравнении с более красивой поливной посудой. Фактически "грубая" керамика объединяет вместе кухонную, значительную часть столовой (конкретно – неглазурованную столовую) посуды и даже тарную керамику, большая часть которой не имеет никаких признаков "грубости", кроме того, что использовалась она в бытовых целях. Но ведь и самая "художественная" из глазурованной керамики также использовалась в быту, а вовсе не служила лишь для украшения интерьера (хотя и эта функция ею, вероятно, выполнялась).

Подводя итог рассмотрению монографии К.Р. Дарка, мы вынуждены констатировать, что комплексный подход, декларированный в начале книги, в действительности ограничился перечислением новейших представлений о генезисе византийской керамики, существующих в разрозненном виде в современной европейской и американской литературе. Большинство из них не вызывает возражений, однако отсутствие критического разбора противоположных точек зрения не способствовало превращению данной монографии в компендиум знаний о византийской керамике. Отсутствие ссылок на конкретные источники (их заменяют суммарные отсылки к литературе, имеющиеся в конце каждого блока или подраздела, где рассматривается тот или иной вопрос) и очерковый характер исследования проблем делают книгу малоинформативной для специалистов в области византийской керамики и византийской археологии вообще. В то же время, рецензируемая книга представляет первый опыт разностороннего рассмотрения византийской керамики как историко-культурного феномена, весьма важный для тех, кто впервые обращается к этому вопросу (студентов, молодых исследователей, всех тех, кто интересуется историей и археологией). Для них эта книга может стать надежным путеводителем в море специальной литературы, справочником по различным сторонам знаний о византийской керамике. Поэтому монографию К.Р. Дарка следует оценивать в качестве краткого и емкого учебника. С этой точки зрения она представляет несомненный интерес и может быть чрезвычайно полезна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Henderson J., Raby J. The technology of fifteen century Turkish tiles: an interim statement on the origins of the Iznik industry // World Archaeology. V. 21. 1. L., 1989.

Morgan C.H. The Byzantine Pottery // Corinth. V. 11. Cambridge, 1942.

Northedge A. Les origines de la ceramique a glacure polychrome dans le monde islamique // La ceramique medievale en Mediterranee. Aix-en-Provence, 1997.

Институт археологии РАН, Москва

Коваль В.Ю.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 171–181

ХРОНИКА

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР" (Музей-заповедник "Аркаим", 2003)

С 21 по 25 августа 2003 г. в музее-заповеднике "Аркаим" (Челябинская область) была проведена конференция "Человек в пространстве древних культур". Организаторами конференции выступили Челябинский государственный университет и Специализированный природно-ландшафтный и историко-археологический центр "Аркаим". Председатель Оргкомитета конференции – заведующий сектором научно-образовательного комплекса Челябинского госуниверситета Д.Г. Зданович.

На конференции были заслушаны 32 доклада из 11 городов России, проведен Круглый стол, посвященный проблемам познания в археологии. Среди участников конференции – ученые и философы из научных центров Санкт-Петербурга и Москвы, Урала и Сибири. Присутствовали гости из США и республик СНГ – Украины и Казахстана. Издан сборник материалов конференции[1].

Конференция "Человек в пространстве древних культур" продолжает формирующуюся традицию проведения тематических научных форумов с участием специалистов в различных областях знания. Работа конференции была сосредоточена на проблемах исследования бытия человека в древности, при этом авторы докладов исходили из категории пространства, ключевой для человеческого (и иного) бытия. Такая тематика конференции предопределила широкий проблемный спектр заслушанных докладов, значительный временной и географический диапазон представленных материалов. Присутствие на заседаниях не только специалистов-археологов, но и искусствоведов, философов, религиоведов способствовало активному обсуждению выступлений, выявлению разных точек зрения, поиску оптимально приемлемых подходов.

В названии конференции два ключевых слова – "человек" и "пространство". Таким образом, человек в древности рассматривается не абстрактно, а в его среде, в природном и культурном окружении, как часть определенного мира-пространства. В докладах представлены различные аспекты видения пространства: объективно-реальное пространство и культурное пространство в древности; обобщенно-философское восприятие пространства (преимущественно ритуального и сакрализованного) и конкретно-исторические исследования древних пространственных структур, выполненные на материалах археологии, этнографии, письменных источников; пространственные аспекты (составляющие) археологических культур и пространство культуры; смысловое пространство современной науки.

В рамках пленарного заседания с приветственным словом к участникам конференции обратился директор музея-заповедника "Аркаим" *Г.Б. Зданович*. В своем выступлении он отметил, что доклады, связанные с осмыслением категории пространства, не случайно звучат на Аркаиме. Южноуральскую "Страну городов" эпохи бронзы можно рассматривать как целостное пространственное и социальное образование. С точки зрения современности, это уникальная культурно-историческая и природная территория России. Докладчик отметил значение музейного комплекса, который создается на Аркаиме на территории около 100 га с учетом палеоэкологических данных и исторического ландшафтоведения.

Далее был заслушан доклад *Т.М. Потемкиной* (Москва) "Организация сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями: к постановке вопроса", где с использованием данных археоастрономии была представлена реконструкция пространственной организации погребального поля ряда энеолитических курганов Северного Причерноморья (Красное, курган 9; Кубей, курган 5; Аккермень, курган 11; Виноградное, курган 11). По мнению автора, отправным пунктом организации сакрального пространства курганов являлись конструкции из вертикально вкопанных пяти–семи столбов, расположенных как компактной группой в центральной части и у края насыпи курганов, так и рассредоточенно вокруг кольцевого рва и насыпи. Особое внимание в докладе было обращено на выявленную закономерность в архитектуре данных конструкций: во всех случаях столбы образуют в плане прямоугольные и равнобедренные треугольники, которые являются геометрической и астрономической основой всех сооружений курганов, их исходной структурой, используемой для разметки при строительстве конструкций погребальной площадки. Линии, соединяющие столбы и образующие стороны треугольников, ориентированы на значимые солнечные и лунные направления, связанные с сезонными и суточными изменениями времени. Столбы выполняли роль маркеров этих направлений. Таким путем во всех рассмотренных курганах были намечены восемь значимых точек на горизонте, связанных с важнейшими астрономическими и природно-климатическими событиями. Тем самым планируемое сакральное пространство было разбито на отдельные части в соответствии с существовавшей моделью Мира, что предполагает наличие в системе мировоззренческих представлений энеолитического населения специального пространственного кода.

Доклад вызвал оживленную дискуссию о роли и характере астрономических знаний в древних обществах.

Доклады, заслушанные на рабочих заседаниях, были сгруппированы по нескольким ведущим темам: "Человек и пространство в древности", "Мифология, искусство и древние модели мира", "Ритуал и пространство", "Древние святилища и менгиры", "Погребальный обряд в древних и традиционных обществах".

Тема **"Человек и пространство в древности"** объединила девять докладов, посвященных изучению пространственно-временны́х аспектов бытия человека в древности, проблематике археологических культур, методологии и методике исследований в археологии.

В докладе *С.С. Калиевой* и *В.Н. Логвина* (Сургут) дан очерк быта людей терсекской культуры эпохи энеолита в Тургайском прогибе (Казахстан). Человек терсекской культуры – полукочевник. Зафиксированы сезонные – "летние" и "зимние" – поселения, характерно отсутствие переносных разборных жилищ. В летнее время наряду со стационарными поселениями функционировали небольшие стоянки, связанные с отгонным характером скотоводства. Для них были характерны свои черты быта.

Л.Л. Гайдученко (Челябинск) в своем выступлении представил данные о календарных сроках начала строительства круглоплановых укрепленных поселений Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Наиболее оптимальным является пе-

[1] Человек в пространстве древних культур. Матер. Всерос. науч. конф. Челябинск, 2003. Электронная версия публикации представлена на сайте www.antiquity.ru.

риод сразу после прохождения пика весеннего паводка (приблизительно с 15 апреля); наиболее вероятно, что основные работы по выемке, перемещению и укладке грунта завершались уже в начале мая. В основу выводов докладчика положены результаты исследования поселения Аландское в Оренбуржье.

"Стране городов" Южного Зауралья эпохи бронзы также посвящен доклад *А.К. Кириллова* (Челябинск). Особенности пространственно-временной организации "Страны..." рассмотрены докладчиком с позиции современной физики. Размещение укрепленных поселений в пространстве неслучайно, в чем можно видеть как следствие астрономических наблюдений за небесными телами в ключевые дни года, так и отражение универсальных законов организации материи.

Н.С. Савельев (Уфа) посвятил свое выступление особенностям древней этнокультурной истории хребта Ирендык (Башкортостан). Горно-долинные ландшафты Ирендыка, его роль как своеобразного горного анклава в составе степной зоны делали долины хребта привлекательными для проживания и ведения производящего хозяйства. Но эти же условия могли способствовать консервации этнокультурных традиций, приводить к изоляции отдельных групп населения и даже к превращению их в реликты. Такая ситуация сложилась в районе Ирендыка в VII–IV вв. до н.э., в эпоху ранних кочевников.

В докладе *С.П. Грушина* (Барнаул) дана характеристика елунинской культуры Верхнего Приобъя эпохи бронзы и поставлен вопрос о ее месте в системе скотоводческих культур степной Евразии. Особое внимание уделено погребальному обряду, ритуалам жертвоприношения, солярным мотивам на керамике, уникальным культовым сооружениям (могильник Телеутский Взвоз I). Отдельные черты культуры елунинского населения имеют сходство с комплексами Северного и Восточного Казахстана, а также с памятниками синташтинского типа Южного Урала. По-видимому, эти элементы объясняются общими корнями происхождения культур, этнической близостью их носителей. При этом характеристики елунинской культуры не имеют параллелей в древностях региона эпохи энеолита.

О.Н. Корочкова (Екатеринбург) посвятила свое выступление проблеме алакульско-федоровских контактов в лесостепном Зауралье. Специфика "чистых" и обилие смешанных погребальных комплексов этого периода, по-видимому, отражают процессы взаимодействия местной и пришлой культур. В условиях тесных контактов отдельные группы стремились подчеркнуть свою культурную специфику. Особенно остро эта проблема стояла для немногочисленного пришлого (из Центрального Казахстана) федоровского населения. Возможно, именно эти обстоятельства стимулировали трансформацию федоровской погребальной обрядности в Зауралье (трудозатратность обряда, стопроцентное трупосожжение).

А.И. Мацына (Челябинск) в своем докладе сказал о том, что качественно новое осмысление древней погребальной обрядности (на примере обряда курганных погребений) возможно через углубленное изучение метафизики смерти. Эта теоретическая концепция основывается на прагматическом подходе, предполагающем предварительный системно-функциональный анализ артефактов и последующую практическую апробацию результатов исследования средствами экспериментальной археологии.

Доклад *И.В. Чечушкова* (Челябинск) был посвящен методологическим проблемам экспериментальных исследований в археологии. Основное внимание уделено требованиям, прилагаемым к структуре эксперимента (планирование эксперимента, его проведение), а также к обработке и использованию полученных результатов. Методология экспериментальной археологии рассмотрена докладчиком через призму теории эксперимента в естественных науках. Положения доклада проиллюстрированы на примере исследования костяных псалиев эпохи бронзы.

В докладе *О.С. Свешниковой* (Омск), завершившем первое рабочее заседание, освещены основные этапы творческой биографии С.В. Киселева – одного из крупных отечественных археологов прошлого столетия, охарактеризована эволюция его взглядов как историка древних обществ.

Темой **"Мифология, искусство и древние модели мира"** объединено семь докладов. Открыл заседание доклад *Л.С. Марсадолова* (Санкт-Петербург), посвященный реконструкции модели мира кочевников Саяно-Алтая I тыс. до н.э. Модель мира – система знаний, тесно связанная с историческим временем-пространством и отражающая взаимодействие человека с окружающим миром. Элементы такой системы у кочевников Саяно-Алтая могут быть проанализированы с точки зрения 2, 3, 5 и 7-частных моделей. Сакрализованные объекты образуют системы связей. Большую роль в формировании древних моделей мира играла астрономия.

В.Г. Котов (Уфа) посвятил свое выступление анализу семантики бронзового акинака из Курганской области с гравированными изображениями животных. Сцены преследования кабаном оленя-лося в верхней части кинжала символизируют Большую Медведицу и север, а изображенные внизу хищник и архар – Солнце и юг. Изображения животных в центральной части лезвия выражают идею восхода и захода Солнца и ось "восток-запад". В целом кинжал символизировал собой мировую ось, вокруг которой вращаются созвездия и Солнце. Во время священнодействия он мог обозначать сакральный центр обряда, территории коллектива, Земли вообще.

В дискуссии по докладу были высказаны сомнения в подлинности акинака, подчеркнута необходимость тщательной квалифицированной экспертизы находки.

Л.Н. Ермоленко (Кемерово) на основе обширного языкового и фольклорного материала обратилась к образу древнетюркского божества войны. Его характерным атрибутом был "алмазный" клинок. Как свидетельствует этимология, "алмазное" оружие первоначально понималось как "кровожадное, смертоносное". В архаических эпосах тюркских народов можно найти реликты представлений о кровожадном духе (божестве) войны.

Доклад *С.Н. Китовой* (Стерлитамак), выполненный на материалах декоративно-прикладного искусства, посвящен трансформации образов тюрко-монгольской мифологии в золотоордынский период. Наиболее интересен доисламский период. В это время в искусстве были распространены зооморфные и антропоморфные образы. Однако даже после принятия ислама в творчестве мастеров сохранились некоторые универсальные образы картины мира (например, мировое древо).

В докладе *И.А. Русанова* (Челябинск) сделана попытка осветить роль металлургии в становлении идеологии древних обществ евразийских степей. Металлургия рассмотрена как часть целостного мировосприятия древнего общества. Основные этапы технологического процесса воспроизводят мифологические сюжеты или несут ритуальную нагрузку. При плавке в качестве добавки к твердому топливу, по мнению докладчика, добавлялся жир, который был и одной из наиболее сакрализованных субстанций в мифологии. В ходе дискуссии были оспорены предложенное докладчиком идеологическое отождествление плавки металла и обряда курганных погребений, а также некоторые другие положения доклада.

Е.В. Куприянова (Челябинск), опираясь на материалы эпохи поздней бронзы Южного Зауралья, предложила свой подход к исследованию древней керамики. В его основе – эстетика керамики, наблюдения над внешним видом вещи, попытка оценить отношение к сосуду древних гончаров, основанное на их "чувстве мира". Изучались особенности формовки сосудов, принципы нанесения орнамента, следы реставрации керамики. Полученные данные свидетельствуют о своеобразии эстетического чувства человека эпохи поздней бронзы. Так, при формовке сосудов и нанесении орнамента мастера, как правило, не стремились к идеальной симметрии; орнамент понимался как некая "запись", имеющая

начало и конец; орнамент при ремонте часто не восстанавливали и т.д.

Доклад *Н.С. Татаринцевой* (Челябинск) и *О.П. Ченченковой* (Екатеринбург) посвящен зооморфному каменному предмету из погребения эпохи бронзы (ранний этап петровской культуры, Северный Казахстан). Это небольшая чашечка, ручка которой выполнена в виде головы ягненка. Находку можно сопоставить с зауральской традицией изготовления каменных плиток с изображением головы барана и рассматривать как своего рода прототип данной традиции. Погребение отличается богатым и своеобразным инвентарем.

Семь докладов были посвящены теме **"Ритуал и пространство".**

О.М. Фархитдинова (Екатеринбург) представила свое понимание сущности ритуала и ритуального пространства. Как в древних обществах, так и в постмодерне ритуал тесно связан со сферой "псевдо", небытием, иронией, смехом. Отдельная тема – ритуал и язык, его метафорическая сущность. Ритуал также можно рассматривать как вероятностную модель акта коммуникации.

Выступление *Д.Г. Здановича* (Челябинск) было посвящено ритуалам жертвоприношения в культуре. Фактически в докладе дано "реальное определение" жертвоприношения, т.е. показано, как данный ритуал определяет себя в различных культурных аспектах и ситуациях, научных и религиозных концепциях. В целом жертвоприношение можно рассматривать, в терминологии М. Мосса, как "целостный" или "тотальный" социальный факт – не только ритуальный или религиозный, но и юридический, эстетический, экономический и т.д.

Н.И. Чуев (Челябинск) представил данные о находках лопаточных костей животных на памятниках эпохи бронзы из Южного Зауралья и прилежащих регионов Евразии. Найденные предметы скорее всего носят ритуальный характер; возможно, они связаны с ритуалами гадания. Не исключено, что широкое распространение практики гадания по лопаточным костям в древнем Китае связано с проникновением туда европеоидного населения из более западных областей.

Целый блок докладов был посвящен "мегалитическим" памятникам и менгирам Южного Зауралья.

В докладе *Ф.Н. Петрова* и *А.К. Кириллова* (Челябинск) представлены итоги археологических и астрономических исследований, проведенных на комплексе "Ахуново" (Башкортостан). Комплекс состоит из 13 менгиров, имеет сложную планировку. При раскопках обнаружены артефакты эпохи энеолита и поздней бронзы (черкаскульская и межовская культуры). Докладчики аргументировали связь планировки комплекса с астрономическими наблюдениями. Комплекс "Ахуново" – это не только культовый центр, но и обсерватория, одна из крупнейших в древней Евразии по количеству наблюдаемых астрономических событий.

С.С. Марков (Челябинск) дал подробную характеристику Песчанской аллеи менгиров из Челябинской области. Памятник расположен на территории могильника, предположительно датируется эпохой бронзы. Аллеи менгиров типа Песчанской, возможно, маркировали собой границу между пространством погребального поля и жилым пространством.

Е.Л. Полякова (Челябинск) проинформировала собравшихся о новых находках менгиров на территории Челябинской области. Большая их часть планиграфически связана с поселениями бронзового века.

Доклад *А.В. Епимахова* и *М.Г. Епимаховой* (Челябинск) посвящен каменной стеле со следами искусственной обработки из могильника Каменный Амбар 5. Курган с каменной стелой характеризуется как раннесрубный с алакульскими чертами. Прямых аналогий в материалах региона находка не имеет.

Исследования нового для Южного Зауралья типа памятников, как было подчеркнуто в дискуссии, представляют собой значительный интерес. Вместе с тем использование применительно к этим памятникам таких терминов, как "мегалиты" и "аллея менгиров" представляется не вполне корректным.

По теме **"Погребальный обряд в древних и традиционных обществах"** было заслушано восемь докладов.

Доклад *И.П. Алаевой* (Челябинск) посвящен реконструкции надмогильных сооружений Южного Зауралья эпохи бронзы. В их число, по-видимому, входили грунтовые сооружения в форме усеченного конуса или пирамиды с каменной или глиняной крепидой в основании, с уплощенной верхней площадкой и, как минимум, двумя ярусами. Такой облик надмогильной конструкции, в частности, реконструирован на материалах одного из срубно-алакульских курганов могильника Песчанка 2.

Я.В. Рафикова (Уфа) в своем выступлении проанализировала археологические данные о каменных погребальных конструкциях в срубно-алакульских памятниках Южного Зауралья.

Доклад *Ю.Ф. Кирюшина* и *А.А. Тишкина* (Барнаул) посвящен погребениям младенцев на поселении Березовая Лука эпохи бронзы (Алтайский край). В одном из жилищ были зафиксированы четыре могилы. Погребальный обряд полностью соответствует традициям елунинской культуры. Уникальная сохранность материала позволила провести молекулярно-генетический анализ ДНК. По-видимому, все погребенные младенцы были женского пола, полученные данные свидетельствуют об их принадлежности к монголоидной группе. Погребения младенцев в жилищах связаны с обрядами жертвоприношения.

В докладе *Н.А. Берсеневой* (Екатеринбург) были рассмотрены пространственные аспекты погребальной практики саргатской культуры эпохи раннего железа. Выявлено несколько уровней организации погребального пространства: могильник, курган, погребение. Могильники находились на значительном расстоянии от поселений. Они были частью освоенного пространства, возможно, маркерами родовых территорий. Пространство как могилы, так и кургана было замкнутым. Локализация умерших была связана с северным направлением.

М.А. Корусенко (Омск) в своем докладе исследовал основные линии развития погребального обряда позднесредневекового погребального обряда населения р. Тары (Омская область). Как выяснилось, одновременно бытовало два "сценария" обряда. Не исключено, что они связаны с двумя разными этническими компонентами – угорским и тюркским.

М.А. Безбородова (Омск), опираясь на данные археологии и этнографии, подробно охарактеризовала погребальный обряд группы сибирских татар, населявших в XVII–XVIII вв. бассейн р. Тара. Выявлены существенные расхождения между археологическими и этнографическими данными. На современном этапе погребальный обряд тарских татар частично сохраняет архаические черты, которые сочетаются с элементами, привнесенными исламом.

Доклад *А.И. Бобровой* и *Т.В. Новоселовой* (Томск) посвящен шаманским погребениям II тыс. н.э. из Западной Сибири. Выявлено лишь пять погребений, инвентарь которых позволяет отнести их к категории шаманских. Инвентарь мужских и женских погребений в принципе не различается. Все погребенные – лица зрелого и возмужалого возраста. Интересно, что шаманы были захоронены на общих родовых или семейных кладбищах. Это противоречит этнографической информации.

В докладе *И.В. Толпеко* и *С.Н. Иващенко* (Омск) исследуется традиция использования охры древним населением Среднего Прииртышья. В эпохи неолита–ранней бронзы население региона активно применяло охру в культовой практике (погребальный обряд), для ее получения использовались местные источники сырья. Была хорошо разработана технология изготовления охры. В местах добычи сырья (ожелезненной глины) путем пережигания получали "полуфабрикат" краски. При переходе к бронзовому веку все большую роль в погребальном обряде приобретает огонь, а значение охры снижается и постепенно сходит на нет.

В заключительной части конференции было проведено заседание "круглого стола" на тему **"Проблемы познания в археологии"**.

Д.Г. Зданович, открывая прения, отметил системный характер познания в археологии. В число признаков системности входит, во-первых, восхождение от источника к иерархически организованной системе моделей. Во-вторых, это комплексный характер исследований, что подразумевает на практике формирование "команды" специалистов при централизующей роли археолога–автора раскопок. В-третьих, это направленность или "векторность" процесса познания. За последние 10–15 лет археология стала более разнообразной и "интересной". Наряду с традиционными базовыми подходами вещеведческого характера, формируются новые направления исследований, которые можно условно определить как "археология жизни".

Ф.Н. Петров в своем выступлении подчеркнул, что философия – это методологическая основа любого научного исследования. Исследуя ключевые аспекты бытия человека в древности, нужно обратиться к философии экзистенциализма. Прошлое – это и то, что было, и то, чем это "было" становится сейчас. Не нужно бояться гипотетических построений в археологии.

Т.М. Потемкина отметила разнообразный характер докладов, прозвучавших на конференции, динамичность заседаний и дискуссий. Основой познания в археологии является тщательная археологическая фиксация объектов на всех стадиях исследования. Новые типы памятников требуют новых методов исследования.

Конференция, как констатировал *А.А. Тишкин*, несмотря на ее "теоретическое" название, носила научно-практический характер. Эпоха археологического эмпиризма заканчивается, познание в археологии невозможно без философских знаний. Отдельная проблема – переход от языка археологии к языку философии и социологии, создание теории. Это важно и для археолога как преподавателя своей дисциплины.

В.П. Викторов (Екатеринбург) в своем выступлении остановился на роли человека в процессе познания. Человек не только создает науку, но он есть и основная проблема любой науки. В любой науке есть проблематика мировоззрения. Важно исследовать, что и как думал человек прошлого, как он ощущал и переживал мир. Сама археология, безусловно, имеет личностный момент, поэтому всегда вызывают интерес доклады, посвященные мировоззрению крупных археологов. Важно, что на конференции много говорилось об интеграции разных наук – археологии и астрономии, этнографии, философии и т.д. Активно в последнее время развивается культурологический подход к человеку. Наконец, в науке существует проблема культуры понятийного мышления, точности языка и дефиниций. Как признал *А.В. Епимахов*, существует определенный разрыв между практикой археологии и теорией, философскими парадигмами. В этой связи возникают требования к развитию теории. Зачастую есть непонимание и между археологами и естественниками. Жаль, что на конференции была слабо представлена антропология. Привлечение антропологических данных выводит работу археолога на новый уровень.

Е.В. Куприянова на примере конкретных докладов проиллюстрировала неоправданное усложнение исследователями теоретических посылок, разрыв теории с практикой.

Наше время, отметил *Л.С. Марсадолов*, уникально для познания мира. Это время новой духовности. Именно в это время хорошо вписывается открытие Аркаима, неслучаен интерес исследователей к таким памятникам, как святилища, менгиры и др.

На время работы конференции в конференц-зале была развернута передвижная выставка микалентных копий и фотографий произведений древнего наскального искусства (Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства, оформитель *Е.А. Миклашевич*, Кемерово).

Участники конференции ознакомились с музейными объектами заповедника "Аркаим", посетили раскопки Новокондуровского кургана "с усами" (руководитель раскопок *И.Э. Любчанский*, Челябинский университет), совершили экскурсию в музей-заповедник "Ирендык". Непосредственное общение с природными ландшафтами и древними пространственными объектами, оформление конференц-зала способствовали созданию творческой атмосферы заседаний и расширению пространства конференции.

Итоговая резолюция, принятая участниками конференции "Человек в пространстве древних культур", содержит следующие пункты.

1. Категория пространства — одна из ключевых категорий для изучения бытия человека в древности. Именно в пространственных структурах отражены древние модели мира, формы общественного бытия и "чувства мира" человека. Изучение пространственных структур является одной из актуальных задач современного археологического, гуманитарного, философского знания.

2. Изучение древних пространственных структур возможно лишь на основе комплексных междисциплинарных исследований, сочетающих в себе как гуманитарные, так и естественнонаучные подходы и методы. Исключительное значение в этом плане имеют дальнейшая разработка общеметодологической базы науки, совершенствование и унификация категориального аппарата, повышение общей философской культуры исследований в археологии.

3. Особую роль в исследовании древних пространственных структур играют такие относительно молодые субдисциплины, как ландшафтная археология и археоастрономия, а также историко-ландшафтная музеефикация территорий. В этом аспекте необходимо отметить ценный опыт работы природно-ландшафтного и историко-археологического музея-заповедника "Аркаим" (директор Г.Б. Зданович). Созданный на базе музея-заповедника исторический парк представляет собой уникальный опыт создания ландшафтной системы реконструкции исторических памятников, реализующей на практике задачу просвещения населения в сфере экологии и древней истории.

4. Признать проведение тематических конференций типа конференции "Человек в пространстве древних культур" с привлечением широкого круга специалистов по разным дисциплинам плодотворным для развития как археологического, так и общегуманитарного знания.

5. Рекомендовать проведение на базе музея-заповедника "Аркаим" научно-практической конференции, посвященной проблемам музеев и музеефикации историко-культурных и уникальных природных объектов.

6. Участники конференции выражают серьезную обеспокоенность в связи с имеющимися случаями разграбления археологических памятников и появлением подделок в виде уникальных археологических изделий. В связи с этим участники конференции считают необходимым рекомендовать исследователям не вводить в научный оборот случайные находки, вызывающие у научного сообщества сомнения в своей подлинности, до проведения их экспертизы авторитетной комиссией.

В заключение хотелось бы отметить, что заслушанные в ходе конференции доклады, мнения, высказанные в ходе дискуссий, свидетельствуют о новом этапе развития археологического знания в России, об активных поисках путей интеграции археологии в целостное научно-гуманитарное и философское знание.

Челябинский государственный университет

Д.Г. Зданович

I КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕГО ОСВЕЩЕНИЯ (ЖЕНЕВА–НИОН, 2003)

В последнее время археологические исследования становятся все более узкими и специальными, что не в последнюю очередь связано с разнообразием материалов, являющихся источниковой базой. Подобной, на первый взгляд достаточно узкой теме был посвящен I Конгресс международной ассоциации специалистов по истории древнего освещения (International Lichnological Association), прошедший с 29 сентября по 4 октября 2003 г. в городах Нион и Женева (Швейцария). На конгрессе присутствовали более 100 специалистов из 22 стран.

Специально перед Конгрессом в Римском музее г. Нион была открыта выставка, посвященная различным типам светильников античного мира из собраний музеев Швейцарии, к которой был выпущен очень интересный каталог (Chrzanovski, 2003). Помимо обычных каталожных описаний и изображений издание содержит большой вступительный раздел, подготовленный Л. Хршановски, в котором дан очерк развития типов осветительных приборов в античности и приведена сводка цитат античных авторов о светильниках и освещении. Добавлю, что большая (и лучшая) часть иллюстраций вступительного раздела представляет светильники Северного Причерноморья, которые были предоставлены устроителем выставки – Государственным историческим музеем (Москва). Кроме того, к Конгрессу был издан сборник статей о светильниках под названием Lichnological News, из которого выделю наиболее интересную нашему читателю статью Дж. Фоссе (Fossey, 2003. P. 91–95).

Надо отметить, что идея проведения подобных специальных конгрессов или Круглых столов появилась еще несколько лет назад, когда в рамках ежегодных конгрессов Европейской ассоциации археологов в Борнемуте (Великобритания, 1999) и Лиссабоне (Португалия, 2000) прошли заседания, специально посвященные различным аспектам истории древнего освещения[1]. Материалы этих конгрессов уже опубликованы (Zhuravlev, 1999; Chrzanovski, Zhuravles, 2000; Fire..., 2002). К сожалению, по ряду субъективных факторов в этих заседаниях смогло принять участие лишь ограниченное число специалистов, представлявших Россию, Украину, Швейцарию, Великобританию, Италию, Польшу, поэтому конгресс в Швейцарии несомненно стал первым действительно крупным мероприятием такого рода.

Серия докладов на швейцарском конгрессе была посвящена иконографии изображений на щитках светильников римского времени. В этой связи интересно отметить близость большинства сюжетов на лампах, происходящих из различных уголков Римской империи: Северной Африки, Испании, Италии, Малой Азии и даже Северного Причерноморья. Античные мастера часто использовали на штампах единые изображения, воспроизводившие какой-то известный им прототип.

Несколько докладов были посвящены распространению отдельных групп светильников в различных регионах античного мира (*И. Млынарчик* и др.), а также торговым связям отдельных римских провинций (*Л. Вильме*). Много аналогий причерноморским светильникам было представлено в докладе *Э. Лафли* (Турция) о лампах Смирны. Некоторые доклады были посвящены производству светильников в различных регионах античного мира (*Е.М. Кан*, А. *Ханотте*).

Ряд докладов был связан с коллекциями светильников, хранящихся как в различных музейных собраниях (*А. Каривьери*, *К. Лайтфут*), так и в частных коллекциях (*Дж. Лунд*, *Б. Пападополу*). В докладе, вызвавшем оживленную дискуссию, были рассмотрены изображения эротических сцен на щитках светильников римского времени (*А. Мариньян*).

Группа докладов, большая часть которых могла бы лучше восприниматься в виде постеров, была посвящена массовым светильникам из раскопок одного памятника. На мой взгляд, общим недостатком подобных сообщений являлось обильное перечисление аналогий светильникам, которые более уместны в публикации, а если их и использовать в выступлении, то не на конгрессе специалистов в этой области.

К сожалению, невелико было число докладов по Северному Причерноморью. *П. Дюпон* (Франция) рассмотрел ионийские светильники VI–V вв. до н.э. из Причерноморья. На основании данных химического анализа глины автору удалось выявить некоторые локальные группы ламп, которые он связывает с производством Милета, Самоса и других ионийских центров. Доклад *Н.В. Журавлевой* "Греческие светильники Пантикапея" представлял собой обзор всех основных групп светильников VI–I вв. до н.э., происходящих из столицы Боспорского царства. *Д.В. Журавлев* и *А.А. Завойкин* прочитали доклад "Светильники из святилища Элевсинских божеств на Боспоре Киммерийском". Эти светильники, большинство которых представлено многорожковыми экземплярами, использовались, по всей видимости, в виде вотивных даров, зачастую преднамеренно разбивались, а главное – никогда не использовались по прямому назначению, так как следов пламени на рожках не обнаружено. *П. Бургундер* (Швейцария) рассказал об изображении осветительных приборов на фресках знаменитого склепа Ашика, раскопанного в Керчи в 1841 г.

Ряд докладов был посвящен лампам с соседних территорий, в частности, Фракии. Так, *П. Дычек* посвятил свой доклад светильникам из *valetudinarium* в Нове. Традиционно активны были румынские исследователи, представившие широкий спектр докладов по светильникам из некрополей, городов и святилищ римской Дакии (*М. Эгри*, *Д. Алику*, *К. Кочиш*, *М. Негру*).

Важны для нас доклад, посвященный эфесским эллинистическим светильникам (*А. Гиулиани*), а также два сообщения о локализации центров производства так называемых Firmalampen (*М. Дашкевич*, *Г. Шнайдер*). Попутно отмечу еще один доклад (*К. Вундерлих*), посвященный скорее экспериментальным археологическим исследованиям. Так, в частности, он предположил, что канал, идущий по рожку Firmalampen, служил для того, чтобы на него можно было вытащить фитиль, увеличив таким образом количество света. Несмотря на то, что Firmalampen не получили широкого распространения в Северном Причерноморье, их находки как нельзя лучше маркируют римское присутствие. Этот тип светильников обнаружен в Херсонесе, Ольвии, Тире (Вальдгауэр, 1914. № 461–463; Сон, Сорочан, 1988. С. 123, 124; Кадеев, Сорочан, 1989. С. 43; Журавлев, Хршановски, 1997б. С. 288–291; Chrzanovski, Zhuravlev, 1998. № 28–31; Журавлев, 2001); два экземпляра из Эрмитажного собрания происходят из "Южной России" (Вальдгауэр, 1914. № 555, 556). Насколько мне известно, на территории Боспорского царства или в Ольвии подобные светильники пока не найдены, хотя степень публикации материалов из этих центров еще далека от желаемой.

Еще один российский участник, *А.И. Иванчик*, рассказал о магической роли светильников, происходящих из одного комплекса конца IV–начала V вв. н.э. в Аргосе. Освещению во время орфических ритуалов во Фракии был посвящен доклад *И. Шоповой* (Болгария). Интересным оказался доклад *Б. Уолл Линдрос* (США), посвященный светильникам из Истмийского святилища. Интересно, что многорожковые экземпляры, найденные здесь, имеют аналогии в причерноморских святилищах, например, в Саратовском и на Майской горе.

В рамках конгресса для общества "Друзей римского музея г. Нион" *Д.В. Журавлевым* был прочитан доклад "Светильники античного Северного Причерноморья", в котором был дан анализ основных групп осветительных приборов, характерных для греческого и варварского населения региона на протяжении почти полутора тысяч лет.

[1] Первый подобный Круглый стол "Les lampes en terre cuite en Méditerranée des origins a Justinien" прошел еще в 1981 г. в Лионе.

Надо отметить, что на конгрессе были прочитаны доклады не только об античном освещении. Выступавшие коснулись и осветительных приборов каменного и бронзового веков, особенностей светильников средневековой Европы (*Д. Фои, Х. Бернхардт*) и Византии (*М. Лайтфут, И. Мотзианос*), а также ламп мусульманского Востока (*А. Де Винченц*).

По большинству докладов, сообщений и постеров развернулись дискуссии, в которых приняли участие практически все участники конгресса.

В качестве культурной программы были проведены экскурсии по археологическим памятникам Ниона и Мартини, а также по археологическим и художественным музеям Женевы и Лозанны. Замечу, что швейцарские музеи в целом отличаются доступностью подачи археологического материала с применением всех современных технических средств, что облегчает восприятие экспозиции обычными посетителями. Часть музеев расположена под землей (Римский музей в Нионе, Митреум в Мартини, Музей Собора в Женеве), непосредственно представляя остатки построек римского или средневекового времени. Недавно открытый музей Latenium в Навшатели в 2002 г. был признан в Европе "Музеем года".

Основным итогом конгресса можно считать официальное создание Международной ассоциации специалистов по истории древнего освещения и утверждение ее устава. Эта Ассоциация объединяет специалистов из разных стран мира, специально занимающихся историей древнего освещения, а также всех тех, кто лишь публикует материалы из своих раскопок. Президентом Ассоциации избрана А. Каривьери (Швеция), а вице-президентом – Д.В. Журавлев (Россия).

Конгрессы Ассоциации будут проходить 1 раз в 3 года (следующий конгресс состоится в 2006 г. в Измире, Турция), а заседания Комитета – ежегодно (ближайшее – в 2004 г. в г. Клюж, Румыния). Между конгрессами будут проводиться Круглые столы, в которых будут принимать участие группы специалистов, объединенных интересом к одной, более узкой, теме.

Материалы конгресса будут опубликованы в серии Instrumentum, издаваемой во Франции.

Представляется, что участие отечественных специалистов в последующих конгрессах может стать важным толчком для изучения истории древнего освещения, в первую очередь на территории Северного Причерноморья. К сожалению, несмотря на сравнительно большое число отдельных статей, в России существует лишь три монографических исследования, специально посвященных светильникам Танаиса (Арсеньева, 1988), Херсонеса (Chrzanovski, Zhuravlev, 1998), а также коллекции Государственного Эрмитажа (Вальдгауэр, 1914)[1]. Отдельные статьи посвящены определенным группам светильников (Сорочан, 1982; Кадеев, Сорочан, 1985; Герцигер, 1984; Журавлев, Хршановски, 2000), их использованию (Зубарь, Сорочан, 1984) или характеристике осветительных приборов из одного центра (Кадеев, 1969; Забелина, 1992) или музейной коллекции (Журавлев, Хршановски, 1997а; 2000).

Перспективы изучения светильников достаточно обширны, и в ближайшем будущем число специальных публикаций, несомненно, увеличится. Материал, из которого изготавливались светильники, чрезвычайно разнообразен – камень, глина, бронза, железо, стекло, что привлекает внимание специалистов в различных областях античной археологии. Возможный выход на интерпретацию иконографии изображений делает их изучение интересным не только для археологов, но и для историков искусства. Проведение химических исследований состава глины, в результате чего можно точно локализовать производственные центры светильников, открывает широкие возможности перед специалистами в различных дисциплинах.

Тем не менее сегодня для всех археологов, работающих в Северном Причерноморье, одна из важнейших задач – скорейшая публикация всех накопленных материалов, в том числе и простых светильников.

[1] Книгу Э.А. Левиной (1992) сложно упомянуть в этом списке, так как светильники формально считаются опубликованными, однако ни полиграфическое качество издания, ни точность атрибуций не позволяют использовать это издание даже для поиска аналогий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсеньева Т.М. Светильники Танаиса. М., 1988.

Вальдгауэр О. Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники. СПб., 1914.

Герцигер Д.С. Античные канделябры в собрании Эрмитажа // Культура и искусство античного мира. Тр. ГЭ. Вып. XXIV. Л., 1984.

Журавлев Д.В., Хршановски Л. К изданию Корпуса светильников Государственного Исторического музея // РА. 1997а. № 4.

Журавлев Д.В., Хршановски Л. Firmalampen из Херсонеса // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Сб. науч. статей междунар. конф. Одесса, 1997б.

Журавлев Д.В., Хршановски Л. Коллекция античных светильников Государственного Исторического музея // ВДИ. 2000. № 3.

Журавлев Д.В. Позднеэллинистические многорожковые светильники Боспора // Древности Боспора. 4. М., 2001.

Забелина В.С. Античные глиняные светильники из Пантикапея // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. 10. М., 1992.

Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Светильники в погребальном обряде античных городов Северного Причерноморья // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984.

Кадеев В.И. Импортные светильники I–IV вв. н.э. из Херсонеса // СА. 1969. № 3.

Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Египетские и сирийские светильники первых веков нашей эры из Херсонеса // Вестник Харьковского университета. 1985. № 268.

Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э.–V в. н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989.

Левина Э.А. Античные светильники Одесского археологического музея (I–VI вв. н.э.). Одесса, 1992.

Сон Н.А., Сорочан С.Б. Античные светильники из Тиры // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988.

Сорочан С.Б. Про так звані рубчасті світильники з Херсонеса // Археологія. 1982. Вып. 38.

Chrzanovski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum, Moscow // Studia archaeologica. 94. Roma, 1998.

Chrzanovski L., Zhuravlev D. Light and light equipment in the ancient world // 6th Annual Meeting European Association of Archaeologists. Final programme and abstracts. Lisbon, Portugal. 10–17 September 2000. Lisbon, 2000.

Chrzanovski L. LUMIÉRE! L'éclairege dans l'antiquité. Une exposition du Musée romain de Nyon, Suisse. 15 mai 2003 – 30 avril 2004. Nyon, 2003.

Fire, light and light equipment in the Graeco-Roman world / Ed. D. Zhuravlev. BAR International Series. 1019. Oxford, 2002.

Fossey J.M. Illuminating the Black Sea in Antiquity // Lichnological News. Geneva, 2003.

Zhuravlev D. Trade and clay lamps in the Graeco-Roman world // European Association of archaeologists. 5th Annual Meeting. Bournemouth, United Kingdom. 14–19 September 1999. Abstracts. Bournemouth, 1999.

Государственный исторический музей, Москва

Д.В. Журавлев

ВТОРАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ЭКОЛОГИЯ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ"

С 19 по 22 ноября 2003 г. в Тюмени прошла Вторая всероссийская научная конференция "Экология древних и современных обществ", организованная Институтом проблем освоения Севера СО РАН, Институтом археологии и этнографии СО РАН и Тюменским государственным университетом при поддержке Департамента образования и науки администрации Тюменской области.

Научный форум продолжил обсуждение актуальных проблем взаимодействия человека, общества и окружающей природной среды, которые были намечены первой конференцией, проведенной в Тюмени в ноябре 1999 года.

На конференцию было заявлено 97 докладов, подготовленных учеными из Российской Федераций, Великобритании, Казахстана, США, Таджикистана, Франции, Чешской Республики. Краткое содержание запланированных выступлений изложено в сборнике материалов конференции, опубликованном к началу научного собрания (Экология древних и современных обществ: Доклады конференции. Вып. 2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 280 с.).

Для участия в работе конференции в Тюмень прибыли 34 исследователя из разных городов России, Казахстана и Чехии. Включая представителей организаций г. Тюмень и области, в ней приняли участие 75 человек из 49 научных учреждений. Заслушаны 45 докладов и обсуждены 3 стендовых, проведены две презентации.

Первоначально организаторы планировали проведение конференции по трем секциям: "Реконструкция природной среды древних и средневековых обществ", "Жизнеобеспечение и палеодемография древних и средневековых обществ", "Этническая экология". Но поскольку около трети докладчиков не смогли прибыть в Тюмень, в большей мере из-за финансовых трудностей в отечественной науке, работа конференции проходила в пленарной форме, а часть докладов была представлена в качестве стендовых. Совместное обсуждение всего спектра вынесенных на конференцию проблем позволило продемонстрировать широту и многообразие реальных междисциплинарных подходов к изучению прошлого и провести оживленные дискуссии по ряду из них[1].

Докладчики подвели итоги исследованиям по реконструкции экологических условий жизни населения в эпохи плейстоцена и голоцена на территории Западной Сибири и в сопредельных регионах. Были представлены результаты реконструкции климата и ландшафта по материалам памятников плейстоцена Берингии, Алтая, Средней Сибири и Забайкалья; раннего и позднего голоцена Западной Сибири и Урала; рассмотрены методы геохимии стабильных изотопов, результаты дендрохронологического и радиокарбонного датирования памятников; опыты воссоздания природной среды обитания древнего и средневекового населения на основе геологических, палеогеографических, палеозоологических, палеоботанических, палинологических, карпологических, палеопедологических и других исследований по материалам отдельных памятников и археологических культур Поволжья, Приуралья, Среднего Урала, Северо-Запада и Северо-Востока России. Участники ставили целью определить степень зависимости хозяйства, этнических и социальных процессов от природной среды, выделить основные аспекты палеоэкологии древних социумов в их динамике.

На открытии конференции с приветствиями выступили директор Института гуманитарных исследований ТюмГУ д.и.н. *А.В. Матвеев* и заместитель директора Института проблем освоения Севера СО РАН д.и.н. *А.Н. Багашев*. В докладе, зачитанном при открытии конференции, *Н.П. Матвеева* подвела итоги выполнения ряда программ большим коллективом тюменских исследователей по теме "Комплексное изучение условий жизни населения Западной Сибири в раннем железном веке". Она осветила результаты работы по следующим направлениям: реконструкция ландшафтного и фаунистического окружения, климата (Н.Е. Рябогина, Л.А. Орлова, П.А. Косинцев, А.С. Поклонцев); изучение палеоэкономики саргатской культуры с экологической точки зрения (А.С. Поклонцев, И.Ю. Чикунова); разработка методики реконструкции стен и кровли домов и системы их теплообеспечения (С.В. Берлина); реконструкция рациона питания по данным пригаров на посуде и минеральному статусу костной ткани индивидов из могильников саргатской культуры (Н.П. Матвеева, А.Н. Багашев, А.Л. Антонов, Н.С. Ларина, Л.А. Захарова, К.В. Вилль, О.А. Колиух, И.Ю. Чикунова); изучение роли войны как одного из важнейших социальных и демографических факторов в жизни общества саргатской культуры (Н.П. Матвеева). Автором были сделаны выводы, что если для бронзового века изменения природной среды были решающим фактором культурогенеза, то в эпоху раннего железа не менее существенным становится влияние на системы жизнеобеспечения политических и социальных процессов на сопредельных территориях, на ближней периферии древних цивилизаций. Это повлекло за собой возникновение новых вариантов социокультурной адаптации, усиление обмена, возникновение торговли, создание военно-иерархических систем общественного устройства, обеспечение доступа к материальным благам и пище по социальному статусу и рангу и т.д. Но влияние природной среды, в частности, геохимии почвы и воды, разнообразия растительности оставалось существенным. Исследователями установлены недостаточная приспособленность части населения к условиям жизни и существенные социальные различия в доступе к питанию и материальным благам. Ряд аспектов доклада вызвал особый интерес участников конференции: особенно факт обнаружения в составе блюд, по пригарам на посуде, элементов, характеризующих употребление моллюсков, пресмыкающихся, членистоногих; различные факты резкого дисбаланса минерального состава кости людей, указывающие на тяжелые болезни с неподвижностью, недоедание, анемии; достоверность интерпретации отдельных заболеваний.

В представленном докладе *С.А. Васильева* дан исторический обзор проблематики исследований взаимоотношений природы и палеолитического человека в отечественной археологии. Уже в работах начала XX века (П.П. Ефименко, Г.А. Бонч-Осмоловский) в области палеоэкологии обосновывалась неразрывность эволюции человека и палеосреды. Но на современном этапе, считает автор, требуются новые организационные формы научного поиска для эффективности междисциплинарных исследований, новые концептуальные объяснения принципиальных изменений в культуре человека эпохи палеолита.

В докладе "Природные ресурсы и поведенческие модели человека начальной стадии верхнего палеолита (Западное Забайкалье, Удинский бассейн)" коллективом авторов под руководством *Л.В. Лбовой* продемонстрирована комплексная оценка литологических, биологических (в т.ч. промысловых) ресурсов, археологических данных довольно большой территории. На основании анализа предложены материалы для реконструкции стратегий охоты, моделей поведения и освоения человеком различных территорий в конце среднего и начале верхнего палеолита. Авторами подчеркивается, что рубеж двух эпох достаточно отчетливо прослеживается в изменении объектов и способов охоты, планиграфической структуры памятников, состава коллекций и технико-типологических характеристик каменных индустрий. В выступлении "Палеопотамологический метод в реконструкци-

[1] Здесь рассмотрены результаты обсуждения проблем реконструкции среды и жизнеобеспечения в прошлом. Результаты работы по тематике этноэкологического направления конференция поручила представить в журнал "Этнографическое обозрение" д.и.н. А.П. Яркову.

ях природной среды при изучении геоархеологических объектов" авторами *В.Л. Коломийцем* и *Л.В. Лбовой* была предложена разработка и результаты апробации нового для археологии Сибири естественнонаучного метода. Благодаря выделенным критериям для осадков флювиального генезиса можно реконструировать параметры речного потока (скорость, характер транспортировки и др.), характер русла, его гидрологические особенности, режим течения, рельеф дна, тип поймы и природу произрастающей на пойме растительности, уклон водного зеркала и площадь водосбора. Эти характеристики указывают непосредственно на изменение климатических обстановок и стабильность (или нестабильность) тектонических условий седиментации. Непосредственное использование этого и других методов реконструкции палеогеографических условий, хроностратиграфии культуровмещающих отложений верхнеплейстоценового возраста было продемонстрировано в следующем докладе *Л.В. Лбовой, В.Л. Коломийца*, В.*В. Савиновой и И.К. Феденевой* "Палеогеографические условия и среда обитания человека в верхнем плейстоцене Западного Забайкалья" на материалах геоархеологического объекта Каменка. Авторами представлена полная аналитическая характеристика разреза с позиций стратиграфии, гранулометрии, палеопотамологии, палинологии и палеопедологии. Основные стратиграфические подразделения продатированы различными методами (радиоуглеродным, радиотермолюминисцентным, термохимическим). Полностью описанный и представленный в специальной литературе разрез, таким образом, может служить эталонным для стратиграфии позднего плейстоцена в Западном Забайкалье.

Л.А. Орлова, Я.В. Кузьмин, В.Н. Дементьев представили доклад "Радиоуглеродная хронология позднеплейстоценовой мегафауны Сибири: состояние и перспективы", в котором на основании более чем 200 радиоуглеродных дат представлены современные взгляды на хронологию шерстистого носорога, пещерного медведя, овцебыка, лошади и других представителей мамонтового фаунистического комплекса. Наибольший интерес имеют самые поздние даты вымирания представителей мегафауны, что свидетельствует о том, что ряд плейстоценовых животных существовал на арктическом побережье Сибири в позднем голоцене.

Исключительно интересную тему "Охота на мамонтов", остро дискутировавшуюся на конференции в Тюмени в 1999 году, вновь поднял *Ю.Б. Сериков*. Он выступил против широко распространенного мнения о бытовании в палеолите массовой загонной охоты, приведя этому зоологические, археологические и экологические контраргументы. По его мнению, человек пользовался природными "кладбищами", а охота на мамонтов имела очень ограниченный характер. В развернувшемся активном обсуждении доклада большинство участников согласились с ним.

Экологические аспекты изучения археологических микрорайонов (АМР) затронул в своем выступлении *В.И. Матющенко*. Он объясняет сосредоточение памятников в определенных участках ландшафта не только привлекательностью рельефа, микроклимата, доступностью ресурсов, но и восприятием древними людьми энергетического поля планеты, предлагая изучать АМР в свете концепции "духа места".

Наибольшее внимание на конференции было уделено обсуждению проблем жизнеобеспечения населения неолита–энеолита и раннего железного века. Так, *Е.Н. Волков* представил доклад с оценкой эколого-экономических принципов расселения древних коллективов в энеолите. Локализацию памятников разных культур в энеолите Тоболо-Ишимья он объясняет различной специализацией хозяйства, обусловленной местными ландшафтно-климатическими условиями. Второй доклад *Ю.Б. Серикова* "Сырьевые кризисы и их роль в жизни древнего населения Среднего Зауралья" также вызвал оживленную дискуссию. Автор считает, что внедрение новой техники раскалывания в мезолите, новых видов минерального сырья и приемов его обработки в неолите, а также переход к металлургии были обусловлены исчерпанием возможностей старых ресурсов, и поэтому стимулировали технический прогресс. Иную позицию занял *А.Ф. Шорин*, выступивший с докладом "Почему население лесной зоны Урала эпох неолита и энеолита не восприняло производящие формы хозяйства". По его мнению, длительное сохранение архаических традиций было обусловлено богатыми запасами каменного сырья.

Е.А. Плешков в своем выступлении на тему "К вопросу о размещении археологических памятников по берегам озер" провел убедительное сопоставление данных по локализации поселений и розы ветров, влияющей на эрозию почвы, обмеление и зарастание камышом, отметив приуроченность большинства из них к зоне северо-восток–юг, где данные процессы наименее выражены. К серии докладов по проблемам экологической обусловленности развития культур неолита–энеолита примыкает доклад *И.В. Усачевой* "Место Тюменского Притоболья в культурно-исторических процессах древности: эколого-географический аспект". Поддерживая идею А.Ф. Шорина, мозаичность и многообразие длительно существовавших здесь традиций она объясняет с точки зрения введенного им понятия "культурный контактный район". При изменении климатических условий и кризисе систем жизнеобеспечения, а также в ходе миграционных процессов он мог превратиться в очаг культурогенеза. По ее мнению, Тюменское Притоболье из-за связи с несколькими природными зонами сетью водных артерий и насыщенности системами проточных озер постоянно принимало внешние импульсы, превращаясь в такой район.

О.М. Аношко и *С.В. Берлина* охарактеризовали основные элементы жилой среды населения эпохи поздней бронзы по материалам бархатовской культуры Притоболья. Докладчики предложили реконструкцию жилища поселения Щетково-2 в виде многоугольной постройки со стенами в "паз" и шатровой кровлей.

В докладе *Ю.Ф. Кирюшина* и *А.М. Малолетко*, основанном на анализе комплексных (археологических, палинологических, топонимических) данных, смена археологических культур эпохи бронзы в Васюганье поставлена во взаимосвязь с существенными изменениями климата и миграциями.

О.Ю. Зиминой охарактеризован хозяйственный уклад гамаюно-иткульского населения Нижнего Притоболья на рубеже бронзового и раннего железного веков, сделан акцент на источниках по скотоводству, металлообработке, рыболовству и прядению.

В докладе коллектива авторов (*П.А. Косинцев, Л.Н. Корякова, В.В. Валдайских, И.В. Иванов, А.А. Каздым, О.Н. Корона, Г.И. Махонина, Н.К. Панова, Е.Д. Табанакова, Б. Хэнкс*) "Комплексные исследования Павлиновского городища", зачитанном П.А. Косинцевым, был дан обзор работ 2001–2003 гг. по изучению почв, споров, пыльцы и растительных макростатков из грунтов, химических показателей компонентов культурного слоя, петрографического анализа керамики и археозоологических штудий. Несомненные достоинства реализуемой программы составляют методики выявления хозяйственно-бытового назначения отдельных участков застройки и сезонов их функционирования, а также изучения культурного слоя. Частный аспект изучения распределения разнокультурной керамики в слое Павлинова городища был затронут *С.Е. Пантелеевой*, решавшей вопросы хронологического, стратиграфического и планиграфического соотношения комплексов с применением математических методов и пришедшей к выводу о диахронном характере межкультурных взаимодействий саргатского населения с соседями.

В докладе *Н.П. Матвеевой, Н.С. Лариной, К.В. Билль, Л.Е. Захаровой* "Новые данные об особенностях питания саргатского населения Западной Сибири", зачитанном Н.С. Лариной, обсуждалась проблема реконструкции рациона древних людей по минеральному статусу костной ткани индивидов из погребений. Основываясь на весомой выборке, авторы показали существенные различия в составе микро- и макроэлементного состава костных проб у мужчин, женщин и детей по ряду показателей, обусловленных физиологичес-

кими процессами. Ими выявлены маркеры мясной, рыбной, молочной и растительной пищи, что дало возможность проследить социальные различия в структуре и достаточности питания людей. В ходе дискуссии по данному докладу отмечены методические трудности интерпретации зафиксированного в ряде проб дефицита определенных макро- или микроэлементов – проблемами недоедания или нарушения обмена веществ вследствие неудовлетворительной индивидуальной адаптации.

Е.Н. Волков в докладе "Особенности ландшафтной приуроченности памятников саргатской культуры Тоболо-Исетского междуречья" выделил два типа размещения поселений, детерминированных различным балансом производящих и присваивающих отраслей экономики. Один – в открытых остепненных пространствах высоких береговых террас, связанных с преобладанием скотоводства, другой – на занесенных останцах, участках поймы, эксплуатируемых в течение нескольких лет до сокращения промысловых запасов постоянно, либо сезонно для охоты и рыболовства. Другая проблема изучения жизнеобеспечения населения саргатской культуры была поднята *И.Ю. Чикуновой и А.С. Поклонцевым* – характер и уровень развития скотоводства. По новым материалам Рафайловского комплекса они рассмотрели вопросы размера стада и достаточности мясного питания путем расчета потребления жителей по тафонокомплексам конкретного жилища и, исходя из гипотетической численности общины в целом для поселка, ориентируясь на показатели из этнографии киргизов и калмыков. Выступившие в дискуссии П.А. Косинцев, Д.И. Ражев, С.С. Тихонов указали на сложность методики палеоэкономических расчетов, недопустимость выбора произвольных показателей и необходимость сопоставления рабочей модели с этнографическими данными по народам, проживающим в сходных природных условиях с более близкой к саргатцам системой жизнеобеспечения, – башкирам и сибирским татарам.

А.Д. Таиров в докладе "Климат и становление номадизма в урало-казахстанских степях", решая проблему происхождения тасмолинской общности ранних кочевников Казахстана и Южного Зауралья, обратился к палеоклиматическим данным первой трети I тыс. до н.э. по степной зоне Азии в целом. Отмечая резкую аридизацию на рубеже II-I тыс. до н.э. в Монголии, Северо-Западном Китае, Южном Урале и Центральном Казахстане, он видит в масштабной миграции на запад причины исчезновения культур поздней бронзы на данных территориях и нового толчка культурогенеза. Это проявилось в ряде новаций погребальных памятников и центральноазиатских монголоидных признаках в расовом составе возникших гетерогенных объединений. Высказанную идею поддержала Н.П. Матвеева, подчеркнув согласованность толкования докладчиком экологических, антропологических и археологических фактов.

В докладе *Т.Н. Троицкой* и *О.Е. Назаровой* на материалах анализа керамических комплексов развита идея о существовании большереченской культурной общности. Староалейская культура рассматривается как ее южный вариант, кижировская – как северный, каменская – как юго-западный. Причины формирования локальных образований усматриваются в различии природных условий и разных направлениях и интенсивности связей с кочевниками.

Оригинальные материалы были представлены *О.Б. Беликовой*: культовые комплексы средневекового времени из Причулымья со скоплениями семян и плодов культурных, сорных, пищевых, фуражных, лекарственных растений, углей и кузнечных шлаков, вероятно, отражающие приоритеты хозяйственной деятельности населения.

Проблемы методики реконструкции палеосреды по материалам археологических памятников были подняты *Е.Н. Волковым* и *Н.Е. Рябогиной*. Докладчики указали на слабости изолированного применения каждого из используемых методов и на необходимость комплексного подхода к исследованию в целях корректировки разбросов в результатах, предложив термин "метод корреляционных сопоставлений".

Большой интерес вызвал доклад *В.М. Горячева* "Использование остатков древесины для построения длительных хронологий и реконструкции температурных условий". В нем на основе статистической обработки материалов 1250 спилов с бревен из археологических материалов и 850 образцов древесины ели, кедра, лиственницы из долины р. Надым были построены обобщенные дендрохронологические ряды для XII–XX вв. и установлены теплые и холодные климатические периоды Севера Западной Сибири. Внимание слушателей привлекли данные, свидетельствующие против выделения Малого ледникового периода в средневековье, что обусловлено особенностями мезоклимата, режимом водности тундровой зоны.

В докладе *П.А. Косинцева* и *Е.Н. Петрова* выделены три промысловых ареала копытных Урала в голоцене по данным археологическим памятников, что обусловлено зональными особенностями фауны и особенностями охотничьей деятельности древних людей. Работа *И.Н. Подопригоры* была посвящена изменениям состава биотопов крупных млекопитающих западного склона Урала в течение голоцена в связи с изменениями ландшафтов и деятельностью древнего человека. *О.Н. Бачура* докладывала о результатах определения сезона и возраста забоя животных на материалах городища Павлиново. На основе использования аншлифов как наиболее результативного способа подготовки проб из зубов животных автор показала приуроченность забоя скота на городище к летнему сезону.

С.В. Максимович, *С.В. Губин*, *О.Г. Занина* представили метод реконструкции среды обитания по кормовым запасам из ископаемых нор животных в вечномерзлых грунтах Северо-Востока России. Несмотря на оригинальность и простоту, идея докладчиков встретила и возражения, главным образом, из-за неполноты результатов вследствие избирательности рациона грызунов.

Интересное сообщение о новых подходах к анализу тафономии птиц в позднечетвертичных отложениях было сделано *Н.В. Мартыновичем*. Он проанализировал детали фрагментации, нарушения поверхностей костей, критерии контекста и выработал принципы отнесения находок к результатам человеческой промысловой деятельности либо охоты хищников.

Ряд докладов был посвящен реконструкции природной среды по результатам палинологического и карпологического анализов материалов археологических памятников. Так, *Н.К. Панова* и *С.С. Трофимова* представили результаты изучения торфяниковых стоянок Среднего Урала эпохи энеолита. Ими сделан вывод о некоторой аридизации климата, обеднении флоры, обмелении и заболачивании водоемов, явившихся одной из причин миграций и хозяйственных инноваций данного периода. Влияние человека на среду они усматривают лишь в изменении растительности в местах обитания. *Е.В. Подзюбан* остановилась на дискуссионных результатах анализов торфяных месторождений в Казахстане и сделала попытку реконструкции климата на территории Торгайского прогиба в раннем голоцене. Она отметила, что здесь и в атлантическом периоде были периоды сухого климата, а дальнейшая аридизация, связанная с формированием сухостепных ландшафтов и наступлением суббореала, происходит в конце III тыс. до н.э., а более влажный период имел место в середине II тыс. до н.э. *Е.А. Спиридонова* и *А.С. Сыроватко* рассмотрели спектры Протопоповского городища раннего железного века и выделили ряд строительных периодов, связанных с изменением хозяйственного уклада населения. Заинтересовал собравшихся доклад *В. Янковской* "Палинологический анализ антропогенных отложений из средневековых памятников Чешской республики". Автор показала динамику развития культурных ландшафтов, расширение ассортимента сельскохозяйственных растений, а также возможность выявления среди пыльцы яиц гельминтов, маркирующих массовые заболевания и, таким образом, гигиеническую ситуацию в прошлом.

Большое внимание было проявлено к докладу *Я.Г. Рыскова, В.А. Демкина* и *В.И. Николаева* "Реконструкция климатических изменений за историческое время с использованием методов геохимии стабильных изотопов", где убедительно продемонстрирована большая эффективность метода и пригодность его для решения спектра палеоэкологических и исторических задач.

Конференция подчеркнула необходимость шире и активнее использовать методы междисциплинарного подхода к изучению традиционных обществ. С целью достижения этого и создания фонда материалов для экологических исследований в последующем обратиться к Институту экологии животных и растений УрО РАН, Институту физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН с просьбой предоставить для публикации в соответствующих сборниках Омского госуниверситета (ред. В.И. Матющенко, Л.В. Татаурова) методические рекомендации по отбору образцов для различных анализов.

Было рекомендовано при проведении подобных конференций определять более узкий круг вопросов, выносимых на обсуждение.

Отмечена целесообразность практики проведения конференций "Экология традиционных обществ" раз в 4 года и выражена благодарность оргкомитету за высокий уровень проведения конференции и публикации ее материалов.

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень — *Н.П. Матвеева*
Институт монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН, Улан-Удэ — *Л.В. Лбова*

КРУГЛЫЙ СТОЛ "АРХЕОЛОГИЯ И ГЕОИНФОРМАТИКА" (Москва, 2004)

7 апреля 2004 года в Институте археологии РАН прошел Круглый стол "Археология и геоинформатика", организованный группой "Археолого-географические информационные системы" (АГИС) Отдела охранных раскопок ИА РАН. Это мероприятие является продолжением прошедшего в прошлом году круглого стола "Геоинформационные технологии в археологических исследованиях" (см. информацию в журнале "Российская археология". № 1. 2003) и, таким образом, становится регулярным.

В работе круглого стола приняло участие более 40 специалистов – археологов, историков, геологов, геофизиков, студентов и аспирантов – из Великого Новгорода, Калуги, Москвы, Самары, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Троицка, Челябинска, Улан-Удэ.

С приветственным словом к собравшимся обратился заместитель директора Института археологии РАН *Г.Е. Афанасьев*. Обратив внимание аудитории на то, что основные открытия совершаются на стыке наук, он констатировал, что участники круглого стола присутствуют при моменте слияния археологических исследований и новых технологий и, таким образом, определяют основные направления в развитии археологической геоинформатики.

Как и год назад, круглый стол был посвящен применению геоинформационных методов в полевых и камеральных работах археологов, включающих использование ГИС, обработку и интерпретацию данных аэрофотосъемки и космических спутников, а также геофизические работы на археологических памятниках.

Открытие работы круглого стола началось с серии докладов, объединенных в секцию **"Применение ГИС в археологических исследованиях".** Первой с докладом "Традиционное и компьютерное картографирование скифских акинаков VII–V вв. до н.э." выступила *В.Б. Ковалевская* (ИА РАН, Москва). Доклад был посвящен памяти А.И. Мелюковой и рассматривал в хронологической последовательности серии карт, построенные для разных типов акинаков. Было продемонстрировано, как возникали разные направления путей, как менялась интенсивность их использования и как складывался каркас коммуникации скифов в VII–V вв. до н.э. Автор выделяет около десятка меридиональных путей по водоразделам основных восточноевропейских рек от Волги до Дуная и примерно столько же широтных маршрутов (лесостепных, степных, предгорных и приморских) и прослеживает этапы их функционирования.

Совместный доклад с *Ю.В. Горловым* "ГИС-технологии: использование в исследованиях на Тамани и Абхазском побережье" был представлен *Г.В. Требелевой* (ИА РАН, Москва). В 2001–2003 гг. в рамках проектов РФФИ и "Евразия" была сделана попытка реконструкции развития Кавказского побережья Черного моря в античную эпоху. Для этого планировалось провести археологические и палеогеографические исследования на территории Черноморского побережья Кавказа от устья Кубани до Очамчирской бухты. Но фактически, для полигонного исследования оказались пригодными только четыре района: устье Кубани, Пицундская, Сухумская и Очамчирская бухты, а полноценные полевые исследования удалось провести только в районе Сухумской бухты и на Черноморском побережье в устье Кубани. Однако, результаты изучения отдельных показательных регионов Черноморского побережья можно экстраполировать на все побережье в целом. При этом большую роль в анализе играет применение ГИС-технологий.

А.Н. Мазуркевич (ГЭ, С.-Петербург) представил совместный доклад с *С.В. Морозовым* и *К.Н. Мазуркевичем* "Опыт интеграции СУБД и ГИС-технологий", в котором обсуждаются результаты работы по созданию интегрированной СУБД в соединении с ГИС, включающей основную информацию об археологических объектах, памятниках и их природном окружении. Данная работа направлена на решение задач моделирования древних процессов и палеогеографических реконструкций на материале памятников каменного века небольшого замкнутого региона Псковской области. Одной из основных функций предлагаемой авторами технологии является организация оптимальной системы управления разнородной картографической продукцией, позволяющей гибко реагировать на процессы, связанные с ее изменением, и определять приоритеты для постановки новых работ, связанных с дальнейшим изучением территории.

С.Л. Смекалов (БГТУ "Военмех", С.-Петербург) выступил с докладом "Анализ историко-археологической информации на картах Керченского полуострова XIX века средствами геоинформационной системы". Автором создана информационная система по археологическим памятникам Крыма, составной частью которой является банк цифровых (растровых) карт Крыма XVIII–XX вв. Средствами ГИС был проведен поиск и анализ содержащейся на этих картах информации, которая может представлять интерес для археологов. Старые карты сопоставляются друг с другом и с современными картами, при этом принимаются во внимание обозначенные населенные пункты, а также отдельные характерные объекты – мечети, мельницы, курганы, колодцы, геодезические знаки, развалины, дороги и валы. Помимо заявленного в программе доклада, автором было сделано сообщение о результатах GPS-привязки участков магниторазведки, проводимой на территории древнегреческого города Каледон (Греция).

Завершил работу первой части круглого стола доклад *Н.В. Пиотух* (МГУ, Москва) "Пространственный анализ: проблема выбора метода классификации и хозяйственная типология". С помощью методов многомерной классификации автором исследуется пространственное размещение хозяйственной деятельности на территории Новоржевского уезда Псковской губернии второй половины XVIII в. и выявляются факторы, обусловившие такое размещение. В докладе проводится сравнение возможностей двух методов классификации – так называемой размытой классификации и кластерного анализа – при изучении пространственной типологии. Подобная классификация пространственных объектов с помощью различных методов анализа в исторической литературе еще не обсуждалась.

Второе направление, рассматривавшееся на круглом столе, – **"Археология и данные дистанционного зондирования"** – было представлено тремя докладами. Первым с докладом "Использование ГИС-технологий и ДДЗ для выявления памятников археологии" выступил *А.А. Довгалев* (ГУП "Наследие", Ставрополь). Докладчиком освещалась серия этапов – проведение полевых работ по выявлению памятников археологии, включая топографическую съемку и GPS-работы; геокодировка разномасштабных и разновременных топографических карт, векторизация картографических материалов и создание на основе векторных данных цифровой модели рельефа, ортотрансформирование аэроснимков, – проводимых предприятием "Наследие" при охранных археологических работах. Использование ГИС и данных дистанционного зондирования позволили выявить до 50% новых объектов, подлежащих изучению, что было подтверждено повторными полевыми работами.

Совместный доклад с *С.А. Батаниным* "Дистанционные методы при археологических исследованиях в заповеднике "Аркаим" был сделан *И.М. Батаниной* (ЧелГУ, Челябинск). Основываясь на теоретических предпосылках и используя опыт зарубежной и отечественной практики, авторами доклада на базе музея-заповедника "Аркаим" с 1990 года применяются дистанционные методы для поиска и детального изучения памятников археологии. Главные направления исследований включают в себя: разработку неразрушающих методов исследования, картирование объектов, составление археологических карт и Атласа археологических памятников Челябинской области. В докладе были приведены многочисленные примеры этих исследований.

Большой интерес аудитории вызвал доклад *Д.В. Рукавишникова* (ИА РАН, Москва) "Применение газонаполняемого аэростата для проведения локальной крупномасштабной аэрофотосъемки". При использовании дешифрирования стандартной аэрофотосъемки, произведенной с самолетов с различной высоты, не всегда возможно выделить микрообъекты, такие как западины жилищ, пятна ям погребений и т.д. Подобные проблемы можно решить, используя газонаполняемый аэростат для проведения низковысотных съемок. Автором применялся аэростат АСГ-10 и съемочный модуль, состоящий из цифровой камеры Canon PowerShot G-1 и специально разработанного для нее пульта дистанционного управления. Съемка проводилась с высот от 30 до 50 метров. Метод съемки был опробован в Сирии на памятнике Телль Хазна 1 и в Калининградской области на грунтовом могильнике Геройский. В докладе была представлена серия цифровых снимков и результаты их дальнейшей обработки в пакете ER Mapper 5.5.

Заключительная секция **"Геофизические методы в полевых археологических исследованиях"** включала в себя два доклада. Доклад *В.А. Кочнева* (Красноярск) "Опыт применения 3D-технологий к интерпретации результатов микромагнитной съемки городища "Аркаим" был зачитан С.А. Батаниным (заповедник "Аркаим", Челябинск). Автором доклада был разработан оригинальный метод представления результатов магнитометрии в виде трехмерных изображений, которые анализируются и интерпретируются на примере работ в заповеднике "Аркаим".

С.В. Меркулов (ГУП "Наследие", Ставрополь) сделал доклад "Опыт применения георадара "Лоза-М" в археологических исследованиях", который посвящен результатам использования георадарных обследований памятников археологии на Северном Кавказе, проводимых предприятием "Наследие" с 2002 года. Применение георадара в археологических исследованиях существенно облегчает поиск археологических объектов, сокращает объем работ и финансовых затрат. Наиболее эффективное применение георадара достигалось при комплексных работах на объектах, не имеющих внешних признаков.

Завершил работу круглого стола показ видеофильма, подготовленного ГУП "Наследие" (Ставрополь), в котором демонстрируются все этапы применения ГИС, ДДЗ и геофизических методов при охранных археологических работах в Ставропольском крае.

В выступлениях участниками круглого стола было высказано пожелание провести в следующем году на базе группы АГИС Института археологии РАН мастер-класс по применению аэрофото- и космосъемки в археологии, а также по использованию геофизических методов в полевых исследованиях. Было подчеркнуто, что геоинформационное направление в отечественных археологических работах уже оформилось и круг его применения расширяется. Результаты работы первого круглого стола 2003 г. были опубликованы в качестве сборника докладов, выпущенного на CD-носителе[1]. По результатам работы круглого стола "Археология и геоинформатика" предполагается также издать сборник докладов и выпустить его на CD.

Таким образом, прошедший в стенах Института археологии РАН круглый стол показал актуальность применения геоинформационных технологий в археологических исследованиях разных регионов и эпох, собрав заинтересованную аудиторию. Растущий интерес к этой проблематике среди археологов – представителей академической науки, высшей школы, музеев и органов охраны памятников – позволяет надеяться, что подобные мероприятия станут регулярными.

[1] "Круглый стол "Геоинформационные технологии в археологических исследованиях" (Москва, 2 апреля 2003 г.) [Электронный ресурс]. Сборник докладов". М., 2004. CD-ROM.

Институт археологии РАН, Москва *Д.С. Коробов*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 4, с. 182–189

ХРОНИКА

ПАМЯТИ МАИ ПАВЛОВНЫ АБРАМОВОЙ (1931–2003 гг.)

4 апреля 2003 г. не стало Маи Павловны Абрамовой. Прошел год с момента ее кончины, а сознание не может примириться с тем, что ее нет среди нас, настолько смерть и Мая – несовместимые понятия для этого редкостного обаяния и жизнелюбия человека. Каждый раз, входя в зал, где проходят еженедельные заседания Отдела скифо-сарматской археологии, все еще непроизвольно смотришь на место у окна, где на протяжении почти двух десятков лет, встречал нас всегда доброжелательный и сосредоточенный взгляд серо-голубых глаз.

Мая Павловна Абрамова, Маечка, как мы ее называли, родилась 5 октября 1931 г. в Свердловске в семье преподавателей. После переезда семьи в Москву в 1940 г. отец преподавал в высших учебных заведениях, а после возвращения с войны стал директором Московского библиотечного государственного института (МГБИ, ныне – Университет культуры), мать – преподаватель русского языка в школе и техникумах. В 1949 г., закончив школу, Мая Павловна поступила к МГУ им. М.В. Ломоносова на исторический факультет. Интерес к археологии проявился сразу, и уже в студенческие годы определилась тематика будущих занятий – археология сарматов. Сразу же после окончания университета в 1954 г. Мая Павловна поступила в аспирантуру при Государственном историческом музее и успешно закончила ее в 1957 г. На долгие годы ее судьба оказалась связанной с одним из старейших и лучших музеев России. Будучи хранителем огромных кавказских коллекций, работая над созданием музейных экспозиций, принимая несчетное число специалистов, приезжавших в ГИМ в связи с работами над своими темами для знакомства с коллекциями, Мая Павловна не оставляла своей научной темы. С 1959 г. из печати выходит целый ряд ее статей в ведущих археологических изданиях (журнал "Советская археология", "Материалы и исследования по археологии СССР"), а в апреле 1962 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию "Культура сарматских племен Поволжско-Днепровских степей II в. до н.э.–I в. н.э.". С 1951 по 1980 годы М.П. Абрамова принимала активное участие в полевых археологических экспедициях ГИМа и Института археологии СССР. Постоянное многолетнее участие в раскопках самых разных по профилю, методикам, хронологии археологических объектов (Новгород, Северное Причерноморье, Забайкалье, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, Нижнее Подонье, Северный Кавказ) выработали из Маи Павловны многогранного и блестящего археолога-полевика. Ей под силу было разобраться в слоях самых разнохарактерных объектов, будь то погребальные памятники иногда очень сложной и трудоемкой конструкции типа катакомб, склепов или бытовые объекты, такие как ранние поселения эпохи бронзы или средневековые городища, типа Нижнего Джулата на Кавказе. Скрупулезность ее подхода к археологическим материалам была безупречной, а профессиональная интуиция удивительна. Тем, кому посчастливилось работать с М.П. Абрамовой бок о бок в "поле", хорошо помнят не только ее умение видеть археологические объекты, идеально проводить зачистки выявленных деталей, но и умение и желание научить этому качеству молодых археологов, передать им традиции наших блестящих полевиков-патриархов: В.А. Городцова, Б.Н. Гракова, А.П. Смирнова, К.Ф. Смирнова и др.

Вдумчивость и тщательный подход ко всему, чем приходилось заниматься Мае Павловне в ГИМе, ее контактность с людьми, вызывали огромное уважение окружающих.

В 1973 г., учитывая высокую квалификацию М.П. Абрамовой, по рекомендации дирекции ГИМа, Министерство культуры СССР командировало ее в Народно-Демократическую республику Йемен для оказания помощи в налаживании музейной работы. За время пребывания в этой экзотической стране на протяжении 4 месяцев Мая Павловна не только приложила много усилий для создания музейной экспозиции в Адене, но и после возвращения домой продолжала помогать йеменским друзьям по линии Общества дружбы "Йемен–СССР", будучи избранной членом правления этой организации.

Востребованность высококвалифицированных качеств М.П. Абрамовой как специалиста музейного дела проявилась и в том, что уже будучи вне стен ГИМа, она продолжала быть членом экспертной комиссии музея по выработке норм научно-фондовой работы.

Но, безусловно, самая большая и многолетняя деятельность М.П. Абрамовой связана с Северным Кавказом, особенно после перехода на работу уже в качестве старшего научного сотрудника из Исторического музея в Институт археологии АН СССР (позднее РАН). В начале 1980 г. М.П. Абрамова стала сотрудником Отдела скифо-сарматской археологии, где наиболее плодотворно проявились ее качества как научного сотрудника по сарматской тематике Северного Кавказа.

Кавказские научные интересы М.П. Абрамовой определились с начала 60-х годов прошлого века. Участие в работах Северо-Кавказской экспедиции под руководством Е.И. Крупнова на раскопках поселения Сержень-Юрт в Чечне; раскопки Буйнакского кургана в Дагестане, полевые исследования Нижне-Джулатского могильника в Кабардино-Балкарии, раскопки Подкумского могильника в регионе Кавказских Минеральных вод на Ставрополье – это самые важные вехи полевой научной биографии М.П. Абрамовой.

И где бы она ни была, всюду оказывалась тем центром притяжения, вокруг которого собиралась наиболее активная часть коллег. Прекрасно зная специфику и менталитет кавказского сообщества, М.П. Абрамова умела со свойственным только ей тактом вписаться в любой многонациональный коллектив и всегда была окружена ореолом огромного уважения и даже некоторой дружеской влюбленностью. Эту дружбу она сумела сохранить почти без потерь до конца своей жизни, несмотря на политическую ломку советского пространства, всплеск национализма и вражды между народами Кавказа.

Безусловно, критерием этого всеобщего уважения была не только толерантность, но и большая творческая научная деятельность М.П. Абрамовой. Всю жизнь она была верна отстаиванию принципов выбранной темы: всестороннее объективное изучение происхождения сарматов, их локализация в разных частях Восточной Европы и особенно пристальное отслеживание роли сарматского присутствия и элементов сарматской культуры в культурах Северного Кавказа на протяжении почти 1000 лет.

Поэтапному процессу проникновения сарматов в среду местного древнего населения Северного Кавказа, главным образом предгорной зоны, посвящены многочисленные статьи и семь монографий М.П. Абрамовой. Последние три, подготовленные по материалам Дагестанской экспедиции ИА РАН, вышли в соавторстве с Г.Г. Пятых. Первостепенное значение во всех разработках придавалось древним могильникам, тщательное и всестороннее изучение которых приводило автора к безупречно выверенным выводам, которые было весьма трудно оспорить и опровергнуть. Таков вклад М.П. Абрамовой в многолетние, остродискуссионные темы, касающиеся роли сармато-алан в этногенезе осетин; темы появления и сути катакомбного обряда в грунтовых могильниках Предкавказья, а также в разработку проблемы хронологии ранних алан, о локальном своеобразии аланской, в широком смысле, культуры в разных частях северокавказского региона.

Прекрасное предметное знание материалов, тщательно выверенный вещеведческий анализ, широкие и в то же время заслуживающие доверия выводы отличают монографические исследования М.П. Абрамовой по Нижне-Джулатскому могильнику, ранняя группа погребений которого датирована ею II в. до н.э.–сер. III в. н.э., а поздняя – VII в. н.э. В вышедшей в 1972 г. в Нальчике монографии не только опубликованы конкретные данные по памятнику, но и показано значение новой информации относительно последовательного изменения в материальной культуре и погребальном обряде, что оказалось необыкновенно важным для вопроса сложения аланской культуры в предгорной части Кабардино-Балкарии. Столь же тщательно и всесторонне исследован и опубликован Подкумский могильник. В монографии, вышедшей в 1987 г. в издательстве "Наука", специально уделено внимание анализу и характеристике раннего аланского катакомбного могильника I–III вв. н.э. на северо-западной окраине Центрального Кавказа, в Кисловодской котловине. Особое внимание в монографии уделено связям местного северокавказского населения с сарматами и этническому составу погребенных в могильнике людей. Изучение погребального обряда и типологическая классификация вещей Подкумского могильника с привлечением корреляционного метода, в комплексе с материалами Нижне-Джулатского, Чегемского и Хумаринского могильников позволило М.П. Абрамовой с большой долей доказательности говорить об отсутствии смены населения на территории предгорной зоны Центрального Предкавказья в течение всего сарматского времени с III–II вв. до н.э. по III в. н.э. Важен вывод о том, что предкавказские катакомбные могильники не могут рассматриваться как памятники ираноязычных сармато-алан, а находят ближайшие аналогии в могильниках коренного населения, т.е. речь может идти о значительной смешанности потомков кобанской культуры предгорной зоны в результате оседания здесь части представителей кочевых племен. Период первых веков нашей эры М.П. Абрамова предлагала рассматривать как предаланский и раннеаланский.

Накопленные и научно осмысленные данные рубежа двух тысячелетий позволили М.П. Абрамовой обобщить и по-новому методично охарактеризовать историю и культуру региона в целом, что нашло свое место в обобщающем труде "Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э.–IV в. н.э.")", успешно защищенном в 1990 г. в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук и опубликованном в 1993 г. в виде отдельной монографии.

Последнее десятилетие жизни М.П. Абрамова посвятила разработкам темы раннеаланской культуры первой пол. I тыс. н.э. Наименее изученным и дискуссионным проблемам аланской культуры III–IV веков посвящена фундаментальная монография "Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв.", увидевшая свет в 1997 г. Указанному периоду М.П. Абрамова уделяла особенно большое внимание, поскольку с ним связано решение проблемы сложения аланской культуры на Северном Кавказе, а также конкретных путей формирования ее в целом и ее локальных групп, в частности. По мнению Маи Павловны, материалы сарматского времени позволяют выделить два хронологических периода и две локальные группы памятников: Терско-Сунженского междуречья – восточную и Кабардино-Пятигорье – западную. Однако все эти выводы не распространяются на памятники Дагестана, где все подобные процессы имели свою особую специфику. Именно этим памятникам было всецело посвящено внимание ведущего научного сотрудника ИА РАН, доктора исторических наук М.П. Абрамовой в последние 5 лет ее жизни. Подготовленные к печати три монографии "Курганы Нижнего Сулака" на основе материалов раскопок К.И. Красильникова и Г.Г. Пятых в Дагестане в 1985–1989 гг. по сути закрывали вопрос о самых восточных курганных могильниках, связанных с кочевниками, и замыкали многолетнюю работу по выполнению последней плановой темы Маи Павловны в Отделе скифо-сарматской археологии: "Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры". Эта рукопись подводит итог огромной работы по исследованию погребальных памятников конца I тыс. до н.э. и самого начала I тыс. н.э., от западной оконечности Северного Кавказа (Тамань) и до ее восточных областей – территории Прикаспия. Рукопись была завершена к весне 2001 г., когда коварная тяжелейшая болезнь уже подтачивала силы Маи Павловны. Можно только предполагать, сколько воли было проявлено, чтобы бороться со смертельным недугом, продолжать подготовку монографий по курганам Нижнего Сулака, совмещать эту подготовку с рискованной для жизни поездкой в Дагестан через воюющую Чечню, чтобы кое-что проверить по непосредственному осмотру вещей из этих курганов. И результатом этой напряженной работы были два тома, вышедшие в 2000 и 2001 гг., а последняя книга – только после кончины, в 2004 г.

Параллельно продолжалась активная многолетняя работа в Отделе полевых исследований Института, работа в качестве эксперта РГНФ, огромная нагрузка по собиранию и подготовке в качестве ответственного редактора и автора археологического сборника "Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки" (2001 г.). И, наконец, подготовка как всегда насыщенного мыслью доклада "Пути формирования новых этнических группировок на Северном Кавказе в первые века н.э." для последней поездки на XXII "Крупновские чтения" в Кисловодске в апреле 2002 г. И ни единой жалобы на состояние здоровья. На все просьбы друзей обратить на себя внимание – в ответ лишь свойственная ей ироничная смешливость. Можно только теперь догадываться о том, каких усилий, какого мужества это стоило. До последнего дыхания все заботы, все мысли были о науке, о семье, о любимом внуке.

Смерть Маи Павловны стала невосполнимой потерей не только для ее самых близких людей, но и для большого числа ее друзей и коллег. Невосполнима она и для кавказоведения. Специалисты по раннему железному веку самого широко-

го профиля еще долго будут ощущать эту горькую потерю для науки порядочного, интеллигентного, умного и доброжелательного человека.

Память о Мае Павловне как о светлом и обаятельном друге и товарище останется в сердцах тех, кто был к ней близок, кто имел возможность общаться с ней, ощущать ее заботу и внимание.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ М.П. АБРАМОВОЙ

1. Сарматская культура II в. до н.э.–I в. н.э. // СА. 1959. № 1. С. 52–71.
2. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н.э. – I в. н.э. // СА. 1961. № 1. С. 91–110.
3. Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских степных городищ // МИА. 1962. № 115. С. 274–283.
4. Большой Буйнакский курган // Тез. докл. на от. сессии о полевых арх. исслед. за 1964 г. Баку, 1965. С. 125.
5. Пережитки культа двойной секиры в Дагестане // Тр. ГИМ. 1966. Вып. 40. С. 89–96.
6. Раскопки Нижне-Джулатского могильника // АО–1967. 1968. С. 94, 95.
7. К вопросу об этногенезе осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 93–95.
8. Раннесредневековые погребения Нижне-Джулатского могильника // Уч. зап. КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. XXV. С. 147–157.
9. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии // СА. 1968. № 3. С. 114–130.
10. Нижне-Джулатский могильник // АО–1968. 1969. С. 119–120.
11. О керамике с зооморфными ручками // СА. 1969. № 2. С. 69–84.
12. Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 3–11.
13. Новые погребения эпохи бронзы из Кабардино-Балкарии // Экспедиции ГИМ. М., 1969. С. 103–112.
14. Исследование могильника Нижний Джулат в 1967 г. // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 88–94.
15. Раскопки могильника у сел. Брут // АО–1969. 1970. С. 119, 120.
16. Зеркала горных районов Центрального Кавказа I – III вв. н.э. // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 121–132.
17. Археологические исследования в Моздокском районе Северной Осетии // АО–1970. 1971. С. 123, 124.
18. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972. 76 с.
19. Археологические исследования в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии // АО–1971. 1972. С. 152, 153.
20. Могильник у ст. Подкумок близ Кисловодска // АО–1972. 1973. С. 106, 107.
21. Новые погребения скифского времени с территории Центрального Предкавказья // СА. 1974. № 2. С. 195–212.
22. Памятники горных районов Центрального Кавказа на рубеже и в первых веках нашей эры // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 3–31.
23. Раскопки Подкумского могильника // АО–1973. 1974. С. 91, 92.
24. Катакомбные погребения IV-V вв. из Северной Осетии // СА. 1975. № 1. С. 213–233.
25. Результаты работы на Подкумском могильнике // АО–1974. 1975. С. 93, 94.
26. Катакомбные погребения первых веков нашей эры Центрального Предкавказья // Тез. докл. V "Крупновских чтений" по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1975. С. 53, 54.
27. Археологические исследования в центральных районах Северного Кавказа // АО–1975. 1976. С. 103, 104 (соавт. Э.С.Кантемиров, О.В. Череповская).
28. Некоторые вопросы аланской культуры Северного Кавказа // Тез. докл. VI "Крупновских чтений" по археологии Северного Кавказа. Краснодар, 1976. С. 5, 6.
29. Исследование Андрейаульского городища // АО–1976. 1977. С. 108, 109 (соавт. М.Г. Магомедов, Л.Б. Гмыря).
30. Большой Буйнакский курган // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1977. Т. 7. С. 54–73.
31. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА. 1978. № 1. С. 72–82.
32. К вопросу о катакомбных и склеповых сооружениях юга Восточной Европы // Тез. докл. VIII "Крупновских чтений" по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 1978. С. 40–42.
33. Археологические раскопки в районе Кисловодска // АО–1977. 1978. С. 101, 102.
34. К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1976. С. 64–71.
35. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА. 1979. № 2. С. 31–50.
36. Письменные источники о кавказских аланах // Тез. докл. IX "Крупновских чтений" по археологии Северного Кавказа. Элиста, 1979. С. 42, 43.
37. К вопросу о происхождении раннесредневековой культуры Андрейаульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 123–141 (соавт. М.Г. Магомедов).
38. Буйнакский курган // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1980. Т. 9. С. 115–143.
39. Раскопки могильника у сел. Карца в Северной Осетии // История и культура Евразии по археологическим данным. Тр. ГИМ. 1980. Вып. 51. С. 65–70.
40. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. II. М., 1982. С. 9–19.
41. Новые материалы раннесредневековых могильников центральных районов Северного Кавказа // СА. 1982. № 2. С. 135–155.
42. О подкурганных катакомбах первых веков нашей эры // Тез. докл. XII "Крупновских чтений" по археологии Северного Кавказа. М., 1982. С. 49, 50.
43. О хронологии ранней группы погребений Нижне-Джулатского могильника // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 34–39.
44. Предварительные итоги исследования Подкумского могильника // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 60–69.
45. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 15–20.
46. Некоторые особенности культур горной и равнинной зон центральных районов Северного Кавказа в I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. Тез. докл. Душетской науч. конф. Тбилиси, 1984. С. 28–30.
47. О выделении локальных вариантов в культурах скифо-сарматского времени центральных районов Северного Кавказа // Тез. докл. XIII "Крупновских чтений" по археологии Северного Кавказа. Майкоп, 1984. С. 58, 59.
48. Отв. ред. книги "Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии". Т. 2. Нальчик, 1985. 276 с. (совместно с В.И. Козенковой).
49. Предисловие к книге: "Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии". Т. 2. Нальчик, 1985. С. 3–6 (соавт. В.И. Козенкова).

50. Новые материалы по раннеаланской культуре Северного Кавказа // Тез. докл. Всесоюзной археол. конф. "Достижения советской археологии в XI пятилетке". Баку, 1985. С. 35, 36.
51. Раскопки в Карачаево-Черкесии // АО–1983. 1985. С. 104.
52. Некоторые особенности погребений III-I вв. до н.э. предгорной зоны Центрального Предкавказья // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 177–182.
53. Раннесредневековый могильник у сел. Чми в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 49–71.
54. Исследования в Карачаево-Черкесии // АО–1984. 1986. С. 86.
55. К вопросу об этническом составе населения Центрального Предкавказья в сарматскую эпоху // Тез. докл. XIV "Крупновских чтений" по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 15, 16.
56. Подкумский могильник. М., 1987. 181 с.
57. Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматскую эпоху // СА. 1987. № 4. С. 59–73.
58. Работа Карачаево-Черкесского отряда // АО–1985. 1987. С. 122, 123.
59. Некоторые особенности культуры Центрального Предкавказья в III–IV вв. н.э. // Тез. докл. конф. "Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС". М., 1987. С. 15, 16.
60. Подкурганные катакомбы первых веков нашей эры на Северном Кавказе // КСИА. 1988. Вып. 194. С. 54–59.
61. Отв. ред. книги Б.М. Керефова "Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии". Нальчик, 1988. 216 с.
62. Предисловие к книге Б.М. Керефова "Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии". Нальчик, 1988. С. 3–6.
63. Роль сарматов в сложении культур Центрального Предкавказья // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 23–33.
64. Кочевые ираноязычные племена Предкавказья по археологическим данным // Тез. докл. XV "Крупновских чтений" по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 47–49.
65. Сарматы и Северный Кавказ // Проблемы сарматской археологии и истории (Тез. докл. конф.). Азов, 1988. С. 4–18.
66. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Сер. Археология СССР. М., 1989. С. 268–281.
67. Погребальный обряд племен Центрального Предкавказья в III-IV вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. 1989. Вып. 70. С. 5–16.
68. Предисловие к книге А.К. Амброза "Вопросы хронологии некоторых могильников Северного Кавказа V–VII вв.". М., 1989. С. 3–5.
69. Отв. ред. книги А.К. Амброза "Вопросы хронологии некоторых могильников Северного Кавказа V–VII вв.". М., 1989. 134 с.
70. Отв. ред. книги "Археологические исследования на юге Восточной Европы". Тр. ГИМ. 1989. Вып. 70. 192 с.
71. Предисловие к книге "Археологические исследования на юге Восточной Европы". Тр. ГИМ. 1989. Вып. 70. С. 3, 4.
72. О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV-II вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 116–133.
73. Вопросы историографии и проблемы археологии Центрального Предкавказья сарматского времени // Тез. докл. XVI "Крупновских чтений" по археологии Северного Кавказа. Ставрополь, 1990. С. 14–16.
74. Западные районы Центрального Предкавказья во II–III вв. н.э. // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 44–51.
75. Особенности культур горной и равнинной зон центральных районов Северного Кавказа в I тыс. до н.э.–начале I тыс. н.э. // Проблема взаимоотношений между горными и равнинными регионами Кавказа Тез. докл. Тбилиси, 1984. С. 28–30.
76. Погребения сарматского времени из Ставрополья // Памятники Евразии скифо-сарматского времени. М., 1995. С. 35–55 (соавт. В.Г. Петренко).
77. Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья // СА. 1992. № 2. С. 20–31.
78. Новые археологические материалы к вопросу этногенеза осетин // I междунар. науч. конф. "Осетиноведение: история и современность". Владикавказ, 1991. С. 4–6.
79. Взаимоотношения древнего населения Чечено-Ингушетии с ираноязычными кочевыми племенами // Проблемы происхождения нахских народов. Тез. докл. и сообщ. Всесоюзной науч. конф. Шатой, 1991. С. 12–14.
80. Некоторые особенности развития культуры населения западных и центральных районов Предкавказья сарматского времени // XVII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп, 1992. С. 57, 58.
81. Вопросы изучения памятников Центрального Предкавказья сарматского времени // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 18–24.
82. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э.–IV в. н.э.). М., 1993. 240 с.
83. Некоторые особенности материальной культуры сарматов Центрального Предкавказья // Проблемы истории и культуры сарматов. Тез. докл. междунар. конф. Волгоград, 1994. С. 8–15.
84. О локальных особенностях в культуре населения центральных районов Северного Кавказа в III–V вв. н.э. (по данным погребального обряда) // XVIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Кисловодск, 1994. С. 47, 48.
85. Римские провинциальные фибулы IV-V вв. на Северном Кавказе // ИАА. Вып. 1. Армавир; М., 1995. С. 140–147.
86. Sarmatians in the North Caucasus // Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age. Zinat Press Berkeley, CA, 1995. P. 165–183.
87. Фибулы Хумаринского могильника (II-III вв. н.э.) // ИАА. Вып. 2. Армавир; М., 1996. С. 100–105.
88. Взаимоотношения древнего населения Чечено-Ингушетии с ираноязычными кочевыми племенами // Проблема происхождения нахских народов. Матер. науч. конф., сост. в Шатое в 1991 г. Махачкала, 1996. С. 24–36.
89. Катакомбные могильники III-V вв. н.э. центральных районов Северного Кавказа // Alanika. Владикавказ, 1995. Т. 3. С. 65–78.
90. О некоторых критериях выделения памятников алан на Северном Кавказе // XIX "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. М., 1996. С. 5, 6.
91. Об одной из гипотез о происхождении северокавказских алан // ИАА. Вып. 3. Армавир; М., 1997. С. 34–40.
92. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. М., 1997. 165 с.
93. К вопросу об аланах Верхней Кубани // Материалы конференции, посв. 100-летию со дня рожд. Т.М. Минаевой. Ставрополь, 1997. С. 40, 41.
94. Некоторые итоги изучения раннего периода алан на Северном Кавказе // Археология Кавказа: новейшие открытия и достижения. Кратк. содерж. докл. междунар. науч. сессии. Тбилиси, 1997. С. 55, 56.
95. Некоторые особенности поселений скифского времени Верхней Кубани // Юбилейные международные XX "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ставрополь, 1998. С. 5, 6.
96. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков н.э. // МАИЭТ. Т. VI. Симферополь, 1998. С. 209–229.

97. О датировке некоторых лунниц с территории Дагестана // Древности Северного Кавказа. Махачкала, 1998. С. 61–67.
98. Поселение скифского времени у аула Хумара на Верхней Кубани // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 89–120.
99. О некоторых спорных вопросах в хронологии раннесарматской культуры // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 98–107.
100. Взаимоотношения степных кочевников и оседлых племен Северного Кавказа // Кавказ и степной мир в древности и в средние века. Матер. междунар. науч. конф. Махачкала, 1999. С. 17, 18 (соавт. Г.Г. Пятых).
101. Взаимоотношения степных кочевников и оседлых племен Северного Кавказа (на материалах Северного Дагестана позднесарматского времени) // Кавказ и степной мир в древности и в средние века. Махачкала, 2000. С. 80–94 (соавт. Г.Г. Пятых).
102. Каменные подземные склепы Центрального и Северо-Восточного Кавказа скифо-сарматского времени // Кавказ и Древний Восток. Махачкала 1999. С. 171–181.
103. О погребениях зубовско-воздвиженской группы (историографический обзор) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 123–128.
104. Изучение северокавказских памятников сарматского времени в XX в. // Тез. докл. XXI "Крупновских чтений" по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2000. С. 3–5.
105. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-2 // МИАР. Вып. 2. М., 2000. 140 с. (соавт. К.И. Красильников, Г.Г. Пятых).
106. Некоторые локальные особенности в культуре алан первых веков нашей эры // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж, 2001. С. 8–23.
107. О некоторых античных традициях в культуре северокавказских племен // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. МИАР. Вып. 3. М., 2001. С. 126–130.
108. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-4 // МИАР. Вып. 4. М. 2001. 152 с. (соавт. К.И. Красильников, Г.Г. Пятых).
109. Отв. ред. сборника "Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки" // МИАР. Вып. 3. М., 2001. 212 с. (совместно с В.И. Марковиным).
110. Предисловие к сборнику "Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки" // МИАР. Вып. 3. М., 2001. С. 3–5 (соавт. В.И. Марковин).
111. Пути формирования новых этнических группировок на Северном Кавказе в первые века нашей эры // Тез. докл. XXII "Крупновских чтений". Кисловодск, 2002.
112. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-6 // МИАР. Вып. 5. М., 2004. 160 с. (соавт. К.И. Красильников, Г.Г. Пятых).
113. Сарматская эпоха // Очерки по археологии Северной Осетии. Владикавказ (в печати).
114. Особенности процесса формирования аланской культуры Северного Кавказа (по данным археологии) // Ancient West and East. L. (в печати).

Подготовленные к печати рукописи

115. Хумаринский могильник на Верхней Кубани.
116. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры.

Институт археологии РАН, Москва
Чеченский государственный университет, Грозный

В.И. Козенкова
М.Х. Багаев

АННА ИВАНОВНА МЕЛЮКОВА (1921–2004)

7 марта 2004 г. ушла из жизни крупнейший исследователь скифских древностей Анна Ивановна Мелюкова. Она была одной из первых учениц основателя московской школы скифо-сарматской археологии профессора Московского университета Бориса Николаевича Гракова. Долгие годы работая вместе с Борисом Николаевичем, она стала его ближайшим соратником и другом, а после его смерти возглавила московскую школу скифологии.

Научные интересы Анны Ивановны были очень широки: от общих вопросов истории скифов и их культуры, взаимоотношений с западными соседями до более конкретных тем, касающихся вооружения скифов и звериного стиля в искусстве.

Анна Ивановна Мелюкова родилась 14 декабря 1921 г. в семье скульптора-орнаменталиста, что привело впоследствии к формированию у нее интереса и глубокого понимания изобразительного искусства. В 1939 г. Анна Ивановна поступила на исторический факультет МГУ, который закончила в 1945 г., защитив диплом по погребальным сооружениям скифских царских курганов. Окончив в 1950 г. аспирантуру истфака МГУ под руководством Б.Н. Гракова, она защитила кандидатскую диссертацию "Вооружение, войско и военное искусство скифов". Впоследствии эта работа была издана в серии САИ (1964 г.) и стала настольной книгой всех исследователей, изучавших вооружение и военное дело народов эпохи раннего железного века.

Нельзя не упомянуть совместный доклад А.И. Мелюковой и Б.Н. Гракова на Всесоюзной скифской конференции (1952 г.), опубликованный впоследствии в виде основополагающей статьи "Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время" (1954 г.) Предложенная авторами концепция двух археологических культур в Скифии Геродота надолго определила направление научной мысли в московской школе скифологов.

В процессе работы над материалом к этому докладу Анна Ивановна впервые обратилась к памятникам западных районов лесостепного Поднестровья, выделив их в особую группу, названную Молдавской. Кроме того, она значительно расширила за счет поселенческого материала круг памятников Западно-Подольской группы. Это было началом той очень важной научной работы по изучению западных регионов Восточной Европы, которой Анна Ивановна посвятила значительную часть своей жизни.

Хронологический диапазон ее исследований был очень широк – от памятников эпохи поздней бронзы до конца скифского периода. По этой тематике вышел целый ряд работ А.И. Мелюковой, в том числе "Памятники скифского времени лесостепного среднего Приднестровья", "Культура предскифского времени лесостепной Молдавии", "Население Нижнего Поднестровья в IV–III вв. до н.э.", "Скифия и фракийский мир" и многие другие, включая большие разделы в книгах "История Молдавской СССР" и "Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время"[1].

Особо следует выделить монографию "Скифия и фракийский мир", которая в 1979 г. была защищена в качестве докторской диссертации. В ней на широком историческом фоне при детальнейшей проработке массового материала из поселений и погребений Анной Ивановной были подняты и в значительной степени решены многие вопросы взаимоотношений двух соседних разноязычных массивов – скифов и фракийцев. Выявленные черты заимствования как в той, так и в другой культурах наиболее отчетливо выступают в аристократической среде. Очень важным выводом ее исследования является определение роли фракийцев в сложении чернолесской культуры.

Весьма положительным моментом в археологической деятельности Анны Ивановны было ее стремление к систематическому введению в научный оборот всех раскопанных ею памятников. В качестве примера можно привести монографию "Поселение и могильник у с. Николаевка" и многие статьи в различных сборниках. Перу Анны Ивановны принадлежат также научные публикации выдающихся скифских памятников из дореволюционных раскопок, в частности, монография "Краснокутский курган".

Важнейшим обобщающим трудом по истории скифов явился выход в1989 г. в серии Археология СССР тома "Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время". В этом томе все главы и разделы, касающиеся общеисторической обстановки в Северном Причерноморье в предскифский и скифский периоды, и разделы, посвященные письменным источникам, расселению племен и существенной части собственно скифской материальной культуры, написаны Анной Ивановной лично.

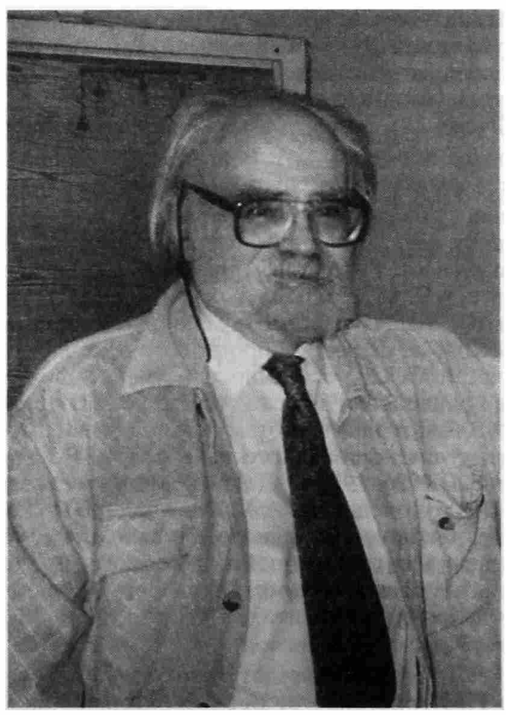
Всей своей жизнью Анна Ивановна явила пример высокого служения науке, доброжелательства, умения радоваться чужим успехам, бескорыстной помощи всем, кто к ней обращался за советом. При ней невозможно было допустить фальшь и некорректное отношение к коллегам. Ее присутствие в Отделе, где она проработала всю свою жизнь, всегда подымало планку человеческих взаимоотношений и требовательности к своей работе. Со временем мы все острее ощущаем потерю Анны Ивановны и постоянно мысленно обращаемся к ней за советом.

Друзья и коллеги

[1] Основной список работ А.И. Мелюковой опубликован в журнале "Российская археология", № 4 за 2001 г.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ РАЕВСКИЙ

13 марта ушел из жизни один из крупнейших скифологов – Дмитрий Сергеевич Раевский. Д.С. Раевский родился в Москве в 1941 г., в 1964 г. окончил исторический факультете МГУ по кафедре археологии. Учебу на вечернем отделении он совмещал с работой в качестве подсобного рабочего художественного отдела Государственного Исторического музея, где после окончания университета стал сотрудником массового (экскурсионного) отдела. С 1968 по 1971 г. Д.С. Раевский был аспирантом кафедры археологии МГУ. В 1971 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию "Этнический и социальный состав населения Неаполя Скифского" и в том же году был принят в Институт востоковедения АН СССР во вновь образованный сектор "Историко-культурных связей советского и зарубежного Востока" под руководством Б.А. Литвинского (позднее он слился с Отделом Востока). С этого времени вся его жизнь была связана с Институтом востоковедения, где он прошел путь от младшего до главного научного сотрудника. С 1995 по 1997 г. он возглавлял Отдел Древнего Востока, но оставил эту должность в связи с болезнью. В 1988 г. Дмитрий Сергеевич защитил докторскую диссертацию на тему "Социальные и культурные концепции древних иранцев по материалам Скифии". Последние 5 лет Дмитрий Сергеевич тяжело болел, но ни на день он не прекращал своей исследовательской работы. Последнюю свою книгу, написанную совместно с В.Я. Петрухиным и вышедшую незадолго до его смерти, он уже не успел увидеть. Последний удар настиг Дмитрия Сергеевич, когда он сидел за компьютером.



Работы Дмитрия Сергеевича отличаются смелостью, новизной взглядов, сочетающихся с глубокой эрудицией, прекрасным знанием анализируемых материалов, строгой логикой развития мысли. Его перу принадлежит около 150 научных работ, в том числе семь монографий.

С именем Дмитрия Сергеевича связан целый, практически новый, раздел скифологии – изучение мифологии, идеологии, социальных и культурных концепций бесписьменного народа. Предложенные им реконструкции образуют целостную систему, объединяющую самые различные элементы

скифской культуры. Работы этого плана вызвали широкий интерес научной общественности, в том числе благодаря его подходу к изучению источников и строгой оценке возможности их интерпретации. Даже люди, далекие от собственно скифских проблем, стремились показать ему свои работы, посоветоваться, выслушать его замечания.

Большое внимание уделял Дмитрий Сергеевич вопросам скифской истории и культуры. Им, лично и в соавторстве, разрабатывались такие проблемы, как история племен, объединяемых этнонимом "скифы", их меняющийся хозяйственный и социальный строй, особенности материальной культуры, ее сложение, развитие, оценка используемых ею инокультурных воздействий.

В вопросе о происхождении скифской материальной культуры Дмитрий Сергеевич был последовательным сторонником ее восточноевропейской автохтонности. Не отрицая существования восточноазиатских импульсов, он рассматривал скифскую культуру как новообразование, окончательно оформившееся в период переднеазиатских походов скифов и на территории Восточной Европы, с которой эти походы были связаны.

В последние годы Д.С. Раевский активно начал разрабатывать тему скифского звериного стиля как "визуального фольклора", т.е. изобразительного искусства, построенного по тем же принципам, что и фольклорные произведения.

Дмитрий Сергеевич всегда с неподдельным интересом относился к работам своих коллег, зачастую не имеющих прямого отношения к его исследовательской деятельности. Его замечания были плодотворны и содержательны, их отличали доброжелательность и такт. Много времени он уделял редактированию работ коллег, причем всегда вносил в эту работу свойственную ему добросовестность.

Д.С. Раевский был блестящим полемистом, увлеченным участником научных дискуссий. Его выступления всегда вызывали живой отклик и способствовали развитию исследовательской мысли.

До последнего дня Дмитрий Сергеевич Раевский оставался для многих его коллег и научной молодежи как из Москвы, так и из других городов авторитетным, доброжелательным судьей, советчиком. Он мало мог выходить, но его дом всегда был наполнен людьми, желающими поделиться с ним результатами своих трудов.

Смерть Дмитрия Сергеевича – огромная потеря для нашей науки, потеря, пока невосполнимая.

Друзья и коллеги

AD MEMORIAM

Редколлегия и редакция журнала "Российская археология" продолжает публиковать биографические справки о наших коллегах, сотрудниках Института археологии РАН, которым в 2004 г. исполнилось бы 100 лет (см. публикацию в № 4 за 2003 г.). Сведения, приводимые ниже, составлены с использованием сборника научных биографий "Институт археологии: история и современность" (М., 2001) и некоторых других материалов.

Воронин Николай Николаевич (1904–1976). Выдающийся российский ученый, доктор исторических наук, лауреат Государственной и Ленинской премий. Работал в ИА РАН с 1931 г. после окончания аспирантуры. Крупнейший знаток архитектуры, живописи, прикладного искусства и быта Древней Руси.

Personalia: Формозов А.А. Роль Н.Н. Воронина в защите памятников культуры России // РА. 2004. № 2.

Крайнов Дмитрий Александрович (1904–1998). Доктор исторических наук, старший научный сотрудник. В 1955 г. был зачислен в штат Института археологии РАН. Круг научных интересов Д.А. Крайнова был очень широк. Им внесен значительный вклад в разработку основных проблем каменного века Крыма, неолита и бронзового века Центра Европейской части СССР, особенно в изучение фатьяновской культуры и ранненеолитической верхневолжской культуры. Кроме того, благодаря работам Д.А. Крайнова выявлены первые памятники финального палеолита в Волго-Окском междуречье. В 1926–1933 гг. Д.А. Крайнов участвовал в экспедициях под руководством А.Я. Брюсова и В.А. Городцова (раскопки памятников каменного, бронзового и железного веков Севера и Центра Европейской России); с 1929 г. вел самостоятельные раскопки памятников фатьяновской культуры и эпох палеолита–неолита, с 1935 по 1941 г. – пещерных памятников Крыма и Кавказа.

С 1954 г. Д.А. Крайнов ведет раскопки в Ярославской области, а в 1959 г. организует Верхневолжскую экспедицию. На протяжении нескольких десятков лет работы Верхневолжской экспедиции под руководством Д.А. Крайнова открыто и обследовано около 3000 разновременных и разнокультурных памятников от финального палеолита до средневековья включительно, в том числе начаты раскопки многослойных торфяниковых памятников в Ярославской и Ивановской областях.

С 1976 г. он был председателем археологической секции Министерства культуры РСФСР. Д.А. Крайнов занимал пост ученого секретаря и председателя Комитета по изучению закономерностей развития человеческих обществ, созданного по инициативе Отделения общественных наук АН СССР, и членом Четвертичной комиссии по изучению ископаемого человека. Д.А. Крайнов – автор более 300 опубликованных работ, в том числе шести монографий.

Personalia: Уткин А.В., Костылева Е.Л. К 90-летию Дмитрия Александровича Крайнова // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994.

Крупнов Евгений Игнатьевич (1904–1970). Лауреат Государственной премии, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской АССР, заведующий сектором неолита и бронзового века, заместитель директора Института археологии РАН, доктор исторических наук, профессор. Большая часть творческой жизни Е.И. Крупнова связана с Институтом археологии РАН, где он начал работать в 1937 г. В стенах этого учреждения Е.И. Крупнов вырос в крупнейшего советского кавказоведа и стал организатором археологической науки, создавшим свою школу и подготовившим большой отряд квалифицированных специалистов по археологии, древней и средневековой истории Кавказа.

Перу Е.И. Крупнова принадлежит более 200 научных работ. Они посвящены общим и частным вопросам археологии, древней и средневековой истории и культуры как отдельных областей Предкавказья, так и Кавказа в целом.

Personalia: Мунчаев Р.М. Евгений Игнатьевич Крупнов: к столетию со дня рождения // РА. 2004. № 1.

Либеров Петр Дмитриевич (1904–1983). Известный российский археолог, доктор исторических наук, в 1961–1971 гг. заместитель директора Института археологии РАН, специалист в области культур скифского времени и эпохи бронзы, автор более 50 печатных работ. Был принят в штат Института в 1948 г. и проработал в нем до ухода на пенсию в 1978 г. Ученик известного скифолога Б.Н. Гракова, П.Д. Либеров главным направлением своих научных исследований раз и навсегда выбрал скифскую археологию. В 1948 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему "Скифские курганы Киевщины", в 1971 г. прошла успешная защита его докторской диссертации "Древняя история населения Подонья".

П.Д. Либеров сыграл исключительно важную роль в изучении древней истории населения Среднего Дона. Созданная и возглавлявшаяся им Воронежская лесостепная скифская экспедиция за сравнительно короткий срок осуществила широкие исследования в регионе и раскопала ряд интереснейших курганных могильников скифской эпохи. Одновременно впервые в практике археологии Среднего Дона были выявлены и частично изучены более 20 городищ и 36 поселений раннего железного века.

Именно Петр Дмитриевич впервые широко применил комплексный подход к изучению древностей скифской эпохи региона. Были собраны и проанализированы первые коллекции антропологического (обобщил Г.Ф. Дебец) и палеозоологического (работы В.И. Цалкина) материала из местных памятников, проведен спектральный анализ цветного металла из погребальных и поселенческих комплексов V–IV вв. до н.э. Этот новый обширный и разнообразный материал (в сочетании с данными письменных источников) позволил Петру Дмитриевичу сформулировать общий взгляд на происхождение, развитие, характер и этнокультурную принадлежность населения Среднего Дона в раннем железном веке.

Конечно, далеко не все принципиальные выводы Петра Дмитриевича о характере среднедонской культуры скифского периода выдержали проверку временем. Тем не менее, тот прочный фундамент из фактического материала, который оставил последующим поколениям археологов П. Д. Либеров для изучения местных древностей скифской эпохи, никогда не потеряет своего первостепенного значения и долго еще будет служить надежной опорой для последующих научных изысканий в Подонье.

Материал подготовлен Д.С. Коробовым

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗДАНИЙ С УЧАСТИЕМ СОТРУДНИКОВ ИА РАН В 2003 г.

Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи (историко-антропологическое исследование). М.

Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 1 / Отв. ред. А.В. Кашкин, автор-составитель Г.Г. Король. М. 528 с.

Археологические открытия 2002 г. / Отв. ред. В.В. Седов. М. 497 с.

Археология и История Пскова и Псковской Земли. Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. / Отв. ред. В.В. Седов. Псков. 264 с.

Буров В.А. Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV вв. на юге Новгородской земли. М. 472 с.

Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э.–II в. н.э. (морфология). М. 235 с.

Древности Боспора. Вып. 6 / Гл. ред. А.А. Масленников. М. 376 с.

Ершова Г.Г., Черносвитов П.Ю. Наука и религия: новый симбиоз. СПб.

Казанский М., Мастыкова А. Les peuples du Caucase du Nord. Le dêbut de h'histoire (Ier–VIIe siêcle apr. J.-C.). Paris. 314 с.

Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. н.э. СПб. 380 с.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М. 250 с.

Краткие сообщения Института археологии. Вып. 214 / Гл. ред. В.В. Седов, отв. секр. В.И. Завьялов. М. 145 с.

Краткие сообщения Института археологии. Вып. 215 / Гл. ред. В.В. Седов, отв. секр. В.И. Завьялов. М. 110 с.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. Сер. Археология / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М. 534 с.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. Т. 1. М. 351 с.

Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 года. М. 432 с.

Кызласов И.Л. История культуры тюркских народов. Домусульманский период. Программа проблемного специального курса. М. 25 с.

Кызласов И.Л. Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М. 109 с.

Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Учебное пособие. Ч.1. Памятники енисейского письма. Горно-Алтайск. 162 с.

Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М. 340 с.

Масленников А.А. Древние земляные пограничные оборонительные сооружения Восточного Крыма. М. 380 с.

Морозов Ю.А., Нигматуллин Р.А. Погребальные памятники срубной культуры бассейна реки Дема (Башкирское Приуралье). Уфа. 46 с.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. VI–XII века. Учебное пособие. Воронеж. 189 с.

Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М.; Магнитогорск. 615 с.

Русь в XIII веке: древности Тёмного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М. 408 с.

Седов В.В. Славяне в Римское время. М. 28 с.

Старков В.Ф., Державин В.Л. Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле (1596–1597 гг.). М. 179 с.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III: Среднесарматская культура / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М. 143 с.

Черносвитов П.Ю. Эволюция картины мира как адаптационный процесс. М. 466 с.

OPUS. 2002. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 1–2 / Ред. А.П. Бужилова. М. 166 с.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТОМА ЗА 2004 г.

Александровский А.Л., Хохлова О.С., Седов С.Н. Большой Ипатовский курган глазами почвоведа. № 2, 61–70.

Алешинская А.С. см. Спиридонова Е.А.

Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., Конькова Л.В. Парадное конское оголовье из средневекового курганного погребения в Северо-Восточном Причерноморье. № 2, 148–156.

Артемьев А.Р. Археологические памятники эпох Юань и Минь в Забайкалье и Приамурье (XIII–XV вв.). № 4, 83–94.

Бабенко Л.И. Античный импорт в погребениях Песочинского могильника. № 3, 147–159.

Багаев М.Х. Из истории фибул Северо-Восточного Кавказа (Чечня и Дагестан). № 2, 136–147.

Багаев М.Х. см. Козенкова В.И.

Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Фресковые и эпиграфические находки в Сентинском храме. № 3, 175–176.

Беляев Л.А. "Индекс христианского искусства" и новгородские каменные иконки. № 1, 55–63.

Беляев Л.А. Международный коллоквиум "L'artista a bisanzio e nel mondo cristiano-orientale" (Пиза, 2003). № 3, 184–185.

Березин Я.Б., Савенко С.Н. Бронзовые антропоморфные фигурки с территории Ставропольского края. № 1, 149–153.

Бобров В.В. Молодин В.И. "Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск, 2001. № 3, 177–178.

Боковенко Н.А., Пшеницына М.Н. Международная научная конференция "Степи Евразии в древности и средневековье". № 2, 183–187.

Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., Эрлих В.Р. Биметаллический нож из собрания Краснодарского музея. № 4, 124–125.

Васильев С.А. А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.Н. Зенин, С.В. Лещинский, Е.Н. Мащенко. "Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково". Новосибирск, 2003. № 4, 159.

Васютин С.А. Н.Н. Крадин, С.В. Данилов, П.Б. Коновалов "Социальная структура хунну Забайкалья". Владивосток, 2004. № 4, 163–165.

Виноградов А.Ю. см. Белецкий Д.В.

Волокитин А.В., Карманов В.Н. Ранний неолит Европейского Северо-Востока. № 2, 5–14.

Волокитин А.В., Майорова Т.П. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на р. Вычегде: петрография каменного инвентаря. № 3, 130–135.

Гершкович Я.П. Феномен зольников белогрудовского типа. № 4, 104–113.

Горелик А.Ф. см. Цыбрий А.В.

Григорьев Г.П. А.Ф. Горелик. "Памятники Рогалико-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины". Киев–Луганск, 2001. № 2, 181–182.

Дмитриев А.В. см. Армарчук Е.А.

Дэвлет Е.Г. Перечень изданий с участием сотрудников ИА РАН в 2003 г. № 4, 189.

Журавлев Д.В. I Конгресс международной ассоциации исследователей древнего освещения (Женева–Нион, 2003). № 4, 175–176.

Журбин И.В. Археология и геофизика: принципы комплексных исследований. № 3, 79–88.

Зданович Г.Б. см. Малютина Т.С.

Зданович Д.Г. Всероссийская научная конференция "Человек в пространстве древних культур" (музей-заповедник "Аркаим", 2003). № 4, 171–174.

Зорин А.В. см. Стародубцев Г.Ю.

Инанишвили Г.В. см. Майсурадзе В.Г.

Каверзнева Е.Д. Характеристика культурного слоя поселения Сунгирь с учетом мерзлотных деформаций (раскоп II). № 3, 5–19.

Карманов В.Н. см. Волокитин А.В.

Карпухин А.А. см. Черных Н.Б.

Кашина Е.А. Антропоморфные изображения из глины в неолите–энеолите лесной зоны Восточной Европы. № 3, 20–32.

Ковалевская Л.А. см. Сарновски Т.

Коваль В.Ю. Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI в.). № 1, 154–166.

Коваль В.Ю. Ken Dark. Byzantine Pottery. Stround, 2001. № 4, 166–170.

Козенкова В.И. Серебряный голос верности (к 100-летию Евгения Игнатьевича Крупнова). № 1, 167–172.

Козенкова В.И., Багаев М.Х. Памяти Маи Павловны Абрамовой. № 4, 182–185.

Козенкова В.И., Савенко С.Н. XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Ессентуки–Кисловодск, 2002). № 1, 175–180.

Кол Ф.Л. Модели трансформации культуры: от оседлых земледельцев к скотоводам (Триполье и курганные культуры). № 4, 95–103.

Коллектив авторов. Анна Ивановна Мелюкова. № 4, 186.

Коллектив авторов. Дмитрий Сергеевич Раевский. № 4, 187.

Колызин А.М. Средневековые ключи и замки из Московского Кремля (по данным археологических исследований). № 4, 135–141.

Конькова Л.В. см. Армарчук Е.А.

Конькова Л.В. см. Король Г.Г.

Кореняко В.А. К 70-летию Алексея Николаевича Марьяшева. № 1, 187–189.

Коробов Д.С. Круглый стол "Археология и геоинформатика" (Москва, 2004). № 4, 180–181.

Коробов Д.С. Круглый стол "Геоинформационные технологии в археологических исследованиях" (Москва, 2003). № 1, 181–183.

Коробов Д.С. Пятый Международный конгресс "Archaeological Prospection" (Краков, 2003). № 2, 188–190.

Коробов Д.С. Ad memoriam. № 4, 188.

Король Г.Г. Два предмета-украшения конского убора XI–XIII вв. из Северо-Восточного Причерноморья (особенности декора). № 2, 157–167.

Король Г.Г., Конькова Л.В. Средневековые ременные украшения из коллекции ГИМ (проблемы атрибуции, датировки, интерпретации). № 4, 126–134.

Корочкова О.Н. см. Стефанов В.И.

Кошеленко Г.А. Булла с изображением двугорбого верблюда с городища Гебеклы. № 3, 144–146.

Кошеленко Г.А. см. Мунчаев Р.М.

Кузнецова Л.В., Ластовский А.А., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Комплекс памятников каменного века на горе Маяк в Самарском Заволжье. № 1, 126–139.

Кузьмин Я.В. Возникновение древнейшей керамики в Восточной Азии (геоархеологический аспект). № 2, 79–86.

Кузьминых С.В. К 75-летию со дня рождения А.А. Формозова. № 1, 185–186.

Кузьминых С.В. Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла. № 4, 142–150.

Кузьминых С.В. Eero Autio. Kotkat, Hirvet, Karhut: Permiläistä pronssitaidetta. Jyväskylä, 2000. № 4, 160.

Куликов А.В. см. Чендев Ю.Г.

Ластовский А.А. см. Кузнецова Л.В.

Лбова Л.В. см. Матвеева Н.П.

Леонтьев А.Е. см. Макаров Н.А.

Майорова Т.П. см. Волокитин А.В.

Майсурадзе В.Г., Инанишвили Г.В. Святилище Шилда, культовый памятник из Кахетии (Грузия). № 4, 38–51.

Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В. Средневековое расселение в Суздальском Ополье. № 1, 19–34.

Макаров Н.А., Носов Е.Н. К 75-летию В.Л. Янина. № 1, 15–18.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: опыт типологии. № 4, 67–82.

Мастыкова А.В. Янтарные бусы с нарезным декором эпохи Великого переселения народов. № 3, 55–67.

Матвеева Н.П., Лбова Л.В. Вторая всероссийская научная конференция "Экология древних и современных обществ". № 4, 177–179.

Медникова М.Б. Об участии европейских неандертальцев в происхождении человека. № 3, 113–119.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., Пушкина Т.А., Чернецов А.В. Памяти Глеба Сергеевича Лебедева. № 1, 190–191.

Мельникова О.М. Из истории переписки О.Н. Бадера с учеными Москвы и Ленинграда (1946–1954 гг.). № 4, 151–158.

Михайлов К.А. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная. № 1, 35–45.

Мочалов О.Д. Ранние кубковидные сосуды эпохи бронзы в Поволжье и на Урале. № 2, 123–135.

Мунчаев Р.М. Евгений Игнатьевич Крупнов: к столетию со дня рождения. № 1, 5–14.

Мунчаев Р.М., Кошеленко Г.А. Об избрании Поля Бернара иностранным членом Российской Академии наук. № 1, 184.

Недомолкина Н.Г., Суворов А.В. Бронзовые антропоморфные фигурки с памятника Вёкса в Вологодской области. № 4, 119–123.

Носов Е.Н. см. Макаров Н.А.

Орловская Л.Б. см. Черных Е.Н.

Ошибкина С.В. Мезолитическая культура веретье. Хронология и периодизация. № 1, 100–110.

Петрухин В.Я. см. Мельникова Е.А.

Петрухин В.Я. Янин В.Л. "У истоков новгородской государственности". Великий Новгород, 2001. № 1, 173–174.

Полубояринова М.Д. Руденко К.А. "Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв.". Казань, 2000. № 3, 179–181.

Пушкина Т.А. см. Мельникова Е.А.

Пшеницына М.Н. см. Боковенко Н.А.

Пьянков А.В. см. Вальчак С.Б.

Савенко С.Н. см. Березин Я.Б.

Савенко С.Н. см. Козенкова В.И.

Сарновски Т., Ковалевская Л.А. О защите Херсонесского государства союзным римским военным контингентом. № 2, 40–50.

Седов В.В. XIII Международный конгресс славистов. Проблемы этногенеза, ранней истории и культуры славян (Любляна, Словения, 2003). № 3, 182–183.

Седов Вл.В. Новгородский храм эпохи расцвета боярского строительства: церковь Рождества Богородицы на Молоткове. № 1, 46–54.

Седов С.Н. см. Александровский А.Л.

Сергацков И.В. Бронзовый котел из Жутовского могильника в Волгоградской области. № 1, 146–148.

Сериков Ю.Б., Серикова А.Ю. Мамонт в мифах, этнографии и археологии Северной Евразии. № 2, 168–172.

Серикова А.Ю. см. Сериков Ю.Б.

Скржинская М.В. Состязания на древнегреческих праздниках в Северном Причерноморье. № 2, 30–39.

Смирнов А.С. Фактологическая основа археологического исследования (на примере верхневолжской ранненеолитической культуры). № 2, 96–114.

Соколов Д.Д., Сулержицкий Л.Д., Тутубалин В.Н. Время активности людей на палеолитических памятниках по данным радиоуглеродного датирования. № 3, 99–102.

Соловьев В.С. Ш.А. Рахмонов. Тавка (к истории древних таможенных сооружений Узбекистана). Ташкент, 2001. № 4, 161–162.

Сорокин А.Н. Диалог о генезисе культуры кунда. № 3, 120–129.

Сорокин А.Н. Смешение традиций или традиция смешения? (Часть вторая). № 2, 71–78.

Сорокин А.Н. Смешение традиций или традиция смешения? (Часть первая). № 1, 111–119.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Динамика природной среды Волго-Окского междуречья с I тысячелетия до н.э. по II тысячелетие н.э. № 3, 33–43.

Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В., Шпелев А.Г. О проблеме сохранения археологического наследия. № 1, 120–125.

Сташенков Д.А. см. Кузнецова Л.В.

Стефанов В.И. Забытая находка из Черноозерского могильника. № 4, 114–118.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Алакульская и федоровская культуры в лесостепном Зауралье: проблемы взаимодействия. № 4, 52–66.

Суворов А.В. см. Недомолкина Н.Г.

Сулержицкий Л.Д. Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны. № 3, 103–112.

Сулержицкий Л.Д. см. Соколов Д.Д.

Таиров А.Д. Раннесакские боевые пояса. № 1, 140–145.

Тарасов А.Ю. Сырьевая база индустрии макроорудий в неолите – раннем железном веке на территории Карелии. № 1, 77–83.

Труфанов А.А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье. № 3, 160–170.

Тутубалин В.Н. см. Соколов Д.Д.

Фетисов А.А. Функции стрел в погребальном инвентаре "дружинных курганов". № 3, 89–98.

Флёров В.С. Найдено на аукционе "Christie". Роль эксперта в торговле древностями. № 2, 115–122.

Формозов А.А. Роль Н.Н. Воронина в защите памятников культуры России. № 2, 173–180.

Хачатурова Е.А. см. Вальчак С.Б.

Хохлов А.А. см. Кузнецова Л.В.

Хохлова О.С. см. Александровский А.Л.

Цетлин Ю.Б. 7-е Европейское совещание по древней керамике (Лиссабон, 2003). № 2, 191–192.

Цетлин Ю.Б. Локальные особенности периодизации культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье (проблемы методики). № 4, 8–23.

Цетлин Ю.Б. Предметная изобразительная деятельность древнего человека: ее природа и содержание. № 2, 87–95.

Цыбрий А.В., Горелик А.Ф. Новые материалы из бассейна Нижнего Дона. № 1, 64–76.

Чендев Ю.Г., Куликов А.В. Антропогенные модификации почв в окрестностях античного Китея. № 3, 44–54.

Чернецов А.В. Валентин Васильевич Седов LXXX. № 4, 5–7.

Чернецов А.В. см. Мельникова Е.А.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур. № 1, 84–99.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век). № 2, 15–29.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы: результаты и проблемы исследований. № 4, 24–37.

Черных Н.Б., Карпухин А.А. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XI – начала XX вв. № 3, 68–78.

Чубур А.А. Древнерусская ладья-однодеревка из летописного Вщижа. № 3, 171–174.

Ширин Ю.В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья. № 2, 51–60.

Шишлина Н.И. Глиняные печати-штампы могильника Манджикины-1 в Калмыкии. № 3, 136–143.

Шпелев А.Г. см. Стародубцев Г.Ю.

Шполянский С.В. см. Макаров Н.А.

Эрлих В.Р. см. Вальчак С.Б.

Яблонский Л.Т. Памяти Марианны Александровны Итиной. № 3, 188–192.

Янин В.Л. К 80-летию Леонида Романовича Кызласова (о роли ученого в археологии и истории Сибири, Средней и Центральной Азии). № 3, 186–187.

Список сокращений. № 4, 192

Авторский указатель тома за 2004 г. № 4, 190